

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Департамент научно-технологической политики и образования
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

**СОВЕТСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО.
ИНТЕРВЬЮ С ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ», СОСТОЯВШИМИ
В ОРГАНИЗАЦИИ В 1950–1990-е гг.**

*Материалы к научному исследованию на тему «Красноярская краевая
организация общество «Знание» (1947–1992 гг.): функционирование
и просветительская деятельность»*

Электронное издание

Красноярск 2019

Рецензенты:

С.Т. Гайдин, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории и политологии Красноярского ГАУ

А.Г. Рогачев, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и политологии Красноярского ГАУ

О.Ю. Лютых, канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

Составитель и автор предисловия А.В. Селезнев

С29 Советское просветительство. Интервью с членами общества «Знание», состоявшими в организации в 1950–1990-е гг.: материалы к научному исследованию на тему «Красноярская краевая организация общества «Знание» (1947–1992 гг.): функционирование и просветительская деятельность» [Электронный ресурс] / сост. и авт. пред. А.В. Селезнев; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2019. – 273 с.

Представлены стенограммы (транскрипты) интервью с членами общества «Знание», состоявшими в организации в 1950–1990-е гг. Интервью с лекторами общества «Знание» проведены А.В. Селезневым в период с 30.01.2019 г. по 13.02.2019 г. в рамках научного исследования на тему «Красноярская краевая организация общества «Знание» (1947–1992 гг.): функционирование и просветительская деятельность».

Предназначено для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется исследуемой проблематикой.

ББК 70г

Содержание

Предисловие.....	4
Информирование интервьюируемых об исследовании и этических обязательствах исследователя.....	10
Интервью с Андрияшевым Алексеем Васильевичем.....	11
Интервью с Лакс Светланой Яковлевной.....	25
Интервью с Красовской Валентиной Павловной.....	40
Интервью с Путинцевым Юрием Сергеевичем.....	58
Интервью с Куимовым Василием Васильевичем.....	66
Интервью с Фалалеевым Альбертом Николаевичем.....	76
Интервью с Севастьяновым Всеволодом Николаевичем.....	86
Интервью с Бибиковой Валентиной Васильевной.....	105
Интервью с Федоровым Андреем Викторовичем.....	114
Интервью с Косоговым Вильямом Алексеевичем.....	122
Интервью с Москвичом Юрием Николаевичем.....	133
Интервью с Овчинниковым Геннадием Александровичем.....	164
Интервью с Лукиной Антониной Константиновной.....	180
Интервью с Замышляевым Владимиром Ивановичем.....	189
Интервью с Ляшенко Юрием Алексеевичем.....	208
Интервью с Островской Валентиной Ивановной.....	221
Интервью с Сафоновой Надеждой Игнатьевной.....	229
Интервью с Гладчуком Валерием Яковлевичем.....	237
Интервью с Дроздовым Николаем Ивановичем.....	248
Интервью с Малышевской Ксенией Александровной.....	258
Интервью с Вдовиной Зоей Петровной.....	265
Используемые сокращения и условные обозначения.....	271
Сведения о составителе и авторе предисловия.....	272

Предисловие

Созданное в 1947 году Всесоюзное общество «Знание» (до 1964 года – Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний) стало крупнейшей просветительской организацией в СССР и РСФСР, которая сыграла значительную роль в распространении политических и научных знаний, как тогда говорили, среди широких масс трудящихся, в повышении культурного и образовательного уровня народов нашей страны.

История Красноярской краевой организации общества «Знание» РСФСР насчитывает более сорока лет, в течение которых несколько поколений красноярской интеллигенции, объединившись в рамках просветительской организации, накопили огромный коллективный опыт в распространении общественно-политических, естественно-научных, научно-технических и других отраслей знаний, используя различные формы и методы ведения просветительской работы. Этот опыт имеет огромное значение как для понимания советского проекта культурной и социальной модернизации общественных отношений, частью которого было Всесоюзное общество «Знание» и его региональные организации, так и для изучения современного просветительства. Этот исторический опыт заслуживает всестороннего изучения и обобщения.

Непредвзятое, объективное изучение просветительства как феномена духовной жизни советского и российского общества, поможет более полно выявить его социальную и историческую значимость.

Исторический разноаспектный анализ работы краевой организации Всесоюзного общества «Знание» имеет и важное краеведческое значение для расширения и углубления представлений о культурных процессах в Красноярском крае.

Создание в 2016 году по инициативе Президента России Общероссийской общественно-государственной организации «Российское общество «Знание» ставит на повестку дня вопросы, требующие глубокого научного осмысления. Почему современное государство решило обратиться к советскому опыту по созданию просветительских организаций и учреждений, скопировать первые организационные шаги советского правительства по поддержке просветительских инициатив интеллигенции? Как будет развиваться под патронажем современного государства новое «Российское общество «Знание»? Эти и многие другие вопросы невозможно разрешить адекватно без всестороннего исследования предшествующего опыта.

Историю Красноярской краевой организации общества «Знание» можно изучать по-разному. В рамках историко-социологического подхода на первый план выходят вопросы развития социальных отношений между обществом и общественной организацией как самостоятельным общественным институтом, проблемы формирования внешнего и внутреннего коммуникативного пространства общества «Знание», изучение изменений функций и структуры этой общественной организации. При историко-антропологическом же подходе главным в исследовании становится многомерное человеческое сообщество,

формирующееся в результате синергии жизненного опыта каждого члена этого сообщества.

Одним из методов изучения человека и его жизненного опыта является интервью, с помощью которого можно реконструировать историческую эпоху, социальные взаимодействия и отношение к ним участника событий.

В рамках исторического исследования на тему «Красноярская краевая организация общества «Знание» (1947–1992 гг.): функционирование и просветительская деятельность», осуществляемого А.В. Селезевым, исследователь провел в период с 31.01.2019 по 14.02.2019 год интервью с членами общества «Знание», состоявшими в организации в 1950–1990-е годы, а также с лицами, взаимодействовавшими с обществом «Знание» в указанный период.

Целью проведения интервью был сбор информации от осведомленных лиц о деятельности Красноярской краевой организации общества «Знание», о внешних и внутренних коммуникациях этой организации, их личном опыте просветительской деятельности в исследуемый период.

Интервью проводили методом индивидуального формализованного тематико-биографического собеседования с осведомленными лицами (интервьюируемыми) по открытым вопросам.

Вопросы интервьюируемым были направлены на то, чтобы они могли раскрыть несколько проблемных тем:

- мотивы и обстоятельства, приведшие к участию опрашиваемых лиц в просветительской деятельности, а также к прекращению этой деятельности;

- организацию лекторской активности опрашиваемых лиц и факторы, влияющие на эту активность;

- тематическую направленность лекционной деятельности опрашиваемых лиц;

- оценку влияния и важности стейкхолдеров для общества «Знание» и самих опрашиваемых лиц (в исследовании была выделана проблема взаимоотношений общества «Знание» и отдельных членов организации с КПСС и другими просветительскими общественными организациями и государственными учреждениями);

- формирование внутриорганизационного коммуникативного пространства в обществе «Знание».

Интервьюируемые приглашались на интервью, если они упоминались в делопроизводительной документации общества «Знание» или упоминались в проводимых интервью, или самостоятельно сообщали информацию, что они являлись членами организации, давали устное согласие на проведение интервью и использование полученных материалов для научного анализа в рамках проводимого исследования.

Необходимо отметить, что исследователь столкнулся с некоторыми трудностями в определении круга лиц, которые приглашались на интервью. Известная пиковая численность Красноярской краевой организации общества «Знание», достигнутая в 1977 году, составляла 37672 человека, в 1989 году численность организации составляла 14692 человека. Однако отсутствие персональ-

ной информации о таком количестве членов общества «Знание» существенно сужало возможности по поиску интервьюируемых.

В ходе этой исследовательской работы были проведены интервью с двадцатью членами общества «Знание», которые принимали участие в просветительской деятельности этой организации, а также с одним человеком, который, не будучи членом этой организации, участвовал в организации лекций Общества в силу своего служебного положения.

Большинство принявших участие в исследовании лиц принадлежат, к так называемому активу организации (методисты, организаторы, лекторы краевого и районного звена). При этом, как правило, актив общества «Знание» состоял из людей, которые являлись представителями научной или университетской интеллигенции и (или) входили по должности в состав советской и партийной номенклатуры. Попытки исследователя найти лекторов, не принадлежащих к научной и вузовской общественности, не входивших в номенклатуру и составлявших большую часть членов общества «Знание», наталкивались на отсутствие контактной информации или нежелание последних участвовать в исследовании.

Из 21 интервьюированного 11 человек можно отнести к представителям советской и партийной номенклатуры, из них 6 человек принадлежали также к научной или университетской интеллигенции. Всего же к научной или университетской интеллигенции можно отнести 13 человек.

В результате проделанной работы сформирован новый корпус исторических источников личного происхождения, который позволяет более глубоко изучить вопросы функционирования общества «Знание», осуществление им просветительской деятельности.

Критический анализ новых исторических источников показывает определенные ограничения (пределы) для их использования в историческом исследовании.

Во-первых, отбор для исследования из сотен тысяч человек, которые были членами Общества за весь советский период, только тех, кто попал в поле зрения исследователя в силу его круга социальных связей, приводит к невольному искажению исторического контекста, к выборочному исследованию жизненного опыта носителей исторической ментальности.

Во-вторых, большинство живых членов общества «Знание» имеют хронологический горизонт воспоминаний не глубже 1950-х годов, тем самым из исследования априори выпадает этап становления Общества в конце 1940– начале 1950-х годов.

В-третьих, проведенные интервью показывают, что большинство интервьюированных выдают не только аутентичное знание о своем прошлом опыте, но и оценки своего прошлого с позиции современного понимания прожитого, что неизбежно также приводит к определенному искажению исторического контекста через его переоценку самими интервьюированным.

В связи с этим стенограммы интервью могут быть использованы, на наш взгляд, лишь для дополнительного анализа данных и выводов, полученных в рамках историко-социологического подхода.

Тем не менее представляется интересным, что в ходе анализа и интерпретации текстов выявляются, на взгляд автора-составителя, следующие закономерности:

1. Общество «Знание» воспринимается интервьюируемыми как важная составная часть государственной системы образования и воспитания советских граждан.

2. Включенность в просветительскую деятельность большинства членов общества «Знание» происходит со школьных, чаще студенческих лет жизни интервьюируемых.

3. Просветительская деятельность членов общества «Знание» была тесно связана с их профессиональной деятельностью и профессиональными интересами. И если в первые годы деятельности общества «Знание» (1947–1950-е годы) было распространено такое явление, как «лекторы-многостаночники», когда один лектор мог читать лекции на разные темы из разных отраслей научных знаний, то интервьюируемые уже демонстрируют специализацию своей лекторской деятельности, когда лектор читал лекции только на те темы, которые он сам разрабатывал в рамках своей профессиональной деятельности.

4. Общество «Знание» было не единственным институтом, с помощью которого реализовывалась лекторская, просветительская активность интервьюируемых.

Многие интервьюируемые отмечали, что читали лекции как по направлениям общества «Знание», так и по поручению руководства учреждений и организаций, где они работали, а также по линии других общественных организаций. Некоторым интервьюируемым (С.Я. Лакс, В.И. Островская, Н.Г. Сафонова, З.П. Вдовина и др.) было трудно разграничить, какую просветительскую работу они вели по линии общества «Знание», а какую – по линии иных общественных организаций или по поручению руководства их предприятий и учреждений.

По свидетельству ряда интервьюированных (В.А. Косогова, С.Я. Лакс и др.) сведения о лекционной активности являлись частью отчетности сотрудников организаций по месту их работы, службы.

5. Оценка влияния КПСС на деятельность общества «Знание» среди интервьюируемых зависит от того, входили ли они в советскую и партийную номенклатуру. Так, члены общества «Знание», входившие в советскую и партийную номенклатуру, отмечали руководящую роль КПСС во взаимоотношениях с обществом «Знание», говорили о важности и естественности этого влияния на деятельность общества «Знание». В то время, как члены общества «Знание», не входившие в ядро советской и партийной номенклатуры, демонстрировали незнание о таком влиянии или отмечали незначительность партийного вмешательства в их деятельность и деятельность общества «Знание». В ходе интервью также прослеживается, что партийное, идеологическое влияние было сильным в области распространения общественно-политических знаний, а лекции по естественно-научной и научно-технической тематике были практически выведены из-под идеологического контроля партийных органов.

6. Материальное стимулирование лекторской активности членов общества «Знание» было важным фактором для научно-педагогических работников, не входивших в советскую и партийную номенклатуру. Остальные же категории интервьюируемых, демонстрировали отсутствие интереса к этой теме или утверждали, что такой практики в их лекторской деятельности не существовало. Возможно, это связано с тем, что лекторская деятельность научно-педагогических работников в обществе «Знание» была частью их профессиональной оплачиваемой деятельности. У других же категорий интервьюируемых просветительская деятельность была побочной, связанной с их общественно-политической активностью или дополнительной общественной нагрузкой по осуществлению воспитательной работы в своем рабочем коллективе, в советском обществе в целом.

Дословные стенографические расшифровки (транскрипты) аудиозаписей интервью имеют специфический стиль. С одной стороны, дословное стенографирование передает уникальность живой разговорной речи без редактуры. С другой, дословный текст лишен возможности передать интонации говорившего, логичность пауз и поиска в ходе разговора адекватных человеческой мысли слов. Поэтому порой при чтении стенографического текста может возникать ощущение его «рваности», нелогичности, странной последовательности слов. Однако именно это является одной из составляющих уникальности изучаемого нарратива устной истории (oral history).

Автор-составитель благодарит Алексея Васильевича Андрияшева, Светлану Яковлевну Лакс, Валентину Павловну Красовскую, Юрия Сергеевича Путинцева, Василия Васильевича Куимова, Альберта Николаевича Фалалева, Всеволода Николаевича Севастьянова, Валентину Васильевну Бибикову, Андрея Викторовича Федорова, Вильяма Алексеевича Косогова, Юрия Николаевича Москвича, Геннадия Александровича Овчинникова, Антониду Константиновну Лукину, Владимира Ивановича Замышляева, Юрия Николаевича Ляшенко, Валентину Ивановну Островскую, Надежду Игнатьевну Сафонову, Валерия Яковлевича Гладчука, Николая Ивановича Дроздова, Ксению Александровну Малышевскую и Зою Петровну Вдовину за то, что они поделились своим жизненным опытом, рассказали о своей просветительской деятельности в обществе «Знание», дав материал для этого исторического исследования и пищу для размышлений, как думается, не одному поколению ученых-историков.

Необходимо высказать благодарность моему научному руководителю, доктору исторических наук, профессору Александру Григорьевичу Рогачеву и заведующему кафедрой истории и политологии ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ, доктору исторических наук, профессору Сергею Тихоновичу Гайдину, которые оказывали методическую помощь при проведении исследования и делились собственным опытом просветительской деятельности в советское время, в обществе «Знание».

Благодаря Виталию Владимировичу Казанову, Екатерине Николаевне Селезневой, Марии Викторовне Ногай, Игорю Шорохову, Илье Николаевичу Бондарю и Роману Александровичу Шумилину аудиозаписи интервью с члена-

ми общества «Знание» были оперативно и точно стенографированы, а тексты интервью введены в научный оборот.

Большую роль в проведении исследования сыграл Константин Владимирович Сенченко, оказавший финансовую помощь, которая была использована для организации сбора и стенографирования интервью с членами общества «Знание».

Стенограммы интервью членов общества «Знание» были включены в этот сборник для опубликования результатов проведенной исследовательской работы, их использования для дальнейшего научного анализа полученной информации. Стенограммы расположены в порядке проведения интервью.

Информирование интервьюируемых об исследовании и этических обязательствах исследователя

Перед началом проведения (записи) интервью исследователь Селезнев Андрей Валерьевич зачитывал каждому интервьюируемому следующую информацию об исследовании и своих этических обязательствах:

«Мною проводится историческое исследование на тему «Красноярская краевая организация общества «Знание» (1947–1992 гг.): функционирование и просветительская деятельность».

Вы являлись членом общества «Знание» или взаимодействовали с этой организацией в указанный исторический период, поэтому я прошу Вас рассказать о своем опыте лекторской и общественной деятельности в этой организации, личном жизненном опыте взаимодействия с обществом «Знание».

Согласно методике исследования, я буду задавать вопросы о Вас, о вашей деятельности, деятельности общества «Знание» в исследуемый период времени.

В ходе нашей беседы будет вестись аудиозапись. В дальнейшем аудиозапись будет дословно стенографирована (транскрибирована).

Вы будете ознакомлены со стенограммой (транскриптом) до ее опубликования (обнародования), включения в диссертационное исследование, проведения научного анализа.

До опубликования стенограммы или иного использования исследователем ее в научных целях Вы вправе по собственному усмотрению исключить из стенограммы любую часть текста (о чем в текст стенограммы будет внесена соответствующая информация) или запретить дальнейшее использование стенограммы интервью в целом».

**Интервью с Андрияшевым Алексеем Васильевичем,
лектором общества «Знание» в 1967–1991-е гг., лектором Краснояр-
ского крайкома КПСС в 1975–1991 гг.**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
phone_20190130-162439__79082175449.amr (49:37)

Дата и время проведения интервью: 30.01.2019 г., 12:30-13:41 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск – п. Зеленый Бор
г. Минусинска Красноярского края (по телефону)

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Андрияшев Алексей Васильевич

Стенографирование аудиозаписи: Казанов Виталий Владимирович

Интервьюер: Да, Алексей Васильевич.

Андрияшев Алексей Васильевич: Давай, давай, давай. Всё буду отве-
чать, что писал.

*Интервьюер: Готовы? (произносится информация об исследовании и
этические обязательства исследователя).*

*И первый вопрос: где и когда вы родились, кто ваши родители? Рас-
скажите о своей семье.*

Андрияшев Алексей Васильевич: Значит, слушай. Ты это записываешь,
нет?

Интервьюер: Да, я включил записывающее устройство.

Андрияшев Алексей Васильевич: Вот молодец. Вот это хорошо. Зна-
чит, я родился в селе Каратуз Каратузского района Красноярского края в 1937
году. Родители мои – рабочие, значит, золотодобывающих приисков. Отец –
фронтовик, мать – рабочая. Закончил среднюю школу. В институт не поступил,
поэтому закончил ФЗО. Значит, первая моя специальность – слесарь-
инструментальник. Вторая специальность моя – электрик 5 разряда, настоящий
электрик. Работал рабочим на прииске, электриком. Руководил затем, как назы-
вался, начальник электростанции, гидроэлектростанции. У меня даже их две
было там. Одна 16, другая на 26 кВт. Значит, избрали депутатом поселкового
Совета, секретарём поселкового Совета. Служба в советской армии – оттуда.
После службы в армии – институт. Образование – высшее. Географ-геолог я по
специальности.

Интервьюер: Подскажите, какой институт вы закончили?

Андрияшев Алексей Васильевич: Красноярский педагогический, фа-
культет геолого-географический. Вот. Значит, в 1966 году я закончил. Но я сна-
чала очно учился, потом заочно. Потому что там нас направил, комсомол на-

правил. Значит, затем был учителем школы. Средней школы посёлок Кольский Каратузского района. Директором школы, этой же школы. В 1964 году был избран заведующим отделом пропаганды Каратузского райкома партии. Идеологическим отделом. Ну, пропаганды, агитации. Вот. Значит, работал там 10 лет. Значит, в 1975 году я был, значит, ну как, утверждён бюро крайкома партии лектором крайкома партии. Вот. Значит, был лектором крайкома партии с 75-го (ну, даже с 74-го, там я закрутил месяц). Вот. Работал лектором крайкома партии. Затем – инспектор-консультант крайкома партии. Это была такая должность в последнее время. Ушёл из крайкома партии последним вместе с Лев Георгиевичем Нуждиным, полковником КГБ, и товарищем Кузьминым, секретарём крайкома (мы последние оставались, нас пять человек оставалось), 21 ноября 1991 года. Последние мы уходили из крайкома. Здесь же я перешёл на работу в крайисполком, в координационно-коммерческий центр Красноярского края исполкома, где занимался вопросами золотодобычи. Вот. С 1996 года, ой, с 1995 года я – помощник депутата Законодательного Собрания Красноярского края. Вот. Затем с 2004 года – помощник депутата Государственной Думы Виктора Михайловича Видьманова. Вот. По, щас скажу, 2008 год, да. Четыре года, значит, я был помощник депутата Госдумы. Вот. Значит, затем я работал, как сказать, заведующим орготделом Красноярского крайкома КПРФ. Вот. Ты знаешь, по 2010 год. Вот. С 2010 года я являюсь, значит, корреспондентом газеты «Правда», нашей капээрэфовской газеты «Правды» – по настоящее время. Вот, поэтому вот. В обществе «Знание» я, значит, с 1967 года.

Интервьюер: Сейчас мы перейдём к обществу «Знание». Вот последний вопрос, связанный с вашей биографией. Скажите, когда и почему вы вступили в КПСС?

Андряшев Алексей Васильевич: В КПСС я вступил. Я сначала был, значит, я был в комсомоле, естественно. Вот. Комсомол с 14 лет. Затем, значит, я был секретарём первичной организации комсомольской фермы № 6, посёлок Кольский. Вот. И комсомол меня рекомендовал, так сказать, предложил вступить в партию. И накануне XXII съезда КПСС вот по призыву партии я стал членом КПСС. Потом перешёл в КПРФ. Перерывов в партийности у меня не было, нет и не будет.

Интервьюер: Спасибо, что рассказали о себе. Теперь перейдём к обществу «Знание». Первый вопрос: скажите, когда и как вы узнали о существовании общества «Знание»?

Андряшев Алексей Васильевич: Потому что я работал в райкоме партии и руководил всеми общественными организациями, в том числе обществом «Знание» (усмехается). Поэтому как я мог не знать, когда я это.

Но уже в 1968 году я был награждён первой грамотой краевого общества «Знание». В 1969 году был награждён второй грамотой. В 1970 году я был награждён грамотой всесоюзной организации Общество «Знание». Вот. Я был постоянным членом. Это, значит, являюсь! Что очень важно.

Это ты должен записать. Значит, было присвоено мне звание лектора за активную работу в обществе «Знание». Это вот медаль и удостоверение. Их редко, редко, кто, ну, человек 10 у нас было в крае таких. Это была всесоюзная. За подписью академика Овчинникова и руководителя общества «Знание». Академик Басов подписывал это. Вот.

Значит, действительно я должен знать, потому что все эти очень, не всем это нравилось. Но в 1988 году за активную, в том числе и пропагандистскую, деятельность, вот, значит, я был, мне было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Вот. А это звание высокое. Ты знаешь, что таких званий у нас мало. В крае, в крайком партии было только три человека: Серин, Чесноков и я. Больше не было таких. Вот. Значит, так.

Затем. Я был номинант-победитель «Лучший лектор» по премии Совета министров. Не организации, а какой-то был конкурс. Вот. Это был 1987 год.

Поэтому я постоянно был в обществе «Знание». И вот докладываю тебе. Можешь вообще-то написать. Потому что было объявлено товарищем Зеляниным из Центрального комитета на совещании партийных комитетов. Это был 1979 год. Нет, прошу прощения. 1983 год. Вот. Я был первый, значит, я был рекордсмен по годовому прочтению лекций в Советском Союзе. У меня было за год прочитано 380 лекций. Вот это всё отмечено.

Дальше. Грамот у меня за лекторскую работу свыше 30. Я могу их все перечислить. Это воинские части, это научные учреждения. Дальше.

Я был постоянным лектором и преподавателем нашей всесоюзной комсомольской школы в Красноярске с 1976 по 1991 гг. Я постоянно был там. И грамот несколько. И Куимов подписывал, и Ражин подписывал, и Фадеев и так далее. Грамот у меня очень много. Их, правда, больше такие, воинские части. Дальше. Значит, был отмечен грамотами и наградами погранвойск СССР, потому что я был на всех погранзаставах Красноярского края, Киргизии и Дальнего Востока. В Киргизии, может, не на всех, но, во всяком случае, на дальних заставах я был, на границе с Китаем. Вот, так сказать, это общество «Знание».

Интервьюер: *Подскажите: когда, как и почему вы вступили в общество «Знание»? Как это произошло?*

Андряшев Алексей Васильевич: Значит, начиная, первую лекцию я свою прочитал, будучи учеником 10 класса 18 марта 1956 года на тему «История Парижской коммуны». Вот. Это была первая моя лекция. И затем я был постоянным лектором безо всякого общества. Я же читал ещё лекции в совхозах, был и секретарём внештатным парткома, оттуда меня взяли в райком Матросского совхоза. Кстати, я ещё ударник коммунистического труда. У меня есть удостоверение. Всё это подтверждено документами. Ну, наград, государственных наград у меня пять медалей. Это кому-то там нужно или не нужно. Вот. Значит, ордена у меня все, какие есть, капээрэфовские.

Интервьюер: *Алексей Васильевич, так всё-таки когда, как и почему...*

Андряшев Алексей Васильевич: Да почему, да потому что надо было читать лекции.

Интервьюер: *Как это произошло? Вас кто-то пригласил? Вы написали заявление? Как это происходило? И когда?*

Андряшев Алексей Васильевич: Никто мне никакого заявления. Ещё никакого общества «Знание» не было. Вот. Я работал в совхозе. Я выступал уже с лекциями, готовился. Выступал просто потому, что это было партийное поручение.

Интервьюер: *Это понятно. То есть лекторский стаж у вас большой. А всё-таки когда вот вы стали именно лектором общества «Знание»? Как это произошло?*

Андряшев Алексей Васильевич: Потому что я объявил о том, что нам надо создать лекторскую группу для райкома партии, первый подал заявление и вступил, понятное дело. Приехал Василий Васильевич Гришаев, которого ты хорошо знаешь. Вот. Он тогда руководил. Приехал Жан Тощенко, доктор наук. Вот интересно, он щас молодец, помогает, как и КПРФ. И они провели организационное собрание. И я стал лектором общества «Знание».

Интервьюер: *Понятно. А когда это произошло?*

Андряшев Алексей Васильевич: Это в 1966 году в райкоме партии.

Интервьюер: *А почему вот было организационное собрание? До этого, что, в Каратузе не было общества «Знание»?*

Андряшев Алексей Васильевич: Не было. Лекторы читали, да. Были в штате лекторы райкома партии. Два человека: Алексеев и Золотухин. Но они просто так читали, и всё.

Интервьюер: *А Гришаев в то время кем был? И Тощенко?*

Андряшев Алексей Васильевич: А Гришаев тогда руководил отделением общества «Знание». Красноярским отделением общества «Знание».

Интервьюер: *Города Красноярска?*

Андряшев Алексей Васильевич: Красноярского края.

Интервьюер: *А, края, да?*

Андряшев Алексей Васильевич: Воскресенский был и Гришаев. И Тощенко. Вот они были руководителями. И сразу был Воскресенский. Поэтому они вот. Ну а потом уж, так сказать. А что касается последних, кто был руководителем общества «Знание».

Интервьюер: *То есть получается, вы были и организатором, и руководителем?*

Андряшев Алексей Васильевич: Организатором, совершенно верно.

Интервьюер: *А руководителем кто был?*

Андряшев Алексей Васильевич: А руководителем организации была Овнова Мария Акимовна.

Интервьюер: *А вот почему вы проявили инициативу создать общество, а избрали руководителем другого человека?*

Андряшев Алексей Васильевич: По должности, потому что у неё должность была другая. У неё был руководитель, не имел права. Это моя руководящая, у меня же было как? У меня была вся пропаганда, агитация, культура, медицина, здравоохранение и торговля. Вот это была моя номенклатурная работа в крайкоме партии.

Интервьюер: *Понятно. Расскажите, а как вы подбирали эту кандидатуру руководителя местного отделения общества «Знание»?*

Андряшев Алексей Васильевич: Да потому что был хороший учитель Мария Акимовна. Очень хороший человек. Выступала с активными беседами, лекциями. Ну, она педагог, на педагогические темы лекции читала. Вот. Активная, уважаемая, все знали её, ездила по району. Вот мы её и избрали. Ну, потом она перешла на постоянную работу, уже и зарплата была с 1969 года. Вот.

Интервьюер: *А вы когда в Красноярск перебрались-то?*

Андряшев Алексей Васильевич: В 1975 году.

Интервьюер: *А до этого всё время были в Каратузском районе?*

Андряшев Алексей Васильевич: Ну да. У меня вот это вся биография: школа, райком, крайком. Всё. Ну, нет. Ну, потом крайисполком, Заксобрание и Госдума.

Интервьюер: *Скажите, а вы когда-либо входили в руководящие или контрольные органы общества «Знание»?*

Андряшев Алексей Васильевич: Нет, не входил. Я не мог, я не знаю, у нас, по-моему, никто из крайкома не входил. Но дело в том, что поскольку был руководитель проректорской группы Фролов Иван Антонович. Вот. Он входил в состав. А мы, лекторы, не входили, конечно. Нас было пять лекторов, шестой был руководитель. Вот, ты их всех знаешь. Нет, ты не знаешь. Курочкин, Чесноков, Андреев и Лущиков.

Интервьюер: *Теперь немного оценочный вопрос. Скажите, как, на ваш взгляд, складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Андряшев Алексей Васильевич: Значит, самые, так сказать, братские, самые доверительные. Это было полное единство действий. Никакого противостояния, никаких, так сказать, накачек. Да, слушали в отделе о работе общества «Знаний». Но это была просто вот как информация. А так сказать, чтоб вопросы выносились и так далее, этого не было. Это было полное единство. Это был контакт. Так сказать, полный контакт. Мы вот ехали, лекторы крайкома, мы брали путёвку в обществе «Знание» и читали лекции там. Но без оплаты, мы не

имели права получать деньги. Совсем. Деньги в обществе «Знание» никогда не получали. Я, во всяком случае, ни копейки за свои лекции ни разу не получил. Я получал зарплату. Достойную, хорошую зарплату. Вот.

Интервьюер: Скажите, вот есть такое мнение, что вот правящая партия руководила деятельностью общества «Знание», контролировала её.

Андряшев Алексей Васильевич: Совершенно верно. В соответствии с шестой статьёй Конституции СССР, партия руководила всем. В том числе и экономикой. Как только Горбачёв убрал, Советский Союз рассыпался. Как он, сволочь, в 1989 году убрал – всё. Пришёл конец партии. Результат, ты знаешь какой. В соответствии с шестой статьёй Конституции, так и запиши. О руководящей роли партии. Как они должны были руководить, когда вся идеология? У нас и отдел был идеологический.

Интервьюер: В чём проявлялось руководство?

Андряшев Алексей Васильевич: В постоянном контакте с руководителями общества «Знаний». Вот и всё. Они представляли нам планы только свои. Мы писали планы, утверждали. Нет, утверждали они сами. Там была полная демократия. А вот представляли они нам копии? Представляли. Но я не помню ни одного случая, чтоб мы когда-то попали в их планы. Чтоб мы кого-то поправили и сказали, что он неправильно себя ведёт. Такого не было ни разу.

Интервьюер: То есть не было каких-то специальных вопросов, посвящённых обществу «Знание»?

Андряшев Алексей Васильевич: Нет, нет, нет. Вот за мою деятельность этого не было. Ну, у нас, конечно, были ответственные и в районе ещё, где мы руководили, отвечали за идеологическую, ну, это весь инструкторский состав, все отвечали. Скажем, у меня было, я был закреплён постоянно все эти годы, все 16 или 17 лет. У меня был Каратузский, Курагинский, Ермаковский, Иланский, Шарыповский, Бирилюсский и город Норильск. Вот.

Интервьюер: Скажите, а было такое, что вот как в партии, чтобы в обществе «Знание» были первичные организации, вы собирались, строили планы?

Андряшев Алексей Васильевич: У нас была первичная организация в крайкоме партии.

Интервьюер: Общества «Знание», да?

Андряшев Алексей Васильевич: Конечно.

Интервьюер: Как часто вы там собирались? Какие вопросы рассматривали?

Андряшев Алексей Васильевич: В соответствии с Уставом. В полном соответствии с Уставом. Ежеквартально.

Интервьюер: Скажите, как, на ваш взгляд, складывались отношения общества «Знание» с другими просветительскими организациями в Красноярском крае, РСФСР, Советском Союзе, и, может быть, в мире?

Андряшев Алексей Васильевич: Значит, прежде всего, было полное взаимодействие и взаимные, так сказать, контакты. Контакты одним планами, во-первых, с издательством. С книжным издательством. Во-вторых, с прессой. Газета «Красноярский рабочий», «Красноярский комсомолец». Вот это, значит, ведущими нашими две газеты были. Самые главные. Потому что «Красноярский рабочий» был орган крайкома и крайисполкома, была их объединённая газета. С этими организациями. В тесном взаимодействии с комсомолом, с крайкомом комсомола обязательно. Это уж тут железно. Вот. Затем с высшими учебными заведениями со всеми. Во всех высших учебных заведениях были первичные организации. Вот. И поэтому общество «Знание» всегда. Все семинары проводились, систематические семинары лекторов партийных. Проводились в обществе «Знание» эти семинары. Естественно, мы выступали, понятно, что.

Интервьюер: Скажите, а кроме КПСС и общества «Знание», вы в каких-то других общественных организациях состояли?

Андряшев Алексей Васильевич: Я?

Интервьюер: Да.

Андряшев Алексей Васильевич: Ну, естественно. Я был внештатником издания. Я был корреспондентом. С 1969 года я был внештатным корреспондентом газеты «Правда». Так и остался. И когда мне присудили звание, медаль к столетию газеты «Правды», гражданин Медведев так до сих пор мне медаль и не вручил. Хотя медаль пришла из Москвы. Ну а как же? Это же, Петь, высокая. Пиши, пиши, что он *<изъяты оценочные суждения>*.

Интервьюер: Скажите, если вы состояли во многих общественных организациях...

Андряшев Алексей Васильевич: Я был внештатным корреспондентом краевого телевидения. Абаканского телевидения. Хакасия тогда была вместе с нами, с Красноярским краем, это же была единый субъект федерации. Вот. Затем я был внештатным корреспондентом «Красноярского рабочего». Ну, я написал больше 50 рефератов. Вот я тебе скажу, что Юрчик тут одно время: «А что это, я вот тут нашёл, ты знаешь, я нашёл что? Я нашёл доклад к 50-летию Красноярского края». Я смотрю этот доклад... И говорю «так это мой доклад». *<изъяты оценочные суждения>* А это я писал доклад. Я писал доклад и к 50-летию Красноярского края, и к 70-летию Советской власти. Я писал доклады для Шенина, для Федирко. Получал, кстати, премию за это дело. Это мои доклады. Три доклада ведущих, которые были за эти годы: к 50-летию Красноярского края, к 60-летию Советской власти (читал Федирко), к 70-летию Совет-

ской власти (читал Шенин). Это всё в архиве есть, все документы. Вот. *<изъяты оценочные суждения>*

Конечно, я писать то писал, но у меня была группа учёных, которую я сам собирал. И они смотрели, мы обсуждали это дело. Ну и раз 10-15 пришлось заходить к Федирко и к Шенину. Вот.

И кстати, один эпизод. Читаю Шенину доклад к 70-летию. Ну, я там пишу: одной из заслуг Советской власти является то, что воспитали нового человека. Он посмотрел на меня и говорит: «Слушай, а ты искренне считаешь, что мы воспитали нового человека?». Я говорю: «Нет, Юрий Александрович, я не считаю». «Правильно. Давай вычеркнем?». «Вычеркнем». И убрали. Не воспитали мы нового человека. Если бы мы воспитали, мы бы не разрушились. Ведь этот новый человек нас предал в 1991 году.

Когда мы пошли по всем организациям в августе 1991 года, я смотрю на стеклянный вид нашего нового человека, ему говоришь одно, а мне говорят «за Ельцина». Это ЭВРЗ, комбайновый завод, в Минусинске, значит, Ачинский свинокомплекс, там огромный коллектив, Ачинский глинозёмный комбинат. В Норильске мы приехали с Румянцевым с доверенным лицом Рыжкова. Я смотрю на моих друзей, коммунистов. Вот они сидят, руководители. Они все со стеклянными глазами смотрят – и никакой реакции. Это нового человека воспитали, твою мать. Вот.

Начиная с Брежнева. Первый удар, конечно, был нанесён по Советскому Союзу, по партии Хрущёвым, докладом о культе личности. Это был первый страшный удар. Вот. И потом пошло. У меня был такой Дивногорцев, я всё с ним игрался. Мы потом врагами стали только потому, что я был против Хрущёва, а он всячески защищал Хрущёва. Кстати, найди книгу, если найдёшь в библиотеке, Логинова Толи. И две книжки Дивногорцева. И там есть большая статья обо мне. Там возьми, там лучше всего будет сказано всё.

Теперь я тебе должен сказать, что я считаю главным в работе лекторской группы. То есть не группы, а в работе лектора.

Первое. Это психическое здоровье, прежде всего. Это крепкие нервы. Это уважительное отношение к аудитории.

Следующее. Это обязательно информированность. Как можно более полная информированность. Затем. Углублённое знание предмета. Не глубокое. Глубокое невозможно. Энциклопедичность. Но обязательно специализация.

Следующее. Умение слушать, особенно вопросы. Уважительное отношение к людям, вот в этом отношении. И ещё. Как говорят некоторые: лектор не должен заниматься самолюбованием. Гордыня, самолюбование – это конец лектору. Всё. Это уже не лектор, это конец. Как только начинается, как это называется, экзерцисы. Экзерцисы – это же переводится как упражнение. А по-русски – это выпендривание, выкрутасы. Так ведь? Вот. Там ещё можно и матерком сказать очень хорошо, что такое экзерцисы эти. Как только это начинается, всё, брат мой, конец. Все ребята, до свидания. Ну и, конечно, руководствоваться эмоциями. Выдержать любое надо. Приходилось такие бои выдерживают. Особенно вот 1989, 1990 год. Я, правда, уже был инспектором. Но, тем

не менее, всё равно. Вот. Ну что, оскандалился перед аудиторией, и всё, конец, ты никто.

Интервьюер: *И как из такой ситуации нужно было выходить?*

Андряшев Алексей Васильевич: Значит, я ещё раз говорю. С нами убеждённость, идеологическая убеждённость, убеждённость в идее. Вот это самое главное. Это самое основное. Убеждённость, знания, энциклопедичность обязательно. Без энциклопедических знаний, хотя бы поверхностных, выходить на аудиторию нельзя. Если ты даже не знаешь, как ответить на вопрос, ты делаешь отсылку, где можно узнать. Вот. Иначе ты теряешь авторитет. На один вопрос из зала не ответил – всё, авторитет твой у аудитории пропал. Но, ни в коем случае никакого самолюбования. Ни в коем случае.

Интервьюер: *Алексей Васильевич, хочу уточнить у вас: на какие темы вы читали лекции в обществе «Знание»?*

Андряшев Алексей Васильевич: У меня была тема «Экономика сельского хозяйства». Я сдал, защитил или как, сдал кандидатский минимум. У меня была тема сельскохозяйственная «Экономическая эффективность культурных пастбищ в условиях юга Красноярского края». Но потом я забросил эту тему. Была, значит, экономическая тема «Аграрная политика партии». Главная у меня была. И международное положение. И следующая у меня была специализация – это Китай. Вот. По Китаю мне пришлось, конечно. Ну, правда, я и был это уже с ребятами особыми. Понятно с какими.

Интервьюер: *Скажите, а как вы определяли темы своих лекций?*

Андряшев Алексей Васильевич: Ну, во-первых, пока я не был в крайкоме партии, эти темы определялись, то что на душу положит. Сельское хозяйство и международное положение. Вот. Внешняя политика. А вот когда я пришёл в крайком партии, там была специализация. У меня так и было определено, это были мои темы. Вот я в том числе курировал, так сказать, пропаганду сельхозинститутом нашим.

Интервьюер: *А кто определил вашу специализацию? Вы сами выбрали? Или как-то назначили?*

Андряшев Алексей Васильевич: Нет, руководитель лекторской группы. Ну по желанию, естественно, к чему лежит. Меня попробовали, посмотрели. Посмотрели мои, так сказать, рефераты. Посмотрели, прочитали, защитили. Кстати, я прошёл аттестацию как лектор крайкома партии, я проходил четырежды аттестацию в Центральном комитете партии. Вот. 1977 год, 1979 год, 1984 год, 1986 год. Это довольно сложное дело. Ну, в академии общественных наук при ЦК КПСС. Раз вызывали, пишешь реферат, отправляешь, там дают рецензии, потом приезжаешь, определяют тебя аудитории, где я читал. Приходит инструктор Центрального комитета. Вот. Заведующий ЦК Капустян, был у меня там такой. Ещё один Воробьёв, Смирнов. Вот в первый раз я защищался. Это был коллектив аэропорта Домодедово города Москвы. Второй раз опять Домо-

дедово. Мне Раткин, первый секретарь, говорит: давай ты ещё раз приедешь к нам. Вот. Через три года я был. Следующим был завод Свердлова, Нижний Новгород. Вот. И завод Светланова в Новосибирске.

Интервьюер: Скажите, а вот эти аттестации лекторов вам в обществе «Знание» зачисляли?

Андряшев Алексей Васильевич: Это была аттестация лекторов партийного комитета.

Интервьюер: Я понял. Но вот аттестация партийных комитетов зачисляли вам в обществе «Знание»? Или вы дополнительно ещё в обществе «Знание» проходили?

Андряшев Алексей Васильевич: Нет. В обществе «Знание» не было никаких аттестаций. Я просто предоставлял рефераты в общество «Знание» и получал от Николаева Петра Христофоровича рецензию. Кстати, я же сам рецензент ещё был общества «Знание». Вот это тоже можешь записать. И вот мне пришлось дважды писать рецензию на лекцию письменно. Там ничего особого. Это были рецензии разгромные. Я знал, понятное дело. Это была настолько беспомощность, это был такой непрофессионализм, это был такой примитив ужасный. А это был Зубов. А он тогда был преподавателем госуниверситета. Мне ещё тогда Нина Прокофьевна Силкова: «Да неужели это так?». Я говорю: «Давайте послушаем». Вот. Я писал рецензию разгромную на доктора исторических наук товарища Кунцева, который был потом ректором Тюменского госуниверситета. Разгромную. Костя Чернов (тогда был секретарём райкома): «Да ты что? Это что?». Я говорю: «Давайте послушаем». Послушали – да какой же это лектор? Твою мать. Это же ужас. А он уже был зав. кафедрой. Потом Соколов Никита Сергеевич его выгнал из Красноярского края. Вот. Много таких вещей было. А рецензий я много писал, понятное дело. Это была моя обязанность.

Интервьюер: Ну вот, кроме лекций, рецензий, какие ещё формы работы были в обществе «Знание», в которых вы участвовали?

Андряшев Алексей Васильевич: А вот рецензирование, проведение совещаний, семинаров. О, мы же семинары проводили. Ежегодно 3-4 семинара. Кроме того, (это тоже можешь записать) у нас проводились систематические семинары лекторов общества «Знание» республиканские. Вот начну тебе перечислять, где я присутствовал на этих семинарах. Петропавловск-Камчатский, Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Иркутск, Новосибирск, Томск, Свердловск, Самара (тогда еще Куйбышев), Саратов, трижды Астрахань (арбузы в августе), Горький, Владимир, Тамбов, Ульяновск (ну, в Ульяновске много раз я был, понятно), Казань, Уфа, Челябинск. Это было участие моё в этих лекциях. А полетели к Карнаухову в Краснодар, в Оренбург прилетели, значит, нас поселили, погоды не было, и до Краснодара я не доехал. В Волгограде (о, Волгоград еще). Вот такое было.

Интервьюер: *Ясно.*

Андрияшев Алексей Васильевич: Поэтому, когда некоторые считали: ну что там лектор? Вот ездили бы. 185 дней командировок в год. Остальное работа на подготовку.

Интервьюер: *Скажите, как вы обеспечивали научность и качество ваших выступлений?*

Андрияшев Алексей Васильевич: Систематическая индивидуальная подготовка. Нам давался один день. Каждую субботу или, когда было свободное время, мы получали красный бюллетень, ежедневник «Планета» Центрального комитета партии и, конечно, журналы все: «Международная жизнь», «Международные отношения внешней политики», все специализированные журналы (это где-то свыше десятка журналов, надо было их лопатить постоянно). Ну и для души у меня был ещё «Огонёк» и «Наш современник». Для души. Вот. Книги, понятно. Ну и партийные документы к пленуму, к съезду. Решения съездов, пленумов. И конечно, подготовка систематическая, потому что жизнь идёт. Вот, скажем, когда я еду в командировку, я иду по отделам. Зайду в сельскохозяйственный отдел, в промышленный отдел зайду, в строительный отдел. Я по всем отделам ходил. Единственное, к кому я ни разу не ходил, это к Юрчику, когда он был заведующий отделом. Ни разу не ходил. Потом, правда, он меня, конечно, слушал, потому что я был первым секретарём Советского райкома. Я приезжал, он обязан был сидеть там. Поэтому первые секретари меня все знают в крае. Все до единого. Я посетил все районы и города края. И по десятку раз. Все до единого. Везде, начиная от Диксона. Ну и потом, я же работал на атомных ледоколах «Ленин», «Арктика», на дизельных теплоходах «Константин Воронин», «Адъютант Голицын». В Дудинке постоянно. Я же в Норильске обязан был ежеквартально быть.

Интервьюер: *Скажите, а кому вам больше всего нравилось читать лекции, с кем вести беседы и почему?*

Андрияшев Алексей Васильевич: Ну, самая благодарная была аудитория – это военная аудитория. Это вот Кедровый (ракетная наша дивизия), это Канск, это Ужур (где сейчас наша главная защита, иначе просто бы уже России не было). Ну и, конечно, аудитория наших правоохранительных органов. Я же был постоянным, где я участвовал, я был постоянным штатным лектором нашей Высшей школы милиции, где Владимир Иванович Зинченко был директором, руководителем. Мы же с Юрчиком виноваты, что ему генерала не дали. Потому что он поддержал, и тогда Усс сразу зарубил ему всё это дело. Скажи мне одну вещь коротко: ты как ценишь идею губернаторства Усса? Коротко, одним словом.

Интервьюер: <изъяты оценочные суждения интервьюера, не имеющие отношения к исследованию>

Интервьюер: *Алексей Васильевич, можно я вас верну в интервью, потому что мне нужно вам ещё несколько вопросов задать?*

Андряшев Алексей Васильевич: Давай, задавай.

Интервьюер: *Скажите, какая была обычно численность групп людей, которым вы читали лекции и с которыми вели беседу?*

Андряшев Алексей Васильевич: Значит, от тысячи (это военные такие бывали вот) и до человек 10-15.

Интервьюер: *Понятно. Расскажите, как вообще организовывались лекции с вашим участием?*

Андряшев Алексей Васильевич: Ну как-как. Заказ поступал в крайком партии. Нас направляли читать эту лекцию. Вот и всё. Потом индивидуально договаривались. Приходила машина...

Интервьюер: *А для общества «Знание» вы же читали лекции?*

Андряшев Алексей Васильевич: Конечно, обязательно, а как же.

Интервьюер: *И как процесс происходил? Как вы узнавали, что вы едете куда-то лекцию читать?*

Андряшев Алексей Васильевич: Получаешь путёвку, туда приехал, там уже люди готовые.

Интервьюер: *А получали путёвку как?*

Андряшев Алексей Васильевич: Приходишь в общество «Знание», бери путёвку и поехал.

Интервьюер: *То есть вы сами заходили, брали путёвку?*

Андряшев Алексей Васильевич: Конечно. А кто ж мне приносить будет? Там же рядышком. Да там и все друзья были, чё там. Вон Василий Яковлевич Сафонов, он мой друг родной, любимый. Да там все ребята были хорошие. Кроме <изъяты оценочные суждения>.

Интервьюер: *Почему?*

Андряшев Алексей Васильевич: А потому что гордыня, самолюбование, влюблённость и дефекты речевого аппарата. Кстати, вот отметить. Язык лектора чистый должен быть, грамотный, правильный. Замечают каждое слово, каждое ударение замечают.

Интервьюер: *Скажите, вот провели вы лекцию, да? Вы какую-то рефлексию проводили о том, как получилось у вас, не получилось?*

Андряшев Алексей Васильевич: Нет, я просто чувствовал. По аплодисментам, по реакции и по тому, сколько подошли с вопросами.

Интервьюер: *Скажите, а вас кто-то контролировал?*

Андряшев Алексей Васильевич: Обязательно, обязательно. Систематически на лекции приходили люди от общества «Знание». Как правило, Хохлов приходил, значит, Сафонов. Постоянно приходили. Кабаргин Николай Евгеньевич. Ко мне приходили по заданию лекторы, они слушали мои лекции. Обязательно. Контроль был всегда, от общества «Знание» был контроль.

Интервьюер: *Ясно. Ну и как это выражалось? Они посмотрели вашу лекцию, а дальше что происходило?*

Андряшев Алексей Васильевич: Они прослушивали лекцию, потом делали замечания. Замечания были всегда. Без замечаний лекций не было. Где-то что-то да обязательно. Идеальных лекций я не знаю, у меня не было таких.

Интервьюер: *А у вас какая-то система отчётности была в обществе «Знание»?*

Андряшев Алексей Васильевич: Обязательно, обязательно. В обществе «Знание» мы путёвки сдавали, вот это отчётность была. А здесь мы вели книгу учёта. В крайкоме партии.

Интервьюер: *Вот расскажите про путёвки. Как вы отчитывались по ним? Что там, какие...*

Андряшев Алексей Васильевич: А с другой стороны там даёшь краткую характеристику аудитории.

Интервьюер: *То есть фактически ваши впечатления?*

Андряшев Алексей Васильевич: Да-да-да-да-да.

Интервьюер: *Последний вопрос, Алексей Васильевич.*

Андряшев Алексей Васильевич: Давай.

Интервьюер: *Скажите, а когда закончилось ваше взаимоотношение с обществом «Знание», как и почему?*

Андряшев Алексей Васильевич: Как только я ушёл из крайкома партии в 1991 году. В общество «Знание» меня не пригласили по соображениям политической безопасности ельцинского режима. Так и запиши. По вопросам безопасности и противодействия ельцинскому режиму. Больше ни с одной лекцией от общества «Знание» не выступил. Хотя понятно, что от крайкома партии мы с Юрчиком выступали, естественно.

Интервьюер: *Понятно. И последний вопрос.*

Андряшев Алексей Васильевич: Кстати, Юрчик был прекрасный лектор, хороший лектор, очень хороший. Барабанов – тоже сильный лектор, Пётр Васильевич. Очень сильный лектор. Сильнейший.

Интервьюер: Скажите, на ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении знаний среди советских граждан? Почему вы так думаете?

Андряшев Алексей Васильевич: Значит, огромную, чрезвычайно важную роль. Во-первых, просветительская роль. Во-вторых, это был психологический контакт знающих людей с народом. Это очень важно. Главное, достоверность информации. Поэтому людям это было просто необходимо. Вот. Значит, но. Я тебе одну вещь скажу. Это история, я потом отчитывался там, ну как отчитывался. Это соответствующие инстанции, понятно какие. Я тебе скажу, что, как только Яковлев пришёл, значит, после этого со стороны общества «Знание» началось сплошное охаивание советской действительности и деятельности КПСС. Это был такой мощный жим со стороны общества «Знание» во главе с гражданином Фрейхельдом на нашу действительность. Но руководил Яковлев Александр Николаевич.

Интервьюер: Ясно. Алексей Васильевич, спасибо вам за ваш рассказ.

Андряшев Алексей Васильевич: Так. Хватит тебе?

Интервьюер: Ну, теперь мне надо будет всё это расшифровать, стенографировать.

Андряшев Алексей Васильевич: Ну, если что-то будет, звони.

Интервьюер: Хорошо, спасибо.

Андряшев Алексей Васильевич: <изъяты оценочные суждения о взаимоотношениях действующих политиков Красноярского края, как не относящиеся к исследованию>

Интервьюер: Хорошо. Ладно, всего доброго.

Андряшев Алексей Васильевич: Давай, пока.

Стенограмма сверена с аудиозаписью 16.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Лакс Светланой Яковлевной,
лектором общества «Знание» в 1952–1990-е гг.**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
Моя запись 1.wav (54:22)

Дата и время проведения интервью: 30.01.2019 г., 12:30-13:41 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Лакс Светлана Яковлевна

Стенографирование аудиозаписи: Казанов Виталий Владимирович

Интервьюер: Светлана Яковлевна, я включаю запись!

Лакс Светлана Яковлевна: Включай!

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Лакс Светлана Яковлевна: Ну, давай, начнем.

Интервьюер: Итак, вы являлись членом общества «Знание» в советское время, поэтому я прошу вас рассказать о своём опыте лекторской и общественной деятельности в этой организации. Сначала прошу рассказать о себе: где, когда вы родились, кто ваши родители? Расскажите о вашей семье.

Лакс Светлана Яковлевна: Так, я Лакс Светлана Яковлевна, как вам известно. Родилась в марте месяце. Ну, будем говорить так: 9 марта в 1931 году. В 31-м году я родилась, а в 41-м началась война. Жила я с родителями. Отец у меня был прокурором Сталинского района (теперь Центрального района) города Красноярска. И ушёл на фронт в 41-м году. Мама была председателем...

Интервьюер: Как его звали?

Лакс Светлана Яковлевна: А?

Интервьюер: Как его звали?

Лакс Светлана Яковлевна: Лакс Яков Анисимович. Мама – Лакс Вера Николаевна – была председателем суда (единственная женщина в Советском Союзе в то время). Председателем суда УИТЛиК. Это исправительно-трудовые колонии. Председатель суда управления исправительно-трудовых лагерей и колоний – УИТЛиК. Вот. Она проработала там до ликвидации суда (это в 1948 году). И в 48-м году она вторично вышла замуж, поскольку они расстались. Вот.

Отчим у меня был великолепный человек, очень умный человек, Маршак Максим Григорьевич. Вот. Участвовал в процессе Савенкова, о нём писали книги, есть фотографии, у меня всё это есть. Вот.

Ну а я росла немножко беспризорницей, потому что началась война и я была ребёнком, а мама у меня была день и ночь на работе, отец сразу ушёл на фронт, а отчим пришёл к нам в 1948 году, и он занимался моим воспитанием (отчим). Ну, отчим был очень хороший, но он был чужой. То есть я не могла с ним ни поделиться, ни поговорить. Я как-то и стеснялась. В общем, чужой он был человек. Вот. А я начала искать себе какую-то работу. И я начала заниматься общественной деятельностью. То есть я была сначала октябрёнком, потом пионеркой, потом комсомолкой и потом – коммунистом. Вот. И тогда я занялась общественной работой. Меня использовали, кто как мог. Затыкали меня, куда только могли. Везде и всюду. Ну, в основном я занималась вот лекционной работой. Пропагандистской работой. Но меня всегда тянуло... я хотела учиться. А мне пришлось работать рано очень. Вот. И я, занимаясь общественной работой, при всём этом окончила два университета. Один окончила Томский государственный юр... юр... правоведа, а второй окончила – это филиал не то московского... лучше не пиши, потому что я не помню. Не знаю. Не то московского, не то ленинградского. Трёхгодичный университет... этих... ну лекционное, забыла, как оно называется. Вот.

Интервьюер: *Это в каком году было?*

Лакс Светлана Яковлевна: Это было... Значит так. Университет я закончила в 63-м (Томский государственный), а этот закончила... в период того я училась и в этом тоже. Это я, наверно, закончила в 54-м, по-моему, не то в 60-м... подожди, в 63-м... в 54-м, да.

Интервьюер: *А трудно было сразу два образования получить?*

Лакс Светлана Яковлевна: Было очень трудно, было очень трудно, но я была такая суматошная. Я, во-первых, искала всё время себе работу. Я за десять лет сменила десять мест работы. Я всё время куда-то лезла, лезла, лезла.

Интервьюер: *Ну, вот расскажите про свои...*

Лакс Светлана Яковлевна: А я расскажу прямо по датам, я вчера выписала из трудовой книжки, потому что там действительно неразбериха. Вот. Я скажу об этом. Но я так занималась работой... этой... ай, господи боже мой, да ну... слово одно забыла, понимаешь. Так, щас скажу. Ну, напomini мне, а? Лекционной-то пропаганды.

Интервьюер: *Нет, вот расскажите мне (о лекционной пропаганде мы чуть позже поговорим), расскажите вот о месте работы, где вы работали.*

Лакс Светлана Яковлевна: Где я работала? Ну, в общем, поскольку я занялась деятельностью общественной и всё время прыгала-прыгала с места на место и всё что-то искала-искала себе искала-искала и наконец я... последнее моё... это значит в 50-м году я начала искать, а в 63-м я всё закончила. Но в 63-м я закончила уже университет один, а потом дальше я закончила второй университет. Закончила два университета, и второй университет я закончила с красным дипломом (с отличием). Да, это университет международных отноше-

ний (называется). Вот. У меня есть и дипломы. Есть все. Вот. Но, значит, тебе надо, где и когда я училась. В 50-м году, значит, я вот первый раз поступила на работу, в 52-м году я уволилась, вот так я и прыгала.

Интервьюер: *А кем вы там работали? В 1952 году кем устроились на работу?*

Лакс Светлана Яковлевна: Значит так: это в 50-м году я работала в Кагановическом райкоме ВЛКСМ (поступила).

Интервьюер: *Кем вы работали там?*

Лакс Светлана Яковлевна: В секторе учёта. Ну я очень немного там проработала, потом я оттуда ушла. Да я везде, нигде толком не работала, везде уходила-приходила. Вообще такая летучая была баба. Это я потом оправдаю, почему. Так. Вот. Это я была в секторе учёта, да. Потом до 25 июля в 63-м уволилась... в 63-м не надо говорить... так... Да, вот второй университет для меня был очень удобен, потому что это пропагандистское отделение. Вот. И для меня это было очень необходимо, потому что я этим интересовалась, потому что меня везде употребляли, так сказать. Я везде занималась пропагандой. И этим, поскольку я его окончила очень хорошо, меня вот заткнули в Покровку, дали мне самый большой участок. И я занималась общественной работой в основном... в школе я семь лет работала, среди педагогов, среди детей и среди родителей.

Интервьюер: *То есть это была ваша профессиональная деятельность?*

Лакс Светлана Яковлевна: Это была моя профессиональная деятельность.

Интервьюер: *А в какой организации вы были устроены?*

Лакс Светлана Яковлевна: А вы знаете, я работала уже в этом, щас скажу. По-моему, с 1954 года, как я начала заниматься общественной работой, так я всю жизнь, уходя на пенсию, всё время ездила.

Интервьюер: *Понятно. А в каких организациях? Расскажите.*

Лакс Светлана Яковлевна: В организациях? Вот в школе я работала семь лет.

Интервьюер: *Кем?*

Лакс Светлана Яковлевна: Преподавала.

Интервьюер: *Что?*

Лакс Светлана Яковлевна: Совгосправо. Среди ребяташек, преподавателей и родителей. Я читала там лекции. Причём меня очень любили. Я даже сама не знаю, почему. Они под дверями стояли, слушали, когда я читала лекции. Вот. Потом по Покровке я ходила, меня же все знали. Там я читала лекции,

рассказывала. Даже один раз в бане сидели мы: мужики и я. Потому что пошёл дождь, деться было некуда. И я сидела там и им рассказывала о законах Советского Союза. Потому что тогда ещё был Советский Союз, когда я начинала работать. И я им рассказывала, как нужно выполнять законы, что нельзя нарушать законы, что такой-то закон вот так проводить нужно, такой-то – так, и что, если вам что-то непонятно, вы обращайтесь ко мне, но никогда не перешагивайте законы, не нарушайте законы. Вот. Это было. В пединституте я один раз читала у Руты на кафедре об ознакомлении с настоящим законом. То есть я читала о законах на период, когда я работала, какие законы новые выходили, я с ними знакомила людей и говорила, как себя нужно в той или иной обстановке вести.

Интервьюер: *В смысле вы были приглашённый лектор, или вы на ставку там работали?*

Лакс Светлана Яковлевна: Нет, я не работала на ставку нигде. Я работала от общества «Знание», потому что меня тогда зачислили в общество «Знание».

Интервьюер: *Мы к этому чуть-чуть позже вернёмся. Всё-таки расскажите о той работе, где вы были зачислены в штат и вам платили зарплату.*

Лакс Светлана Яковлевна: Ну, это только в школе было.

Интервьюер: *А потом кем вы работали?*

Лакс Светлана Яковлевна: Потом я работала адвокатом. Сначала работа в органах, была офицером. Читала лекции офицерскому составу и заключённым, которые были.

Интервьюер: *А кем вы работали?*

Лакс Светлана Яковлевна: Инструктором политчасти по политико-воспитательной работе среди заключённых и офицерского состава. Вот. И мне там приходилось очень много, очень долго и со всеми, начиная с подростков несовершеннолетних...

Интервьюер: *До какого года вы работали?*

Лакс Светлана Яковлевна: С 63-го по 66-й. Даже больше, почти 67-й.

Интервьюер: *А потом где работали?*

Лакс Светлана Яковлевна: А потом я сразу оттуда ушла в коллегия адвокатов, потому что окончила университет Томский юридический. И меня забрали адвокатом. И в адвокатской должности я проработала 27 лет.

Интервьюер: *Была какая палата? Работа адвоката как-то по районам делилась?*

Лакс Светлана Яковлевна: Я работала в Центральной юридической консультации города Красноярска. Всю жизнь. И оттуда ушла на пенсию.

Интервьюер: До какого года?

Лакс Светлана Яковлевна: Так, по 67-й год. Нет, вру. С 63-го... ну в общем, 27 лет я адвокатом работала. Вот надо высчитать. Ну я потом скажу, у меня записано там. Значит, меня забрали в адвокатуру, и я проработала в коллегии адвокатов 27 лет. Это мне данные дали из палаты. Я не считала сама, но так оно и есть. Вот. И там я читала лекции, практически там, где я проводила в судах дела. Пока перерывы объявляют между процессом и приговором или решением там, я остаюсь, перерыв объявляется, я остаюсь и сижу, беседую с людьми, которые сидят в зале. Там не было лекций, там в основном были беседы о выполнении законов. Тем более что это был процесс, и там приходилось говорить о нарушениях.

Интервьюер: А кто эти были люди?

Лакс Светлана Яковлевна: А?

Интервьюер: Это были участники процесса или кто?

Лакс Светлана Яковлевна: Да, конечно. Там всякие были. Там были и участники процесса, там были и люди, просто присутствующие в зале и слушающие процесс. В общем, там разнообразная публика была. Трудно сказать. Вот. Но я всегда разговаривала и выполняла, и рассказывала о законах, о выполнении законов, о нарушении законов и чем грозит нарушение закона.

Интервьюер: А у вас это была какая-то уже готовая, заготовленная речь? Или это был экспромт?

Лакс Светлана Яковлевна: Я никогда ничего не готовила. Нам давали... Я никогда не писала речи. И даже когда выступала в процессах, я речи не писала. Но когда я выступала в процессах, я писала план. Вот. А когда я беседы проводила, или когда я лекции читала, там, бывало, что и полные речи писала. Было такое, когда... в зависимости от того, где читал. Если читал в институте (вот я у Руты читала), полностью написанная была речь.

Интервьюер: Вот ещё один личный вопрос: скажите (вот вы упомянули, что вы вступили в партию), скажите, когда и почему вы вступили в КПСС?

Лакс Светлана Яковлевна: Ну, это у меня убежденность. У меня родители были коммунисты. И мои родители, и старики у бабушки, у мамы были в партийной организации. У меня отец был коммунистом. У меня отчим был коммунистом. У меня мама была коммунистка и умерла с партийным билетом. Вот. Поэтому у меня это убежденность. Вступила я в партию в 1963 году. Причём вступила я в партию в СИЗО (следственного изолятора). Потому что я из райкома комсомола перешла туда. Меня практически забрали. Вот. И поскольку я работала инструктором политчасти, то с меня требовалось очень много. Женщина одна. Нас было всего две женщины по Советскому Союзу: одна во Владивостоке, и я в Красноярске. Поэтому с нас очень много требовалось. Очень много. И я вступила в партию. Меня рекомендовал Герой Советского

Союза... как же его фамилия... он щас умер, летчик был в Красноярске у нас. И Сухих Владимир Емельянович. Яковлева Вера Михайловна – это была главный врач, она прошла всю отечественную войну. Вот. Она, Сухих и вот этот Герой Советского Союза. И кто-то четвёртый был у меня. Щас ведь так не принимают в партию, как нас принимали. Нас принимали в партию так. Сначала с нами беседовали просто. Потом как с коммунистами. Потом нас принимали в партийной организации. Потом нас принимали в политотделе. В политотделе меня принимали с большими требованиями. Там спрашивали от Ноева потопа, что называется. И когда родился, и когда крестился, и кто родители, и кто рекомендует тебя в партию, и почему они тебя рекомендуют в партию. И всех представителей, руководителей, коммунистов я должна была знать. Не своих, только советских, а даже всех окружающих меня. Вот. А потом уже принимали на собраниях. И потом только утверждали. И вот в партии я по сей день.

Интервьюер: *Понятно. В какой, кстати, партии вы по сей день?*

Лакс Светлана Яковлевна: Ну, в своей партии. В коммунистической партии России.

Интервьюер: *Так. Ну, тогда вот предлагаю перейти к обществу «Знание».*

Лакс Светлана Яковлевна: Давай.

Интервьюер: *Скажите, когда и как вы узнали о существовании общества «Знание»?*

Лакс Светлана Яковлевна: Вы знаете, совершенно случайно. Просто я училась, начала учиться в 1950 году. И я была очень любознательная, что ли. Мне всё время что-то надо было, я везде лезла, копалась, куда меня только ни затыкали. Я и сено косила, я и металл собирала. Чё только я ни делала, куда только меня ни направляли. Вот. И я однажды (да не однажды, а много раз) слушала лекции всевозможные. Я ходила на встречи всякие. И мне было очень интересно, когда люди выступали. А когда я стала адвокатом, я ж сама стала выступать. И стала готовиться к этому. И вот увлеклась не только познанием, а увлеклась ещё возможностью беседовать с людьми и преподносить. Это я, что называется, придумала сама для себя, меня никто никуда не направлял. Вот. А потом я, когда начала читать в школе, и в школе у меня очень успешно всё пошло. И я в одной школе, потом во второй школе, ну в одной-то я школе семь лет читала. Вот. И меня пригласили в общество «Знание». Там собрание какое-то было, не то что-то такое. Я на всех партийных собраниях была. И своих и чужих. Всяких разных. И мне понравилось очень. Я стала увлекаться.

Интервьюер: *Что это, где это было собрание?*

Лакс Светлана Яковлевна: В обществе «Знаний». В райкоме партии Центрального района. По-моему, даже Андрияшев меня туда направил. Я не помню, но я не хочу о нём говорить. Вот. И я этим увлеклась. И вы знаете, сколько я читала лекций, бесед проводила всяких. Я очень много читала, я со-

бирала материалы, я этим увлеклась. Короче говоря, у меня это было, что называется, хобби.

Интервьюер: *Давайте, может быть, уточним тогда, чтобы было понятней: когда, как и почему вы вступили в общество «Знание».*

Лакс Светлана Яковлевна: А в обществе «Знание», я же говорю, случайно пришла. Меня пригласили туда, я пришла слушать.

Интервьюер: *А когда это было?*

Лакс Светлана Яковлевна: Ну, спроси что-нибудь попроще. У меня тут даже нет этого.

Интервьюер: *С какими событиями, может быть, связано?*

Лакс Светлана Яковлевна: В Доме политпросвещения. Вот. Я поступила в Дом политпросвещения, ещё как коммунист. Меня направили учиться туда. И я с удовольствием туда пошла. И вот там-то я и заразилась этим. И стала участвовать во всяких беседах, всяких занятиях. Мне давали специально поручения преподаватели. Вот был у нас этот, как же его... фамилию-то я забыла. Вот. В общем, он мне дал поручение приготовить какую-то лекцию о Великой Отечественной войне, об участии где-то там, о нападении, о наступлении, я уже щас не помню где. Тоже мне вопросы задаёшь, такой давности. Мне сто лет, я забыла, как меня звать, а он (смеётся). Вот. И я этим увлеклась, короче говоря. И в связи с этим меня направили в общество «Знаний». В общество «Знаний» я пришла, и вот сказать, что меня официально приняли в общество «Знание», я такого не слышала, мне никто об этом не говорил. Но мне вдруг выдали удостоверение, что я участник общества «Знание». Вот я его вчера искала, не нашла, понимаешь? Может, его уничтожили, а может, оно где-нибудь у меня в архивах лежит. Вот. Потому что вчера я удостоверений кучу нашла, а общества «Знание» не нашла.

Интервьюер: *Примерно, может быть, помните, какой год?*

Лакс Светлана Яковлевна: Вот я щас вспоминаю. Это, знаешь, наверно, было когда? Когда я уже работала в школах, когда я уже в пединституте здесь читала. Наверно, это было... где-то в 1960 году. Нет, нет. Где-нибудь, наверно, в 1952-54 гг. Наверно, так. Потому что я вспоминаю, что меня отправляли. Один раз даже в Дивногорск я ездила, читала. Понимаешь, если б я знала, я б, конечно, всё это фиксировала. А так я читала, я ездила – меня отправят, я поеду. Я не читала – это я щас выражаюсь, что я читаю. И вообще, я никогда, я даже, выступая в процессах, я никогда ничего не читала. Я всегда говорила вот так вот свободно, понимаешь? Вот. И наверно, поэтому меня с удовольствием слушали. Потому что я не привязывалась к бумажкам.

Интервьюер: *Скажите, вы входили когда-нибудь в руководящие или контрольные органы общества «Знание»?*

Лакс Светлана Яковлевна: Нет. Врать не хочу. Нет. Участвовать я участвовала, собрания какие-то проводила, там что-нибудь такое. Меня приглашали, я присутствовала. Бывало, что я выступала, на собраниях партийных выступала где-то в партийных организациях от общества «Знание». Но сама нигде не участвовала.

Интервьюер: Скажите, но вы, может быть, знаете или знали, как вот проходил подбор кандидатур для избрания в выборные органы общества «Знание»? Или не сталкивались никогда с этим?

Лакс Светлана Яковлевна: Это, знаешь, это работа такая. Вообще, это очень сложная работа. Это так много уносит она. Я помню, меня в два часа ночи поднимали партийные организации: «Светлана Яковлевна, быстро вот на такой-то участок, машина ждёт!» Я надеваю на себя и поехала в два часа ночи. Потому что уже надо подсчёт вести, а у нас ещё не у шубы рукав. И приходилось и работать, и беседовать. И совершенно неожиданно подбирали. Не мы подбирали кандидатуру, а подбирали кандидатуру... партийные органы подбирали кандидатуру. А мы уже потом подключались, работали и консультировали. В общем, всю общественную работу...

Интервьюер: Нет, имеются в виду не выборы в органы власти, а именно в органы общества «Знание».

Лакс Светлана Яковлевна: Ах, общества «Знание»? Ну, в общество «Знание» - там подбиралось всё очень просто. Вот пригласят на собрание, потом: «Светлана Яковлевна, вот это вам поручается, вот это выполняется!». Вот. И избрали всё. И Светлана Яковлевна это делает. А вот чтобы это было официально, чтобы проводилось как-то, чтобы занятия какие-то были – никогда ничё не было.

Интервьюер: Так. Ну, здесь вопрос не о воспоминаниях, а о ваших оценках. Вот как, на ваш взгляд, складывалось отношение между обществом «Знание» и КПСС?

Лакс Светлана Яковлевна: Не для записи. В общем-то, и неинтересно.

Интервьюер: Почему?

Лакс Светлана Яковлевна: Не знаю почему. Приглашали, беседовали: так, очень надо, вот это надо сделать. А не придёшь – им было всё равно. То есть вот то, что ты сам делал, кипел в котле знаний, выступал, делал – они тебе скажут спасибо, молодец, хорошо. Нет.

Интервьюер: Ясно. Скажите, а вы состояли в каких-то других общественных организациях?

Лакс Светлана Яковлевна: То есть?

Интервьюер: Ну, я не знаю там, может, ещё какие-то, кроме партии и общества «Знание»?

Лакс Светлана Яковлевна: Так это всегда. Господи, это-то всегда. По Покровке вот ходишь. Там вот что, какая-нибудь общественная организация? Ничё там нет. Я же говорю, если в бане один раз читала лекции, беседовала. Вот. Так что специально какой-то вот... Ну, бывало так, что вот один раз как-то читала, проводила беседу в лагере для заключённых. Один раз как-то проводила беседу с милицейскими работниками. Но это было о-ё-ёй когда. Кстати, недавно пришёл полковник настоящий, полковник милицейский. И говорит: ты чё меня не помнишь? Света, да ты чё? А я на него смотрю как баран на новые ворота, будто я его совсем не знаю. Оказывается, мы жили вместе, рядом. Читать приходилось, если говорить откровенно, всё время и бесконечно. И где придётся. И в институтах, и в школе, и в милиции было, и в партийных организациях. Куда только отправят, я не знаю куда. Так что говорить о том, что вот именно только в партийной организации ты читал – нет, так нельзя говорить. Потому что от общества «Знание» приходилось читать везде.

Интервьюер: *Ясно. Скажите, вы были членом общества «Знание». В этой общественной организации были членские взносы? Вы платили их?*

Лакс Светлана Яковлевна: Нет. При мне – нет. Может быть, платили раньше или позже, я не знаю. Но с меня взносов не брали.

Интервьюер: *Ладно. А скажите, вы так много занимались лекторской и просветительской работой, в том числе через общество «Знание». Вот. Скажите, вот это как-то оплачивался ваш труд?*

Лакс Светлана Яковлевна: Только в школе, в которой я читала семь лет. Там один год оплачивалось. Не оплачивали вообще, а к концу года говорят: «слушай, ну давай мы тебе хоть чё-нибудь соберём». К концу года. Вот. И к концу года они мне 34 рубля, что ли, заплатили (смеётся). Вот. А вообще всё это – бесплатная общественная нагрузка.

Интервьюер: *Ладно. Так, ну вот был вопрос: скажите, до вступления в общество «Знание» у вас был опыт чтения лекций? Вы сказали, что был.*

Лакс Светлана Яковлевна: Ну, был... Был! Потому что я увлекалась этим. Мне хотелось выплеснуться, мне хотелось рассказать всё это кому-то. И я действительно любила эту работу. И занималась этим, и много читала, и увлекалась. И вот сказать, что я с бухты-барахты выходила – нет. У меня была брошюра «Основы законодательства». Я специально доставала. И вот тоже вчера искала, не нашла. Кому-то уже отдала, наверно. Вот. И я по ней читала, смотрела. Там все законы, все законы были. И о трудовом праве, и о семейном праве – всё! И я читала со знанием дела. Я так просто не болтала.

Интервьюер: *Вот расскажите, на какие темы вы читали лекции общества «Знание»?*

Лакс Светлана Яковлевна: Ну, в основном большое количество, конечно, юридическое. Это семейное право, это трудовое право, это гражданское право, это уголовное право. То есть я знакомила людей с законами во всех от-

ношениях. И о нарушениях этого закона, и об ответственности за нарушение закона.

Интервьюер: *Скажите, а как вы определяли темы своих лекций, выступлений?*

Лакс Светлана Яковлевна: А вот это я брала программу. Была такая программа, вот я её вчера-то и искала. Такая вот брошюрка. И по каждому отделу. Допустим, трудовое право. Там только по трудовому праву было изложено всё, что нужно сказать по каким-то вопросам. Семейное право. О браке и семье, об ответственности, о расторжении брака, об ответственности за воспитание подростков и так далее. По уголовному праву. О совершении уголовного преступления: убийства, изнасилования, кражи и так далее. Об ответственности по гражданскому праву. По гражданскому праву были очень сложные дела, иногда даже брала дополнительный материал, чтобы изучить самой, для того чтобы потом его преподнести. Были очень сложные дела.

Интервьюер: *А что это за брошюра? Кто её выдавал? Кто её готовил?*

Лакс Светлана Яковлевна: Нам её выдавали, я щас не помню кто. Брошюра великолепная была! Я её так берегла, эту книжечку, потому что она мне до последнего была нужна. Ты понимаешь, наверно, я её кому-то отдала. А может, даже найду потом. Просто я книги очень много раздала сейчас, у меня очень много украли, когда лазили в квартиру. Вот. И её я найти не могу, но она была очень хорошая книга. «Совгосправо». По-моему, она была отдана отделом юстиции.

Интервьюер: *Скажите, а вы с кем-то согласовывали темы или содержание своих лекций?*

Лакс Светлана Яковлевна: Вот эту брошюру нам выдавали, и по этой брошюре мы читали лекции.

Интервьюер: *Так, чтобы Вы кому-то свои лекции приносили? Кто-то их читал, рассматривал?*

Лакс Светлана Яковлевна: Нет, никогда никто. Хотя я щас этому Олегу отдала две или три лекции каких-то. Написанных лекций. Их щас читать уже нельзя потому, что они ранние очень, щас они уже устарели. Но основу можно взять. Если он грамотный, он прочтёт, он поймёт, как себя вести с этой лекцией. Я две или три лекции ему дала таких.

Интервьюер: *Скажите, ну а как-то от вас требовалось, или, может быть, вы сами как-то... Вот как вы обеспечивали научность и качество ваших выступлений?*

Лакс Светлана Яковлевна: Ну, во-первых, были случаи, что нас прослушивали. Были случаи, что вот (мама у меня, в частности, меня прослушивала) записывали на магнитофон. Было такое. Но был один-единственный раз. И

то эта идея была мамина. Вот. Теперь, значит, ну сказать, что в отделе общества «Знание» нас прослушивали, ни разу такого не было. Я говорю, что они относились как-то так, знаешь... Мы, по-моему, лучше относились к своей деятельности, чем они к нам. Вот. Но всё-таки иногда заслушивали. Даже у меня где-то ещё лежат... Я отзывы писала на выступления адвокатов. Я однажды слушала их, двух или трёх адвокатов. Мне поручили прослушать их, как они выступают о законах после проведения какого-нибудь дела. И вот я трёх человек слушала и давала заключение. Что допускают нарушения в разговоре, в разговорной речи. Допускают нарушения в выражении той или иной мысли. Говорят иногда нечленораздельно и непонятно для людей, которые прослушивают. Вот. Было у меня три справки таких. Мне поручали прослушать адвокатов, как они выступают, как они говорят и как они преподносят законы и ответственность за нарушения закона. Было такое.

Интервьюер: *А подскажите, как сложные темы лекций пытались сделать популярными у слушателей?*

Лакс Светлана Яковлевна: Ну, у меня было так, у меня лично. Мне говорили: прочти, пожалуйста, лекцию в школе об ответственности родителей за воспитание подростков. У меня готовые лекции были. Я читала, выходила, выступала, говорила. Но у меня было всё записано. Я понимала, что должна преподнести всё понятно, ясно и ответственно. Я вообще была человек очень ответственный. Вот. И в то же время чтобы это было интересно, чтобы это было познавательно, чтобы это было необходимо и ответственно. Вот это всё я старалась выложить. Но что касается меня, меня слушали. Раза два, наверно, три тоже прослушивали. Но я скажу, что один раз мне было очень интересно. Я пришла в краевой суд, выступила по делу. И тут Шаров мне говорит: «Ну-ка иди, вон там народ собрался, иди че-нибудь скажи!». А я заглянула, там сидит совершенно полный зал народу. И я испугалась. И выскочила оттуда и говорю: «Сергей Сергеич, ой, простите, я не буду выступать». Он: «Почему? Ты че?». «Я испугалась». Он так хохотал надо мной: «Ты че, сдурела, старуха?» (смеется). Ну, это не для записи, это я просто говорю. Да, было со мной такое. Думаешь, так все просто? Иногда понервничаешь, иногда что-то неудачно получается, иногда такие вопросы задавали, что не знаешь, как на них ответить. Такое тоже бывало.

Интервьюер: *И как вы выходили из этой ситуации?*

Лакс Светлана Яковлевна: Выходила из такого положения, выкручивалась всячески. Иногда правдой, а иногда неправдой (смеется). Бывало такое.

Интервьюер: *А что значит неправдой?*

Лакс Светлана Яковлевна: Ну, просто обойдешь и не скажешь. Потому что иногда действительно не знаешь, как выйти из положения.

Интервьюер: *Это были какие-то критические вопросы?*

Лакс Светлана Яковлевна: Нет. Это вопросы частного характера. Вот так чё-нибудь замолотят. Разный же народ сидит в зале. Кому-нибудь чё-нибудь взбрѣдет в голову: ну а вот если вот так? Я говорю: так если не бывает, закон это запрещает.

Интервьюер: *Скажите, ну а как вы вообще часто читали лекции?*

Лакс Светлана Яковлевна: Практический каждый день. В последние годы практический каждый день. Потому что сидишь в процессе, после процесса перерыв, народ надо занять. То в следственном изоляторе (я, правда, уже там не работала, я работала в адвокатуре). Но в следственном изоляторе я продолжала читать лекции, меня приглашали туда, поскольку я была ихняя! А в зону не каждого пускали, поэтому меня пропускали спокойно. Читала лекцию в лагере для заключѣнных. Ну тоже туда пропускали, так сказать, не всех и не всегда, но я была своя. Даже так было однажды. Я пришла и тогда вот прошла по удостоверению «Знаний», меня пустили, всё, в зону. А лагерь был мужской. А я-то женщина. Я прошла и пошла по зоне. И по радио передают: в зоне женщина, в зоне женщина! Переполоху понаделали, там целый состав весь на ноги поставили. А потом начальник лагеря вышел: где женщина? Я говорю: я женщина. Он такой: да разве это женщина, вы чѣ, сдурели (смеѣтся)?! Вот был такой случай у меня.

Интервьюер: *Скажите, а вот кому вам больше всего нравилось читать лекции, с кем вести беседы и почему?*

Лакс Светлана Яковлевна: Подросткам. Плохим подросткам. Они очень внимательные. Они с большим интересом слушают. И преподавательский состав. Я с ними очень хорошо работала. А детей я просто любила. Я с ними очень хорошо работала. Великолепно работала! У меня были восьмые, девятые, десятые классы. И когда я уходила, я уходила и плакала. Пришла домой и плачу. Мама говорит: «Дура ты, дура! Люди радуются, что уходят, а ты плачешь». Ну, я такая была. Я любила свою работу. И ребятишек любила. Ну ладно, чѣ ещё?

Интервьюер: *Скажите, а вот обычно какая была численность людей в группе? Это же были группы? Или у вас были индивидуальные беседы тоже?*

Лакс Светлана Яковлевна: Разные были люди. Разные. В Покровке люди были абсолютно разные. По улице идѣшь: Светлана Яковлевна, здравствуйте! Меня там по имени-отчеству даже знали. Светлана Яковлевна, вот расскажите там этакое чё-нибудь, вопрос у них возник. Вот остановлюсь прямо посреди улицы, рассказываю. В Покровке той же была в бане. Пошѣл дождь, деться некуда. Мужики говорят: Светлана Яковлевна, а пойдѣм в баню? И мы пошли в баню. Мы все сели вот так вот, полки тут, тазы, всё на свете. Мы сели, было человек шесть нас. Я им читала, рассказывала всё о законах. В пединституте целая была группа. Даже не группа. А как это сказать-то... Ну, много было их там, что-то человек тридцать. Были целые группы большие. Были студенты

иногда. В пединституте читала, там тоже их собрали чё-то около 30-40 человек. Так что сказать о том, что это определённая какая-то публика была... И вопросы были самые разношёрстные, и публика была самая разношёрстная. Потому что в пединституте была одна публика, в школе была другая публика, в Покровке была третья публика. Совершенно разные. Вот. Так что сказать определённо, что вот такой-то вопрос, такая-то публика – так сказать нельзя. Совершенно неожиданные были вопросы.

Интервьюер: Скажите, а было так, допустим, что вы пришли на лекцию, а никто не пришёл?

Лакс Светлана Яковлевна: Ни разу не было. У меня ни разу не было.

Интервьюер: Такого не было, да? А было такое, что люди там уходили с лекций?

Лакс Светлана Яковлевна: Такого вовсе не было. У меня знаешь, как было? Вот я читала в 10 классе, в школе. Даже не я сама. Это мне рассказывали уже сами ребята, уже взрослые, уже работали, уже там не учились. И преподаватель рассказывала. Я, говорит, смотрю, дверь у тебя открыта в классе, и тишина, и никого нет. Я иду и в душе ругаюсь: ведь вот отпустила ребятшек и даже не предупредила! И говорит: иду и думаю, щас я ругаться начну. Подхожу – а в классе тишина-тишина. И ты одна ходишь по классу и чё-то говоришь-говоришь. И такая мёртвая тишина... И я, говорит, голову положила на дверь и так сорок минут простояла и даже не заметила. Так, говорит, было здорово. Я, говорит, сама ничего не знала, оказывается. Вот. Даже так было. И чтобы вот уходили или не приходили – у меня такого никогда не было. А знаешь, как было? У меня был один мальчишка, который на боку дыру вертел. И я его никак успокоить не могла. И я ему: «Андрей, перестань! Андрей, перестань!». А он всё крутится. Я не кричала, не ругалась, ничего не делала. Я подошла к нему, положила вот так ему руку на голову и продолжаю говорить. А ему шевелиться-то нельзя. И говорить-то ничего нельзя. И он сидит, а все в классе улыбаются, все поняли, что это была хитрушка своего рода. Это был воспитательный, так сказать, момент. Ну вот любила я с ребяташками работать. Со старшими. Я не любила маленьких. Так, ну ладно.

Интервьюер: Скажите, а вот как организовывались лекции с вашим участием?

Лакс Светлана Яковлевна: Никто их никак не организовывал. Мне просто звонили и говорили: Светлана Яковлевна, вот можете сегодня прочитать в школе там такой-то лекцию? Я говорю: для кого? Если для родителей – одно, если для педагогов – другое, если для детей – третье. Я говорю: для кого? Ну, вот это, допустим, для детей старших классов. Я говорю: могу. Всегда пожалуйста. Или для родителей у меня была лекция «Отведите от детей беду». Такая была лекция у меня. Вот. У меня для детей, родителей и учителей были лекции даже без подготовки. Я великолепно читала, потому что я любила эту работу. Вот. А для Покровки я не очень любила. Потому что там публика такая – и ма-

теряются, сидят, и семечки щелкают, и всё что хочешь, все 24 удовольствия. Вот. Так, чё ещё?

Интервьюер: *А кто вам звонил-то, приглашал?*

Лакс Светлана Яковлевна: А иногда из райкома звонили. А вот когда политотдел был – из политотдела. Позвонят: «Ты чё там делаешь сёдня?». Ну, скажу, чем занимаюсь. «Давай, сегодня вечером партийной собрание, давай, надо выступить». Ну, давай. Или наоборот. У Руты было так. Я Руту не знала, один раз её видела, один раз только у неё выступала. Она позвонила мне сама и говорит: «Вы что делаете сегодня?». «А что вы хотели?». «Прочтите нам лекцию такую-то». Я щас не помню, какая была лекция. Но я у неё прочла, народу было довольно много. Вот. Я прочла у неё лекцию, она сказала, что ей понравилось. Потом в пединститут один раз так же вызвали. Там я в библиотеке сидела. Людей было человек 15. Просто люди, которые пришли заниматься туда. Я для них рассказывала что-то о законах. Ну, вот так, наверное.

Интервьюер: *А вот были такие путёвки в общество «Знание». Вам выдавали путёвки?*

Лакс Светлана Яковлевна: Никогда. Никогда. Один раз путёвка была, ну, в смысле... Куда же меня направляли по этой путёвке? По-моему, в Дивногорск. Один раз. Больше не было.

Интервьюер: *Ясно. Скажите, а вы как-то отчитывались о своей лекционной деятельности? Кому отчитывались? Как часто отчитывались?*

Лакс Светлана Яковлевна: В коллегии адвокатов, когда я работала, нам просто поручение было, и нам было указано, чтобы мы проводили вот эту беседу, работу с людьми, которые присутствуют в процессах. Поэтому, когда мы составляли отчёты о заработной плате, о работе и вообще, то мы писали, что было проведено вот столько-то лекций таких-то в этом отчёте. И всё. Специально нас никто никуда не вызывал.

Интервьюер: *Понятно. А какие-то отчёты специально в общество «Знание» делали?*

Лакс Светлана Яковлевна: В общество «Знание» никуда не писала. Вообще ничего не давали. Вообще я тебе говорю, что они не работали. Вот в период, когда я работала, они практически не работали. Так, мелочь какая-то. Неинтересно. Во всяком случае, мне неинтересно было с ними работать. В Доме политпросвещения один раз вызывали меня, я там выступала для военнослужащих каких-то. Это один раз было от общества «Знание». А так нет.

Интервьюер: *Так. Ну и ещё один вопрос. А кроме лекций, другие формы работы в обществе «Знание» вели? Беседы, может быть, ещё что? Какие-то конференции?*

Лакс Светлана Яковлевна: Были собрания для родителей о работе с подростками в основе своей. Были собрания партийные в организациях каких-

то и направляли туда. Один раз было отчётно-выборное собрание, когда кого-то избирали. Тоже меня направляли, чтобы я послушала, как оно пройдёт, это собрание. Но вот так сказать, чтобы вот что-то определённое, что-то серьёзное было, и они направили – да не было этого никогда.

Интервьюер: *Скажите, ну а когда вы закончили или там перестали быть членом общества «Знание»? Почему перестали?*

Лакс Светлана Яковлевна: Перестала, потому что на пенсию ушла. Пока я работала, пока я работала, я всё время работала. Ну, не мне говорить, пока я шевелилась, всё-таки что-то старалась делать, понимаешь? И для партийной... Да я и щас, если бы могла, вот я щас просто ходить не могу. А вообще я посередине ни от чего не отказывалась, делала.

Интервьюер: *А в каком году вы перестали читать лекции?*

Лакс Светлана Яковлевна: Последнюю лекцию я прочитала, щас скажу, когда... Так. Я не помню. Правда, я не помню. Я всё время как-то до последнего читала лекции.

Интервьюер: *А когда вы ушли на пенсию?*

Лакс Светлана Яковлевна: Ты задаёшь такие вопросы... Вопросы, которые с какими-то датами, я уже не могу, потому что я уже забыла.

Интервьюер: *Ясно. Так, ну и последний, оценочный вопрос. Скажите, вот, на ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении Знание среди советских граждан? Почему вы так думаете?*

Лакс Светлана Яковлевна: Сказать правду – это значит обидеть их. Сказать неправду – тоже нельзя. Вот как хочешь, так и знай. В общем, я хочу сказать, что общество «Знание» вообще, конечно, нужно. И вообще, они должны знакомить, кто-то же должен знакомить людей с законом. Вот я даже щас вот живу, и меня никто не знакомит. Вот. А общество «Знание», если честно, то они плохо работают. Практически иногда совсем не работают. А если так по доброму всё-таки, то общество «Знание», конечно, нужно. Людей знакомить нужно, необходимо даже, потому что особенно у нас сейчас, у нас такое разношёрстное щас государство, у нас богатые и нищие, у нас к одним одни требования, к другим – другие. И люди воспринимают по-разному одни и те же законы. Одни говорят, что это надо, другие говорят, что это не надо. Поэтому общество «Знание», конечно, нужно. И нужно работать. И нужно людей, которые участвуют в обществе «Знание», нужно их приобщать, нужно их учить самих законам, потому что они порой сами их не знают. Вот. Но сама я щас оторвалась. Потому что щас мне самой 87 лет.

Интервьюер: *Спасибо за ваше интервью.*

Стенограмма сверена с аудиозаписью 13.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Красовской Валентиной Павловной,
лектором общества «Знание» в 1960-1980-е гг., членом правления
Красноярской краевой организации «Знание» в 1972-1988 гг.,
председателем правления Красноярской краевой организации общества
«Знание» в 1975-1988 гг.**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
Моя запись 2.wav (1:31:21)

Дата и время проведения интервью: 31.01.2019 г., 10:00-11:35 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Красовская Валентина Павловна

Стенографирование аудиозаписи: Казанов Виталий Владимирович

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя).

Красовская Валентина Павловна: Кто-то ещё. Что там, что вас интересует? Просто из жизни? Понятно.

Интервьюер: Ну, я предлагаю, как построить нашу...

Красовская Валентина Павловна: С 1932 года я, по сути дела, вот тут живу. Некоторое время выезжали мы и жили в городе Канске. Но некоторое – года 3-4, наверно. До 10-го класса с 5-го. Пять лет. Только вот в этом плане. Это медицина, это просто развитие там города Красноярска, или это самое.

Интервьюер: Давайте, я предлагаю, как построить.

Красовская Валентина Павловна: Пожалуйста.

Интервьюер: Я буду задавать вам вопросы.

Красовская Валентина Павловна: Хорошо.

Интервьюер: А вы развёрнуто, как считаете нужным, будете на них отвечать.

Красовская Валентина Павловна: Если что-то помню, знаю. Всё-таки имейте в виду – 90 лет, когда уже с лишним 90, многое забылось, конечно.

Интервьюер: Прежде чем перейти к обществу «Знание», давайте вот (это очень важно, для того чтобы понять, какой вы человек, как вы прожили свою жизнь) расскажите о себе: где и когда вы родились, кто ваши родители? Ну, расскажите о вашей семье.

Красовская Валентина Павловна: 1927 год 18 июня, это Саратовская область, село Орлов Гай, село довольно большое. Там я родилась, там, где-то до 4 лет мы жили, семья. Занимались сельским хозяйством, до колхоза довольно

бедно жили. Потом, видимо, НЭП. И кредиты дали. Урожай был хороший. И вот какой-то год-два – и мы разбогатели. Достаточно было пищи, питания. Отец, мама, семья смогли сделать, выстроили свой дом из... Я даже это немножко помню, пятый год мне уже был, потому что я принимала участие в строительстве дома. Помню, какая ёмкость большая была из досок сделана, и мы месили. То есть собирали коровий помёт, привозили тачками эту глину, и я помню, прыгала. Месили ногами. Вот так вот. И вот из этой смеси сами делали кирпичи, на солнышке сушили и из этого складывали дом. В общем, по крайней мере, дом на моей памяти там достроили. Видимо, может быть, начали строить и раньше, наверно, когда ещё 4 лет мне не было, потому что на пятом году уже папу выслали сюда, и потом мы. В общем, дом был действительно красивый. Мой папа рукастый был, умный. Даже как только начали колхозы формировать, так как у него уже было хозяйство, купили овец, курей, и было хозяйство какое-то. Понятно, пришлось всё это в колхоз отдать. Но не председателем колхоза его сделали. Там бедняк был, да и выпивоха такой. А заместителем, помощником председателя колхоза. Родители папы, бабушка и дедушка, умерли. И шесть человек семьи. Папа старший.

Интервьюер: Как его звали?

Красовская Валентина Павловна: Павел Данилович. В общем, тогда было принято. Была семья. Младшая сестра, тётя Аня, меня ещё не было, она с 1924 года, самая маленькая. Ну а самой старшей 22 года. Папа, мама – это семья. Все остальные – братья. Их было всего три брата и три сестры. Все принимали участие в работе. Я помню, что на пятом году жизни я с удовольствием работала, помогала и гордилась тем, что я могла что-то помочь. То на копне что-то мы там топтались. То, значит, семья работает, а меня просили принести водички свежей, бежала к ручью, набирала воды, приносила. Или бежала в деревню, там еду готовую приносила. В общем, все активно работали однозначно. Тот период, сначала колхозы создавали, но всё отдали. Наверно, что ещё у себя осталось – корова, которая нас спасла. И вот вы знаете, зря я не поискала один документ очень интересный. Прямо в истории это впервые было опубликовано. Из этого села писалось письмо-разнарядка на раскулачивание. Кулаков никаких вообще в деревне (может быть, парочку таких самых богатых) уже не было. Значит, взяли середняков, подтянули под кулаков. К тому времени, когда уже в колхоз отдали всё, что было, кое-что ещё оставалось. Вот у нас корова до конца осталась. Потом её потихонечку передали знакомым, они её продали, деньги от коровы нам вернули, честные люди были. Благодаря этим деньгам мы с мамой в Сибирь бежали, папу выслали раньше. Ну и налог, выполнен был налог, несмотря на огромную семью. В тот период я родилась, когда смогли уже что-то сделать, не голодали. Было какое-то своё хозяйство, поля, сеяли. Работали все: и младшие сёстры-братья, и папа, конечно, возглавлял всю эту семью. Ещё что помню, почему папу выслали, там верблюдов парочку отдали, там ещё что-то отдали. Но ещё до раскулачивания оставались овцы и курицы. И обложили налогом на яйца и на шерсть. И всё это выполнили. Овец всех постригли, достаточно было шерсти. Яйца от куриц тоже все сдали. Но уже время подходило

так, что, видимо, перестали курицы нестись, они же не круглый год несутся. По крайней мере, я так помню, что с яйцами была проблема. И обложили вторым. То ли продразвёрстка тогда была. Повторный налог. Но шерсти уже не было, денег не было, возможности купить шерсть и сдать государству тоже не было. Я почему это так рассказываю и помню, потому что потом уже, взрослые в шутку рассказывали, что меня маленькую спрашивали: а за что папу выслали в Сибирь (а выслали его в Красноярск, и жил он на Базаихе)? И я говорила, что за шерсть и за яйца. А взрослые хохотали, трансформируя это в своих мозгах. А я знала, что шерсти не было, все овцы обстрижены, и потом они все ушли в колхоз. За повторный налог, который отец не выполнил, за это его выслали сюда в Красноярск на три года. То есть это не было каким-то большим преступлением, всего на три года. Это был, видимо, 1931 год, если не 1930. 31-й, скорее. Потому что весной 32-го... А мы остались. Дом наш забрали. Всё, что в доме было, всё у нас забрали. И ещё, что я помню, тоже в памяти очень хорошо осталось, сравниваю с фильмом «Когда деревья были большими». А я помню, заборы были большие. Я кому-то уже рассказывала, в какой-то газете этот кусочек уже был описан. Если зайдёте в интернет, то наверняка найдёте эти рассказы. Потому что, понимаете, время проходит, какие-то точности уже, исчезают. Понятно, я, видимо, маленькая была, поэтому голову кверху задеру и мне казалось высоко-высоко! Видимо, горбыль шестиметровый был, скорее всего. И поэтому мне казалось, что забор такой высокий. Внутри пространство небольшое было, но был барак довольно длинный. В бараке – полати. Доски наложенные, между некоторыми были такие проходы. И подготовленные к ссылке, как папа. Папа даже не был раскулачен. У него отобрали за то, что он не выполнил налог. А вот у мамы уже всё отобрали, мама считается раскулаченной. Но уже в момент раскулачивания – только скрытые от государства коровы. Спрятанные. Больше ничего не было, всё было уже в колхозе. Но, тем не менее, некого было больше раскулачивать. И поэтому – середняки. Скорее всего, мы относились к середнякам. Работяги. Не пили, конечно. И семья вся такая работящая. Мама мне говорила, что не стали нас, куда папа выслан. А подбирали всю группу из этого села в Казахстан. И как раз наша знакомая, потом мы с ними встречались уже здесь в Красноярске. В Казахстан должны были. Филипповы. И щас, не знаю, родня кое-кто кое-где ещё живёт. В Канске, правда. Но первоначально выжившие были высланы в Казахстан. Вот они-то рассказывали, что когда в Казахстане, там их (по крайней мере, всех, кого туда привезли) высадили. Голое пространство, ни леса, ничего. Им удалось оттуда бежать. Там просто все погибли. Кто-то, если захватил с собой лопату, но мало кто. Потому что ничего не было. Запасы с собой какие-то брали, если у кого были. А мы с мамой раньше решили бежать. Мама – такая она у меня слабенькая, хрупкая. Вообще она и внешний вид, и по содержанию человек очень интеллигентный. Хотя у неё образование, конечно, невелико, там что-то два или три класса приходской школы. Вот этот момент помню я. Ещё до побега в этом заборе пару досок оторвали внизу, и они на верхнем гвоздике болтались. И так не видно, что они оторваны. Их когда сдвинешь, то в эту щель (как мы с мамой выжили, пока нас держали в этой тюрьме, заточении), я пролезала в эту щель и сколько, ну, далековато. Потому что мама

рассказывала, что она ужасно беспокоилась. Там такое холмистое место, небольшая горка. Она наблюдала, как я бегу, то исчезаю, волосы развеваются, волосёнки у меня тоненькие, пушистые, выныриваю и опять исчезаю. Бежала к бабушке с дедушкой, это мамины. Дедушка, его не раскулачили, но отобрали, мельница была своя. И он большой мастер был мукомол. И мельников было немало там, но он считался лучшим, потому, что очень хорошую муку какую-то там прямо. Естественно, после помола мука оставалась. Всегда была возможность, бабушка настряпает, мне узелочек в тряпочку завяжет, что-то приготовит, и я так это. Но не только мы с мамой, там ещё одна женщина была с ребёнком, без мужа, без всего. Тоже её немножко подкармливали. Сколько там были, сказать не могу. Может, пару недель, может, три недели. Период был ранней весны. Даже ещё начало, когда мы за этим забором были. Помню, даже снежок был. И помню (очень хорошо это в памяти, даже никто не рассказывал), телега, на телеге лежит, с моей точки зрения, большой человек. Теперь я понимаю, это был мальчик, да и потом я интересовалась, мальчик лет 15-16 с огромной головой. Теперь-то я тоже знаю, что это такое. Это порок развития, то есть ребёнок был инвалидом. Гидроцефалия так называемая теперь. Это вот не только мои ученики оперировали, нейрохирурги. Но она всё равно в настоящее время не очень излечима, эта огромная гидроцефалия. Конечно, этот мальчик был умственно неполноценный совершенно. Но всё время голодный, всё время кричал и требовал есть. Вот они единственные были богатые, у них золото даже было, какие-то кольца, ещё что-то. Видимо, и хозяйство было, когда-то всё это отобрали. Вот этот кусочек помню. Помню эти палаты. Потому что помню, что вот все-все-все подряд мы лежим один к одному на этом (смеётся).

Интервьюер: Расскажите, как вы убежали в Красноярск.

Красовская Валентина Павловна: Мы бежали так. Уже таял снег, развезло. Как удалось бежать: так-то кто бы нас повёл? Значит, продали нашу корову. Я выбегала, денежку мне передали. Бабушка с дедушкой ещё оставались мамины. Договорились с возницей. За женщину тоже мы заплатили. Я с мамой и она с девочкой примерно моего возраста. И значит, вот он нас вёз. Что в памяти у меня осталось: не телега, а всё-таки сани, потому что снег ещё не растаял. Там, где подтаяло, лужи большие. Помню, что в эти сани вода затекала. Увидим копна сена, останавливались, мама с женщиной бегут, сено наберут, чтоб повыше от холодной воды, чтоб мы не намокли и не заболели, девчонки. Вот этот кусочек помню. Ещё слабо помню, что возница не довёз нас до полустанка (какой-то маленький полустанок), деньги у него уже в руках, и он сказал: всё, дальше я вас не повезу. И этот кусочек дороги я помню. Но узелки, много с собой не возмёшь. Помню, что тяжеловато было. А уж наши мамы всё, что могли, конечно, с собой. Ну а то, что нам рассказали. Схватились, что мы бежали. Организовали погоню на лошадях парни, молодые мужчины, не знаю, кто там, солдаты или кто они были. Они и нас караулили. И они, понятно, по основной дороге на основную станцию, которая проезжая, которая самая. Конечно, а куда мы ещё? Вот я тоже думаю, мама какая умная у меня была: предположила, что нас там могут поймать, и направилась на промежуточный

полустанок, который был дальше. А возница рассчитывал на ближний полустанок, поэтому нас высадил. Ну, не догнали. Потому что на следующем полустанке мы сели. Вот этот кусочек помню. Помню, как мы добирались в вагонах. И тоже опять вот сейчас вспоминаю, насколько были хорошие люди. Вот парни, мальчишки. Тут мама, я. Мы уже разделились с этой женщиной. Она куда-то в другую деревню, а нам надо было в Сибирь. С папой уже переписывались, поэтому приблизительно знали, что, куда, железная дорога и всё. Добирались больше месяца. В пассажирских вагонах я не помню совсем, по-моему, ни разу не было. Да и денег на билет не очень-то было. Еда у нас уже заканчивалась. А вот помню, как подсаживали мальчишки-солдатики нас в свои вагоны, как они нас прятали, как они нас подкармливали, поили. Докуда-то мы доезжали, потом дальше то ли не по пути, то ли мы высаживались, потом как-то ещё пересаживались. Вот с такими, можно сказать, приключениями. Но самое интересное, что у меня не осталось внутри ничего плохого. То есть никакой злобы, обиды. Я рассказываю и вспоминаю это, будто не о себе. Мы считали, так и должно быть, так все люди на земном шаре, наверно, живут. Вот так мы добрались до Красноярска. Знали, что это Базаиха. У папы уже был сарайчик, небольшой совсем. Он вырезал окошечко там. И когда мы приехали, было ещё не совсем готово. Между досками он набивал мусором каким-то крышу. И к счастью, что здесь, я даже тоже это помню, сколько валялось везде досок, потому что деревоперерабатывающий ДОК вот этот, он же недалеко там был. И всё это, видимо, бесхозяйственное. Всё бросали. И понятно, что всё это бесплатно подбирал, колотил. И в общем, у нас там довольно тепло было. Вы знаете, у вас же другая цель, у вас история города.

Интервьюер: Нет, это всё правильно. Но давайте следующий вопрос. Расскажите, какое у вас образование, где вы учились?

Красовская Валентина Павловна: Училась я в городе Красноярске. В тот период 10 класс заканчивала, город Канск. Мы почему уехали? Здесь папу, он недолго был на деревоперерабатывающем, его директор хлебозавода, который на левом берегу, он папу пригласил на работу и быстро его сделал замдиректора. У папы побольше было образования, конечно. Он хороший хозяйственник, умница был, конечно. И в этом плане у нас как-то было... Так, вы какой вопрос задали?

Интервьюер: Ваше образование, где вы учились?

Красовская Валентина Павловна: А, у меня образование, да. В Канске я заканчивала 10 классов. Тогда не 11, а 10 было. В 1944 году я поступила в медицинский наш институт. Тогда была только база, это Мира, 124. И ещё на Кирова, 11. Анатомка у нас там была. То есть то, что сейчас, этого ничего тогда не было. Институт был эвакуирован из Ленинграда. И часть (стоматологическая и что-то ещё) – из Воронежа. В общем, там был один факультет, только лечебный. Училась я хорошо, и после института меня оставили в клинической ординатуре. Не надо было тогда никаких блатов, поддержек, никаких пап-мам, ни денег никаких мы ничего не платили. Сама сдала, сама поступила. Занималась

общественной наукой. Со второго курса занималась, гистологии. Меня безумно интересовало в человеке всё до клеточки. И ещё в школе моя любимая кошечка попала под машину. Я её оживить не могла, конечно. А у меня была лаборатория, в Канске мы жили, на крыше, на потолке. Ну, там всё чистенько, красиво, все инструменты. И большая была книжка «Анатомия». Это я готовилась, всегда готовилась в медицину. Любила медицину. И причина была: тётка умерла от рака, там ещё под Саратовом мы были с мамой в гостях. И я маме пообещала: мамочка, если ты заболеешь, я тебя обязательно вылечу, сделаю операцию и тебя спасу. Вот так со школы я начала заниматься анатомией. И много общего: и желудок, и кишечник, и печень. Там это у меня лаборатория была. И в институте я очень рано начала заниматься наукой. Уже доклад готовила немножко позже, такой солидный научный доклад. Уже тогда, и в 44-м году, и в 45-м, были научные кружки, и студентами мы занимались, кто любил. Я до 12 ночи сидела в анатомке. Чаще с подружкой вдвоём, потому что одной всё равно неприятно. Но не боялась. Да, вот на Кирова, 11 в анатомке. Интересно, тогда это 1946 был год, а вот я сейчас настолько хорошо, в 90 с лишним лет, хорошо помню анатомию всю эту. Студенткой я могла встать на трибуну, могла читать лекцию. И мне это всё помогло очень в хирургии. В 25 лет я всё-таки работала взрослым хирургом. Многие через мои руки прошли, много сделала операций. Это и щитовидная железа, и желудок (резекция была), и много других всяких маленьких и больших операций. Закончила наш институт, я хорошая студентка была, отличница. Меня оставили в клинической ординатуре. Тогда она была три года. У меня был первый мой учитель – профессор Бантов в первой краевой больнице. Успешно у меня всё это получалось, потому что, во-первых, я прямо вся туда уходила, себя не жалела. Хотя получилось так, что в 1949 году, когда институт-то закончила, я вышла замуж. Тогда мужчин-то почти не было. Вот по улице Сталина с подружкой шли, её знакомый встретился. Он постарше, прошёл войну. Встретился и не выпустил, можно сказать, любовь с первого взгляда, что ли. Уже не выпустил. Но тем не менее я всё равно там день и ночь старалась. И клиническая ординатура у меня очень успешно прошла. Но как-то первый год был, я чувствовала, что профессор Бантов относится ко мне с обожанием, как к своему ребёнку. Но случилось что-то там, не знаю, не хочу, я его очень уважала и не хотела даже вникать. Бантов ушёл, появился профессор Дыхно. И вот два года я училась уже у профессора Дыхно. Юра, Юрий Александрович – это сын Александра Михайловича Дыхно. Вы, наверно, фамилию эту слышали, да? В общем, этот. Ну, он талантливый, конечно, хирург. Но он немножко так другого склада. Нельзя сказать, что авантюрного склада. Ну, может, более смелого, что ли. Я помню, Бантов десять раз не решался на большие операции. На сердце, например. А Дыхно уже взялся за сердце. И как-то даже после ординатуры мы с ним: «Вы как, Александр Михайлович?». «Да я-то ничего, но вот сердца моих пациентов не очень хорошо». Много умирало. Но это не из-за него, он оперировал хорошо. Это не налажена была анестезиология, и реанимация слабая была тогда. И пациенты, конечно, вот такие. Ну и брал-то он в тех случаях, когда человек погибал потихонечку.

Интервьюер: Ну вот расскажите о вашей работе, где и кем вы работали.

Красовская Валентина Павловна: Вот я три года отработала в первой краевой больнице как клинический ординатор. Потом закончилась клиническая ординатура, там не было вакансий, и меня взяли в первую городскую больницу, которая на Вейнбаумана. И там я недолго работала ординатором, взрослым хирургом. Как-то очень быстро на кафедре потребовалась помощь. А у меня всё-таки клиническая ординатура, знания. И действительно, и сама учила, и в клинической ординатуре уже преподавала. Потому что мои учителя, Колос, его называли профессором. У него не было ни кандидатской, ни докторской. Но уровень его, несомненно, был высокий. Учителя, кроме профессора Дыхно, непосредственно мои кураторы были, и очень солидные. И даже вот первая учительница-то Нина Семёновна Дралюк. Фамилию-то эту вы знаете, потому что Миша Дралюк её сын, профессор щас здесь работает. У нас разница небольшая в возрасте, один год. Но она уже работала, у неё опыт был. А я только пришла тогда, и она немножко мне помогала и шефствовала. Потом городская больница. Довольно быстро меня взяли в ассистенты на полставки. Понятно, это было дежурство, это операции, это студенты. Я вела уже тогда группы студентов, лекции тогда не читала. Потом у меня уже профессор Колесниченко был. А нет, кто же сначала? Шафер, по-моему, какой-то. Но это, наверно, может, и не имеет значения. Там менялись всё-таки, кто заведовали кафедрой. Что там дальше-то получалось? Профессор Гливенко появилась. Вы, может быть, фамилию эту слышали, нет? Я начинала научную работу в клинической ординатуре по варикозному расширению вен, как мне предложил Дыхно. У одного молодого человека было осложнение. После введения в вену склерозирующих веществ у него образовался некроз. И я категорически не стала больше этой научной работой и этим методом пользоваться. Потому что самое важное – не навреди! Тогда зачем мне эта научная работа? Хотя набран был уже материал довольно большой. Но я поставила крест и больше этим не занималась. Потом я поняла, что профессору Дыхно нужно было монографию написать по раку желудка, и он меня подключил. Тоже я столько времени потратила. Перелопатила всю литературу. Платила, перевод. Но не только английский. Монография вышла эта, но моей фамилии там не оказалось. Это мой характер, видимо, такой. Потому что потом вся моя жизнь была такая. Моя идея, моё руководство. А фамилия в авторстве попадалась уже другая. То, что я студенткой занималась научной работой по гистологии, это моё увлечение опять вернулось. Меня опять потянуло к микроскопу, я занялась цитологией. Тогда это было ещё не очень распространено. И не так было много работ. А патанатомы говорили: какой ерундой занимается, разве можно рак по клетке определить, да просто невозможно! Надо целый кусок, срез сделать, тогда видно соотношение и всё. А вот тогда зарождалась цитология, книжечку по ней, может, потом покажу. Всё сама делала: препараты красила, под микроскопом диагнозы ставила. Если вы говорите о научной работе, то под руководством Веры Филипповны Гливенко, она мне дала две темы: одну – биохимию, другую – я сама. Цитологию взяла и остановилась на этом микроскопическом исследовании «Ранняя диагностика рака». Иголочкой зала-

зила в любые места, везде добывала материал в просвет иглы, просвет на препарат делала, красила. Краска обычно как кровь. Ну а потом, значит, у меня тысячи этих препаратов. Конечно, очень рисковала. Теперь-то я это понимаю. Всё-таки хоть и говорят, что рак не заразный и не контагиозный, как я литературу изучила и как в моей семье произошло, он контагиозный. Если взять, например, онкодиспансер. Кржижановский главный врач. Теперь, кто дальше. Арутюнян, мой ученик. Когда я детской хирургией занялась, он у меня учился, а потом стал. Изумительный человек, блестящий хирург, последние годы работал замглавврача по хирургии. И вообще человек Арутюнян Гамлет Григорьевич потрясающий во всех отношениях. Для него главное было не деньги, а пациенты. Может, ещё потому, что ко мне он относился, как к своей матери. Я немножко непоследовательно рассказываю, но тем не менее жизнь такая длинная, и это патология пожилых людей, что мы многовато говорим. Вам надо покороче, чтобы не было много информации лишней, так сказать. В общем, научная кандидатская диссертация у меня «Клинико-цитологическая диагностика для взрослых». Тут у меня всё было, в диссертации, кроме головного мозга, кроме головы. А голову потом я помогла Мише Дралюк, сыну Нины Семёновны. Она была моей приятельницей, она ко мне обратилась: в его докторскую хочу, чтобы он ввёл ещё главу по цитологическому исследованию опухоли головного мозга. Ну, у меня связь была в Москве, это профессор Петрова, тоже занималась, я их связала. В общем, кандидатская у меня как раз касалась ранней диагностики рака у взрослых. Ну и главы были всех локализаций. Если взять какие-то интересные моменты, ну вот один интересный момент. Семёнова, по-моему, Верочка. Довольно молодая ещё женщина была. Значит, схватилась, когда опухоль уже больших размеров молочной железы. Она – к онкологу, отдельного диспансера не было онкологического. К профессору Вере Филипповне Гливенко она тоже попала. Ну и онколог тоже был у нас, она посмотрела. Ну, там сомнений в том, что это рак, не было. Как каменная опухоль, большая, больших размеров. И главное, что такой был признак: когда она появилась, она два-три месяца, говорит: да нет, не было её. Что она очень быстро растёт – один из признаков рака. Вера Филипповна говорит мне: пунктируй. Ну, я собирала материал, так что перед операцией обязательно пунктировала. Обычно это в иголочку, в просвет иглы набираешь, и достаточно материала, чтобы посмотреть, какая форма, злая, не злая. Даже это можно было сказать по клеткам. Я её взяла, в перевязочной пунктирую, шприц тяну, полный шприц жидкости. Говорю: девочки, ёмкость дайте мне, баночку. Ещё тяну 20 миллилитров, ещё. Чуть не сто миллилитров. Опухоль эта исчезла. Значит, я центрифугировала эту жидкость, осадок взяла под микроскопом. Ну, препарат покрасила. Клетки есть, но абсолютно здоровые, да их и немного. Это эндотелий молочной железы, я его изучила. Я уже чётко знала их, хорошо, они у меня были сфотографированы. Нормальные клетки, зрелые, незрелые, в общем. Могла дифференцировать: саркома, рак. Какой рак, плоскоклеточный или это, уже можно было по клеткам. Там все эти мне говорят: чем занимаешься, всё это у тебя пропадёт. Так не только не пропало, а, наоборот, здорово! Сейчас вообще без этого не берут на операцию, без цитологического исследования. Хотя гис-

тология, несомненно, более точное исследование. В общем, опухоль исчезла, нет. А ещё что хорошо сделали? Так как опухоль очень большая и похоже, что метастаза (под мышцей лимфатические узлы прощупывались), то должны были предоперационное облучение сделать. И если бы я до облучения не сделала, тогда ничего бы, радикально оперировали, убрали молочную железу. А это именно до облучения я сделала, и опухоль исчезла. Значит, облучать не надо, давайте понаблюдаем, что такое. Хотя всем было понятно, что это напряжённая киста молочной железы. Кисты бывают, они везде бывают, где угодно. Но капсула уже не могла больше растягиваться. Ткань молочной железы переполнена была вот этой жидкостью. Это было лет 50-60 тому назад. И она потом, Вера Семёновна, фамилию потом вспомню, всё, операция никакая не нужна, опухоль исчезла. Могло бы ещё копиться, скапливаться жидкость. У некоторых скапливается, у некоторых нет. А у неё вот ничего. В общем, вылечила я её (смеётся). Мой портрет всю жизнь вместо иконы висел у неё. Она меня домой приглашала, я у неё в гостях была, она угощала. И вот я вижу свой портрет.

Интервьюер: *Последний личный вопрос: скажите, вы были членом КПСС?*

Красовская Валентина Павловна: Да, я была. Как же это было. В комсомоле я была какое-то время. Потом занята была, мне некогда там, я активно. Скорее, в институте меня профсоюз забрал, чтобы я там помогала им, чего-то делала. А в КПСС меня пригласили уже, наверно, перед докторской или кандидатской, забыла. Что Валентина Павловна, вы будете теперь преподавать, обучать студентов, и, естественно, вы должны быть вот это. Но я по своему характеру внутреннему была коммунисткой. Но каким путём: мне всё время хотелось, чтобы сделать лучше! Вот как мы с мамой сюда приехала, мама: «Ой, какая красота!». Умирала она в 96 лет и говорила: какое счастье, что папу выслали сюда в Красноярск и мы сюда бежали. А мне всё время хотелось, чтобы Красноярский край, город был самый-самый хороший. Поэтому – общество «Знание». И я действительно с обществом «Знание» проездила там: и Америка, и Соединённые Штаты, и Германия, Испания, Болгария, Индия. Иногда руководителем группы. Это не обычный туризм, а спецтуризм. То есть мы где-то выступали с лекциями, где-то общались, пропагандировали СССР. Представители из каждой республики были. А моей задачей были Россия и, главное, Красноярский край. Вот в таком плане. То есть это параллельно с моей научной работой была такая общественная работа. 15 лет я вначале была председателем медицинской комиссии несколько лет. Ну а потом случилось, что Вера Филипповна Гливенко...

Интервьюер: *Мы сейчас вернёмся. Давайте про КПСС закончим. Это примерно какой был год, когда вы вступили в КПСС?*

Красовская Валентина Павловна: Так, дай бог мне памяти-то. Я щас и не помню. Ну, наверно, 70-е - 80-е годы. Потому что зарубежные поездки были в 80-е годы.

Интервьюер: *А членом партии когда стали?*

Красовская Валентина Павловна: Вы знаете, не помню щас. По телефону, наверно, где-то посмотрю, поищу. А может быть и не вспомню.

Интервьюер: *И в КПСС вы были до какого?*

Красовская Валентина Павловна: Я сдала партийный билет, вот когда, 91-й год, наверно. Но не совсем точно.

Интервьюер: *Хорошо. А почему это произошло?*

Красовская Валентина Павловна: Я сдала тогда уже по таким принципам. Я много видела несправедливого, нелогичного, что это самое. И что всё-таки наши во главе хотя бы общества «Знание» (я ведь активно пропагандировала), а смысла и толку нет. Но самое главное, когда распалось, по-моему, и секретарём Центрального Комитета России назначили... такой небольшой, маленького роста. И почему-то я знала, что человек он во многих отношениях не самый-самый, который должен возглавлять. И этот момент, что меня не спросили. Ну, не то что меня, а вот с нами со всеми не посоветовались. И вот этот переломный период. Кто же у меня тут, господи, щас я вспомню, встречалась с ним на инаугурации нашего губернатора, как раз он ещё даже. Ну, неважно. Ещё он говорит: ну, не может быть, чтобы вы, Валентина Павловна, партийный билет сдала. Я не осталась в коммунистической партии. Но то, что я люблю свой город, край, и то, что я всю жизнь я всё возможное и невозможное делала, чтоб было лучше! И, несмотря на то, что капитализм и всё это, я создала своё предприятие частное. Но, ни разу, ни одной копейки я никогда не брала за свою консультацию. Много незнакомых по телефону звонят: вот, Валентина Павловна, моя мама, вы её лечили, когда она была ребёнком, помогите, значит. Понятно. Или мы встречались. Я иногда понимала, что в этом плане я уже отстала. Тогда обращалась к своим ученикам с этим, опять бесплатно. Всё время старалась всё это. И до сих пор! Вот сейчас даже. Пытаюсь сделать так, чтобы...

Интервьюер: *Вот теперь я предлагаю перейти к обществу «Знание». Мы биографическую закончили часть. И первый вопрос: скажите, когда и как вы узнали о существовании общества «Знание»?*

Красовская Валентина Павловна: Это Вера Филипповна Гливенко, профессор. Она была председателем общества «Знание». По-моему, она вторым. До неё Конев, по-моему, но могу ошибиться. Какое-то короткое время. Недолго оно существовало, общество «Знание». И потом моя шеф, Вера Филипповна. Я упорно говорила, что это невозможно, и я не справлюсь. Но я же понимала: и семья, и хирургия, и наука, и ещё такая общественная работа. Но она мне объяснила, рассказала, сказала, что будет помогать. Ну и вначале, когда она была председателем общества «Знание», она меня уговорила стать председателем медицинской комиссии. Так, Виктор... Всё-таки память... Вот какая-то часть мозга у меня великолепно работает. Логика, по полочкам. А часть...

Интервьюер: *Давайте вспоминать то, что вспоминается. А когда это произошло, когда вы вступили в общество «Знание»?*

Красовская Валентина Павловна: Когда, какие годы. Ну, это вот мне отдельно надо было. Может быть, это будет дополнение какое-то. Я, скорее всего, уточню, и просто созвонимся. И я вам эти годы скажу.

Интервьюер: *Подскажите, ну вот вы были председателем...*

Красовская Валентина Павловна: Сначала медицинской комиссии. Потом Вера Филипповна, когда уже покидала Красноярск, и тоже упорно тут крайком партии подключился, этот самый. Ну, Макеева Полина Георгиевна. Тогда идеологией, по-моему, ведала. Мощная такая. Ну, тогда у меня уже период был, когда взрослою хирургию... Ой, тогда необходимо было открывать педиатрический факультет, нужно было открывать кафедру детской хирургии. И тогда профессор Гливенко меня, значит, на детскую хирургию. И тогда у меня случилось знакомство с нашим крайкомом партии. У Макеевой ребёнок непонятный, она родила его в сорок лет. Это вообще был свет в окне. Она такая мощная, мощная коммунистка! Её боялись все мужики! Она деловая женщина такая. И её ребёнок, которого родила в сорок лет, что-то там непонятное в животе, и он белый, бледный, всё это. Ну, там все смотрели профессора, Лубенский, все. Потом Юрий Моисеевич Лубенский сказал: а чё мы мучаемся, тут непонятно, Красовская за детскую хирургию отвечает. То есть я уже тогда (смеётся). Не потому что удачно, а потому что уже знания были, опыт был, интуиция была. Да, действительно, сложный случай. И по клинике похоже, что и деструктивный аппендицит может быть с перитонитом начальным, и кишечная инфекция. Ну вот я тогда Полине Георгиевне сказала, что если бы был мой ребёнок, я бы оперировала. Сразу сказала: возьмите кал на дисбактериоз, там какая-то кишечная. В общем, так и оказалось. Сальмонеллёз и острый аппендицит с начальной стадией перитонита. Васенька у неё этот сын. А потом, конечно, они в Москве уже, когда у меня беда, рак был, меня увозили, оперировали. Она меня там опекала, конечно. И к ней домой, и Васенька у неё взрослый, просто чудо, и умница, и наукой, и в партии, достиг тоже каких-то, я знаю. В общем, в общество «Знание», можно сказать, меня насильно. Я не могла своему шефу, руководителю, которому я подчиняюсь, категорически отказать. И она сказала: ну, не получится, будет трудно, я ещё пока не уезжаю, я помогу, ну и в конце концов откажешься. Ну а получилось так, что не так уж сильно много времени. То есть надо было только вовремя руководить, собирать край, всех это самое. 36 тысяч лекторов у нас тогда было. Все учёные, конечно, и кандидатские, и докторские. Я председатель общества «Знание», а члены – это ректоры большинства институтов были. Мне было интересно общаться, я уже поняла, насколько это интересная жизнь, сколько знаний. 23 секции было. То есть там не только медицина, там всё было: история – отдельно со своим руководителем, философия, экономика и так далее. Вера Филипповна ведь тоже была очень занята. Она заведовала кафедрой факультетской хирургии, и она была проректором по учебной работе. Она человек аккуратный, проводила эти президиумы, пленумы, когда надо. Ну, готовили, конечно. Там были сотрудники, небольшое

количество и оплачиваемых. И Вера Филипповна, конечно, до этого уже. Наверно, ещё потому, что центр Сибири, Красноярский край огромный, организовано было огромное количество лекций. Было известно, что ездят по всем районам. Организована тогда была, это вот Модестов Андрей, главный врач был онкодиспансера. Недавно опять он мне говорил: я свой коллектив огромный собрал, и мы тогда, каждый врач был обязан прочитать не меньшее количество лекций. Или в стационаре собирали, или где-то в столовой читали лекции. То есть система была организована. И это была бесконечная, как бы сказать, пропаганда. Людям внушали и здоровый образ жизни. Целая отдельная секция у нас была, я много литературы сама по алкоголизму прочитала. Я до сих пор помню, что в 14-м году прошлого столетия было самое низкое у нас употребление алкоголя. Четыре литра на человека. А потом стало расти, расти. В общем, мы очень активно работали. Видимо, Центральный Комитет в Москве, понятно, что отчёты там им писались, они всё знали. И там я оказалась. В общем, они меня к себе, я и помоложе была (смеётся). Понятно, когда были съезды, пленумы. В Кремлёвском дворце выступала я, фотографии у меня есть. Не подготавливала, если вам что-то нужно по обществу «Знание», то я вам тогда подготовлю. У меня щас другие проблемы, я прошу прощения, что даже точно не помнила, когда вы. Проблемы серьёзные у меня. Я вытаскиваю предприятие, как Мюнхгаузен за волосы. Потому что условия такие в государстве создали, что средний бизнес потихонечку погибает.

Интервьюер: *Расскажите про вашу руководящую работу. То есть вы говорите, что не очень много времени занимала, да? А почему?*

Красовская Валентина Павловна: А потому что организована была система. Во-первых, был ещё обязательно оплачиваемый (я-то общественник) руководитель, как его ...

Интервьюер: *Аппарата.*

Красовская Валентина Павловна: Да, аппарата.

Интервьюер: *Ответственный секретарь.*

Красовская Валентина Павловна: Да, ответственный секретарь. Были референты распределены, у каждого бы не одна секция, а по несколько секций. Они курировали, весь край курировали. И поэтому что нам стоило, мы собирали всех своих сотрудников. На следующий год в декабре собираемся: что будем разбирать? То-то, то-то. Кого будем слушать? Ну, например, Енисейск, Канск, Ачинск или какой-то поменьше. Подготовку по такой-то теме. Туда выезжали, в этот район. И смотрели, изучали. Это проводилось там в разных местах. И в школах, и на фабриках, заводах, предприятиях, в клубах. Читались какие-то по определённым темам. Изучали, волновались, готовились к этому заседанию. У нас и президиумы, и пленумы были. Пленумы были, по-моему, один раз в год. Но это весь край собирался. В каждом районе обязательно был ответственный. Поэтому только контролировать надо было, вовремя чтобы поехали, собрали материал. Почему-то все очень ответственно к этому относились, волновались

всегда и готовили. Ну, тогда не было таких демонстративных аппаратов, особенно таблицы. Рисовали, сколько лекций, какие, чего. Ну и долбили, внушали. Меньше – это уже факты статистические. Сколько, предположим, на душу населения алкоголя приходилось. Несомненно, эта пропаганда играла роль, мы видели. Оздоровливали, помогала людям, заинтересованность какая-то там это. Я, кстати говоря, в молодости у меня два увлечения было: медицина и история. И я закончила университет, исторический факультет. Вот тогда были такие, вечерние, что ли. Ну, просто у меня такое ещё хобби было. В общем, вот так общество «Знание». Мне очень жаль, что оно... Вот щас Овчинников, и я его как раз с Железноводска. Ну, крайком партии, его, конечно, рекомендовал. Вот. Но мы собрали пленум краевой. И как раз на этом пленуме я рекомендовала, мне пришлось рекомендовать его. А тогда был период противостояния коммунистической партии. И то, что он был секретарём коммунистической партии, то понятно. В общем, я чувствовала, что зал против. Со мной сидел рядом. Вот какая особенность физиологическая пожилого человека. Выскакивают из головы фамилии, которые прямо этот, наш писатель знаменитый, он был членом Правления у нас. Овсянко, Овсянко...

Интервьюер: Астафьев?

Красовская Валентина Павловна: Ну да. И он тут рядом со мной сидел. Он выступал, конечно, очень остро. Про репрессированных писателей, про всё это. Ну, то есть там как раз период был очень такой негативный, демократия. Ну и в этом плане бог мне дал дипломатию какую-то, какие-то слова всегда я находила, что мне этот зал удалось переломить, взять под это самое, что...

Интервьюер: Скажите, а почему вы ушли из руководства общества «Знание»?

Красовская Валентина Павловна: Почему? Что же у меня тогда было... В общем, я уже не тянула что-то, я сама понимала. Так же, как ушла я с кафедры, хотя мне было всего только 65 лет. Это когда тебя уже знают, детская хирургия, СССР, все республики, куда ни приедешь, а женщин нас немного было, детских хирургов. Совсем немного. Обожали буквально все академики, мои руководители по детской хирургии. У меня был по докторской Исааков Юрий Фёдорович. Мы очень были дружны с Баириным Гиреем Алиевичем. Я у них даже жила, когда писала. У Баириной я сдавала в Ленинграде, то есть защищала докторскую диссертацию. А Юрий Фёдорович был главным детским хирургом СССР. Он москвич, и понятно, что женщина ещё молодая. Вы понимаете, что надо быть невероятно мудрой, чтоб никого не обидеть и не дай бог приблизить как-то. То есть приблизить до уровня просто друга. А говорят, что с женщиной просто дружбы не может быть. Но я-то всегда чувствовала. И даже Юрий Фёдорович всегда удивлялся: Валентина, ну как это всегда тебе так удаётся? В общем, это был такой очень интересный период. Но это уже другой период. То есть со взрослой хирургии я уже закончила. Опять же моя шеф Вера Филипповна Гливенко. Она проректор, она подписала педиатрический факультет. Начали принимать на педиатрический факультет. Там должна быть кафедра дет-

ской хирургии. Её не существовало, базы не было. То, что мне почётного гражданина Красноярского края вот, ну, я сама удивляюсь. Но это не столько наука была, сколько организация детской хирургии. Потому что не было ничего. Учебные комнаты в подвале заливало. Ой, это всё не расскажешь, зачем вам это всё?

Интервьюер: Скажите, как, на ваш взгляд (такой оценочный вопрос, да?), складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?

Красовская Валентина Павловна: Вот пока я работала – идеально. Я чувствовала, что мы, можно сказать, правая рука КПСС. Вот правая рука. То есть в этом отношении они были мудрые. Я абсолютно в этом уверена, что пропаганда играет огромную роль! Мозг человеческий, мысли его можно повернуть как угодно. Но это надо убеждать. Чтобы люди поверили, надо и какие-то факты, положительные факты. Ну вот даже со Сталиным, представляете? Это же вообще был кошмар. У меня дедушку расстреляли, дядю расстреляли. То ли троцкист, то ли японский шпион. По-моему, троцкист. Полуграмотные, в деревне – какие там троцкисты? Дедушка мамин, он вообще был по характеру трусливый, можно сказать. Только вот никуда и ничего. Много за 90 с лишним лет прожито, много не помню, к сожалению. Это надо мне, видимо, восстановить. Даты, даты, даты. Куски вот эти. Потому что в каждый период было невероятно много интересного. Но если взять только общество «Знание», то это понятно, вы представляете? Это встречи с правительством вот в Германии. В США встреча была. И с Южной Америкой. Со многих государств представители коммунистических партий приезжали и это самое. В Германии я в операционной была. Тут, вы знаете, это отдельная книга. Вам если нужно общество «Знание»...

Интервьюер: Ну вот скажите, крайком партии руководил вами или просто советовался? Как это происходило?

Красовская Валентина Павловна: Он руководил, конечно. Как руководил? Сильно не диктовал. Оно как-то получалось так, что оно само собой разумеется, что среди нас не было людей, которые все понимали, что тяжело, что плохо. А когда особенно, вы говорите, как я положила партийный билет? Пустые полки абсолютно уже. Я когда анализирую, то понимаю, что не может государство, когда оно за железной занавесью, как и сейчас, я понимаю, эти санкции и всё. Почему это происходит? Я опять оправдываю. В Америке когда побывала и посмотрела, что там, когда у нас пустые полки, то я приезжала сюда, собирала секретарей партийных организаций, и я им читала лекцию. И я, понимаете, искренне верила сама и рассказывала им о том, что невозможно, что Америка двести лет не воевала, что Аляску она за бесценок у нас забрала, которая заполнена была богатствами, оттуда всё высосала. Да. И как мы, наша революция и это всё. То есть вещи у нас несопоставимые. И всё-таки мы же учимся. Я сама из бедной малограмотной семьи. Захотела – и я вот выучилась, выучилась и дальше. То есть возможность такая была. И всё, что я говорила, я говорила, не стремясь сделать карьеру, а я это внутри чувствовала. Так как вот на

инаугурации, я думаю, вы это уберёте. Пригласили, сижу, темно, идёт Владыка выступать. Подбегает ко мне девочка: Валентина Павловна, после Владыки вам нужно выступить. Я говорю: ну вы что, хотя бы, когда я пришла, сказали вот это вот. Ну а чё я могу сказать? Владыка говорил, говорил, уходит. Я поднимаюсь, меня объявляют, я иду. И мне легко, потому что к нему, к Уссу Александру Викторовичу, я действительно к нему хорошо отношусь. Поэтому я его обняла на сцене (смеётся). И там мне легко было, потому что, видимо, я это чувствовала и хотела, чтоб Красноярский край был хороший. Вопросы всё-таки о крайкоме были. В Москве пленумы, президиумы, которые проводились. Я в Москве несколько раз делегатом съезда была. И не только я. И Зоя Сафонова, Герой Социалистического Труда. Они, даже я не помню, чтобы кто-то что-то давил. Даже идеологический отдел. Чернов, по-моему, был в идеологическом. Он даже, помню, разговор был такой: Валентина Павловна, ну пустите. Это в помещении бывшего горкома партии, которое мы заняли. Вроде как меня даже просят. И они относились ко мне, как к равной. Они позаботились обо мне. Я на правом берегу жила, тогда ещё моста не было. И они, что давайте мы её вот.

Интервьюер: Понятно. А где у вас Правление находилось?

Красовская Валентина Павловна: А Правление находилось... Основное и длительное время – это здание, где горком, где наша администрация. Они располагались на Мира, между Перенсона и Кирова. Там, наверно, так? Или между Кирова и Диктатурой. На втором этаже помещение было хорошее, довольно просторное. Вот мне тогда-то как раз и удалось. Они меня знали. Но ещё и знали потому, что я врач. То у одного. Вот, пожалуйста, у Макеевой ребёнок мало того что прооперирован (причём такой сложный случай) удачно. Плисов ко мне, он председатель исполкома был, мы до сих пор с ним такие друзья. Конечно, он моложе меня, может, незначительно, но моложе. Ну, мы прям как, он и щас из Москвы на день рождения звонит и всё понятно. Когда я работала, он тоже, в общем, помогал. Помогал в строительстве детской хирургии. И тут уже общество «Знание» мне помогло создать эту детскую хирургию, создать базу в значительной степени. Потому что они меня знали, как общественного человека, когда я приходила. Но не всегда. Вот был председателем до Плисова Татарчук, он меня категорически. А я хотела построить новое здание детской хирургии. Но не совсем у меня это получилось. Пристройку сделали – это реанимация, операционная. Целый этаж – позаботилась о студентах, это учебные комнаты. И приёмный покой. Вот это вот. Мне не надо отвлекаться, а конкретно на ваши вопросы, а то я слишком много говорю.

Интервьюер: Скажите, вы состояли в других общественных организациях, кроме общества «Знание»?

Красовская Валентина Павловна: Ну, короткое время, но там ничего, была общественная организация, она как-то называлась «Детский фонд». Ну, не фонд, а... Но короткое время. Нет, я, потом-то, конечно. Меня просто не выпустили из рук, потому, что краевой Совет ветеранов. Они меня нашли, при-

шли, увезли, привезли. Я очень долго была там председателем медицинской комиссии. Потом городской Совет.

Интервьюер: Скажите, читая лекции, вы получали за это гонорары?

Красовская Валентина Павловна: Нет. Но вообще в те времена по обществу «Знание» платили. За какие-то лекции по три рубля, а за какие-то даже по пять рублей. Но я обычно выступала, понимаете, скорее, как организатор. Нет. Я выступала, и телевидение меня привлекало. И какие-то годы даже был период, что у них рубрику я вела по онкологии. По-моему, тогда по детской онкологии. И докторская у меня по детской онкологии. А врачи-то все, по-моему, вообще бесплатно читали. Главный врач поручит. Вот у нас, например, двадцатая больница. Ну а когда где-то в клуб какой-то или дворец, там всё-таки оплачивали. Старались оплачивать.

Интервьюер: Понятно. А скажите, на какие темы вы читали лекции в обществе «Знание»?

Красовская Валентина Павловна: Я читала в основном всё-таки, наверно: ранняя диагностика, профилактика, онкология и у взрослых, и у детей. Это я знаю, я сейчас могу вам подробно рассказать. Могу собрать сейчас аудиторию и каждой женщине объяснить, что надо, как надо обследование делать, какие признаки, и студентам, и врачам могу всё это прочесть.

Интервьюер: Скажите, а как вы определяли темы своих выступлений?

Красовская Валентина Павловна: Ну, чаще всего я специально не определяла. Как правило, по приглашению. Есть радио «Комсомолка» или «Комсомольское»? Радиопередача. Вот. Они меня на утреннюю программу, но тоже бесплатно. Но я потом им сказала, что мне тяжело, всё-таки возраст под 90.

Интервьюер: А тогда?

Красовская Валентина Павловна: А тогда определялось, каждая секция вела своё. Мне тогда было более чем достаточно своих лекций студентам.

Интервьюер: Скажите, вы с кем-либо согласовывали темы своих лекций, выступлений?

Красовская Валентина Павловна: Нет. Это враньё было, что. Нет, может быть, кого-то вот, что касается. Но я не знаю, кто это мог быть, какие. Ну не было давления такого, о котором вот так сильно говорят. По крайней мере, на общество «Знание».

Интервьюер: Ясно. Но ваши лекции же рецензировали?

Красовская Валентина Павловна: Нет.

Интервьюер: Не рецензировали. Хорошо. А скажите, как вы достигали (всё-таки научные лекции, да?), чтобы они были популярны у слушателей?

Красовская Валентина Павловна: Ну, если, к примеру, юристы о чём-то говорят, я им говорю: переведите на русский язык. Так медицину на русский язык перевожу, что доступно (смеётся). И что удивительно, что мне помогало, так это клиническая ординатура с молодости. Я могла рассказать так, что, как пациенты в палатах говорят: а нам не надо теперь ни таблеток, ни лекарств, Валентина Павловна всё рассказала. Мне удаётся и сейчас. Вот кто же, кто же... Абакумова дочка. Абакумов, да? Юрий Константинович. Мы с ним щас тоже. Я председателем общественного совета была. Второй краевой, их немного, 5-6 было. А сейчас я прямо изнасиловала Севастьянова, уговорила, чтобы ему передать председательство, хоть он не медик. А главный врач Татьяна Дмитриевна меня уговорила: «Ну ладно, освободим от председателя, но членом будете». «Да я уже не могу дойти до второй краевой, ноги у меня болят». «Будем возить». И возят, как только заседание. То есть общественная работа продолжается.

Интервьюер: Скажите, а как часто вы читали свои лекции в обществе «Знание»?

Красовская Валентина Павловна: В обществе «Знание»? Ну я сама не так часто читала. Нет. Я, скорее, руководила. Три года ординатуры мне очень помогли. Потому что я настолько много прочитала и много знала уже. И мне только дополнения, что-то новое было. И у меня чуть ли не каждый день лекции студентам и врачам были. Поэтому по обществу «Знание» я, скорее, проводила пленумы, президиумы. Ну, это раз в квартал. Пленум раз в год.

Интервьюер: А по обществу «Знание» как часто?

Красовская Валентина Павловна: Я лично – нет. То есть, конечно, когда выезжали, я выступала. Но не это. Работало 36 тысяч лекторов. Это более чем достаточно. А так у меня лекции каждый день были, но лекции вот в таком духе. То есть вначале половина жизни (25 лет) это была взрослая хирургия. Это преподавание студентам и врачам по всей взрослой хирургии, там всё.

Интервьюер: Мы уже практически к концу подходим. Скажите, когда и почему вы перестали быть членом общества «Знание»?

Красовская Валентина Павловна: Почему же я перестала...

Интервьюер: Или вы сейчас являетесь членом общества «Знание»?

Красовская Валентина Павловна: Ну, они меня иногда приглашают. Я-то считаю, это дело даже в руководителе. Овчинников. Если бы он мне позвонил или там чего-то. Вот вы мне незнакомы, я вас не знаю, но всё-таки вы мне позвонили, я вот до сих пор не отказываюсь. Хотя и говорю телевидению, уже много этих передач по телевидению: мне это уже не надо. Но мне нетрудно говорить. Но есть всё-таки какая-то тема более узкая. Вот как ваша тема такая. Ну, она, история была бы, наверно, немножко по-другому, если вот так. Скорее, не я должна интересоваться, а что было. Какой Красноярск, например, был в 1932 году (смеётся). Это я помню, эти дороги, могу рассказать. Какой правый берег был?

Интервьюер: *Ну вот в советское время вы перестали с обществом «Знание» активно заниматься в конце 80-х?*

Красовская Валентина Павловна: Да, где-то к 90-м годам. Ну, я уточню. Потому что я вот прямо передала Овчинникову, а он потом стал называться президентом. Но он другой по характеру. Он, скорее, несмотря на то, что был социалистический строй, а теперь вот это, он, скорее, бизнесмен. И вообще общество «Знание» в СССР, но потом и в России, оно как-то не стало котироваться и погасло. Сейчас оно возобновляется. И в Москве создаётся какой-то центр. Но сам Овчинников, он институт от Ленинграда. Наверно, настал момент. Там был переломный какой-то период.

Интервьюер: *Ну и последний вопрос. На ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении знаний среди советских граждан?*

Красовская Валентина Павловна: Огромную.

Интервьюер: *Почему вы так думаете?*

Красовская Валентина Павловна: Полезную. Необходимую. И сейчас я до сих пор думаю и радуюсь, когда смотрю. Да. Теперь не так чётко организовано. Была система. Сейчас такой системы нет. Но когда я что-то вот слушаю или вижу, то думаю, что по сути они делают полезное дело, общество «Знание». И что-то вижу и думаю: ну кому мне сказать? Что ограничьте эти детективы, не наслаждайтесь, когда скручивают головы, когда распарывают, когда кровь. Это огромное значение играет и влияет на воспитание детей, и влияние на взрослых. Особенно на молодые головы. Это такой колоссальный вред приносит. Прекратите в детективах милиционерам ставить бутылки, и всё время обязательно кто-то пьёт и пьёт. Это агитация, это пропаганда алкоголя. Ну есть у кого-то ум, ну да, демократия. Но вы всё-таки соображайте, что в демократии они тоже должны. Да, для меня это демократия: хочу – пью, хочу – матерюсь. А мне неприятно, мне противно на алкоголиков смотреть. Я не могу никогда свыкнуться, как и моя мама. Она слово «врешь» считала, что это некрасивое слово и его нельзя говорить. А что касается слова «попа», это вообще матерщина. Ну, это деревенская семья вот такая, да? А теперь, видите ли, модно. Но вот хорошо, у нас секса не было, так теперь этот секс на каждом. Ну, понятно, всё изменяется. И я так смотрю, неприятно мне. Неприятное поведение женщины, неприятны гражданские браки. Неприятно – с тем поспала, с другим поспала. Неприятно чрезвычайно, вот действительно женщины взяли. Неприятно. Ну а с другой стороны, анализирую, всё течёт и всё меняется.

Интервьюер: *Спасибо вам за ваше мнение, воспоминания.*

Стенограмма сверена с аудиозаписью 21.02.2019.
Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Путинцевым Юрием Сергеевичем,
секретарем парткома Красноярского политехнического института в 1974–
1976 гг., председателем исполкома райсовета Центрального района
г. Красноярска в 1976–1979 гг., секретарем Октябрьского и Железнодорожного райкомов КПСС в 1979–1983 гг.**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
phone_20190201-100828_2115481.amr (30:00)

Дата и время проведения интервью: 01.02.2019 г., 10:00-10:35 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Путинцев Юрий Сергеевич

Стенографирование аудиозаписи: Казанов Виталий Владимирович

Интервьюер: Здравствуйте, Юрий Сергеевич.

Путинцев Юрий Сергеевич: Здравствуйте.

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Путинцев Юрий Сергеевич: И исключена что?

Интервьюер: И включена в диссертационное исследование. Сначала прошу рассказать о себе: кто вы, где, когда вы родились, кто ваши родители, расскажите о своей семье.

Путинцев Юрий Сергеевич: Какая-то длинная история. Я понял так, Андрей. Значит, общество «Знаний». Я почему тебе сказал, что да, значит, я считаю, что я занимался распространением общества «Знаний» в силу своего служебного положения, не потому что я был членом этой общественной организации общества «Знаний»...

Интервьюер: Ну, в смысле были или не были?

Путинцев Юрий Сергеевич: Я членом этой организации не был.

Интервьюер: Так, понятно.

Путинцев Юрий Сергеевич: Я занимался распространением, значит, знаний по линии своего служебного положения.

Интервьюер: Давайте об этом тогда поговорим.

Путинцев Юрий Сергеевич: Давай об этом поговорим.

Интервьюер: В любом случае мне нужна сначала личностная информация. Поэтому как-то, если можете, по крайней мере, кратко расскажите.

Путинцев Юрий Сергеевич: Ну, фамилию, имя, отчество ты знаешь. Год рождения ты знаешь. Или не знаешь?

Интервьюер: Не знаю.

Путинцев Юрий Сергеевич: 1936.

Интервьюер: А дата?

Путинцев Юрий Сергеевич: 10 апреля.

Интервьюер: Где вы родились? Кто ваши родители?

Путинцев Юрий Сергеевич: Родился я в Богградском районе. Ну, всё. Родители, отец и мать, как у всех.

Интервьюер: Кем они были?

Путинцев Юрий Сергеевич: Они были рабочими.

Интервьюер: Ясно. А скажите, когда и почему вы переехали в Красноярск?

Путинцев Юрий Сергеевич: В Красноярск. Когда и почему я приехал в Красноярск. Так, 65-й... В общем, я приехал в Красноярск из Тувы, из Кызыла. Из Тувы, из Кызыла приехал я сюда сразу после школы. Э-э-э, после армии! 1959 год.

Интервьюер: Так, ясно. А расскажите, какое у вас образование и где вы учились?

Путинцев Юрий Сергеевич: Образование у меня высшее, политехнический институт в Красноярске. Высшая партийная школа в Новосибирске. У меня два образования.

Интервьюер: Понятно. Так, расскажите о вашей работе, где и кем вы работали в то время советское?

Путинцев Юрий Сергеевич: Так. Ну, работал я... В Кызыле работал на АвтоЛенЗаводе слесарем. Потом секретарём горкома комсомола Кызыла. Потом уехал в политехнический институт учиться. После окончания его вернулся в Кызыл. Работал дежурным инженером электростанции тувинской. Потом инструктором тувинского обкома партии.

Интервьюер: Скажите, когда и почему вы вступили в КПСС?

Путинцев Юрий Сергеевич: Так, на авторемонтном заводе когда работал.

Интервьюер: Ну а почему это произошло? Это же какое-то решение же было? Такое личностное?

Путинцев Юрий Сергеевич: (смеётся) Ну, конечно, личное решение. А ты вступаешь – что, без личного решения что ли?

Интервьюер: *Я понимаю. Поэтому я вас прошу вспомнить...*

Путинцев Юрий Сергеевич: По личному решению, работая слесарем-мотористом по ремонту двигателей автомобилей. Значит вот. Рабочим я посчитал нужным и для себя необходимым вступить в партию.

Интервьюер: *Ясно. Спасибо за то, что рассказали о себе. Теперь предлагаю перейти к обществу «Знание». Скажите, когда и как вы узнали о существовании общества «Знание»?*

Путинцев Юрий Сергеевич: О существовании общества «Знание» я узнал, когда работал секретарём горкома комсомола.

Интервьюер: *Как вы узнали?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Ну как узнал. Стал, так сказать, заниматься пропагандой знаний политических и других всех, так сказать, социальных. Вот. Ну и стал общаться, так сказать, с этим обществом.

Интервьюер: *И секретарём какой организации стали комсомольской, где она была?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Я стал первым секретарём Кызыльского городского комитета партии. То есть комсомола. Первым секретарём Кызыльского городского комитета комсомола.

Интервьюер: *Это какой был год?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Это год был, год был, год был... Наверно, 57-й или 58-й.

Интервьюер: *С какого года вы проживаете на территории Красноярского края в границах, учитывающих Хакасию? Вот как вопрос звучал.*

Путинцев Юрий Сергеевич: А, в границах, учитывающих Хакасию? Постоянно я проживаю здесь, ну, с момента поступления в политехнический институт. Потом снова уезжал и работал в Туве. Потом, так сказать, вернулся обратно сюда.

Интервьюер: *Понятно. Расскажите, как вы взаимодействовали с обществом «Знание», проживая на территории Красноярского края?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Ну, так сказать, во-первых, контактил с районны-ы-ы... с городским обществом «Знание» в плане того что, так сказать, решал вопросы, так сказать, обращался с просьбой в общество «Знаний» побывать в таком-то трудовом коллективе по такой-то теме, там, и так далее, и так далее, и так далее. Побывать на нашем семинаре, там, значит вот, партийном и так далее.

Интервьюер: *Как часто вы обращались в общество «Знание»?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Ну, разве я тебе могу сейчас сказать, как это было – часто или нечасто. Я бы больше сказал, что это было систематически... систематически обращался с такой просьбой, когда, так сказать, возникала реальная необходимость провести такую беседу или в трудовых коллективах, или в молодёжной среде, или, так сказать, с активом партийным или советским. Вот тогда я и обращался.

***Интервьюер:** Скажите, а почему вы сами не вступали...*

Путинцев Юрий Сергеевич: Как?

***Интервьюер:** Почему вы сами не вступали в общество «Знание»?*

Путинцев Юрий Сергеевич: А кто его знает? Не знаю. На этот вопрос я тебе ответить не могу, почему я сам не вступал. Я считал, что этого достаточно, что я привлекаю общество это «Знаний». Я им благодарен, что они очень чутко и внимательно всегда относились к просьбе и грамотно, профессионально, так сказать, исполняли нашу просьбу, осуществляли её, получали благодарность от людей.

***Интервьюер:** Понятно. Скажите, когда вы приглашали, так скажем, на лекции или на беседы представителей общества «Знание», вы им определяли темы...*

Путинцев Юрий Сергеевич: Определял что?

***Интервьюер:** Темы выступлений.*

Путинцев Юрий Сергеевич: Я определял темы какие? Значит, разговариваю я с обществом «Знание», с руководителем и говорю: вот у нас будет, так сказать, общее собрание вот такого-то цеха комбайнового завода, значит, вот по проблемам каким-то там, значит. Я их щас не помню все, какие проблемы. Или, так сказать, вот собирается, так сказать, студенческое общество в таком-то институте или преподавателей. Я бы хотел, чтоб вы там выступили. Вот. Тема какая-то обязательно называлась. Темы - но какие, я не могу сейчас запомнить.

***Интервьюер:** Скажите, а вы согласовывали лекторам общества «Знание» текст выступлений?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Никаких согласований не было. Я всегда просил эрудированных, грамотных, проверенных, так сказать, профессионально людей, которые обладают и ораторским мастерством, так сказать, и знанием, конкретным знанием дела.

***Интервьюер:** Скажите, после того как лектор общества «Знание» читал свою лекцию, вы обсуждали её? Её содержание, как она была воспринята аудиторией?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Значит, я всегда интересовался, когда просьбу нашу выполнил работник или там член общества «Знаний», я обяза-

тельно интересовался или у руководства цеха там, завода, или в партийном комитете, или в профсоюзном комитете по линии, в зависимости от того, по чьей линии эта встреча была, встреча, сбор людей по линии профсоюза, комсомола, или там партии, или администрации, так сказать, я всем интересовался и всегда получал ту оценку, которую они давали.

Интервьюер: Скажите, а если оценка была (ну, положительная – понятно)... Было ли, когда давались оценки отрицательные? И как вы на это реагировали?

Путинцев Юрий Сергеевич: Значит, ну я больше всего тебе скажу, так сказать, не об отрицательных оценках, а, так сказать, о недостаточности освещения, допустим вот, той конкретной темы, какая была.

Интервьюер: Так. Ну, если вот, собственно говоря, такая оценка давалась, что недостаточно, да? Как вы на это реагировали? То есть какие-то, может быть, меры принимались?

Путинцев Юрий Сергеевич: Ну, как мы реагировали? Мы связывались с обществом «Знание» или с тем человеком. Что, во-первых, спасибо вам, что побывали, что откликнулись на нашу просьбу. А во-вторых, так сказать, вот слушатели, так сказать. Вот вам, во-первых, благодарность объявляют, благодарят вас за эту встречу. А во-вторых, им хотелось бы, чтобы вы побольше внимания уделили вот этому, вот этому, вот этому.

Интервьюер: Скажите, ну вот как член выборных партийных органов, выносились ли на рассмотрение там райкома, горкома вопросы, где... на которых бы давались какие-то поручения общества «Знание» по конкретным направлениям агитации и пропаганды? Оценивалась ли работа общества «Знание»?

Путинцев Юрий Сергеевич: Я не помню.

Интервьюер: Не помните такого, да?

Путинцев Юрий Сергеевич: Нет.

Интервьюер: Хорошо. Скажите, а вы сами выступали в качестве там рецензента, ходили ли на прослушивания?

Путинцев Юрий Сергеевич: Я сам очень часто бывал на этих встречах. И когда это необходимо было (я считал, что это просто нужно), я выступал на этих встречах, так сказать. Что-то дополнял, что-то, так сказать, оценивал там и так далее.

Интервьюер: Скажите, как на ваш взгляд складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?

Путинцев Юрий Сергеевич: Нормально складывались. Как? Так как и должны складываться.

Интервьюер: *Ну а, может быть, что-то поподробнее? То есть как они должны были складываться?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Как они должны были складываться? Мы должны работать в одном направлении, мы работали в одном направлении. Значит, нести знание людям. И по линии партийной, и по линии общества «Знаний». Никаких там у нас дискуссий, так сказать, я не помню, чтоб кто-то. Кто-то выступал, кто-то с чем-то, допустим, дополнял там или как-то. Вот такие были.

Интервьюер: *А скажите, взаимоотношения общества «Знание» и КПСС отличались, допустим, 70-ые – начало 80-х гг...*

Путинцев Юрий Сергеевич: Не понял, не понял...

Интервьюер: *Как отношения между обществом «Знание» и КПСС складывались после 1985 года?*

Путинцев Юрий Сергеевич: После 85-го года? Ну, я тебе могу только одно сказать. Отношения – если моё личное отношение. Я могу сказать, что, так сказать, я относился к обществу «Знанию», «Знаний» как к реально положительному явлению в обществе. Что профессионалы вот объединились и имеют свою общественную организацию и несут Знание, так сказать, по мере необходимости. Когда-то это было чаще, когда-то это было реже. А так системно я тебе не могу сказать, что вот с 1985 года у нас похолоднело, у нас мороз, у нас иней был и так далее. Я этого не могу сказать. На протяжении всей моей работы (вот этой общественной) отношение у меня к обществу «Знаний» было всегда положительное. Всегда я считал, что это необходимая организация.

Интервьюер: *В результате нескольких интервью люди отмечают, что в последние годы общество «Знание» заняло достаточно критическую позицию по отношению к политике КПСС на местах.*

Путинцев Юрий Сергеевич: Я тебе не могу, так сказать, ответить, что было такое. Я этого не замечал, так сказать. Может быть, потому я не замечал, что-то там, какие-то вещи, потому что я членов общества «Знаний» знал, с которыми я имел дело. И, так сказать, какое-то противоречие у меня с ними не возникало.

Интервьюер: *Хорошо. Скажите, вы участвовали в аттестации лекторских кадров общества «Знание»?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Ну вот как тебе сказать, участвовал я или не участвовал? Если я присутствовал на лекции, так сказать. Слышал, о чём говорил, как говорил, так сказать. Что положительное, чего не хватало. Значит, я тебе уже говорил, что, так сказать, я обязательно звонил, благодарил, так сказать, и подсказывал, что говорят рабочие, на что надо больше обратить внимания. Или слушатели, не рабочие, а вообще в принципе. Вот. Вот как это понимать?

Интервьюер: *Ну вот были ли в вашей жизни случаи, когда вы отказывались аттестовать лектора?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Аттестовать?

Интервьюер: *Да. То есть отказывались признать его лектором первичного, допустим, звена, или районного, краевого?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Я тебе скажу, что такого случая у меня не было. Не было у меня такого случая по одной простой причине, что я не занимался, значит, организационной структурой или какой-то воспитательной работой в самой этой общественной организации. Там достаточно грамотные были люди, подготовленные люди. Поэтому я мог только высказывать им свои соображения и советы, своё видение и понимание, что вот тут надо побольше на это обратить внимание, тут на это.

Интервьюер: *На ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении знаний среди советских граждан? Почему вы так думаете?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Очень большую роль. И это потому уже была большая её роль, что она была востребована, так сказать, людьми. Она была востребована людьми. И иногда, так сказать, поступали в горком партии, в райком партии, да и в период комсомольской работы просьбы, что нам неплохо было бы, чтоб кто-то к нам вот пришёл с такой темой от общества «Знаний». Такие разговоры были.

Интервьюер: *Скажите, а как изменилась роль общества «Знание» в начале 90-х гг.?*

Путинцев Юрий Сергеевич: В начале 90-х гг.? Общество «Знаний» просто исчезло. Вместе, так сказать, с советской властью. Вместе, на первых порах, и с партийной организацией.

Интервьюер: *А как вы думаете, почему это произошло?*

Путинцев Юрий Сергеевич: Почему это произошло? Потому что совершён был, так сказать, антигосударственный переворот. Пришла банда. Она уничтожила всё, так сказать. Начиная с обществ общественного, так сказать, выражения общественного общества общественного выражения мнений. Кончая заводами и фабриками, колхозами и совхозами.

Интервьюер: *Вот смотрите...*

Путинцев Юрий Сергеевич: Пришла банда!

Интервьюер: *Вот смотрите, никто не запрещал общество «Знание». Более того, оно сохранилось и после, так скажем, советского периода, да? Вот. Но, тем не менее, вы говорите, что практическая деятельность его прекратилась. Вот именно почему произошло это, почему деятельность*

прекратилась, хотя формально никто не запрещал деятельность общества «Знание»? В отличие, допустим, от КПСС.

Путинцев Юрий Сергеевич: Я тебе скажу: разве только одно общество было не запрещено? Были и ещё какие-то. И касса взаимопомощи. Были не запрещены. И так далее, так сказать. Но работа этих, так сказать, была или направлена в другую сторону. Так сказать, против народа, против общественного, массового, общественного спроса. Вот и всё. Но в то же время никто, так сказать, не подавал руки обществу «Знание». Что вот вы придите и расскажите, какие мы, буржуазия, прекрасные, либералы – самые замечательные люди, а все остальные – подлые.

Интервьюер: Юрий Сергеевич, спасибо за ваше мнение. Скажите, у вас где-то официальная биография опубликована?

Путинцев Юрий Сергеевич: Официальная биография опубликована. Она – в этой, «Красноярской газете» была опубликована.

<исключен разговор о текущих делах интервьюера и интервьюируемого>

Интервьюер: Спасибо. До свидания.

Путинцев Юрий Сергеевич: Всего доброго.

Стенограмма сверена с аудиозаписью 16.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Куимовым Василием Васильевичем,
лектором общества «Знание» с 1971 года, членом Общероссийской
общественно-государственной просветительской организации
«РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
phone_20190201-141057_79048959045.amr (32:04)

Дата и время проведения интервью: 01.02.2019 г., 14:10-14:45 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Куимов Василий Васильевич

Стенографирование аудиозаписи: Казанов Виталий Владимирович

Интервьюер: Здравствуйте, Василий Васильевич! Можете уделить мне время?

Куимов Василий Васильевич: Здравствуйте! Да, могу.

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Куимов Василий Васильевич: Хорошо, я согласен.

Интервьюер: Тогда прошу вот сначала рассказать о себе: где, когда вы родились, кто ваши родители, расскажите о вашей семье.

Куимов Василий Васильевич: Ну, я Куимов Василий Васильевич. Я родился 11 февраля 1945 года. Мой отец вернулся в 1944 году с войны, комиссованный подчистую, как тогда называлось, то есть очень израненный (совершенно). Вот. И вот в 45-м году я, значит, появился на белый свет. Отец в дальнейшем работал у меня лесником в лесном хозяйстве (охране леса). Вот. А мама раньше работала в колхозе, там, где шили, а потом была домохозяйкой. Потом, в конце жизни, и отец, и мать работали сторожами в магазине. Вот. Мы выросли в таёжных, естественно, условиях, где-то на кордоне лесном, где-то в глухих лесных деревушках, которые были на окраине... на грани тайги и леса. То есть тайги и где-то жилых районов. Вот. Поэтому семья самая простая обыкновенная.

Интервьюер: Хотел бы уточнить место вашего рождения.

Куимов Василий Васильевич: Деревня Покровка Ирбейского района Красноярского края.

Интервьюер: Понятно. А скажите, какое у вас образование, где вы учились?

Куимов Василий Васильевич: Ну, школу я закончил в Тугаче – это такой леспромхоз тогда был очень... достаточно крупный Саянского района, там

же остался и работал. После этого был направлен в институт технологический (Сибирский технологический институт) на факультет механический. Окончил его... начал обучение в 1963-м, закончил в 1968-м. Стал инженером-механиком. Затем был оставлен на кафедре тяговых машин ассистентом. Вот. Получил восьмимесячную подготовку в Московском лесотехническом институте и был на кафедре. Затем долгое время был на общественно-комсомольской работе в разных должностях. В 1977-1988 гг. я закончил Высшую партийную школу по специальности экономист. Вот. Экономика – значит экономист. Затем аспирантура в Берлине, в Германии. Ну, вот моё образование. Потом докторантура – в Новосибирске есть институт экономики и организации промышленного производства сибирского отделения академии наук. Вот там я закончил докторантуру. Вот моё образование.

Интервьюер: *Вы уже частично рассказывали о своём месте работы. Тем не менее, расскажите вот, может быть, чуть поподробнее о вашей работе: где и кем вы работали или работаете?*

Куимов Василий Васильевич: В настоящее время?

Интервьюер: *Ну, в смысле, где работали и где работаете, да. Ну, может быть, кратко так ещё более.*

Куимов Василий Васильевич: Ну, очень кратко. Работать я начал в лес-промхозе учеником токаря, потом токарем, там же получил 3 разряд, поэтому работал учеником токаря. Оттуда - в институт. После института - ассистент кафедры. Да! Я также работал на Красноярской ГЭС. Значит, правда, на автомобильно-ремонтном заводе Красноярской ГЭС. Ну то есть это строительство Красноярской ГЭС в это время. Затем после института - ассистент на кафедре Сибирского технологического института. Затем - секретарь райкома, Центрального горкома, Красноярского крайкома комсомола. Вот это моя комсомольская работа. Затем я закончил аспирантуру. Был на партийной работе в Свердловском, Октябрьском районах города Красноярска. И затем ушёл работать в Торгово-экономический институт заведующим кафедрой торгового дела и внешне-экономической деятельности, коммерции и внешнеэкономической деятельности. С тех пор работаю в Торгово-экономическом институте. Ещё один раз уходил в городскую администрацию с 2002 по 2012 гг. Работал заместителем главы города Красноярска. Весь этот период, конечно же, и в комсомоле ещё и затем я был как-то близок и даже внутри идей, связанных с обществом «Знание». Вот так примерно. Сейчас работаю профессором в Сибирском федеральном университете.

Интервьюер: *Хорошо. И последний личный вопрос: скажите, когда и почему вы вступили в КПСС?*

Куимов Василий Васильевич: В комсомол я вступил в школе. В КПСС я вступил, будучи вторым секретарём Центрального райкома комсомола города Красноярска. Почему – по убеждениям.

Интервьюер: *Ясно. Скажите, вы до какого времени были членом КПСС?*

Куимов Василий Васильевич: Членом КПСС я был до 1991 года, пока, так сказать, партию не закрыли.

Интервьюер: *Спасибо. Тогда сейчас предлагаю перейти к обществу «Знание». И первый вопрос: скажите, когда и как вы узнали о существовании общества «Знание»?*

Куимов Василий Васильевич: Общество «Знание» я узнал тогда, когда ещё работал в комитете комсомола Сибирского технологического института. У нас также были отношения с обществом «Знание». Некоторые мои коллеги тогда, кто закончил институт, работали ассистентами, преподавателями на кафедрах. Они уже состояли в обществе «Знание» и ездили читать лекции. Я в эту работу – потом уже в райкоме комсомола, горкоме, крайкоме. У нас были молодёжные секции в обществе «Знание», где комсомольские лекторы или молодёжные лекторы выезжали в молодёжные аудитории, под эгидой, естественно, общества «Знание», проводили соответствующие лекции. В основном эти лекции были связаны с научно-техническим прогрессом, с новыми какими-то достижениями в развитии, значит, экономики или техники. Это были по физике, по электротехнике, автоматике, автоматизации – в общем, самые разные лекции.

Интервьюер: *Подскажите: когда, как и почему вы вступили в общество «Знание»?*

Куимов Василий Васильевич: В общество «Знание» я вступил, работая, значит, секретарём райкома комсомола в Центральном райкоме. Дело в том, что было там два направления. Одно направление было связано с учащейся молодёжью, а второе, значит, было связано с работающей молодёжью и так далее. Я как раз был вторым секретарём, который занимался работающей молодёжью – это и научная молодёжь, и молодёжь вузов – значит, имеются в виду преподаватели и, естественно, с заводов и предприятий молодые специалисты. Поэтому я вступил там в общество «Знание».

Интервьюер: *Спасибо. Скажите, вы входили в руководящие или контрольные органы общества «Знание»? Если да, то, когда и в какие руководящие органы общества «Знание»?*

Куимов Василий Васильевич: Да, входил. Значит, будучи секретарём райкома, потом горкома, потом я был в крайкоме комсомола, значит, тоже на идеологии – поэтому я входил в состав общества «Знание» и его правления в разные периоды. Само собой, что это были отделения в районы, в городе, потом в крае. В разные периоды я входил в их структуры, а затем вот сейчас уже другое дело – это общественная профессиональная организация, я также вхожу в её состав.

Интервьюер: *Спасибо. Скажите, а означает ли это, что вы входили в руководящие органы общества «Знание», так сказать, по должности в комсомольских и партийных организациях?*

Куимов Василий Васильевич: Да, скорее всего, да.

Интервьюер: *Спасибо. Скажите...*

Куимов Василий Васильевич: Ну, кроме всего прочего, я действительно читал лекции как лектор. С этой точки зрения это была совмещённая, пожалуй, ситуация.

Интервьюер: *Хорошо. Расскажите, как проходил подбор кандидатур для избрания в выборные органы общества «Знание»? Что вам об этом известно?*

Куимов Василий Васильевич: Честно говоря, мало что известно. Скорее всего, видели, что есть молодой человек, как меня, например, подбирали, который читает, ну то есть хорошо выступает, читает лекции, а они у меня были связаны с развитием лесной отрасли поначалу, значит, ну то есть лесхозов, леспромхозов, лесоперерабатывающих предприятий. Ну, вот это была моя тема. Поэтому меня, вот как меня рекомендовали, не знаю кто, скорее всего, кто-то из актива общества «Знание», или, может быть, председатели соответствующие. Ну, скорей всего, вы правы: я был замечен тем, что был на комсомольской должности и много где общался, поэтому, скорее всего, меня так вот и заметили. Как подбирали? В основном подбирали самых выдающихся лекторов, и в Правлении был какой-то организатор. Остальные были, конечно, просто хорошие лекторы, которые хорошо знали это дело.

Интервьюер: *Спасибо. Скажите, почему, на ваш взгляд, одни члены общества могли избираться в выборные органы не один раз, а кто-то только единожды или вообще не избирался?*

Куимов Василий Васильевич: Ну, дело в том, что рабочий какой-то выборный орган – у него же ограничена численность его, а количество лекторов тогда было просто огромное – членов общества «Знание». И должен сказать, что, например, работая на кафедре, я практически думаю, что у нас ну все работники на кафедре даже тяговых машин, где я работал, они выезжали в леспромхозы, в лесхозы с лекциями какими-то, когда им общество «Знание» выписывало путёвку и направляло на такую лекцию. Поэтому лекторов общества «Знание» было огромное количество по сравнению с сегодняшним периодом. Вот. А как в руководящие должности – ну, очевидно, брали тех организаторов, которые могли ещё ну, например, как я. Я занимался молодёжной лекторской группой, поэтому у меня было вот это направление моей деятельности.

Интервьюер: *Подскажите, чем вы занимались в качестве члена выборного органа общества «Знание»?*

Куимов Василий Васильевич: Моей задачей была, так сказать, – подбор лекторов из молодёжи и направление, ну или рекомендация для направления,

кто куда из них может съездить для чтения лекций. Вот это была главная моя задача. Значит, какой-то особой учёбой лекторов почти не занимались, но мы получали разработки, например, краевого общества «Знание», которые активно распространялись в виде, ну скажем так, достаточно плотного документа там на 15-20 страниц, где были какие-то особые темы (лекции практически по отдельным темам были) излагались. Но это были лекции в основном общественно-политические, они были направлены на тех людей, вернее, рассчитаны на тех лекторов, которые читают общественно-политические лекции. А вот лекции профессиональные – как-то по развитию физики, космонавтики, лесной отрасли и так далее – это в основном были специалисты с предприятий, с организаций, с НИИ, которые этим занимались. В том числе вот я, работая вначале в Сибирском технологическом институте тогда.

Интервьюер: *Спасибо. Скажите, как на ваш взгляд, складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Куимов Василий Васильевич: Я думаю, что, даже знаю, что, безусловно, значит, основные позиции в работе общества «Знание» координировались идеологическим отделом крайкома партии. Скорее всего, это была достаточно прямая какая-то связь, и я, например, помню, что и в райкоме, где я работал, комсомола общество «Знание», скажем так, постоянно согласовывало в своей практике работы и какие-то подходы с секретарём по идеологии.

Интервьюер: *Спасибо. Скажите, как, на ваш взгляд...*

Куимов Василий Васильевич: Ну, не комсомола, а партии, естественно. Секретарём по идеологии партии, в которой был.

Интервьюер: *Понятно. Скажите, как, на ваш взгляд, складывались отношения общества «Знание» с другими просветительскими организациями в Красноярском крае, РСФСР, Советском Союзе, может быть, в мире?*

Куимов Василий Васильевич: Когда как складывались?

Интервьюер: *Да, когда.*

Куимов Василий Васильевич: Ну, прямо скажу, что к обществу «Знание» было глубокое уважение со стороны различных структур науки, потому что они просто участвовали в этом обществе «Знание». За редким исключением прямых исследователей, которые вообще говорить не могли, не умели, но очень хорошо исследованиями занимались, те не участвовали. А те, которые знали тематику и могли донести её до людей, практически все участвовали в этом. Это была очень массовая организация. Вот. Это было точно также, значит, у нас в институте. И в институте была своя ячейка общества «Знание», которая определялась, кто, по разным кафедрам мы были, так сказать, где-то, вот, но, значит, всё равно была какая-то координация – это всех лекторов, куда поехать может. Ну вот, например, надо ехать в какой-то леспромхоз. Смотрят, так сказать, кто в это время может, того и направляли. Поэтому отношения были, мне кажется, такие рабочие, очень нацеленные. Люди в большинстве своём ездили с удо-

вольствием. Дело в том, что это ещё и оплачивалось. Поездки такие, так сказать, по крайней мере, командиро... затраты на проезд оплачивались. Или давались какие-то автомобили, которым ехала, например, группа лекторов 5-7 человек в такой-то район, и там их довозили до посёлка, где они проводили лекции. Как минимум, это было интересно и, мне кажется, так организованно совершенно по-настоящему. Поэтому мне думается, что отношения были достаточно гибкие, лояльные и уважительные.

Интервьюер: *Подскажите, были ли в обществе «Знание» членские взносы, уплачивали ли вы их?*

Куимов Василий Васильевич: Нет!

Интервьюер: *Участвуя в деятельности общества «Знание», вы получали оплату за свой лекторский труд?*

Куимов Василий Васильевич: Да! Когда ты прочитаешь лекцию, вот я говорил, что первое – покрывались затраты на поездку. Это однозначно совершенно. Вот. А вот по поводу оплаты лекций – это только тогда, когда ехали куда-то далеко в район. А если это было здесь где-то в городе, в каких-то коллективах – нет, не оплачивали.

Интервьюер: *Ага. Подскажите, до вступления в общество «Знание», какое... так... примерно какой у вас был лекторский стаж до вступления в общество «Знание»?*

Куимов Василий Васильевич: Ну, только преподавание на кафедре тяговых машин. Выступления на комсомольских собраниях, активах. Не больше. Я бы не сказал, что я был высокопрофессиональный лектор, когда вступил в общество «Знание». Нет! Я был начинающий молодой лектор.

Интервьюер: *А, скажите, на какие темы вы читали лекции в обществе «Знание»?*

Куимов Василий Васильевич: Поначалу это были лекции, связанные, значит, с развитием как раз лесной отрасли (лесопромышленного комплекса, можно сказать). Это вот были... Затем мои лекции стали, когда я в комсомоле стал работать, уже больше связаны с молодёжной тематикой, с развитием молодёжи, в том числе, например, работа с молодыми специалистами на предприятиях, с молодыми учёными в вузах и в науке. Вот. В основном вот это было связано с этим. Затем, когда я вернулся после аспирантуры и стал кандидатом наук, мои лекции были связаны уже с развитием экономики в стране, в мире, так сказать, и так далее.

Интервьюер: *Это, примерно, были какие годы?*

Куимов Василий Васильевич: Это был уже 1984 год и позже. Я кончил аспирантуру и приехал сюда, защитившись, как кандидат наук, значит, в 1984 году. Вот с тех пор я стал читать лекции по экономическим темам.

Интервьюер: Скажите, как вы определяли темы своих лекций?

Куимов Василий Васильевич: Чаще всего лекция была ориентирована на ту аудиторию, в которой предполагалось наше выступление. Поэтому лекции, конечно, каждый раз приходилось перерабатывать. У меня была большая картотека различных данных, материалов. Где-нибудь на даче до сих пор даже есть. Вот. На карточках таких, может быть, тогда часто использовались эти карточки, которые шпильками обрабатывались и выбирались. Такие карточки нужно, чтобы выпали, чтобы их набрать в целом по какой-то тематике. Но вот я этим искусством тогда владел. У меня была такая картотека. Вот. И каждый раз я обрабатывал эту тему под ту аудиторию, в которой должен был выступать.

Интервьюер: Скажите, вы с кем-либо согласовывали темы своих лекций, выступлений, а также тексты этих лекций?

Куимов Василий Васильевич: Нет! Значит, но должен сказать, что периодически общество «Знание» направляло и на мои, и на другие лекции, соответственно, так сказать, другого лектора, который должен был по итогам написать некоторый отзыв. Примерно так же, как это было и в вузах, когда мы, например, наших коллег-преподавателей мы тоже слушали их лекции, потом рассматривали, разбирали и так далее. Ну, то есть советовались, что можно учесть, где, так сказать, как. А по обществу «Знание» направлялись старшие, опытные лекторы, которые потом беседовали со мной и рассказывали, что я где не учёл, как можно было бы лучше сделать. Ну и соответственно, писали маленькие отчёты руководству общества «Знание».

Интервьюер: Скажите, как часто вы читали лекции по линии общества «Знание»?

Куимов Василий Васильевич: Не очень часто. Я думаю, может быть, было там раз в месяц, два раза в месяц, не больше. Я не был большим лектором, который, знаете, есть профессиональные лекторы, которые много выступают. Нет, я не был.

Интервьюер: Где и кому вы читали свои лекции? Кому вам больше всего нравилось читать лекции, с кем вести беседы и почему?

Куимов Василий Васильевич: Ну, в последний период, значит, я больше всего читал лекции преподавателям или ведущим занятия в системе политического просвещения.

Интервьюер: Можно уточнить период?

Куимов Василий Васильевич: Это вот как раз 84-й и дальше. До 1991 года. Вот. Почему – потому что там уже были квалифицированные люди, которые сами вели занятия в рабочих в основном аудиториях, в инженерных аудиториях. Им нужен был уже высокий уровень квалификации знаний. И я уже как кандидат наук экономических был к этому, ну скажем, готов. И наверно, обладал соответствующим ресурсом. Поэтому вот наиболее памятные для меня нужны эти лекции. Потому что это уже профессиональные люди, они уточ-

няющие вопросы всегда профессионально задавали. Вот это было интересно. Дело в том, что, когда читаешь лекции, например, в леспромхозе где-то или на рабочей аудитории, там, в цехе где-то, чаще всего же она такая... и вопросы соответствующие, достаточно популярные. Вот. Так вот как вот это будет решаться дальше, например. Вот. А будет ли сниматься такое-то предприятие или такое-то направление? А вот когда для тех, кто ведёт занятие, это совершенно профессиональный разговор, и вот это мне нравилось.

Интервьюер: *Спасибо. Расскажите, как организовывались лекции с вашим участием?*

Куимов Василий Васильевич: Ну, я думаю, чаще всего это было так: значит, первая заявлялась непосредственно с производственного коллектива или с района, что для таких-то нужно прочитать такую-то лекцию. Тогда или обращались напрямую ко мне, или, так сказать, в общество «Знание». Если напрямую ко мне и я давал согласие, они сами сообщали в общество «Знание», что вот будет такой. Если через общество «Знание», я им говорил: ну хорошо, я готов, только вот по времени, когда там, всё, да, я прочитаю. Дальше, как правило, в этом цехе или на этом предприятии, где там люди, проходная и так далее, вывешивалось соответствующее объявление. Вот. Конечно, были устные, скажем так, какие-то сообщения для отделов, коллективов непосредственно в цехах, в красном уголке или в том-то месте во столько-то будет такая-то лекция, приходите. Ну и вот люди, часть приходили, часть нет, конечно же.

Интервьюер: *А подскажите, какая обычно была численность групп людей, которым вы читали лекции?*

Куимов Василий Васильевич: Нет, она не была большой. Думаю, что это было в основном человек 40, может быть, 35 – основная такая аудитория. А вот когда уже занятия были в районах, допустим, с теми, кто вёл занятия непосредственно в коллективах, то это было и двести человек, конечно.

Интервьюер: *Одновременно, да?*

Куимов Василий Васильевич: Да, одновременно в зале, да. Бывало и больше, когда, допустим, в городе это проводилось. Когда я уже вернулся в 84-м, то были и городские. Вот. Ну, там могло быть и 600 человек.

Интервьюер: *А подскажите, вы проходили аттестацию лекторских кадров? Когда и как проходила ваша аттестация (если проходила)?*

Куимов Василий Васильевич: Нет, я лично не проходил. Значит, но я, конечно, писал отчёт ежегодно, сколько я чего провёл, каких лекций, где. Ну, такие цифры просто сводились, да? Вот. Аттестацию я проходил, скорее всего, вот тем, что, когда на мои лекции кто-то приходил, делали какую-то, значит, со мной беседу, где я что учёл, и так далее, ну и говорили, так сказать, какие-то замечания. Вот аттестации как таковой, например, на каких-то комиссиях - никогда не проходил и не знаю, были ли они вообще. Думается, не было.

Интервьюер: Ну, вообще в документации прослеживается 77-й и 83-й год.

Куимов Василий Васильевич: Может быть, я не знаю. Я как раз часть из этого времени провёл за границей, когда учился. Поэтому не всё знаю.

Интервьюер: Кроме лекций и руководящей работы, чем вы ещё занимались в обществе «Знание»? Какие-то, может быть, другие формы работы?

Куимов Василий Васильевич: Нет. Другого, мне кажется, ничего такого и не было. Но кроме всего прочего, допустим, я иногда готовил лекции. Значит, имеются в виду письменные материалы, которые потом использовались лекторами. Само собой, что вот особенно когда я работал в городе, уже в комсомоле, или, когда в партии работал, то я как профессиональный человек готовил лекции, и потом они тиражировались и раздавались лекторам. Материалы к лекциям раздавались. Ну, по такой-то тематике, конечно.

Интервьюер: Ну, в начале интервью вы это уже говорили, но я хотел бы уточнить, да? Скажите, вот в 1992 году, когда общество «Знание» приняло решение о преобразовании общества «Знание» Российской Федерации, вы сохранили членство в этой организации?

Куимов Василий Васильевич: Вы знаете, получилось так, что я и сохранил членство, и в то же время я не принимал участия в этом преобразовании. Вот. А членство сохранил, скорее всего, потому что, ну просто в этих списках в краевом тогда обществе «Знание», где-то, наверно, там, ну ближе к 90-му году, когда возглавил Геннадий Александрович Овчинников, ну и мы были с ним в достаточно хороших и человеческих отношениях и так далее, и так как я в 90-м году перешёл работать в университет, тогда институт торгово-экономический, то, скорее всего, Геннадий Александрович меня сохранил в этих списках, да и всё. Вот. Но потом было, что он просил, чтобы я написал заявление соответствующее и так далее. Само собой.

Интервьюер: Скажите, вновь созданное общество «Знание» в 2016 году, вы тут уже тоже вступили, да?

Куимов Василий Васильевич: Да, вступил! Я и до этого был в составе Правления краевого общества «Знание», и моё направление научно-техническое, так сказать, давало научно-технический прогресс. Вот. И сейчас я там.

Интервьюер: И последний вопрос: скажите, на ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении научного Знание среди советских граждан? Почему вы так думаете?

Куимов Василий Васильевич: Ну, прежде всего, тогда информационное поле было достаточно ведь ограничено. Особенно не было интернета, например, да? Не было телевидения в таком количестве как сейчас. Люди много работали, и вся основная жизнь была сосредоточена на предприятиях. Поэтому и

лекции в том числе были двух типов: одни были где-то по месту жительства, но туда очень мало собиралось народу, во дворах, например, но большая часть проводилась прямо на предприятиях. Поэтому исключительно высокая роль общества «Знание» в донесении хороших информационных по поводу хороших информационных поводов, причём я прямо скажу, что вот многие это, наверно, связывают с какими-то политическими, идеологическими событиями – это тоже было, там после Съезда партии, например. Конечно, проходили лекции, связанные со стратегией развития на ближайшую пятилетку и так далее. А в основном всё-таки были лекции, связанные с какими-то насущными вопросами: там, развитие экономики, космонавтики, там, достижения физики, красноярских физиков, например, да? И так далее. Поэтому это была исключительно высокая просветительская позиция общества «Знание»! Особенно я вам скажу, вот когда вот, там, в 80-х, конце 80-х гг., когда появилась газета, как же она называлась... слушайте, самая массовая газета была тогда в то время, выпускающая в Москве в обществе «Знание», ну это было просто... нарасхват её читали, и так далее.

Интервьюер: «Аргументы и факты»?

Куимов Василий Васильевич: «Аргументы и факты», кажется, да. Вот. Поэтому я высочайше ценю деятельность и прошлую, ну и даже сегодняшнюю общества «Знание», хотя она значительно-значительно меньше. И должен сказать, что в крае очень мало уделяют внимания обществу «Знание». В большинстве территорий очень серьёзно отнеслись к указу президента о преобразовании общества «Знание» в общество общественно-профессиональное, вот эту структуру. В крае даже нет места, где сидит общество «Знание»! На куриных правах сидит в одном из частных, негосударственных институтов образовательных. На куриных правах. Вот. Слава богу, что у нас вот, например, есть эти, знаете, где полька... деятельность подобная. У нас есть университет активного долголетия. Это по существу тоже такая общественно-просветительская работа. И в этом университете, он работает почти на всех территориях края, и вот только там есть некоторая поддержка через соцзащиту вот этих лекторов, которые едут, например, из Красноярска в Большеулуйский район и там читают лекции, в этом университете. Но это в основном для пожилого возраста.

Интервьюер: Понятно. Спасибо за ваш рассказ, было очень интересно с вами...

Куимов Василий Васильевич: Ну, это такой, неаналитический, построенный на личных воспоминаниях, да?

Интервьюер: Спасибо.

Куимов Василий Васильевич: Дай бог, чтобы у вас всё получилось!

Стенограмма сверена с аудиозаписью 11.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Фалалеевым Альбертом Николаевичем,
лектором общества «Знание» 1950–1980-е гг., членом Правления и
президиума Правления Красноярской краевой организации общества
«Знание» в 1970–1989 гг.**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписей:
phone_20190204-113741_2231766.amr (02:58)
phone_20190204-114056_2231766.amr (29:31)

Дата и время проведения интервью: 04.02.2019 г., 11:37-12:15 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Фалалеев Альберт Николаевич

Стенографирование аудиозаписи: Селезнева Екатерина Николаевна

Интервьюер: Здравствуйте, Альберт Николаевич!

Фалалеев Альберт Николаевич: Здравствуйте.

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Запись включена.

Фалалеев Альберт Николаевич: Да-да, пожалуйста.

Интервьюер: Вот, ну, я предлагаю, как? Я буду задавать вопросы. А вы на них будете отвечать. Если будет более развернутая информация, и вдруг я что-то в своих вопросах, так скажем, не направлю на освещение, вы можете дополнить. Хорошо?

Фалалеев Альберт Николаевич: Хорошо.

Интервьюер: А, ну, вот прежде чем перейти к обществу «Знание», необходимо все-таки рассказать о вас. Поэтому расскажите, где, когда вы родились, кто ваши родители? Расскажите о своей семье.

Фалалеев Альберт Николаевич: Хорошо. Значит, 23 июля 1930 года, город Ельня в Смоленской области. Другим я шучу так: Гвардия и я родились в Ельне. Помните? Боевые сражения 41-го года, когда Ельня пять-шесть раз переходила из рук в руки, и Жукову удалось вот остановить это наступление на Москву именно под Ельней.

Вот. В семье учителей. Отец мой был директором начальной школы в начале, потом был директором средней... образцовой школы. Мама – учитель русского языка и литературы, она до конца дней своих с литературой не теряла связь. Была здесь, когда мы переехали потом в Красноярск завучем 11-й школы, и одновременно вела русский язык и литературу. Но потом, когда создали здесь Высшую партийную школу краевую. То, она была заведующей кафедры рус-

ского языка и литературы. То, а папа, соответственно, был директором вот школы в начале в Смоленской области начальной школы, потом мы переехали в город Кондрово в Калужской области под Москвой. Там он был директором средней уже школы образцовой.

А потом сюда переехали, здесь был и строил 14-ю школу, директором был ее. И потом мы переехали в город Игарку, где он зав педучилищем был, потом пошел по партийной советской линии. И закончил свой трудовой путь уже в качестве Председателя Краевого исполнительного комитета нашего края.

Интервьюер: *Так, когда вы приехали в Красноярский край?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Мы приехали в 37-м году в Красноярск, жили в Красноярске до 40-го года. Потом с 40-го по 44-й год мы жили в Игарке, и потом с 44-го года опять в Красноярске до последнего времени.

Интервьюер: *Расскажите, какое у вас образование, где вы учились?*

Фалалеев Альберт Николаевич: закончил Красноярский государственный педагогический тогда институт, теперь университет.

Интервьюер: *Так, и по какой специальности?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Исторический факультет.

Интервьюер: *Исторический факультет? А расскажите о вашей работе. Где и кем вы работали? И работаете.*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, у меня в трудовой книжке одна запись Красноярский государственный педагогический университет. Ну, здесь, начиная со студента, потом ассистент, преподаватель, доцент, профессор, проректор по науке и лектор 20 лет почти без 3 месяцев.

Интервьюер: *Ну, и затем потом вы ж зав кафедрой, да, опять были?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Да, потом был зав кафедрой экономики и управления, который создал. Вот и 40 лет ей было, но сейчас она уже преобразована в прошлом году.

Интервьюер: *Скажите, вы были членом КПСС, когда и почему?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Конечно. С 1953 года, а в Комсомол, кстати, вступил в мае 45-го года, очень дата для меня памятная.

Интервьюер: *А вы прекратили членство в партии, да?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Нет, не прекратил. У меня партийный билет так и лежит до сих пор.

А сейчас какие-то политических партиях?

Фалалеев Альберт Николаевич: Нет, нынешние политические партии меня не устраивают.

Интервьюер: Ясно. Спасибо, что рассказали о себе, давайте перейдем к обществу «Знание».

Фалалеев Альберт Николаевич: Пожалуйста.

Интервьюер: Первое, скажите, когда и как вы узнали о существовании общества «Знание»?

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, очень трудно было не узнать тогда об обществе «Знание», потому что это была очень известная организация. И по партийной линии меня очень часто привлекали туда, уже начиная где-то, ну, с первых лет моей работы в вузе.

Интервьюер: Скажите, как, когда, как и почему вступили в общество «Знание»?

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, по-моему, в те времена любой, ну, достаточно подготовленный преподаватель был членом общества «Знание», потому что эта организация была очень авторитетная, она, хотя и под руководством партии, сейчас говорят не модно это подчеркивать, но я считаю, это было правильно. Под руководством партии создавалась целая система просвещения самых широких масс народа. Вот. Начиная с политических информаций, которые проводились на предприятиях, учреждениях, где знакомились с текущими событиями, с проблемами регионального характера, российского характера и общесоюзного характера. И кончая разного рода вопросами и науки, и культуры, и так далее, и так далее.

Интервьюер: Вы входили в руководящие или контрольные органы общества «Знание»? Если да, то когда и в какие?

Фалалеев Альберт Николаевич: Да. Ну, мне сейчас трудно сказать даты.

Входил, я был Членом Президиума Краевой организации общества «Знание». И потом стал Заместителем Председателя Краевой организации общества «Знание».

Интервьюер: Вы руководитель, руководили секциями?

Фалалеев Альберт Николаевич: Да, секция экономическая была.

Интервьюер: Расскажите, как проходил подбор кандидатур для избрания в выборные органы общества «Знание»?

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, у нас были секции организации общества «Знание» в разных организациях и учреждениях, в том числе и в нашем Педагогическом университете. Я был одно там, короткое, правда, время, где-то года полтора Секретарем партийной организации нашего вуза. И, естественно, а потом как проректор по науке, у меня тут пересекались мои производственные и общественные функции. И каждая организация делегировала своего представителя на общую конференцию краевую, конференцию общества «Знание». И там избирался Президиум тайным голосованием.

Интервьюер: *Как вы думаете, почему именно вас избирали в руководящие органы общества «Знание»?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, знаете, мне о себе трудно говорить почему это. Ну, наверное, подходила кандидатура моя по каким-то параметрам.

Интервьюер: *Скажите, чем вы занимались в качестве члена выборных органов общества «Знание»?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Я занимался организацией соответствующей работы. Но вот могу вам сказать, что по линии общества «Знание» мне приходилось и самому ездить, и группу лекторов направлять на, например, строительство. Шло строительство на Красноярской ГЭС. Мы периодически в шесть, к шести вечера, к концу рабочего дня нас группа в автобус садили и ехали в Дивногорск, и там перед коллективом довольно солидные были собрания, там, сотни, полторы сотни, больше людей, там, ИТР, представители других слоев населения. И вот мы перед ними выступали по актуальным каким-то проблемам. Там, здесь на целом ряде предприятий. Вот был филиал в начале института марксизма-ленинизма, мы с ним, кстати, очень активно наше общество «Знание» сотрудничало. Был филиал на территории тогда еще завода, ой, Института цветмет на правом берегу. В этом здании мы частенько проводили лекции для правобережников. В Доме офицеров на этой стороне проводились частично частенько публичные лекции и так далее.

Интервьюер: *Как, на ваш взгляд, складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Очень были тесные взаимоотношения, но соотношение такое было: КПСС руководила, определяла вот, ну, основные, я бы сказал, формы работы. А уже инициатива каждой организации как реализовать общие эти принципы.

Интервьюер: *Скажите, как эти отношения изменились, или может быть, складывались в последние годы, то есть в 80-е?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, я вам скажу, у нас в 80-е годы все было нормально. А вот к концу уже, к концу этих лет 80-х, ближе к 90-м, когда пришла эта команда горбачевская, вот тут уже пошло шараханье всякое и, ну, эти неразбериха и, в общем, по-моему, руководство не знало, что и как делать.

Интервьюер: *Как, на ваш взгляд, складывались отношения между обществом «Знание» с другими просветительскими организациями в Красноярском крае, РСФСР, в Советском Союзе, и может быть, в мире?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, насчет мира мне трудно судить, а вот с другими организациями очень тесно взаимодействовали. Но я вам рассказал пример – детский фонд общественная организация общества «Знание», общественная организация. И я входил в руководство и той, и другой организации. В одной председателем был, в другой заместителем, и наоборот. Поэтому

никаких противоречий у нас не было, наоборот. Извините, я сейчас отвечу на звонок.

Интервьюер: *Хорошо.*

<Изъято из стенограммы: разговор по телефону Фалалеева А.Н.>

Фалалеев Альберт Николаевич: Пожалуйста, давайте.

Интервьюер: *А скажите, вот какое материально-техническое обеспечение деятельности общества «Знание»? С чего оно складывалось на ваш взгляд?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Вот насчет материально-технического обеспечения. Ну, у нас было помещение Краевой организации общества «Знание». Ну, в частности на Проспекте Мира. Ну, вот в последние годы мы тут активность нашего председателя была очень высокая по договоренности с Краевым комитетом партии и с краевым Исполкомом, с центральной организацией общества «Знание». Мы активно стали заниматься развитием материальной базы, и уже если вы вот ездили по улице Партизана Железняка, где раньше был построен будущий вроде бы здание крайкома и крайисполкома. Помните, его снесли сейчас?

Так вот рядом мы пост... нам выделили территорию, и мы уже построили основу для общества Дома знаний, так называли – Дом знаний. И там уже купол был для обсерватории, долгое время я мимо проезжал и все вот смотрел с печалью на то, что не удалось, вот кончилась советская власть, и все финансирование нам порушилось этого нашего Дома знаний.

Интервьюер: *А он финансировался за счет чего этот?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Центральной организации общества «Знание». И частично средства краевые.

Интервьюер: *Скажите, а вы платили членские взносы в обществе «Знание»?*

Фалалеев Альберт Николаевич: В обществе «Знание», ну, честно даже и не помню.

Интервьюер: *Не помните? Скажите, а вот ваш труд как зам председателя, как лектора, он в обществе «Знание» как-то оплачивался?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Оплачивался чисто морально. Вот. Тогда мы как-то, знаете, менее были озабочены, чтобы нам за каждый шаг наш платили. В основном так. Но, а какие-то, если специальные лекции.

Там с особыми выездами, ну, если у местной организации какие-то мелкие ресурсы, но такие копейки, о которых даже и говорить мне смешно.

Интервьюер: *Скажите, до вступления в общество «Знание» у вас был опыт чтения лекций. Примерно, какой у вас был лекторский стаж до вступления в общество «Знание»?*

Фалалеев Альберт Николаевич: До вступления? Ну, это практически шло параллельно, потому что, ну, я вот в институте будучи, был зам секретаря комитета комсомола, кончал 10-ю школу, там тоже был зам секретаря комитета комсомола 10-й школы, поэтому выступать мне приходилось довольно часто перед аудиторией по разным поводам. Ну, и потом я любил читать, с литературой, с русским языком у меня все в порядке было. Поэтому проблем с выступлением у меня не было.

Интервьюер: *А на какие темы вы читали лекции в обществе «Знание»?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Темы? Ну, и общественно-политические темы, ну, и специальные. Иногда, там, ну, какой-нибудь день, ну, допустим, юбилей, там, Пушкина или еще какой-то знаменитой личности или космонавтики. Это было очень много соответствующей интересной литературы. И можно было очень хорошо подготовиться даже для достаточно искушенной аудитории.

Интервьюер: *А, скажите, как вы определяли темы своих лекций?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, тут я меньше был, так сказать, свободен.

Потому что, ну, у нас в обществе «Знание» определенная тоже была дисциплина. И если объявляется, допустим, год чего-то, так вот на эту тематику все лекторы должны были иметь подготовленный текст выступлений.

Диапазон был очень широкий. Но в основном я вот социально-экономические проблемы меня больше интересовали.

Интервьюер: *Скажите, с кем-либо вы согласовывали темы своих лекций, выступлений, текстов выступлений?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, вот так, чтобы согласовывать, чтобы они корректировались мои тексты, этого не было. Но по каким-то вопросам – мне самому недостаточно что-то было понятно или какая-то позиция такая была, ну, не очень определенная – я естественно консультировался со своими старшими коллегами. У меня был научный руководитель по моей кандидатской диссертации профессор Голосов Виктор Федотович, доктор философских наук. Он заведовал у нас кафедрой философии и политэкономии. Потом она разделилась, и я стал заведующим кафедры политэкономии. А Гендин Александр Моисеевич, помните такого?

Интервьюер: *Да.*

Фалалеев Альберт Николаевич: Вот, Александр Моисеевич Гендин, мой друг большой, он стал заведующим вот второй части нашей кафедры. Но естественно для нас общим учителем был вот профессор Голосов.

Интервьюер: *Скажите, а как вы превращали, там, или постарались превратить научные лекции в популярные у слушателя?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, естественно, ориентировался на состав аудитории.

Если аудитория достаточно подготовленная, не старался как-то текст примитивизировать, будем говорить так, своих выступлений.

Но старался выступать перед людьми таким не формальным языком, объясняясь с ними, потому что сейчас вот иногда любят, так сказать, демонстрировать Знание каких-то особых терминов, сыпят ими, в конце, по-моему, и сами не понимают, некоторые лекторы, о чем он говорил в начале. Мне, например, не приемлем такой стиль.

***Интервьюер:** Скажите, как часто вы читали лекции в обществе «Знание»?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, вот до того, как стал проректором по науке, приходилось довольно частенько выступать.

***Интервьюер:** Это, в каком вы году стали проректором?*

Фалалеев Альберт Николаевич: А, проректором, так. Так, это 70-е годы.

***Интервьюер:** 70-е годы, да? А потом?*

Фалалеев Альберт Николаевич: А потом, а потом, учитывая, что у меня в подчинении были очень крупные ученые, ну, например, у нас заведующий кафедрой был профессор Киренский, академик будущий, Цомакион, супруги, доктора наук, профессора, кстати, Цомакион Борис Федорович это был наставник самого Киренского.

И вот я, будучи кандидатом наук, должен был руководить ими в научном плане. Но я в этом потом убедил ректора Пельимскую Ольгу Гавриловну, что мне надо уйти в старшие научные сотрудники и сделать докторскую диссертацию, а потом уже видно будет. Ну, еле-еле уговорил, она отпустила меня. И я два года был в качестве СНС. Ну, потом защитил докторскую.

Ну, уже...

***Интервьюер:** СНС это что, извините?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Старший научный сотрудник. Такая форма, как вы знаете. Ну, сейчас это докторантура. А тогда это СНС.

***Интервьюер:** А где и кому вы читали свои лекции? Кому вам больше всего нравилось читать лекции? С кем вести беседы и почему?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, знаете, у каждой аудитории был свой особый интерес. Ну, например, был, было отделение Университета марксизма-ленинизма военное. Там начиная с капитана, майора и подполковника были слушатели. И когда я выходил в аудиторию старший группы командовал: «Товарищи офицеры!» И они передо мной – я тогда был лейтенантом запаса – они вытягивались и докладывали о готовности к лекции. Ясно, что перед такой аудиторией особый интерес выступать. Они очень задавали глубокие вопросы и пытался отвечать на них.

А с другой стороны, были рабочие аудитории, где люди от станка, у них совсем другая направленность вопросов, интересов. То есть мне... Со студентами, с преподавателями. У нас, кстати, по линии, вот научное такое было сообщество, например, мы периодически проводили городской, общегородской семинар, например, экономистов. Ну, тогда это назывались политэкономы. И вот собиралась вся эта совокупность преподавателей политэкономии, и мы обсуждали актуальные вопросы, теории и практики. Было интересно обмениваться мнениями, позициями.

Интервьюер: *А какая аудитория вам все-таки нравилась больше?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Аудитория? Ну, та, которая, ну, достаточно подготовлена к вот такой беседе. Это итээровцы в основном.

Интервьюер: *Скажите, какая была обычно численность групп людей, которым вы читали лекции или с которыми вели беседы, другие формы работы?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, когда в сельскую местность нас иногда отправляли, там, конечно, аудитория где-то 50-70 человек. А если в какой-то коллектив, есть и по 150, и по 200 с лишним там, и по 300 человек бывали, такие аудитории.

Интервьюер: *Расскажите, как обычно организовывались лекции с вашим участием?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, организатором я был только в масштабе, так сказать, края как Член Президиума, зампредседателя. А непосредственно это местные организации, допустим, районная организация. Или самого предприятия или учреждения организация, она занималась этой организацией.

Ну, в частности, я помню вот в конце, где Стрелка у нас сейчас.

Там был в начале, ну, типа церкви, потом там делали винный завод. Так вот один раз даже мне на винный завод пришлось ехать с лекцией выступать перед коллективом, не помню аж на какую тему. Ну, естественно, аудитория такая своеобразная была.

Интервьюер: *А скажите, вы проходили аттестацию лекторских кадров или ее сами организовывали?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, с аттестацией, с аттестацией приходилось сталкиваться.

Когда были какие-то претензии вот у слушателей в адрес какого-то из членов нашего общества «Знание». Ну, нам приходилось обращать на это внимание, и была наша такая форма. Но и работая с такими кадрами, мы обращали внимание на повышение их квалификации. Так что заботились о качестве.

Интервьюер: *А как это происходило?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Как? Ну, в основном в таком в индивидуальном порядке.

А там разве... Каким образом? Мы отправляли потом квалифицированного ре... лектора на его лекции, этого товарища, в адрес которого были замечания нескольких экспертов, так будем говорить современным языком. Они делали пометки, замечания, потом на правлении организации этой местной вопросы эти обсуждались, делались замечания. И если явные ляпы, было несколько случаев, когда просто отстраняли от чтения лекций.

Интервьюер: *В последнее время, ну, в смысле в 80-е годы, в обществе «Знание» начали разделять лекторов на лекторов первичного уровня, городского, районного, краевого. Скажите, это с чем было связано? И какой уровень тогда лекторов отличался?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, знаете, я уже практически в этом процессе не принимал участие, потому что, когда началась эта горбачевская перестройка. Ну, организация резко снизила качество работы, активность упала, потому что, ну, грубо говоря, наши коллеги не знали, что все-таки происходит в стране, потому что очень противоречивые были вот указания сверху и так далее, и так далее. Так что.

Интервьюер: *Спасибо. Скажите, а вот в каких еще формах работы общества «Знание» вы принимали участие? Что это за форма работы?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, у нас были краевые конференции членов общества «Знание», где не только рассматривались вопросы организационные, допустим, избирался Президиум и так далее. Но и содержательные были вот такие обсуждения каких-то актуальных проблем. Были тематические конференции, посвященные каким-то или знаменательным датам, или очень крупным событиям. Вот в такой форме работа шла. Ну, а текущая – это работал всюду в каждой организации, Президиум определял график работы всей организации или план работы всей организации, отдельных членов нашего общества. Занимались поощрением наиболее там, хотя фонд был очень скудный, так сказать, материально, будем говорить. Но какие-то возможности премирования были.

Интервьюер: *Скажите, вы продолжаете работу в современном обществе «Знание»?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Нет, не продолжаю.

Интервьюер: *Тогда расскажите, когда и почему вы перестали быть членом общества «Знание»?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Когда? Вот после всех этих событий 90-х годов.

Уже со многими, со многими аспектами нынешней жизни я не согласен, и пропагандировать вот эти идеи капитализма, которые чужды мне, я не намерен.

Интервьюер: *Понятно. Ну, а примерно, можете вспомнить, когда это произошло, это? И как, собственно, вы прекратили сотрудничать с обществом «Знание»?*

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, когда вот Красовская ушла из общества «Знание», кстати, ее преемник, ой, забыл фамилию, напомните?

Интервьюер: Вообще, был Смирнов, потом Лячин, и потом Овчинников.

Фалалеев Альберт Николаевич: А вот, Овчинников. Овчинников, кстати, защищал диссертацию в нашем Совете, где я был Председателем диссертационного совета в педуниверситете. Он у нас защищал диссертацию там как раз, и общество «Знание» тоже, и формы этой пропаганды использовал. Он, правда, не с первого раза, но мы его несколько раз там с серьезными замечаниями отправляли на доработку. Но потом, конечно, защитил диссертацию.

Интервьюер: Понятно.

Фалалеев Альберт Николаевич: Ну, и во времена других последователей Красовской общество «Знание» захирело, грубо говоря, и поэтому я перестал взаимодействовать с этим обществом.

Интервьюер: Скажите, на ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении научных знаний среди советских граждан? Почему...

Фалалеев Альберт Николаевич: В те времена очень большую роль, и не случайно партийные организации очень часто обращались к обществу «Знание» с проблемами, вот, пропаганды, агитации соответствующих аспектов жизни. Я думаю, это, можно сказать, была правой рукой у партии в идеологической работе.

Интервьюер: Ну, у меня закончились все вопросы. Если вы желаете еще что-то рассказать и дополнить, будет очень хорошо.

Фалалеев Альберт Николаевич: Да нет, это так, будем говорить, что основные какие-то вещи я постарался в меру своей памяти напомнить, но хочу только одно сказать, что эта организация была очень полезной, очень важной и значимой. И очень жаль, что сейчас она фактически утратила вот ту роль, которую имело оно многие годы во времена советские.

Интервьюер: Спасибо вам за ваше мнение.

Фалалеев Альберт Николаевич: Пожалуйста.

Интервьюер: Всего доброго.

Фалалеев Альберт Николаевич: Всего доброго, удачи вам.

Интервьюер: До свидания.

Стенограмма сверена с аудиозаписью 10.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

Интервью с Севастьяновым Всеволодом Николаевичем, лектором общества «Знание» в конце 1950-х – 1980-е гг., преподавателем Сибирского технологического института в 1965–1970 гг., секретарем парткома КПСС Сибирского технологического института в 1970–1976 гг., ректором Красноярского завода-втуза в 1976–1980 гг., зав. отделом науки и учебных заведений Красноярского крайкома КПСС в 1980–1985 гг., ректором Сибирского технологического института в 1985–1990 гг., председателем Красноярского краевого совета народных депутатов в 1990-1991 гг.

стенографическая расшифровка аудиозаписей (транскрипт):
phone_20190204-170526_2537237.amr (1:02:41)
phone_20190204-180824_2537237.amr (09:18)

Дата и время проведения интервью: 04.02.2019 г., 17:05-18:20 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Севастьянов Всеволод Николаевич

Стенографирование аудиозаписи: Ногай Мария Викторовна

Интервьюер: Здравствуйте, Всеволод Николаевич!

Севастьянов Всеволод Николаевич: Здравствуйте. Меня интересует... там, на самом-то деле, из этого будет какая-то выборка, да? Я хочу понять, что требуется.

Интервьюер: Нет, текст будет полностью включен в диссертационное исследование.

Севастьянов Всеволод Николаевич: Ну, хорошо.

Интервьюер: Как исторический источник личного происхождения.

Севастьянов Всеволод Николаевич: Угу, хорошо.

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Прежде чем перейти к самому обществу «Знание» необходимо... прошу вас ответить на несколько вопросов о вас лично. И первый вопрос: где и когда вы родились? Кто ваши родители? Расскажите о своей семье.

Севастьянов Всеволод Николаевич: Очень коротко. Красноярец, все основные мои предки, исторически так сложилось, по крайней мере, до прадеда вот знаю точно, это вот в деревне сибирского тракта. В девятьсот втором году родилась моя мама. Э...в десятом переехал дед с бабушкой в Красноярск, крестьяне они были. Дед был в основном разнорабочим. Мама закончила гимназию. Последний выпуск был гимназии. В девятьсот пятом году после револю-

ционных событий в городе Красноярске и восстания народных мастерских, к которым примкнули солдаты железнодорожного батальона. Э... Состояние дел было таким в городе, что в манифесте царя э...известном было уделено внимание тем центрам, где особо так социальная напряженность была, и проявилась вот в каких-то таких актах. В связи с этим, среди мер, которые были тогда приняты, было создание второй женской гимназии в городе Красноярске для, так скажем, представителей из народа, так будем говорить. Ну, моя мать – отличница народной школы попала в эту гимназию. В 18-ом году мама ее закончила, и я сакцентировал внимание на этом, чтобы было понятно, откуда у меня любовь к книгам, к истории, к литературе была с детства. Ну вот, а отца своего практически не видел. Мама очень поздно как-то приняла решение устраивать свою жизнь, и дальше там был Халхин-Гол, фронт, и всё. Поэтому основное воспитание вот мое и в школьные годы, и в начальные там и... В школьное время там это было больше бабушка с дедом потому, что мама работала, можно сказать, до позднего вечера. Вот это как у всех в нашем поколении. Как у всех в нашем поколении, я учился в мужской школе, тогда еще было раздельное обучение.

Интервьюер: *Всеволод Николаевич, когда вы родились?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Этот день... да... в марте, 10 марта 1938 года.

Интервьюер: *Спасибо.*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Да.

Интервьюер: *Какое у вас образование? Где вы учились?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Я закончил Сибирский технологический институт, инженерное образование, специальность – химик-технолог. С этого начиналась моя вообще биография. Ну вот, а если говорить о предмете основном, то, следует сказать, что, наверно, как лектор я впервые проявил себя, когда работал в Краевом комитете комсомола. Это был 59-62 год. И вот, в это время все работники крайкома комсомола обязывались принимать участие в пропагандистской работе среди населения, ну...в основном среди молодежи, конечно, и каждый был обязан подготовить лекцию сам какую-то. И вот с этой лекцией выступать далее там... где-то там...в соответствующих коллективах.

Но вот на одну деталь хочу обратить внимание: обычно, конечно, лекции были ...а... в духе того времени: о молодежных комсомольских ударных стройках. Вот различных таких романтических таких событий. Это восстановление народного хозяйства и какие-то предприятия эвакуировались назад, будучи эвакуированными ранее в город Красноярск во время войны, а многие остались и вот своеобразная индустриализация, оборонная, военная индустриализация Красноярска она продолжила развиваться на тот уровень, на который удавалось во время войны. И даже более того усугублялась. Были очень крупные объекты созданы, типа нашего Горнотехнического комбината и ядерного арсенала типа нашего НПО Прикладной механики – это спутники сегодняшние,

и так далее. И многое другое, целый ряд заводов. И вот скажем, жизнь в этих заводах, ответственная такая работа, она поощрялась, в том числе и участием активистов в различных мероприятиях пропагандистского характера, в том числе и лекторской работе.

Вот мне приходилось бывать на заводах, молодежных общежитиях, но лекции, которые я подготовил, я специально об этом хочу сказать, я даже вот не знаю почему. Что это у меня за увлечение было в то время... Но в то время, когда остальные готовили лекции об ударной работе комсомольцев на ударных стройках, о борьбе о наведения общественного порядка, тогда это очень актуально было тема после знаменитой амнистии, которую Берия организовал в 53 году у нас тут по всей стране был бедлам.

«Холодное лето 53 года», великолепный фильм, точно отражающий ситуацию, которая была в Красноярском крае.

Ну, вот на этой ниве в тоже ударные комсомольские отряды создавались по борьбе с хулиганами там...и так далее. Вот все писали, и говорили, и читали об этом. А я написал первую свою лекцию «Основы индийской религиозной философии».

Хорошо помню, как на соответствующем заседании в крайкоме комсомола, на аппаратной Евгения Георгиевна Ротанова, первый секретарь крайкома комсомола, объясняла публично, что некоторые товарищи не очень ответственно там...не понимают задачи пропагандистской лекционной работы. Так вот, они говорили перестроится, и читать лекции, разрабатывать лекции о том, что нужно молодежи. А вот потом повернулась ко мне и сказала: «Вот это вот самое, че ты там начирикал, ты читай таким же странным людям, как ты сам». Вот так примерно выразилась. Вот такой вот опыт у меня был интересный в начале.

Потом уже, работая в вузе, я как и многие другие преподаватели в соответствии с тематикой научных исследований привлекался к этой работе. Я был член парткома, отвечал за комсомол, потом за идеологическую работу в парткоме. И в этом смысле не только организовывал там нашего вузовского подразделения общества «Знание», но и сам, конечно, выступал с различного рода лекциями.

Наиболее, скажем такой, яркий для меня период вот этой работы это вот 80-е годы. Тогда я в первой половине 80-х был первым секретарем партийного комитета института. И мне приходилось выступать с лекциями, связанными с задачами по подготовке кадров для индустриализации Красноярского края, для Красноярских десятилеток знаменитых. В основном была тематика в этом направлении и вот потом уже, после крайкома, когда был ректором технологического университета, тогда института еще, мне тоже приходилось читать немало лекций. Но в основном, это было по вопросам социально-экономического развития Красноярского края. А так, тематика была такой...

Я хочу сказать, что во время работы в Крайкоме я ближе познакомился с академией наук, с институтом академии наук, с руководителем этих институтов. Можно сказать, что все они, начиная с академиком там Александрова, Гительсона, Исаева. Они все привлекались к работе в общественности. Причем,

вот как раз сотрудники Академии наук были одними из самых популярных в населении лекторов ... э по своей такой тематике. Тогда у нас шли работы, связанные с освоением космоса. Это была очень интересная тема. У нас бывали космонавты регулярно. У нас был полигон на севере в поселке Бору, куда у нас, в том числе, космонавты приезжали и прилетали в рамках своих там научных исследований. И академия наук была, я бы сказал, таким ударным звеном в обществе «Знание» Красноярского края. И вообще и академия, и высшая школа, я думаю, что вот это, пожалуй, был базовый контингент лекторов. Хотя, лекторами были и учителя, и врачи. Но вот ведущая профессура, ну даже так я бы сказал, что это поощрялось и в планах второй рабочего дня и, как известно, у преподавателя из двух половин состоит: одна чисто аудиторная, вторая – там методические разработки. И в том числе это и чтение лекции научно-популярной тематики по профилю своей специальности. Вот это такой контингент.

Я многих знал хорошо лично, бывал на лекциях не только в качестве лектора, но и в качестве так слушателя. Ну, или, скажем так, присматривающего за тем, как идет, как воспринимает люди. И должен сказать, что вот в районах края, в клубах лекторий был этот постоянным. Лектории был тематическими, были по каким-то разовым отдельным, более актуальным темам. Причем проводились они буквально до деревень, но может там, где жило, ну не знаю, 100 человек. И то, там бывало. А так в крупных населенных пунктах, у нас были сельские поселения такие, которые насчитывают и три тысячи человек и больше. Там в клубах лекторий существовал постоянно. Действующий. И я вот, насколько мне приходилось, читать самому и присутствовать при лекции других товарищей, я че-то так не помню, чтобы сидели там, как в одном известном анекдоте говорить на сцене три сестры, а в зале дядя Ваня пожарник. Народ собирался.

Конечно, выделялось время какое-то. Понимаю, что время там, на уборке урожая или там на посевной как-то вот эти периоды немножко выпадали. Тут было не до лекций. А как только страда спадала, лектории работали в сельских населенных пунктах.

В городах это было более системной практикой и думаю, что, 2/3, а может быть даже больше жителей красноярского края в год прослушивали ...ну... может быть даже не 5, а больше до 10 лекций различного рода. Это было ну с телевидением, особенно еще там 50-60-ые там было не очень, да и не было кое-где и возможностей таких, не было приема телевизионных антенн, тогда таких не было, и так далее. Ну и естественно и иных средств информации в те годы было не столько, сколько сейчас, поэтому лекторий он был достаточно актуален.

Сегодня люди, например, смотрят Соловьева программу по телевидению и иногда, а может и большей частью это более интереснее слушать, чем этого приезжего лектора, но и сейчас тематика в сфере особенно научных открытий и достижений, она несмотря на наличие интернета она продолжает оставаться, на мой взгляд, достаточно актуальной. Ну вот, почти свою биографию тебе рассказал.

Интервьюер: *Всеволод Николаевич, еще несколько биографических вопросов. Расскажите о вашей работе. Где и кем Вы работали? И работаете?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Хм. Ну, вот я об этом начал об этом говорить. Работа в Крайкоме комсомола. Работа преподавателем, причем там какие-то эти периоды после окончания ВУЗа, они все какие-то пятилетками шли. Не потому, что специально, а так получалось. Я пять лет работал преподавателем, пять с половиной лет проработал секретарем партийного комитета ...

Интервьюер: *Помните, в какие годы? Можете уточнить?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Конечно, помню. 65-70-й это вот преподавательская работа. А 70-76-й это вот член партийного комитета. 76-80-м – это ректором завода-втуза, который впоследствии стал открытым учебным заведением, Сибирским аэрокосмическим университетом. А в 80-м году до 85, опять-таки 5 лет, это заведующий отделом науки и учебных заведений крайкома КПСС Красноярского . А после этого 5 лет опять-таки ректором Сибирского технологического института. 85-90-й... В девяностом вот время было такое перемен. Случайно совершенно, так будем говорить, попал на чисто такую политическую работу, меня избрали Председателем краевого совета народных депутатов.

В 91 году сразу после ... еще неофициально, но практически прихода к власти президентом Ельцина я подал в отставку. Я его знал хорошо, как человека и не только по партийной там работе. В мое время работы в крайкоме партии он был секретарем свердловского обкома КПСС по строительству, а потом первым. Я его знал его еще по волейболу, так он мне был известен, он играл за сборную Свердловска. Я тоже увлекался волейболом здесь в Красноярске. Ну вот. Я ушел и вернулся на преподавательскую работу. Вот тут пятилетки сбились у меня немножко и до 98 года, с 91-го я работал заведующим кафедрой в Сибирском технологическом институте.

В 98 году перешел, так сложились обстоятельства, на работу в Законодательное собрание. Был председателем комиссии по экономической политике и собственности, заместитель председателя комитета по экономической политике, заместителем председателя Законодательного собрания. Это все у меня было до 2016 года. В 94 я был избран депутатом, а в 98 году уже перешел, так сказать, на работу на постоянной основе.

В 96 году моя рабочая часть биографии завершилась, я как бы перешел на пенсию. Ну, фактически и сегодня скучать не приходится, я продолжаю преподавать, профессором являюсь кафедры экономики и организации производства отраслей химико-лесного комплекса. Ну и целый ряд у меня общественных нагрузок у меня. Я – советник губернатора, заместитель председателя совета при Красноярской митрополии, председатель общественного совета краевой больницы номер 2. В двух комиссиях членствую губернаторских по награждению и по помилованию. Такие интересные комиссии. Так что хватает у меня забот и интересов.

Интервьюер: Скажите, когда и почему вы вступили в КПСС?

Севастьянов Всеволод Николаевич: Аа... Вопрос важный для меня. Вступил я вот... интересно. Помните, я уже сказал о том, что я когда-то написал лекцию по Основам индийской религиозной философии? У меня эта тема... Я ее, конечно, читать не читал дальше в молодежных общежитиях, как мне было предписано. Читал другую тематику.

А вот увлеченность некоторыми философскими аспектами, которые, так или иначе, отражались в религиозных документах, мотивах, настроениях. История церкви так меня не интересовала в принципе. Я некрещеный. И до сегодняшнего дня невоцерковленный человек. Хотя и являюсь искренним сторонником православной церкви. Поскольку полагаю, что в непростое нынешнее время, когда, позволю себе такую гипотезу выразить, так сказать, о том, что белая раса завершает свое понимание в качестве ведущей на планете Земля. И в этом смысле, не распространяясь не по аргументации, не по содержанию, хочу предсказать, что каноны православной церкви и традиции русского народ, соборные традиции, прежде всего, ну на мой взгляд, позволят еще какое-то время удерживать белую расу на плаву, в отличии от того, что происходит сегодня в европейском сообществе. Вот поэтому, полагаю, что это очень важно. Вот основные принципы, которые были заложены в проповеди и вообще в тех первичных документах, которые сохранились, и были написаны после пришествия Христа. А я так полагаю, что такая личность историческая вне всякого сомнения была. Вот меня эти каноны как-то подвигли к пониманию, что две тысячи лет они устоялись.

И поэтому коммунистические идеалы, как таковые, связанные со справедливостью, с братством, с равенством всех народов, наций так сказать по определению, с равноправием, так будем точнее говорить, в такой исторической ретроспективе как мечтой человечества. Изложенные по-другому, с материализованной основой, в документах компартии советского союза. Они для меня являлись приемлемыми, потому что я считал их прошедшими проверку временем. Ну кроме того некая идеализация моего времени. Я всё-таки ребёнок войны. Поэтому вот... Записки типа «иду в последний бой, прошу считать меня коммунистом», для меня никогда не казались пустой фразой. Чё там? Перед кем красоваться, когда у тебя вчера половина легла, пошедших в атаку, сегодня оставшая половина ляжет и так далее. Я их воспринимал как искреннее совершенно. А вот позиция мировоззренческая тех или иных товарищей, которые для меня были образцом служения Родине. В нашей семье три бабушкиных сына, маминых брата ушли на фронт. Один вернулся, тяжело контуженный, а два погибли. Один, в последний день Сталинградской битвы, в 43 году. А один в 45, в Польше. А поэтому как бы для меня вступление в КПСС,... в 62 я подал заявление вступления кандидатом, в 64 меня приняли, было вполне естественным и логичным.

Я воспринимал, конечно, события, ну как все мы, наверное, поколение, может быть не все. Разоблачение культа личности Сталина. Такая была эпопея при Хрущёве, болезненная. Мы как-то воспитывались, в одной так сказать

структуре мышления, я бы даже так выразился. Я с 1 по 10 класс учился в классе, в котором... И в третьей школе, в неполной средней, в которой учился. У нас плакат Сталина висел. И в 33, в которой уже заканчивал среднюю школу десятилетку. Там тоже. Поэтому, для меня это было как-то ну не очень понятно. И я со временем как-то для себя это переосмыслил. Но, тем не менее, вывод для меня был совершенно очевидный, что можно по-разному относиться к тем или иным личностям в истории. А великие личности были все у нас, скажем на начальном этапе, я имею в виду, и Ленина, и Сталина, без всякого сомнения, при всех остальных там обстоятельствах. Я находил объяснения для себя, почему получалось так, а не иначе.

И сейчас уже. Вот после того как исчез с карты Советский Союз, я понимаю, что мечта о Советском Союзе, как о государстве, в котором все народы живут под одной крышей, живут на равных условиях, она реализовалась в жизни. Пример этот был показан, и он остался. И, думаю, что у многих, а мне приходится иногда общаться через Дом дружбы народов, через вот свои общественные всякие там нагрузки с людьми из бывшего СССР, когда приезжают сюда на работу. И я хочу сказать вот все, с кем я тут сталкивался, а их десятки людей, у них очень острая ностальгия по СССР. Это конечно не богатые люди, это бедные. Почему они сюда и приезжают работать. В них всё это есть. Поэтому убеждения у меня достаточно основательные в этом смысле. Они не колебались.

Они где-то там подрихтовались с учётом обстоятельств времени, с учётом того что... как говорили в классики марксизма у нас нет ничего жёстко ориентированного и неизменного, что марксизм это творческое учение и его надо развивать. И говорил об этом, в том числе и сам Маркс и Энгельс об этом говорил... и конечно об этом говорил много Ленин. Сталин говорил, что теорий очень много, и о развитии теории. И марксизм-то у нас был применён совершенно по другим канонам в связи со сложившимися обстоятельствами в 17 году. Поэтому я считаю себя убеждённым сторонником коммунистической идеи и системы с советской организацией государства, как особенности такой народовластия в такой форме, проявившей себя, и обозначившей достаточно понятно. Ну и соответственно Советского Союза как большого государства, которое обеспечивало вот эту идею соборности и её реализацию в жизни. Длинно отвечаю, но чтоб было понятно. Одним словом, тут не объяснишь.

Интервьюер: Ну а в 80-90-е годы, после прекращения деятельности КПСС?

Севастьянов Всеволод Николаевич: После прекращения деятельности КПСС я вам хочу сказать, что у меня был выбор, в августе 91 года.

У нас было два представителя, эмм... президента в Красноярском крае. Это некто Москвич Юрий Николаевич, который и сейчас жив, работает в пединституте. И Смирнов. Был, ректором института цветных металлов.

Так вот мне Смирнов из Москвы несколько раз звонил. Там... Чё ты там делаешь? Зачем всё это? Не надо. Борис Николаевич на тебя надеется и так далее. Ну... Вот... Наверное. Не знаю чё там Ельцин на меня особенно надеялся,

потому... Ну встречались мы с ним не раз, пока я был председателем совета. Мы все председатели совета были членами Совета Федерации, поэтому регулярно общались. Ну ещё может быть волейбол, может быть что-то ещё. Ну не знаю. Но я-то Бориса Николаевича долго достаточно хорошо знал. И полагаю если б его избрали генеральным секретарём ЦК КПСС, то он бы по-другому себя проявил, совершенно. Хотя, думаю в том тоже был... Ни гибкости, ничего не было для того чтобы в новых условиях по-новому как-то себя вести.

У меня был выбор. А выбор заключался в том, что или я остаюсь, как остались все мои коллеги: тот же Тулеев, например, тот же Муха, тот же Полежаев там омский и многие другие. Но я не хотел расставаться с КПСС. Я считал, что это неправильно мне будет в этой ситуации мне так поступать.

Я все же был представителем высшей школы, это у меня основная жизненная профессия, вот так будем говорить. И поэтому, само по себе пребывание в КПСС на должности там на какой бы не оказывался, было пребыванием работником идеологического фронта.

Я знал и других, кто в КПСС вступал, потому что это была правящая партия. Мы и сейчас это всё видим. А я вступал по другой причине. Поэтому я выбрал это для себя, как последующий вариант моей жизни. Я остался в партии, публично об этом заявив. И ушёл по этой причине, потому что совмещать это в то время было нельзя. КПСС была запрещена. И КПРФ Ельцин тоже запретил, но только конституционный суд его в этом смысле поправил.

Я с первых дней был членом КПРФ и 25 лет, 25 лет был членом бюро краевого комитета КПРФ. Вот до этого года.

Интервьюер: Скажите, Всеволод Николаевич, когда и как вы узнали о существовании общества «Знание»?

Севастьянов Всеволод Николаевич: А вот в крайкоме комсомола я в первый раз об этом узнал. Ааа... Потому что мы эти лекции представляли. У нас тоже было организация своего общества «Знание». Была лекторская группа в крайкоме комсомола. Володя Карпов её возглавлял. Интересный такой человек был. Вдумчивый человек.

Вот он, кстати, тоже лекцию писал не об ударных стройках. У него была такая тема «Сергей Чекмарёв: – поэт такой был, – поэт и человек. И... Ну мы там чё-то оформляли какие-то бумаги по этому поводу. С.. Когда велись лекции там нам давали путёвочки надо было там, потом отметить, что я там был, читал, сколько человек было на лекции там и так далее. Как тема называлась. Иногда мы собирали в. Ну я не про себя говорю. Но отзывы. Это всё было через общество «Знание».

Интервьюер: Скажите, а когда вы вступили в общество «Знание»?

Севастьянов Всеволод Николаевич: Ой, это был, наверное, 60 год или 61. Знаете, какого-то такого формального вступления я не помню, как в комсомол там, или в партию. Когда принимают, голосуют и так далее. Нас всю. Нас всю комсомольскую там группу оформили. Я имею в виду крайком комсо-

мол. Оформили и мы стали членами общества «Знание». Билет у меня был члена общества «Знание». Ну, наверное, как у всех.

Интервьюер: *Скажите, вы входили в руководящие или контрольные органы общества «Знание»?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Нет, не входил, потому что случилось... случилось так, что я всё время сам занимал какие-то руководящие должности. А это не предполагало одновременного руководства обществом «Знание». У нас вот те, кто занимался непосредственно пропагандистской работой, они... и работники крайком комсомола и работники института... они входили в это общество «Знание». Вот у нас, например, в институте, когда я был председателем парткома, там была тоже своя организация общества «Знание» вузовская. И у нас член парткома, отвечавший за идеологию, входил в руководящий орган общества «Знание». Я не входил.

Интервьюер: *Как на ваш взгляд, Всеволод Николаевич, складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Э-хэ-хэ. Значит, шестая статья конституции предусматривала, это уже Брежневский вариант, руководящую роль коммунистической партии и так далее. Но если в хозяйственных решениях, там могли быть и другие точки зрения... Иногда я, не очень часто, но сталкивался с этим в жизни, когда постановление там вышестоящего партийного органа исполнялись не должным образом. Не потому что не хотели их выполнять, а потом что считали, что вот эту задачу можно решать немножко по-другому, не так, как было директировано. Ну, иногда за это доставалось. Иногда нет. Но в области идеологии такого не было.

В области идеологии, достаточно жёстко установки КПСС они действовали. И фактически каждый лектор, который читал лекцию, по любой тематике. Ну, может быть, исключение составляли очень специализированные лекции о результатах каких-то научных исследований. И то, если они не касались, скажем, экономики.

А так. В каждой лекции... ну, так две трети лекции, если не три четверти, обязательно имели ссылки по тексту на те или иные постановления центральных органов партии, то есть съезда или центрального комитета.

Ну, если речь идет о выращивании новых сортов, то упоминалось что таким-то постановлением ЦК или секретариата центрального комитета, в смысле пленума определялись вот такие-то задачи. В связи с чем научно-исследовательский институт сельского хозяйства такой-то форсировано разрабатывал новые там сорта, которые обеспечивали там вот повышение урожайности на целинных землях. Ну как пример. И так далее. И те же целинные земли, и постановления по ним центрального комитета, как стратегическая задача развития вот именно этой деятельности.

Если прошло там строительство какого-то КАТЭКа, например, Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, то в лекциях обязательно отмечалось каким постановлением центрального комитета эта задача поставлена,

каких там, в соответствующих документах, принятых совместным постановлением ЦК и Совмина СССР, определялись задачи и какие рубежи должны были быть достигнуты.

Так что я должен сказать, общество «Знание» работало под чётким контролем, наверное, так правильнее сказать, в соответствии с достаточно определенными установками компартии, и под чётким контролем партийных органов.

Во всяком случае, мы каждый год на заседании партийного комитета, вот это я просто хорошо помню, мы обязательно слушали отчёт о работе общества «Знание» Сибирского технологического института и задачи, которые стоят перед этим обществом Сибирского технического института на какой-то последующий период. Такие же, я знаю, вопросы на уровне краевого, рассматривались в отделе пропаганды и агитации краевого комитета партии. Там слушалась информация, и общество «Знание» заслушивалось на секретариате краевого комитета КПСС по итогам работы за год. Это вот достаточно определённая позиция, особо никакой самостоятельности. Но порядка не было.

***Интервьюер:** Ну, а планы работы как-то утверждались? Какие-то директивы?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Значит, планы работы рассматривались, я бы сказал так. Утверждало из общества «Знание». А партийный комитет, соответствующего уровня, он так, ну скажем, мог такую формулировку сказать. Одобрить там деятельность, или указать на какие-то недостатки и предложить коммунистам, работающим в обществе «Знание»...

Вот я на это хочу ваше внимание обратить. Не было таких постановлений вообще. Снять с работы такого-то или там еще в практике партийных органов. Понималось, если речь шла о партийных должностях, ну то есть структура крайком партии, там да. А если вот, скажем, любой общественной организации, в том числе «Знание», то рекомендовалось считать нецелесообразным дальнейшее использование товарища Иванова в занимаемой должности. И соответствующему органу это уже направлялось решение.

А соответствующий орган, если говорить об обществе «Знание», то это вышестоящий орган общества «Знание», он принимал решение освободить там Сидорова, Петрова и так далее. Наверное, бывали и другие решения какие-то, но мне так не попадалось. У нас как-то достаточно грамотный такой всегда был и объяснимый с точки зрения права механизм взаимодействия с обществом «Знание». Мне с ним приходилось сталкиваться в высшей школе и крайкоме партии.

***Интервьюер:** Ну, было ли какие-либо предварительные согласования?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Вне всякого сомнения, вне всякого сомнения. Во-первых, я. Во-первых, я не знаю, я не помню. Может быть. А нет. Зачем же, помню. Вот, Красовская у нас была одно время. Она не была коммунистом. Но её рекомендовали. Она почётный гражданин Красноярского края. Валентина Павловна Красовская. Профессор, доктор медицинских наук. Она была пред-

седатель краевого комитета... краевой организации общества «Знание». Ее рекомендовали. Она не была членом партии, когда начинала эту работу.

Интервьюер: Скажите, как, на ваш взгляд, складывались отношения между обществом «Знание» с другими просветительскими организациями в советский период?

Севастьянов Всеволод Николаевич: Я так не припомню, чтоб были пересечения, формирующие какие-то конфликтные ситуации. Но вот, например, из таких наиболее, скажем, во-первых, приходящих мне на память, и иллюстрирующих ситуацию по вашему вопросу примеров, значит, Лигачев Горбачева, или Горбачев Лигачева подвинул, трудно сказать, кто был главным инициатором. Трезвость у нас развернулась, вот, в известном 86 году. Ааа, естественно, она коснулась всего общества, в том числе в некотором образе сказала на моей судьбе. Значит, я был ректором технологического института в это время. Меня пригласил заведующий орготдела к себе, рассказал про это.

– Ну, я тоже слышал про постановление это, – говорю.

А он: «есть предложение Вам все возглавить это».

– Да Вы, что, сума сошли. Зачем мне это нужно? Не хочу.

– Да нет, вот, все-таки, как-то это надо.

Я говорю: Ну, надо, найдите, мало ли кому надо найти, меня особенно как-то это не тревожило, у меня не было такой необходимости. Я никогда не злоупотреблял, че мне занимать этим делом.

Два раза с ним беседовал, а потом меня вызвали к Федирко. Вот я думаю, что мне делать? Ну, я намерен отказаться, но, если Пал Стефанович будет настаивать. А у него как раз лежало письмо, которое подготовил, а он должен был подписать и направить его министру среднего машиностроения. Это оборонное министерство, там по строительству корпусу технологического института. Вот я думаю, не соглашусь ведь, не подпишется. А короче говоря, примерно так все и получилось. Я не хотел, но согласился. Согласился.

Федирко мне такой аргумент выдвинул в итоге. – Ну, вот ты же понимаешь, что такой человек должен быть, возглавить его, чтобы он сказал, вот, что пить вредно, и все в это время у телевизора, слушая это выступление, не хохотали и не падали со стула от смеха.

Ну вот, кхм, Общество трезвости, как раз программные были задачи, как раз с точки зрения пропаганды трезвости как таковой. Там ну ... были директивы, ну были глупости, где люди вырубали неизвестные вещи, неизвестно зачем вырубали, потому было в запрещенке вообще-то говоря, талоны на водку появились и всякая такая ерунда.

Но была работа по разъяснению ситуации и почему проблема сегодня стоит, почему она касается тех или иных территорий, прежде всего, или тех или иных категорий населения. Вот, исторические примеры какие-то приводились, пропагандистская работа по линии Общества трезвости была. Я бы сказал, что она проводилась совместно с обществом «Знание». То есть вот, были люди, которые, ну просто трезвенники. Он не какой-то крупный работник, не какая-то фигура, мы ранее даже его не знали, как пропагандист. Он пришел и сказал, я

вот буду, я вот, у меня есть дети, у меня есть отец, мы все трезвенники, поэтому я вот хочу там выступать где-то, пожалуйста, давай, включайся, он по линии трезвости выступал, скажем, с материалами, разъяснениями какими-то. Книжка там Углова вышла, профессора, достаточно популярная была в то время на этот предмет. Кто-то из них был членом общества «Знание», кто-то не был. У Общества трезвости был свой план проведения таких мероприятий. Общество «Знание» тоже включилось, естественно, и такие темы были, перечни тем, которые передались руководящими органам общества «Знание».

Ну, сказать, что там, у общества «Знание» акцент какой-то был, конечно, не было, потому что это была больше прерогатива Общества борьбы за трезвость. Но конфликтных ситуаций не было никаких, как-то складывалось естественным образом.

Наверное, можно привести в пример деятельность спортивных обществ по пропаганде спорта, особенно, детского спорта в школах, там тоже были тематики и лекции. Были которые шли через общество «Знание», а были которые шли по линии спортивных обществ. У них тоже в программе были пропагандистские мероприятия, и они их там проводили и записали их за собой. Эээ, может быть круглые столы в меньшей степени как то проводились с обществом «Знание», а проводились, я имею в виду как раз спортивные, кхм, и встречи с ведущими спортсменами, эээ, которые как то не очень, не то что вписывались, но менее характерны были для общества «Знание», чем для спортивных организаций. Они проводили их сами, поэтому вот насколько мне припоминается это была работа такая, хмм, конфликтов не предусматривала, и я их просто не помню.

Интервьюер: Хорошо, скажите, вы в обществе «Знание» платили членские взносы и получали ли деньги за лекции?

Севастьянов Всеволод Николаевич: Я не получал деньги за лекции в силу как раз вот того, я все время какую-то должность занимал, при которой это было не принято, эээ, получать.

На каком-то этапе мы какие-то взносы платили, но потом как бы это ушло, и я вот помню, что и в период моей работы на руководящих должностях, не припомню взносов по обществу «Знание».

А лекции, я хочу сказать нам оплачивались, и это было может быть одним из стимулирующих факторов. Вот, Юрий Николаевич Москвич, который был представителем Президента в Красноярском крае, и достаточно активным сторонником реформ постсоветского времени, он в советском времени часто читал лекции, в которых вот, вне всякого сомнения, в каждой общей тематике, которой он доводил до сведения, были вот эти вот ссылки на постановления Центрального комитета, и так далее. И более того тематика его лекций была с перспективой строительства коммунистического общества в нашей стране. Может быть, в то время просто он жил в духе времени, если так можно выразиться. Может быть то, что за лекции в общем-то платили хотя, те кто были кандидаты наук, а он был старший научный сотрудник, они получали ну скажем так, побольше чем рядовые научные работники, начинающие. Но, тем не менее, опла-

та была такой, что могла привлекать какую-то категорию лекторов именно и по этой причине

Интервьюер: *Всеволод Николаевич, какие лекции вы читали, мы с вами поговорили. Скажите, как вы определяли темы своих лекций?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Э-м, ну вообще говоря, я определял темы своих лекций вот по двум параметрам. Первое это актуальность этой тематики для той категории населения, с которой я собирался общаться, но по поводу, вот, поручения партийного, так сказать.

Ааа, ну, у меня довольно много, пожалуй, большая часть моих лекций они были связаны с программами, планами, комплексным развитием экономическим и социальным Красноярского края, с научно-техническим прогрессом.

Одна из моих ключевых тем была – это социальная обусловленность научно-технического прогресса, социальная обусловленность научно-технического прогресса. Ээ, это было предметом и моих научных исследований, это было предметом моих публикаций, я имею в виду научные публикации. У меня более 120 различных статей, участие в коллективных монографиях, собственных монографиях и так далее. И поэтому я бы сказал так, это актуально для слушателей, ему должно быть интересно, они должны находить в себе что для этого тематики, это первый принцип. Второй это то, что я знаю хорошо, то чем я так или иначе занимаюсь. Приходили методические разработки, ну я, как-то старался туда не заглядывать, я примерно знал тематику, которая сегодня необходима, и опыт у меня уже какой-то был. Особенно я бы сказал за время работы в краевом комитете партии.

Вот когда я работал ректором завода-вуза, там, в силу закрытости этого учебного заведения, оно вообще тогда было режимным, у нас и административное здание называлось учебная школа номер такая-то в начале моей работы, а все остальные здания были за заборами соответствующими. Там вот я работал только внутри, я с внешними лекциями, практически мало выступал.

А вот после работы в крайкоме, там потолок все-таки определенный есть какой-то, приобретаешь определенный уровень Знание и понимания ситуации, у меня вот эта тематика, проблематика, отражалась как раз в темах социально-экономического развития Красноярского края: территориальное планирование, региональная экономика. И вот что я там выделял именно это направление – социальная обусловленность научно-технического прогресса. Научно-технический прогресс как фактор стремительного экономического развития, как бы индустриализации и так далее. А я базировался: для чего это вообще это все, что создает эти определенные условия жизни людей, мотивирует их, и эта мотивация является базовой, на основе которой вырастают идеи, новые подходы, новые открытия изобретения и так далее. Вот так вот.

Интервьюер: *Скажите, вы с кем-либо согласовывали темы своих лекций, выступлений по линии общества «Знание»?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Значит, я представлял, эээ-м, так было принято, перечень своих тем, которые, наверное, я так думаю, где-то у-

верждались. Может быть, в президиуме общества «Знание». Может быть, в какой-то общей конструкции рассматривалось там, а в деталях может быть рассматривалось нашим обществом «Знание», в котором я был в том же институте. Может быть в крайкоме комсомола, и в крайкоме партии. Как-то не помню, чтобы меня как-то куда-то приглашали, где-то там зачитывал свою лекцию, какая-то экспертная группа сидела, хотя, такие примеры тоже знаю. По отдельным темам, которые, ну, являлись или спорным, или скажем просто новыми достаточно, была система прослушивания. И более того, мы тоже у себя это организовывали. И по времени своей работы в парткоме помню, потому что вот в этом звене, как правило, решаются эти вопросы.

Лекции там кто-то разрабатывал, преподаватель общественных наук, например, какую-то новую тему, а там ее прочитывали, ну, более опытные товарищи, старшие товарищи делали какие-то замечания, иногда делали вот такие лекции публичные, которые вот были, ну аттестационными что ли, где присутствовали опытные лекторы. Молодому лектору что-то подсказывали, но как правило, тематика, она в рабочем порядке корректировалась. И я не помню, как мне как-то что-то говорили: а вот вы знаете, что эту лекцию не надо читать и так далее, кроме того случая, как я уже упоминал, когда увлекался, так сказать, идеей философии.

Интервьюер: Скажите, а как обеспечивалась научность и качество ваших выступлений в обществе «Знание»?

Севастьянов Всеволод Николаевич: Ну, научность и качество вытекали просто из сферы моей деятельности, это был предмет непосредственно моей работы. Я просто это знал.

Если, например, мне приходилось работать с космонавтами. Вот в отделе науки они были закреплены за нашим отделом, когда приезжали, если так можно выразиться. Точнее наш отдел был закреплен за ними, за оказанием содействия. Ну, вот там я выяснял какую информацию можно, какую нельзя говорить, рассказывать о которой. Я как-то читал соответствующую литературу, то есть вооружался, в смысле, эээ формировал для себя такое информационное поле, в рамках которого я, если в деревне поднимается вопрос, то я его так освещал. Но скажем мне приходится выступать даже так, приходилось выступать в самой академии в институт академии наук, эээ, с каким-то лекционными и информационными сообщениями. Я, соответственно, ориентировался вот на уровень собственной подготовки, профессиональной, я бы так сказал. Я не читал лекции по развитию советского спорта, хотя я спортом увлекался, ну, как все поколения из детства, ну, вот читать лекции на эту тему я бы не взял. Ну, наверное, если бы обязали – начал бы готовиться, как-то собирал бы материал. А так-то в основном читал тематику, которая была посвящена моя работа.

Интервьюер: Скажите, Всеволод Николаевич, были ли научные лекции популярны у слушателей и как они популяризировались?

Севастьянов Всеволод Николаевич: Ну, я вот хочу сказать, что у нас в Институте биофизики разрабатывался модуль выживания космонавтов в закры-

том пространстве при долгосрочных полетах. Сначала это была засекреченная тематика, потом они так ее открыли, этот закрытый модуль в котором люди год находились...

Ну, вот тема интересная до такой степени, что эта лекция была разработана там у них в институте биофизики. Я попросил разрешения, когда я бываю, использовать этот материал. Я его использовал. «Достижение научно-технического прогресса на современном этапе» - такая тема. Вот я приезжал, например, на какую-то встречу с населением там сельской местности, в клубе собирались, и вот я там рассказывал об этом. И потом после буквально первого моего выступления на эту тему, у нас было принято, когда я еду в командировку по каким-то вопросам, необязательно там, где-то на партсобрание сходишь куда-то, или обязательно было какое-то вот такое публичное выступление... Приеду там на пару дней-то, обязательно где-то там встраиваюсь с таким выступлением. И я буквально после первого своего выступления понял, что мне не хватает знаний, мне начали деревенские товарищи, сельские работники, ну, наверное, (усмехается) это были агрономы... два – мужчина и женщина рядом допекали нас вопросами о деталях произрастания различных культур в этом модуле, как же там жили, как получали электроэнергию, как ключевое обеспечение. Ну, в какие-то моменты там были и вода, и так ничего, сами выращивайте, едите сами, пеките сами, сами свои отходы используйте и так далее. И мне начали задавать профессиональные вопросы по разным культурам. И я был не готов отвечать. Мне пришлось тут добирать немножко,... казалось бы, такая вещь сама по себе специфичная, она вызывала интерес.

Научно-популярная тематика, мне кажется, была вообще наиболее популярной, и популярной в разных средах. Ну, наверное, те, кто читал, тематика как-то... и я в том числе учился этому, подстраивалась аудитория, но каких-то вопросов я просто избегал. Темы не освещал, если я знал, что на эти темы я не сумею ответить. Но я точно знаю, что это была из самых таких воспринимаемых людьми тем, вот достижения в сфере там науки - новое совершенно.

Ну, время – вот еще, такие все начиная с 60, 61, да со спутника с 68 вроде народ жил, сейчас уже подпривыкли. Спроси, сколько космонавтов летает, сколько у нас их всего. Этого никто так и не скажет, а тогда это был всеми актуальный каждый полет 60-70-80 год. И были так в этом течении достаточно насыщенными космическими событиями и соответствующей космической тематикой...

Интервьюер: Скажите, как часто вы читали лекции по линии общества «Знание»?

Севастьянов Всеволод Николаевич: Ну... Должен был, каждый месяц хотя бы один раз.

Интервьюер: Скажите, где и кому вы читали лекции в обществе «Знание»? Кому вам больше всего нравилось читать лекции?

Севастьянов Всеволод Николаевич: Какая аудитория больше нравилась?

Интервьюер: Да

Севастьянов Всеволод Николаевич: Ну, мне, конечно, нравились учебные заведения, это мне было близко, это мне было близко по профессии, это мне было близко по моей политической ориентации. Я секретарь парткома высшего учебного заведения, преподаватель высшего учебного заведения, заведующий отделом науки и учебных заведений, поэтому основанная среда, в которой я больше выступал – это высшее учебное заведение, это средне-специальные учебные заведения, меньше школы, но тоже приходилось. И, ну, так процентов может быть около 10 – это были рабочие коллективы.

Интервьюер: *Какая была обычно численность групп людей, которым вы читали лекции, вели беседы?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Ну, вот самая большая, я как-то на ЭВРЗ в цехе был. Там они собрали народу много, и я так... неудовлетворение у меня было. Люди после работы, после смены подустали, кому-то интересно. Но главное не это, если бы было человек 50 хотя бы, я бы с этой аудиторией как-то управлялся, а когда их там чуть ли не 200 – это сложновато, сложновато.

В основном аудитории были, ну, вот в городе аудитория... это были так в пределах 50–60 человек, а иногда побольше. В селе, ну тут так, если объявляется тут что, какая-то лекция и там в клуб, народ по-разному мог приходить: могло и 20 человек сидеть, могло там и до 50, даже больше. Но вот в основном аудитории были такие, вот в среднем, я бы так сказал - это около полусотни человек.

Интервьюер: *Понятно. Скажите, как организовывались лекции с Вашим участием?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Ну, пожалуй, ... в основном... я в числе организатором не был. То есть, вот либо я вот куда-то ехал в командировку в район, я звонил, что я еду секретарю по идеологии райкома партии, и что у меня будет время для выступления по такой-то тематике. А лекции обычно так их надо было проводить в течение часа, было принято не больше, там вопросы и так далее – могло вообще затянуться. Ну, минут сорок, ну, час примерно.

Значит, дальше... я уже приезжал. Мне говорили: вот там в семь часов в клубе. Прихожу – объявление весит, где-то аккуратненько, где-то не очень написано там, что состоится лекция... заведующий отделом крайкома КПСС, предположим, или ректора там и так далее. На такую-то тему, начало во сколько-то. Наверное, вот иногда бывало так, что иногда мы договорились с коллегами, с ректорами и меня куда-то приглашали, и я туда ехал. Там видимо ректорат организовывал. Я не знаю, ну, может быть, не знаю, вряд ли я 10 лекций организовывал сам, на которые я сам выезжал. А вот мне приходилось организовывать, когда кто-то там из наших космонавтов. Вот Гречка он любитель был немножко по выступать. И есть такие, кто к нам приезжали неоднократно, ну, вот там, ну, я тоже со всем договаривался с райкомом соответствующим.

Интервьюер: *А с обществом «Знание» как организовывались лекции?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Это все, понимаете, какая вещь... лекция должна была быть зафиксирована и отмечена. То есть, я практически... я даже иногда привозил путевку, иногда мне там, в райкоме, куда я приезжал... или ну обычно кто-то едет, кто-то сопровождает. Когда приезжаешь, не просто сам пришел в клуб, я вот такой вот здравствуйте и так далее, обычно кто-то объявляет – или руководитель местный, или там даже на отделении там завхоза бригадир, ну, обычно директор завхозов тоже сидит. Ну, как-то бывало, так я не знаю, человека, а меня объявляют: вот у нас сегодня в гостях такой-то, такой-то и так далее. Я сижу рядом с товарищем и говорю ему: а кто это? А он говорит: это вот руководитель общества «Знание». То есть, говорю, что я в организации, как таковой, участие не принимал. Мое дело прочитать и привезти путевочку, сдать. Сдавал я руководителю нашего общества «Знание».

Интервьюер: *Всеволод Николаевич, а я правильно понимаю, что кто бы ни организовывал лекции, они всё равно или как лекции общества «Знание» и Вы заполняли путёвку от общества «Знание»?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Да... То есть, вот, я иногда даже не заполнял, я, вот, приезжал, читал, мне говорили: «Вот тебе путёвка, вези назад её» И, если они вели отчётность по линии этого района, у меня могли её...

Но где-то я расписывался иногда, а иногда нет, видимо это так, для отчётности их, но путёвки они заполняли сами, а иногда я приезжал с путёвкой. Вот, в Комсомоле я сам приезжал с путёвкой, я точно помню, а в институте, когда работал, мне там зам. наш по идеологии он как-то организовывал это дело всё. А, вот, в крайкоме был, то привозил путёвку. Мне отмечали, я привозил назад.

Интервьюер: *Скажите, Вы проходили аттестацию лекторских кадров в обществе «Знание»? Если проходили...*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Я нет... Я знаю, что такие аттестации бывали, но меня не приглашали на такую аттестацию ни разу

Интервьюер: *А сами Вы участвовали, в качестве лица, которое...*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Участвовал, участвовал несколько раз. Вот, некоторые тематики, связанные с деятельностью академии... Меня приглашали. Комиссионно рассматривался. Лекции по содержанию, то есть надо было прочитать и я, наверное, не знаю, может, раз пять в жизни всего бывал в качестве эксперта, что ли, членом комиссии на прослушивании лекции.

Интервьюер: *Скажите, кроме лекций, в каких-то иных формах работы общества «Знание» Вы принимали участие?*

Севастьянов Всеволод Николаевич: Вот, знаете, в некоторых встречах. Я знаю, что проходили по линии общества «Знание». Меня приглашали для, ну скажем, комментариев, ответов на вопросы какие-то, когда было... Так, где же это было... Это было, по-моему, на радиозаводе... Когда я знаю, что это об-

щество «Знание» организовывало, потому что Страшников был такой ответ. секретарь краевой организации общества «Знание», он там присутствовал и как бы чего там руководил. Нас нескольких человек пригласили специально для ответа на вопросы. Вопросы, видимо, были заранее подготовлены, кому-то розданы и эти вопросы задавали, потому что вопросы были так, профессионального такого уровня, то есть это не то, что взял бумажку, прочитал, не зная что. Это, видимо, всё-таки так, как-то, то что интересовало людей, было им близко. Вот таких мероприятий было, наверное, несколько. ... Какие-то были ещё, но я, правда, сейчас, может быть, и не вспомню.

Интервьюер: Скажите, вы продолжаете работу в обществе «Знание»?

Севастьянов Всеволод Николаевич: Да, пожалуй, сейчас нет уже.

Интервьюер: Скажите, когда и почему Вы перестали быть членом общества и прекратили...

Севастьянов Всеволод Николаевич: А, вот, знаете, что, после девяносто первого года Общество, как-то так, трансформировалось. Овчинников, по моему, был председателем общества «Знание» стал, Железнодорожный секретарь. Ну, уже, честно говоря, началось такое безвременье девяностых, что я от этой организации как бы отошел. И, хотя, потом у меня достаточно много приходилось выступать в различных коллективах, но это уже я так, выступал либо по каким-то своим депутатским обязанностям, либо по линии партии.

Интервьюер: Какой, уточните?

Севастьянов Всеволод Николаевич: КПРФ.

Интервьюер: Скажите, на Ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении научных и популярных знаний среди советских граждан? Почему Вы так думаете?

Севастьянов Всеволод Николаевич: Ну, начну с чего, пожалуй, ... пожалуй... значит, я когда читаю лекции, ну по всем курсам профессиональным, я оставляю минут пять на вопросы. У кого-то вопросы могут быть, нет – я чего-то расскажу и так далее, ну пять – семь могу минут оставить. И, вот, тут, почти два года назад, не два – полтора, даже меньше. Значит, у меня лекция – магистранты, то есть это люди, закончившие бакалавриат, с высшим образованием, небольшая группа, я их всех хорошо знаю, шестнадцать человек. Веду занятие двадцать восьмого октября, запомнилось мне, завершаю лекцию, говорю: «Коллеги, вопросы?» Девочка поднимает руку: «Всеволод Николаевич, можно вопрос?» Я говорю: «Да, пожалуйста». «А мы четвертого ноября учимся или нет?» Я говорю: «Не знаю. Наверное, нет, но приказа по университету ещё не видел» И, вдруг, как-то машинально спрашиваю: «А четвёртое ноября – это что?» «Ну, Единство...» Я говорю: «Какое единство?». Где-то пять голосов говорят: «Народное единство!» Я говорю: «Ах, Народное единство! Ну да, правильно. А что это вообще такое?» И, вот, один парень, я с ним уже два месяца

занимаюсь, я его вижу, умный парень, толковый по делу, так сказать, общаемся с ним на практических занятиях, да я вижу, как он работает на лекции, на практических хорошо, активно работает. Он мне говорит: «Всеволод Николаевич, это Минин и Пожарский» Я говорю: «Ну, молодец, правильно. А что же они такое сделали, Минин и Пожарский?»

Он так остановился, сказал: «Они патриоты, они освободили, ну это давно было, ещё при Советском Союзе». Я на него так смотрю озадачено, думаю: «Ах, ты шутник». Нет, вижу, что, вроде, нет... Я на остальных – никто глазом не моргнул.

Я говорю: «Коллеги, да вы что!» Я к этому празднику отношусь, скажем так, понятно, как... Тем более, что не очень чистый этот праздник – Китайгород заняли войска Минина и Пожарского войска, а из кремля-то выбили поляков 7 ноября, так уж говоря. Но, если в этот праздник у нас, выходной, красный день, учитель истории, ну как же ты, в школе им как-то где-то не объяснил ничего.

Значит то обстоятельство, что учителей всё время, систематически воспитывали из общества «Знание», а они соответствующую работу проводили с учениками, приводило к тому, что я, кончая десятый класс, знал, кто такой граф Раевский, кто такой барон Тотлебен и вообще всех князьёв, баронов, которые что-то сделали для России, Сперанский не воевал, генералом не был, хотя по классификации гос. чиновничества он генералом был. Но я знал эту фамилию.

Значит, общество «Знание» колоссальную роль играло в просвещении, колоссальную. Ну, директору совхоза, руководителю отделения совхозного, председателю колхоза, бригадиру, где им было за всем этим следить, смотреть, да ещё и лекции по этому поводу читать. Приезжали люди из города, так говорилось, приехали из города, читали какие-то лекции, люди слушали и получали Знание, которых они, может, в школе не получили, например, но они получают через общество «Знание». Я считаю, что важнейшую роль играло это общество «Знание». И очень сожалею, что, как-то, вроде бы, оно есть и в то же время, стопроцентно я понимаю, что той роли, которую оно играло в советское время, оно сегодня не играет.

Интервьюер: Спасибо, Всеволод Николаевич, за наш разговор.

Стенограмма сверена с аудиозаписями 07.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Бибиковой Валентиной Васильевной,
лектором общества «Знание» в конце 1970-х–1980-е гг.**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
phone_20190204-182809_2513197.amr (34:52)

Дата и время проведения интервью: 04.02.2019 г., 18:28-19:15 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Бибикова Валентина Васильевна

Стенографирование аудиозаписи: Шорохов Игорь

***Интервьюер:** Здравствуйте, Валентина Васильевна! (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)*

***Валентина Васильевна,** прежде чем мы перейдем к обществу «Знание», хотелось бы задать несколько личных вопросов о Вас. Расскажите, где и когда Вы родились, кто Ваши родители, и расскажите о своей семье.*

Бибикова Валентина Васильевна: Я родилась 1951 году, мои родители были простыми людьми. Отец в годы войны работал на «Красмаше». Во время испытания орудий ему оторвало ноги, и он стал инвалидом первой группы. Его отправили в инвалидный дом, потому что родственников не было. Там он познакомился с моей мамой, которая там работала. Они поженились и родили пятерых детей. Вот такая биография. Я окончила восьмилетнюю школу у нас в селе. Потом поступила в Канское педучилище, потом окончила педагогический институт, факультет истории.

***Интервьюер:** Образование Вы свое рассказали. Расскажите о своей работе. Кем, где Вы работали и работаете сейчас?*

Бибикова Валентина Васильевна: Я работала учителем, директором школы. Потом меня пригласили работать в Райком партии заведующей идеологическим отделом. Потом секретарем по идеологии и первым секретарем Сухобузинского райкома партии. Потом в 1991 году, в связи с контрреволюционным переворотом, я ушла работать в школу рядовым учителем, где проработала 7 лет. Потом мне предложили быть начальником управления образования. Позже меня выдвинули кандидатом в депутаты Законодательного собрания от Коммунистической партии Российской Федерации по списку. Я 5 лет проработала в собрании, потом меня выдвинули по округу, где я победила и проработала еще 5 лет. По окончании срока мне предложили советником губернатора по образованию. Я проработала 2,5 года. После этого я нигде не работаю, я нахожусь на пенсии.

***Интервьюер:** Подскажите, когда и почему Вы вступили в КПСС?*

Бибикова Валентина Васильевна: В КПСС я вступила на разрезе Бородинский, когда я была секретарем комитета комсомола, потому что мне нравилось общаться с деловыми людьми. Мне нравилось, как проходят собрания, деловому на разрезе, так как там поднимались самые острые вопросы, и рабочие могли задать вопрос директору угольного разреза Васильеву. А он стоял и отвечал не как директор, а как член партии. Поднимались самые острые вопросы и решались. В то время динамично развивался разрез Бородинский. Строилось очень много жилья, людям создавались хорошие условия, строились детские сады. Был шикарный дом культуры, который фактически был на содержании Бородинского разреза, профилакторий. Много времени уделялось молодым специалистам, горнякам работающих на тепловозах, поэтому мне нравилось, как решаются вопросы, демократия внутрипартийной организации. Поэтому, когда мне предложили вступить в партию, я дала согласие, и меня приняли.

Интервьюер: Скажите, Ваше членство в КПСС прекратилось в связи с чем?

Бибикова Валентина Васильевна: Я приостановила свое членство в партии в связи с конфликтом с первым секретарем сегодняшним Райкома партии Медведевым.

Интервьюер: Это в КПРФ, я про КПСС говорю.

Бибикова Валентина Васильевна: А в КПСС я не прекращала. Я не выходила из партии. Когда запретили партию, я не собиралась выходить из партии. И как только по суду КПРФ была восстановлена, я восстановила свое членство.

Интервьюер: Спасибо, что рассказали о себе. Давайте теперь перейдем к обществу «Знание». Скажите, когда и как Вы узнали о существовании общества «Знание»?

Бибикова Валентина Васильевна: Ну, об обществе «Знание» я узнала, когда я начала работать учителем. Мне также предложили выступать с лекциями. Лекции были на различные темы, например, прошел съезд Коммунистической партии, надо было разъяснять и выступать как у себя в школе, так и в коллективах, где я работала. Например, я работала директором школы Павловской, у нас был кружок по противной линии. Там собирались коммунисты со всего поселка, мы распределяли темы. Общество «Знание» было у нас районное, это Сухобузимо.

Интервьюер: Это какой год?

Бибикова Валентина Васильевна: Это где-то 1980 год. Потом, когда я в 1985 году ушла в Райком партии, там обязательно было участие в такой работе, тоже общество «Знание». Собирались, я вот сейчас не припомню, кто тогда возглавлял это общество «Знание», но мы заполняли путевки, мы отчитывались. Нам какие-то даже деньги приходили, по 3 рубля, по-моему, за лекцию. Для меня это было немножко удивительно, потому что я выступала не потому, что

мне нужны были деньги, а потому, что смотрела на это как на партийное поручение.

Интервьюер: *А Вы помните, когда, как и почему Вы вступили в общество «Знание»?*

Бибикова Валентина Васильевна: Ну, я говорю, было предложение от Райкома партии. Я была учителем истории, преподавала историю, и поэтому в основном там были учителя-историки.

Интервьюер: *Скажите, Вы входили в руководящие или в контрольные органы общества «Знание»?*

Бибикова Валентина Васильевна: Нет, я никогда не входила. У меня не было стремления к этому. Мне предлагали какие-то темы, я из этих тем выбирала. Это был самостоятельный выбор, и готовилась добросовестно, потому что я всегда понимала, что передо мной сидят люди, которые в совокупности знают больше, чем я. Иногда приходилось выступать, особенно в годы перестройки, уже тогда работала в Райкоме партии, перед коллективами совхозов, когда собирали большие собрания. Приходилось разъяснять политику партии, например, что такое правовое государство. Но эта тема для меня, как историка была не интересна, поэтому мне приходилось ехать в дом политпросвещения, там было очень много литературы. Я сама для того, чтобы повысить свой уровень, изъявила желание и поступила в институт марксизма-ленинизма, 2 года училась. Там различные были тренинги, очень хорошие тренинги. Мне очень помогло то, что меня отправили на двухмесячные курсы в новосибирскую высшую партийную школу. Там тоже были великолепные лекции. Много было очень деловых игр, много было тренингов, в том числе и по ораторскому искусству. Давали тему, и надо было буквально тут за 10-15 минут составить план, тезисы и выступить перед своими слушателями. Это было сложно, потому что потом давалась оценка слушателями. Были определенные критерии тех или иных выступлений. Я не думала, что те, кто работал в обществе «Знание», конечно, нас общество «Знание» тогда не готовило. Нас готовила только партия. Например, я была на учебе на курсах марксизма-ленинизма при нашем доме политпросвещения, год, что ли я занималась, не помню, и очная, и заочная система обучения была. Появились первые сведения о событиях в Прибалтике. Я пошла в дом политпросвещения в читальный зал, там выписывались газеты всех союзных республик: Советская Латвия, Литва, Эстония. И когда я их стала читать, мне стало понятно, что такое Саайдис и другие националистические организации, чем продиктованы, это еще до событий всяких там этих, расстрелов восстаний и прочее. И до отделений еще была советская власть и так далее. А потом, когда я поступила в академию общественных наук в Москве, я лично познакомилась с редактором газеты на пресс-конференции, которую давал Рыжков в июне 1991 года. Мы сидели рядом, потом пообщались с редактором газеты «Советская Латвия». Для меня много что открылось. И я тоже выступала с этими лекциями о националистических этих движениях перед партийным и хозяйственным активом района. И даже до сих пор помню, что в зале была гро-

бовая тишина, для людей это было как душ холодный на голову. Поэтому, я считаю, что я свои обязанности выполняла достаточно добросовестно. И вот эта обязанность и дала мне возможность профессионально вырасти. И потом я работала уже в школе, когда и в других местах после переворота 1991 года. Мне помогало это находить контакт с населением на многочисленных встречах предвыборных, выборных и так далее, в общении с детьми и с родителями. В общем, зачатками этой работы я обязана, конечно, обществу «Знание».

Интервьюер: Скажите, а как обычно Вы определяли темы своих лекций в обществе «Знание»?

Бибикова Валентина Васильевна: Прежде всего, меня интересовали вопросы политики. Я не брала вопросы здравоохранения – у нас врачи этим занимались в нашем обществе. У нас все работали по профилю: врачи по здравоохранению, по вопросам здорового образа жизни, производственники выступали обычно с производственными какими-то проблемами, внедрением каких-то новых технологий или еще что-то, общие обзоры, например, какие в паромоходе дела были. Работала я когда директором школы 5 лет, там ремонтно-эксплуатационная база флота, и там были коммунисты, тоже были в обществе «Знание». Они рассказывали о работе паромохода, о планах, о проблемах. Анализировали какие-то новые документы, которые надо было проработать для всего коллектива. Вот они тоже готовились.

Интервьюер: Скажите, Вы с кем-либо согласовывали темы своих лекций и тексты выступлений?

Бибикова Валентина Васильевна: Тексты я никогда ни с кем не согласовывала. Никогда. Никто никогда не проверял содержание лекции. Хотя сама я вмешивалась. Вот к нам опять же в ту же школу в Павловскую к нам приезжала однажды из Красноярска по вопросу наркомании среди детей женщина. И она так рассказывала увлекательно. Даже до того дошла, что, как делают, вот мак, как надо разрезать, как появляется это молочко, как оно там застывает, засыхает, как его убирать и так далее. Я вынуждена была встать и сказать, что спасибо большое, ребята, Вы свободны. А потом, когда она осталась, она была в недоумении. Я сказала: «Больше таких лекций не читайте». Она нажаловалась в Райком партии. Мне в райкоме сказали, позвонили и сказали: «Валентина Васильевна, почему, что такое, почему? Из Красноярска приехал специалист». Я говорю: «Детям в нашей школе не надо знать, как производят опиум, гашиш».

Это нам не надо. Если они приехали с такой темой, то надо показать ужасы от употребления и последствия тяжелые от употребления наркотиков. Это, во-первых. Во-вторых, в нашей школе нет наркоманов, тогда еще не было у нас такой проблемы. И, может быть, ее лекции среди студенческих кругов востребована будет, а нам она не нужна.

Второй был у меня конфликт, когда приехал из комиссии по делам несовершеннолетних. И тоже начала рассказывать, что где-то на Алтае, что ли, или в Новокузнецке, там колония очень хорошая, там такой ремонт и так далее. Я встала и сказала: «Ребята, колония, может быть, хорошая, с ремонтом, но за-

помните, если вы туда попадете, то вам могут там разбить голову табуретом». И поблагодарила и так далее ее.

Она на меня тоже пожаловалась, и я так же сказала, что не надо поэтизировать, романтизировать эту жизнь подросткам. Чтобы это было привлекательно, чтобы это было не страшно.

Наоборот, каждую весну я приглашала лесника, выстраивала всю школу, лесник приходил всегда в своей форменной одежде (мы с ним договаривали) и говорил о том, что нельзя поджигать полынь. Что страдают кузнечики, страдают личинки, птички, гнезда и так даже, и тому подобное. Вся школа стояла, не сидела, развалясь, а стояла на ногах, и учителя стояли, и я, в том числе. Чтобы дети видели, что вот он – директор школы, вот, главный лесничий стоит и так далее, и что это серьезно. И он там говорил о том, что если это произойдет, то такое-то наказание и так далее.

Потом приглашала Вильгельма, нашего участкового, ныне покойного, и он так же, стоящий во весь фронт школе, делал выступление минут на 20. Где говорил: «Чего нельзя делать летом? Нельзя угонять лодки, потому что мы на Енисее были, нельзя бегать по дачам, нельзя красть, нельзя бить стекла, нельзя то, то, то, то».

И у меня ни одного ученика не было на учете в комиссии по делам несовершеннолетних. Конечно, случались недоразумения, но мы сразу тоже в поселке все это решали. Вот.

Поэтому я верю в то, что можно внушать, особенно детям, можно работать с родителями, если не унижать, не оскорблять, а делать союзниками. Когда умеешь убедить людей, когда умеешь привести аргументы, и когда люди видят, что это делается от души и с заботой, то надо уметь находить эти слова.

Интервьюер: Скажите, а как часто Вы лично читали лекции в обществе «Знание»?

Бибикова Валентина Васильевна: Так я все время этим и занималась. Как часто? Подходила очередь, например, раз в 2 месяца, и выступала. Я же не одна там была.

Интервьюер: Скажите, где и кому Вы читали свои лекции, и кому Вам больше всего нравилось читать свои лекции?

Бибикова Валентина Васильевна: Ну как? Я читала и перед своим коллективом, и перед коллективом рабочих поселка, и перед родителями. И перед родителями выступала с докладами со всеми, когда были родительские обще-школьные собрания. Тоже приходилось готовиться. Ну, а потом вся моя жизнь, как пошла в Райком партии, так она вся была сосредоточена именно на этой работе. Сколько было проведено собраний? Несчетное количество. Я даже не представляла свою жизнь без такой... это был мой функционал. Я даже иногда, подготовишь лекцию, допустим, на спортивное собрание где-то там, по партийным документам и так далее, а потом выступаешь с ней уже в коллективах, приводишь больше примеров, тех, которые людей волнуют, если, например, в совхозе или на предприятии. Там же разные люди, их интересуется. Уже прибли-

жаешь текст к реальной обстановке, к реальным проблемам людей. Обязательно вопросы какие-то. Если, вот, задавали вопросы по содержанию, это была моя обязанность: разъяснить, пояснить, растолковать. А если задавались вопросы не мне по, в целом, ситуации, я всегда эти вопросы суммировала, обобщала и отдавала в те организации, которые обязаны были это решать.

Интервьюер: *Скажите, а какая была обычно численность групп людей, которым вы читали лекции, с которыми вы вели беседы?*

Бибикова Валентина Васильевна: Вы знаете, разные, начиная от, допустим, 15-ти до 200. Так примерно. Было и больше, когда в клубах приходилось выступать. Полный зал, в клубах выступала.

Интервьюер: *Расскажите, как обычно организовывались лекции с Вашим участием?*

Бибикова Валентина Васильевна: Ну, писали объявления. Допустим, если выступала в цехе где-то, то писалось объявление в цехе. Мастер или начальник смены обеспечивали людей, были красные уголки. Если на дойке, собирались тоже в красном уголке. Собирали доярок, зоотехников, кто у нас в смене был, после работы. До работы обычно это не делали, а делали после работы, в вечернее время собирались – ну по-разному.

Интервьюер: *Скажите, на Ваш взгляд, насколько такие лекции были популярны?*

Бибикова Валентина Васильевна: Меня иногда люди сейчас встречают, говорят: «Помните, Вы у нас выступали». Я уже не помню, а люди помнят. Как мне одна сказала: «Вы, Валентина Васильевна, помните, Вы нам говорили, когда выборы были: «Ельцин или Рыжков?», Вы говорили: «Будет много товаров, но у Вас не будет денег». Вот у людей, видите, на бытовом уровне это отложилось. По всей вероятности, была какая-то дискуссия после моего выступления, потому что я была всегда за Рыжкова, а большинство людей считало, что Ельцин – спаситель России. Мне приходилось находить какие-то аргументы, доказывать. Я же не могла говорить, что Ельцин пьяница – это было не этично, с моей точки зрения. Я считала, что это не мой уровень говорить о личных каких-то качествах, которые мне претили. Хотя я знала, что он пьяница, потому что в крайкоме партии (как-то приехала) были ребята из обкома партии Кемеровского района, они говорили, что перед каждым выступлением, он стакан водки хлопбыснет, и пошел громить партию: «Первый указ, я подпишу – запрещать партию». И шахтеры в восторге хлопали ему и так далее, и тому подобное, но потом они стучали касками.

Интервьюер: *Скажите, Вы сами проходили аттестацию лекторских кадров или участвовали в комиссии по аттестации лекторских кадров?*

Бибикова Валентина Васильевна: Нет. Я не помню, чтобы меня аттестовывали, но иногда приезжали из Райкома, какие-то мероприятия были. Я не знала, может быть, они аттестовывали меня, а может быть не аттестовывали. Но

иногда на моих выступлениях, наверное, раза три или четыре, я знала, что приехали из райкома партии: «Валентина Васильевна, Вы сегодня там выступаете, у нас такое-то собрание. Будут представители райкома партии». А все работники Райкома партии были в обществе «Знание», все. Наверняка, они там делали какие-то заключения, но я ни с кем не согласовывала там содержание. Мне не делали никаких замечаний, что я что-то не так сказала, хотя мы беседовали потом по содержанию, что вы так сказали, а, по-моему, такая должна быть оценка. Я всегда доказывала, аргументировала, почему я так считаю, иногда я прислуживалась. Да, говорю, вот это я не досмотрела, не осветила, но я не рассматривала это, как контроль за мной. Я это воспринимала, как совет людей более опытных. И потом я сама, когда присутствовала на каких-то совещаниях такого плана, когда уже работала в райкоме партии, меня спрашивали: «Валентина Васильевна, Вам понравилась моя лекция?», я старалась, конечно, как меня учили в институте и педучилище, сначала говорить о хорошем. А потом очень корректно, как анализировали мы уроки, очень корректно сказать какие-то не замечания, а сделать предложение, что вот тут можно было расширить. Никогда не давила. Почему? Потому что я понимала, что человек может обидеться и сказать: «Вот, сказала, разнесла, туда-сюда», а я не была заинтересована в том, чтобы отпихивать людей. Я хотела, чтобы больше людей было в активе, и это была моя функциональная обязанность, чтобы их поддерживать. Наоборот, если человек старался, делал, мы отправляли на учебу в Крайком партии людей, далеких от лекторской работы. Мы просто их отправляли на всякие учебы, недельные учебы были при Крайкоме партии, чтобы они там расширили свой взгляд и так далее.

Интервьюер: Скажите, а кроме лекций, в каких-то иных формах работы общества «Знание» Вы принимали участие?

Бибикина Валентина Васильевна: Нет, ни в каких других я не принимала.

Интервьюер: Скажите, Вы продолжаете работу в обществе «Знание»? Если нет, то, когда и почему, Вы перестали?

Бибикина Валентина Васильевна: Нет, закончилась советская власть, это общество почил в воле. Потом какое-то было общество для взрослых (образование для взрослых или что-то). Меня несколько раз приглашали, я ходила, даже куда-то в Новосибирск возили. Возили в Новосибирск, но я поняла, что это под каким-то иностранным протекторатом, это мне претит, чтобы, когда нас через губу пытаются учить. Я была на таких же примерно совещаниях в Москве, когда по педагогической линии нас отправляли. Это меня всегда задевало, что американцы стоят с переводчиками, учат. Я всегда возмущалась, я всегда вставала, высказывала свое несогласие, поэтому, в общем, я не понимаю образования для взрослых. Там, не помню, руководитель не знаю, работает он или нет, но это, я поняла, вообще не тот уровень, и это не соответствует моим убеждениям. И я не хочу не под кого подстраиваться, под эту демократию, так называемую, в кавычках. И я видела, что у людей уже нет интересов и авторитетов, и ходить доказывать что-то с какими-то лекциями я не собиралась. Тем бо-

лее, что у меня было полным-полно работы с избирателями, и там я сама себе была хозяйка. Там я сама выступала, брала и темы, и законы, которые мы принимали за собрание, за которые я голосовала, и против которых я выступала. И мне этого было вполне достаточно.

Интервьюер: *Скажите, как, на Ваш взгляд, складывались взаимоотношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Бибикова Валентина Васильевна: Да, органично, мне кажется. Они немислимы были друг без друга. Я не вникала в иерархию, кто там чего, какие взаимоотношения, но судя по тому, что я работала в Райкоме партии, и никаких конфликтов не возникало, проблем не было. Все находили общий язык, все понимали, что это надо, и никто там не возмущался, ни разу никакого не было, чтобы мы пригласили врача и сказали: «Вот, надо съездить, перед доярками выступить». Или нам звонили из Крайкома партии и говорили: «К Вам приедут писатели, группа писателей», вот, несколько раз приезжали к нам. «Организируйте их встречи», и мы организовывали и встречали их, и на машину садили, и возили по совхозам. В совхозах уже готовились, где-то людей везли в центральные ремонтные мастерские, мужчин собирали или женщин на домиках. Потом они приезжали, рассказывали свои впечатления. Никто их тоже не контролировал: что они скажут, как они скажут – мы считали, что писатели – это писатели. И когда они приезжали, наше дело было их выслушать, чаем напоить и отправить. Все.

Интервьюер: *Скажите, как, на Ваш взгляд, складывались отношения обществом «Знание» с другими просветительскими организациями в Красноярском крае, РСФСР, Советском Союзе?*

Бибикова Валентина Васильевна: Я не знаю масштабов этих самых: Советского Союза, Красноярского края – я этим делом не замечая, не знаю. Никогда не вникала, меня это никогда вообще не интересовало: система взаимоотношений или что-то меня могло не устраивать – меня все устраивало. У меня не было времени на сутяжничество и выяснение отношений никогда. Дали задание, выполнила, путевку заполнила, отправила в край. Я даже не помню, куда я отправляла. Но, я еще раз говорю, все, кто приносил нам путевки, мы всех их отправляли из Райкома партии, и всем приходили эти деньги почтовыми переводами. Кто нам их платил, я понятия не имею. Но не было ни одного лектора, чтобы ко мне пришел и сказал.. «Я же в отделе агитации и пропаганды работал, через меня было». Конечно, я сама только свои путевки заполняла, а там инструктор отправлял уже это все. И что? Пришли бы и сказали: «Я вот лекцию читал, месяц прошел и мне не пришли деньги». Такого не было – всем регулярно отправляли эти деньги из общества «Знание». Как это проходило финансирование, я не в курсе дела.

Интервьюер: *И последний вопрос. Скажите, на Ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении научных знаний среди всех советских граждан? Почему?*

Бибикова Валентина Васильевна: Я считаю, что большую роль оно играло. Это просветительство. Я сама была, работала первый год учителем. Приходим в клуб, и там выступает, в совхозовском клубе перед кино какой-то лектор из Райкома партии, рассказывает, или из Крайкома партии. И он рассказывает там о международном положении. Это очень было интересно. Для меня это было очень интересно. И я не слышала, чтобы односельчане, кто-то говорил: «Ой, давай быстрее кино, давай» – всегда все со вниманием. Потом даже в школе встретимся и говорим, что, надо же, мы вот таких фактов и не знали, и в газетах это не читали. Я до сих пор помню, мне было 14 лет, меня избрали комсоргом. Я не знаю, по обществу «Знание», не по обществу «Знание», я приехала на пленум Райком партии Рыбинского Райкома партии, и там выступал лектор из Крайкома партии. Он стоял и говорил нам, на меня это произвело неизгладимое впечатление, я до сих пор помню его слова. Он что-то другое еще говорил, но он, обратившись к нам, сказал, что «Вы – поколение, которое не знало классовой борьбы. Которое не знало тягот войны и послевоенного строительства. Вы в группе риска». И мне было обидно, как это мы, мы разве, мы не будем защищать родину и так далее? А вот оказалось, что там люди-то сидели – аналитики в Крайкоме партии. Уже в то время, где-то 66 год был, в 67-м я закончила 8 классов, а меня в 7-м классе выбрали. В 66-м году. И уже тогда они видели эти риски. Именно наше поколение сдало Советский Союз.

Интервьюер: *Валентина Васильевна, все вопросы, которые у меня заготовлены, уже заданы. Может быть, у Вас есть что-то дополнить, добавить?*

Бибикова Валентина Васильевна: Да, нет. Я просто считаю, что все, что Вас интересовало, то я сказала.

Интервьюер: *Большое спасибо Вам.*

Бибикова Валентина Васильевна: До свидания.

Интервьюер: *До свидания.*

Стенограмма сверена с аудиозаписью 10.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Федоровым Андреем Викторовичем,
лектором общества «Знание» в 1987–1992 гг.**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
phone_20190204-204406__79233686433.amr (26:09)

Дата и время проведения интервью: 04.02.2019 г., 20:44-21:15 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Федоров Андрей Викторович

Стенографирование аудиозаписи: Бондарь Илья Николаевич

Интервьюер: Здравствуйте, Андрей Викторович!

Федоров Андрей Викторович: Здравствуйте.

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Прошу Вас рассказать о себе: где, когда Вы родились, кто Ваши родители? Расскажите о своей семье.

Федоров Андрей Викторович: Так, родился я 29 ноября 1966 года в посёлке городского типа Раздолинск Мотыгинского района. То есть, можно сказать, в 30 километрах от Ангары. Там пошёл в школу, в первый класс, потом переехали в Мотыгино, и заканчивал я Мотыгинскую среднюю школу. Отец у меня был учитель немецкого, французского языков и истории потом, а мама врачом работала до буквально последних двух лет, на протяжении почти 50 лет у неё стаж оказался рабочий.

Интервьюер: Расскажите, какое у Вас образование, где Вы учились?

Федоров Андрей Викторович: После окончания школы я поступил на исторический факультет КГПИ в 1984 году. Ну и вот там проучился пять лет, то есть, пока не закончил.

Интервьюер: Расскажите о Вашей работе: где и кем Вы работали? И работаете?

Федоров Андрей Викторович: Сразу после окончания факультета я остался на нём работать. У меня, правда, там был выбор. Мог пойти работать на кафедру истории в институт цветных металлов и уже почти оформился, но в последний момент, буквально минуту, предложили работу на кафедре всеобщей истории исторического факультета КГПИ, где я и проработал потом почти 25 лет практически, с 1989 по 2014.

Федоров Андрей Викторович: Сейчас Вы работаете?

Федоров Андрей Викторович: Сейчас с 2014 уже пятый год работаю в гимназии № 14 города Красноярска учителем обществознания.

Интервьюер: Скажите, это очень важно для нашего исследования, были ли Вы членом КПСС?

Федоров Андрей Викторович: Нет, не был.

Интервьюер: Другой какой-то общественной организации, которая существовала в советское время?

Федоров Андрей Викторович: В советское время только комсомольская организация была, которой я был членом. Когда учился на последнем курсе, на пятом, исторического факультета, возглавлял студсовет первый, так сказать, исторического факультета. Ещё входил в дискуссионный центр исторического факультета. Это чисто такие, общественные.

Интервьюер: С обществом «Знание» что Вас связывает?

Федоров Андрей Викторович: Обществом «Знание»? Я после второго курса пришёл, увидел, скажем так, сейчас даже не могу сказать: объявление или в библиотеке натолкнулся на какую-то лекцию, поговорили немного, и вот мне предложили, то есть пригласили, раз я на факультете учусь, предложили попробовать свои силы, если я хочу, читать лекции.

Интервьюер: Это какой был год?

Федоров Андрей Викторович: Это был, сейчас скажу. Так, так, так. Получается, 87-й год был, скорее всего.

Интервьюер: Скажите, как-то формально процедура вступления, была? Вы проходили её? Или как происходило Ваше поступление?

Федоров Андрей Викторович: Я написал заявление, что прошу, так сказать, хочу вступить. Мне сказали, что я обязательно должен подготовить одну лекцию, которую послушает один из опытных лекторов и даст свою оценку по её поводу, то есть как раз по содержанию и прочее, прочее. И предложили мне, как я с ним связался, он предложил в одном из магазинов города Красноярска прочитать лекцию на ту тему, что я разработал из тех, куда традиционно, получается, лекторы приходили по самым разным организациям. Обязательно раз в месяц почти все, насколько я помню, такие, магазины и конторы, они должны были лекцию прослушать, заказать.

Интервьюер: Помните, что это была за лекция и с кем Вы связывались?

Федоров Андрей Викторович: Я, если честно, фамилию своего куратора, честно скажу, забыл совершенно. Не могу вспомнить. Помню, что он жил на улице Парижской коммуны, в пятиэтажке. Угол Ленина и Парижской коммуны.

Интервьюер: Как Вы с этим куратором познакомились?

Федоров Андрей Викторович: А мне просто в самом обществе называли фамилию, что он меня послушает. Магазины, самое интересное... Сейчас... Находился одно время магазин «Куприян» на этом месте, на улице 9 января, сейчас в углу находится магазин «Фавор». Я в самом начале там как раз был. Пришёл дня за два до этого, сказал, что мне поручено прочитать лекцию в вашем магазине в обеденный перерыв». Надо было устроить завтра, послезавтра по выбору самой организации, куда я пришёл. Мне сказали: «Подходите, пожалуйста, почитаете».

Интервьюер: *Какие у Вас воспоминания об этой первой лекции?*

Федоров Андрей Викторович: Там первая лекция у меня называлась, само интересно, «Организованная преступность в Италии». Само смешное её было читать в магазине промтоваров, на самом деле. Сколько, где-то минут 40, то есть 35-40 она продолжалась. Я рассказал кратко историю организованной преступности, называли несколько разновидностей: мафия, камора, всё прочее. Сказал, как она в культуре типологизируется. Продавцы сразу вспомнили «Приключения итальянцев в России». «От мафии никто не уходил» - знаменитая фраза. «Розарио Агро ещё никто не мог догнать» и так далее. То есть такие, расхожие моменты. Как раз «Спрут» ещё не шел, он пойдёт чуть позже, если я правильно помню. Поэтому представления были... Крёстного отца никто не видел. Представления были такие, расплывчатые у людей. Я почитал, задали вопросы. После этого мы с куратором пошли к нему домой, чтобы оформить, так сказать, рецензию на моё выступление.

Интервьюер: *Куратор вместе с работниками прослушал Вашу лекцию?*

Федоров Андрей Викторович: Да, он там сидел, слушал, как раз, отмечал, как я выступаю, что к чему, насколько она была интересна, по времени, как цели и задачи поставлены фиксировал. Потом описал, что называется, формы заполнял, сидел дома. Потом предложил пойти к нему домой: «Я тебе напишу, ты отнесёшь». Потому что он что-то, не помню, по какой причине. Его должен был кто-то сидеть и ждать, то ли из ЖЭКа, он уйти не мог надолго. Выскочил, буквально на этот часок меня послушать и потом, сидел дома писал, я сидел ждал.

Интервьюер: *После этого как сложились Ваши отношения?*

Федоров Андрей Викторович: Я отнёс эту характеристику, рецензию его в общество «Знание». На меня поглядели, после чего сказали, что всё хорошо, выдали билет членский общества «Знание» и там две или три темы включили в свой план. Сначала одну, потом ещё две.

Интервьюер: *А, что это были за лекции?*

Федоров Андрей Викторович: Потом была лекция, отдельно, что называется, «Детский сад и школа в Японии», которую я много по этим организациям читал, и лекция была ещё «Молодёжный радикализм». Разные коммуны и прочее, прочее. Молодёжный радикализм на западе, насколько эти всякие хип-

пи, панки и прочее, прочее. В тот год, когда я стал членом общества «Знание» как раз.

Интервьюер: Скажите, как Вы определяли темы своих лекций?

Федоров Андрей Викторович: Так получилось, что они знали, что я с исторического факультета, там, где я учусь. И я у них там шёл, как вот они мне предложили читать лекции, прежде всего, по западной проблематике. То есть там несколько вариантов принёс, предложил, их отобрали, те, которые, как показалось, могут быть интересно.

Интервьюер: Скажите, а сами тексты выступлений заранее Вы согласовывали с обществом «Знание»?

Федоров Андрей Викторович: Самое интересное в том, что тексты выступлений, они жёстко не согласовывались. Честно могу сказать. В принципе, совершенно спокойно был такой, общий текст, у меня ещё были кучи разных карточек выписать, которые я в ходе использовал в зависимости от того, какое было настроение у людей. На чём-то акцентировался больше, меньше. А там было просто общая как таковая канва, никто как-то не возражал, честно скажу. Меня сначала это удивило, но я потом спокойно отнёсся.

Интервьюер: Скажите, как обеспечивались научность и качество в Ваших выступлениях?

Федоров Андрей Викторович: Прежде всего, я сидел в библиотеке очень много, выписывая самое разное из журналов, из научных статей, из книг, так сказать, Ленинской. Обязательно все цитаты оформлял, как полагается в любой студенческой и прочей научной работе. То есть на самом деле у меня они были на карточках, потому что было удобно. Условно, были пометки «Цитата №2», «Цитата №5», чтобы не писать. И на карточки очень удобно было глядеть. Но обязательно список литературы прилагался к лекции. В принципе, её спокойно общество «Знание» могло проверить в любой момент. Она как была оформлена, так, как должно было быть. Но жёсткого следования не требовали. Как у тебя пойдёт. Ты можешь о чём-то больше поговорить, захочется, о чём-то меньше. Но там обязательно оформление, цели, задачи.

Интервьюер: Скажите, на Ваш взгляд, были ли научные лекции популярны у слушателей?

Федоров Андрей Викторович: В принципе, вообще-то были на самом деле. Их где-то заказывали просто, чтобы лекцию прочитали любую общества «Знание» в течение месяца, чтобы контора могла закрыть, что называется, план, любая. Детский сад, магазин или какой-нибудь институт исследовательский. А были, которые прямо заказывали по списку, которые были в обществе «Знание», именно на те темы, которые интересны были.

Интервьюер: Понятно. Скажите, как часто Вы читали свои лекции?

Федоров Андрей Викторович: Сейчас скажу. В принципе, около 10-12 лекций в год обычно было. Примерно так, такой средний показатель. Могло иногда быть за месяц 5-6, потом... Условно говоря, месяц-полтора - ничего.

Интервьюер: Скажите, где и кому Вы читали свои лекции? Кому Вам больше всего нравилось читать свои лекции?

Федоров Андрей Викторович: Я читал лекции в, так сказать, магазинах самых разных. Потом ателье - самое интересное. Детские сады. Две или три были научно-исследовательские институты, там проекты самые разные. На самом деле, я читал по Железнодорожному и Центральному районам, а здесь такой набор организаций, у которых это должно было быть, профсоюзная деятельность. Честно скажу, наиболее интересные они оказывались, почему-то в магазинах и детских садах.

Интервьюер: Почему Вы так решили?

Федоров Андрей Викторович: Может, потому что там спорили или обсуждали, намного больший у них интерес это вызывало, чем, самое смешное, что как раз в детском саде мы несколько раз обсуждали проблемы детского сада Японии, когда с удивлением некоторые воспитатели узнали, что все садики разработали в 60-е годы в Советском союзе. Только не внедрены, все эти предложения в детском японском саде внедрены. Глядели на фамилии этих новаторов и удивлялись, потому что у нас они были неизвестны. Сам я тоже о них только в японской книге прочитал. Огромная благодарность нашим методистам, разработавшим идею детского сада. Нам тоже, кстати, не говорили в институте о них ни разу.

Интервьюер: Скажите, какая была обычная численность групп людей, которым Вы читали лекции, вели беседы?

Федоров Андрей Викторович: Обычно человек 15-20, не больше.

Интервьюер: Скажите, как обычно организовывались лекции с Вашим участием?

Федоров Андрей Викторович: Там, просто из общества «Знание» звонили и говорили: «Вот такая-то организация, контора просит прийти, прочитать лекцию, потому что выбрали». Нужно зайти было, взять путёвку в общество «Знание», потом пойти в данную организацию. Это был первый год. На второй год мне просто выдали 12 путёвок сразу со всеми прочими, которые я должен был просто сдать. Это те, что помимо заказа шли. Если я сам найду, кому прочитать. То есть приходишь, читаешь, оформляешь путёвку. Там пишется тема, улица, организация, расписываешься, ставишь печать, приносишь, сдаёшь в общество «Знание». Потом начисляются деньги небольшие.

Интервьюер: То есть Вы получали гонорар?

Федоров Андрей Викторович: Да, обязательно. Ну, это иногда было, первая, буквально по рублей 5-6, а потом в среднем где-то около 25 рублей в месяц ещё дополнительно к стипендии.

Интервьюер: *Это были большие деньги?*

Федоров Андрей Викторович: Конечно, большие по тем временам деньги. Когда научная книга стоила от 2 до 5 рублей, а билет в кино стоил 10 копеек и 20. Или 50 на вечерний сеанс.

Интервьюер: *Скажите, Вы проходили аттестацию лекторских кадров или сами участвовали в аттестации других?*

Федоров Андрей Викторович: Я когда стал лектором сам, прошёл эту аттестацию. И вот сейчас я не помню, потому что один раз участвовал. Там какая-то комиссия была, человека 3-4. Просто рассматривали заявления, там я был как среди просто приглашённых молодых лекторов. И всё. Я думаю, что там занимались этим более опытные. Меня пригласили, потому что там тоже 3-4 студента подавали. Поглядеть на темы и сказать, насколько они могут быть интересны.

Интервьюер: *Скажите, кроме лекций, Вы в каких-то иных формах в работе общества «Знание» участвовали?*

Федоров Андрей Викторович: В принципе, не припомню, чтобы участвовал. Просто разрабатывал лекции. Читал. Нет, я думаю, что как-то. Я был студентом, не думаю, что там было сильно интересно меня ещё им как-то привлекать, по крайней мере, в тот момент.

Интервьюер: *Скажите, Вы входили в руководящие или контрольные органы общества «Знание»?*

Федоров Андрей Викторович: Нет, не входил. Был обычным лектором, простым.

Интервьюер: *Скажите, на Ваш взгляд, как складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Федоров Андрей Викторович: Как-то, честно говоря, не задумывался, как они складывались. Единственное, что я хорошо помню. Это то время, что «Аргументы и факты», которые выходили, известный журнал, они были закрыты для подписки. То есть их никто не мог заказывать, кроме райкомов партии. И самое смешное, лекторов общества «Знание». Я тогда, когда стал лектором, пришёл оформлять подписку. Сначала хотели завернуть, как только увидели. Но я положил членский билет общества «Знание», там была бумажка о том, что мне разрешена подписка, подписанная инструктором райкома. И всё, оформили спокойно. Я не видел, может, они приходили на другие лекции, я не знаю. Или что-то обсуждали. У меня как-то такого не было. У меня спокойно прошло всё.

Интервьюер: *Может быть, на каких-то собраниях первичных лекторы обсуждали отношения общества с партией, политику?*

Федоров Андрей Викторович: Нет, в обществе, нет. Там особо не было, потому что там большинство лекторов были люди в возрасте, там такой, некоторый разрыв был между молодыми лекторами и взрослыми. Так скажем. Если и обсуждалось, то, может быть, в узком кругу, несколько раз, пару раз перебрасывались с другим лектором, Николай Ивановичем Соловьяновым. Когда встречались, он ещё посмеялся: «Я всё никак не могу понять, кто у меня...» Он удивился, узнав, что часть его любимых организаций заказывает другого лектора, это оказался я. Просто с исторического факультета нас было двое в тот момент.

Интервьюер: *Ясно. Скажите, Вы продолжаете работу в обществе «Знание»?*

Федоров Андрей Викторович: Нет, после распада Советского союза как-то потом, когда начал работать, уже было не до этого на факультете. Потом появились другие дела. И как-то ушёл в сторону. То есть продолжалось моё сотрудничество года четыре, максимум пять. До 1992.

Интервьюер: *Вы помните тот момент, когда, условно говоря, или приняли решение больше не читать лекции? Или это как-то произошло? Как это вообще произошло?*

Федоров Андрей Викторович: Это произошло, может, потому что когда я начал работать, там была очень большая нагрузка, и времени свободного просто не осталось, по-настоящему. Если бы я там был не ассистентом молодым, а более взрослым преподавателем, может быть, у меня времени побольше было, может, удалось бы выкроить.

Интервьюер: *Это какой год примерно был?*

Федоров Андрей Викторович: Я последний раз в 1992 году читал. Где-то в марте месяце, по-моему.

Интервьюер: *На Ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении научных познаний среди советских граждан?*

Федоров Андрей Викторович: По поводу научных познаний сказать сложно. Научно-популярные, Знание, прежде всего, неплохо распространяло. При всём при том не было таких тем, которые сейчас по телевизору идут. По поводу происхождения, условно говоря, людей от рептилоидов или теории Фоменко-Носовского по истории, такого даже близко не было. Лекции, что по истории, что по литературе, по биологии, они были нормальными, на хорошем уровне. Это было тогда самое важное. Они читались, прежде всего, для обычных, что называется людей. В этом плане выстраивались с учётом их интересов. Но и так, чтобы, опять же, продавщицы, нянечки детского сада - было интересно услышать что-то ещё, помимо того, что было по телевизору.

Интервьюер: Скажите, заготовленные вопросы у меня закончились. Может быть, Вам вспоминается об этой работе что-то интересное. Насколько я помню, что Вы говорили, что учились в школе лекторов?

Федоров Андрей Викторович: В школе лектора я учился, когда на втором курсе был студентом. У нас там было несколько школ. Там была школа лектора, была школа... атлетический кружок, который вёл Воеводин, философский кружок. Я ходил на все эти кружки. Но мне понравилось то, что школа лектора, она показывала, как нужно по-настоящему готовить своё выступление, на чём акцентироваться. Я просто посчитал на тот момент, что она хорошо подходит к моей будущей профессии, всё-таки по диплому - учитель, он должен уметь говорить и прочее, прочее. Я решил попробовать свои силы. Плюс к этому ещё посоветовал мне очень хороший знакомый моих родителей, свои силы попробовать, это Юрий Сергеевич Курочкин, который возглавлял тогда лекторскую группу райкома партии. Он сказал: «Что ты не попробуешь?» - говорит, - «Твой тёзка, твой друг журналист, а ты можешь попробовать лектором. Почему бы и нет?» Я подумал: «Почему бы и нет? Действительно».

Интервьюер: Скажите, из тех, кто ходил в школу лектора, другие кружки, на Ваш взгляд, много кто стал лектором общества «Знание»?

Федоров Андрей Викторович: Из тех, кто ходил, один только я. Из тех, кого я знал на то время.

Интервьюер: С чем это было связано?

Федоров Андрей Викторович: С тем, что нужно было сидеть и писать, отбирать, структурировать, попытаться всё загнать в 30-40 минут уложить. Условно, на самом деле, раз двадцать прочесть перед зеркалом, время позасекать – укладываешься или не укладываешься. Очень муторная работа, наверное, многим показалась. А второй, третий курс, когда у нас она была, никто не думал, может быть, о таких моментах. Более приятные другие моменты времяпрепровождения.

Интервьюер: Понятно. Спасибо Вам большое за Ваш рассказ. Всего Вам доброго. До свидания.

Федоров Андрей Викторович: Да, пожалуйста. До свидания.

Стенограмма сверена с аудиозаписью 10.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Косоговым Вильямом Алексеевичем,
лектором общества «Знание» в середине 1960-х – 1980-е гг.**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
phone_20190205-100924__79080127341.amr (33:33)

Дата и время проведения интервью: 05.02.2019 г., 10:09-10:45 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Косогов Вильям Алексеевич

Стенографирование аудиозаписи: Шумилин Роман Александрович

Интервьюер: Здравствуйте, Вильям Алексеевич! (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Косогов Вильям Алексеевич: Да! Слушаю, слушаю.

Интервьюер: Для начала ответьте на вопросы о себе. Где и когда Вы родились? Кто Ваши родители? Расскажите о своей семье.

Косогов Вильям Алексеевич: Родился я в селе Большая Мурта в 34 году. Родители у меня, как я всегда писал в анкетах из служащих. То есть, отец работал и мать в сельском совете, председателями, секретарями. Потом на валочном заводе. Ну, и так далее, в общем, из служащих родители у меня. Так. Эээ.

Интервьюер: Расскажите, какое у Вас образование, где Вы учились?

Косогов Вильям Алексеевич: Образование у меня, учился вначале в школе, в средней Рыбинской семилетней школе, окончил ее с отличием. Без экзаменов, естественно, поступил в Красноярский речной техникум, который тоже с похвальными грамотами и так далее окончил в 53 году. И был направлен, поскольку нас готовили молодых гардемарин, для работы на иностранных судах, отправили работать морским государственным боцманом по проводке иностранных кораблей северно-морским путем. Но там меня быстро избрали, не успел поработать полтора года, избрали секретарем городского комитета комсомола. Ну, и так далее. Вот что касается общества «Знание», то, как я только попал в комсомол, как я к этому сразу имел отношение, читал там. Ну, как обычно, комсомольская работа. Так.

Интервьюер: Расскажите о Вашей работе. Где и кем Вы работали?

Косогов Вильям Алексеевич: Ну, начал работать я вот говорю морским государственным боцманом по проводке иностранных кораблей. Вначале естественно проходил соответствующую практику. Поработал там не долго, поскольку себя помню, всегда активистом, меня избрали быстренько секретарем Горкома комсомола. Хоть я, сильно-то этого не желал, но поскольку был пат-

риотом и так далее, согласился и при первой возможности. Потом меня назначили обратно на переподготовку в армию, на флот, на флот.

Интервьюер: *А Вы Горком комсомола, какого города возглавляли?*

Косоков Вильям Алексеевич: Игарка город, Игарка. Игарка, да. Ну, там поработал, потом, значит, я закончил курс морских штурманов, эээ вернулся снова на службу морским государственным лоцманом отработал. Затем у меня появился ребенок, и поскольку это север, мы решили переехать в Красноярск. В Красноярске я работал капитаном теплоходов различных. Потом судоводную инспекцию закончил. Да, я в Игарке поступил в Ленинградское морское инженерное училище имени адмирала Макарова, называется он ЛМИУМ, заочно. Потом перевелся в Новосибирский инженерный водного транспорта, поскольку перешел на реку работать, значит, получать диплом. У меня по сути дела диплом и морской, и речной диплом. Вот. А потом меня взяли в судоводную инспекцию работать старшим судоводным инспектором, где меня на Ангаре, на Ангаре называли «водный барин», то есть, там большой начальник судоводной инспекции. Ну, вот из судоводной инспекции я уже напрямиком был призван в Комитет Государственной Безопасности нашего города, где отслужил. А потом вернулся, выйдя на пенсию...

Интервьюер: *Это какой год?*

Косоков Вильям Алексеевич: Это где-то 86, по-моему, так уже не помню, но ближе к 90-м выйдя на пенсию. Вернулся вновь на свою работу государственным лоцманом, но уже в Дудинском морском порту. А потом оттуда, из Дудинского морского порта перевелся в Енисейское речное пароходство. Зам, вернее не зам, а оказалось начальник службы безопасности. Ну, это примерно вот, то, что обычно бывает в действующем резерве, работают люди. Ну а вот, а оттудова уже, из пароходства, потом, когда началась свистопляска с продажей пароходства, и так далее, я ушел. Ну, вот ушел, собственно говоря, на настоящую пенсию, уже как пенсионер. И сейчас вот служу Советскому Союзу, как я говорю все время, значит, вот в фильме Крастехснаб, где вы знаете. Вот это если коротко, вот таков мой жизненный путь.

Интервьюер: *Скажите, Вы были членом КПСС?*

Косоков Вильям Алексеевич: Я член КПСС только и был.

Интервьюер: *А когда и почему Вы вступили в партию?*

Косоков Вильям Алексеевич: Как почему? Потому что я всегда был активистом, я же вступил в коммунистическую партию, и писал заявление, что я хочу служить трудовому народу, ну, и как тогда служили трудовому народу. Поэтому я и вступил. Я и сейчас себя считаю членом коммунистической партии. Ну больше, больше, конечно, не КПСС, а большевиков.

Интервьюер: *А когда Вы вступили в КПСС?*

Косоков Вильям Алексеевич: В 56 году.

Интервьюер: *И получается, членство в партии Вы прекратили вместе с ее запретом?*

Косоков Вильям Алексеевич: Я нет, я не прекращал его. Я приостановил членство в партии, мы написал официальное заявление, до запрета партии, до запрета, когда были в Дудинке, когда пошла эта авантюра с перестройкой. Мы видели, куда дело пошло. Написали заявление резкое в адрес нашего политбюро, и сказали, что поскольку Вы ведете буржуазный образ жизни, и ведете страну не туда, куда должны вести, к строительству социализму, мы приостанавливаем членство в партии до того момента, когда она вернется на вот социалистический путь развития. Нас после этого...

Интервьюер: *В каком году это было?*

Косоков Вильям Алексеевич: Ну, это где-то вот после 85 и есть. Так, примерно вот эти года. Я почему говорю подготовиться надо, столько цифр я не могу так с лету назвать, ну, примерно вот так. И потом нас же стали разбирать как активистов. Мы же не потому, мы были в активе всегда. И я просто собрал там, нас человек примерно сто было в масштабах Дудинки, которые подписали это все. Нас стали разбирать, а мы стали говорить тем, кто нас разбирал, Вы что не видите, куда мы идем? Давайте присоединяйтесь к нам, у нас обоюдная такая была. А потом когда, ну, уже все разошлись, я потом уехал в отпуск. Пока ездил в отпуск, значит, на севере там отпуска длинные, приезжаю, какое-то время уже закон этого Ельцина уже пришел как раз. Можно прицепиться к этой дате, когда он там вышел о запрете партии.

Я приезжаю, мне говорят: «Вот те, которые разбирали то вас, побросали партбилеты, и так далее и так далее» Я говорю: «Ну» И они ко мне, нет, запрет этот нас не касается, мы, как были членами, считали себя членами, так и остаемся ими. А вот вы побросали билеты, вы нет, пожалуйста, как предавали ее, так и будете предавать. Ну, и так далее. Эта ситуация до сих пор. Мне все время говорят там, большевики к себе, КПСС к себе, КПРФ и прочие, и прочие. Я говорю, нет, я никуда бегать не буду по всем этим мелким партиям. Вот как сформируется снова коммунистическая партия единая, вот восстановимся со счетом того самого стажа, который мы и сейчас проходим. Мы и сейчас, значит, меры принимаем для восстановления тех идеалов, которые исповедовали коммунисты.

Интервьюер: *Спасибо, что рассказали о себе! Предлагаю перейти к обществу «Знание». И первый вопрос. Скажите, когда и как вы узнали о существовании общества «Знание»?*

Косоков Вильям Алексеевич: Да, никак я о нем не узнавал. Когда на комсомол пришел, сразу сказали, вот надо лекции читать, и прочее, и прочее. Я это воспринял... Я сейчас не помню, знал я тогда про это общество «Знание», или не знал, что оно есть. Назначил работу по чтению лекций, вначале там чисто по своей специальности, типа развитие судоходства на Енисее. Ну, то, что я знал.

Интервьюер: *А в памяти отложилось, когда и как Вы вступили в общество «Знание»?*

Косоков Вильям Алексеевич: Ну, это общество «Знание», если как вступил я, это, пожалуй, уже я, когда я пришел в комитет госбезопасности. Потому что тогда там, ну, там тоже нам по роду службы надо было выступать перед людьми, перед народом, в основном по вопросу идеологических диверсий ... противника.

Интервьюер: *А какой это год?*

Косоков Вильям Алексеевич: Ну, я пришел в органы госбезопасности в 66 году.

Интервьюер: *А какая-то процедура вступления была? То есть, у Вас там заявление брали?*

Косоков Вильям Алексеевич: Да че там, по моим понятиям у меня это все автоматом получалось, мне потом и грамоты давали от общества «Знание» этого и так далее. Членский билет где-то у меня, ну, не помню где он там, есть или нет. То есть, у меня вот такого, что я с сегодняшнего дня стал общество «Знание», как то, даже и не было. Я вроде все время в нем.

Интервьюер: *Скажите, а Вы входили в руководящие или в контрольные органы общества «Знание»?*

Косоков Вильям Алексеевич: Нет, нет, не входил. Единственное, если не считать, но это, по-моему, не общество «Знание», когда после всех окончаний мной университетов марксизма-ленинизма, мы там занимались, естественно, тоже пропагандой, кружки вели, соответствующие, как обычно в партийной учебе. Лектор вот этот самый, он, по-моему, даже не по обществу «Знание», а по линии партийной учебы был, я всегда потом вел именно какой-то кружок на предприятиях.

Интервьюер: *А на какие темы Вы читали лекции в обществе «Знание»?*

Косоков Вильям Алексеевич: В обществе «Знание», когда, в основном на идеологические диверсии, а когда стал вести кружок, вот там по изучению соответствующих работ Ленина, в применении к настоящему моменту. Ну, как обычно, все эти партийные учебы. То есть, в партийной учебе была соответствующая программа, по направлению того, той тематики, которая была именно в этом кружке, в изучении работ Ленина. Я все время стремился сделать так, чтобы именно отталкиваться от первоисточников. Вот примерно то, если вы знаете, как написал в свое время Советский, вы знаете такого? У нас тут был в Красноярске Сергей Советский. Он сделал выборку, он сделал выборку из работ Сталина, Ленина, и так далее. И потом ... как это воплощается в жизнь, с критикой нынешней ситуацией. Так, примерно, я тогда уже в то время. Так как уже тогда, поскольку было много уже в то время вопросов к практическому осуществлению идеалов коммунизма и социализма, я, значит, строил лекцию

так, чтобы вот, что говорил Ленин, что говорил Сталин, что принималось в то время на партийных. И потом задавались вопросы: А, как же понимать? Что вот говорил Ленин одно, а у нас то вроде бы не то маленько. И я говорил, слушателям своим, вот говорит: «А как у вас на предприятии, разбирайтесь сами, насколько у вас это соответствует». Ну, и так далее. Приходите беседовать по этому вопросу и с руководством, так сказать дальше, вот задавайте вопросы, как у вас ленинская политика. Им приходилось вертеться. Поскольку и сказать нельзя другого, а правду сказать тоже нельзя, поскольку она не совпадала с тем, что требовалось согласно теории. Ну, и так далее.

Интервьюер: Скажите, а как Вы определяли темы своих лекций?

Косоков Вильям Алексеевич: Как? Никто... У нас план был, не я определял. Я определял только как ее преподнести. В частности, вот, у меня была там тема, допустим, «Марксизм-ленинизм в действии», или «Основы марксизма-ленинизма», или «Основы коммунизма». Вот я их давал, и потом старался подвести к тому, как это происходит на практике. И я старался, и мне вопросы задавали, поскольку, когда я говорил о сменяемости и так далее, о выборности, о чем говорил Ленин, а у нас сменяемости и не было.

Вот поэтому я и говорил: «Давайте, товарищи, решайте, как, что, со своим руководством партийным». У нас была тесная связь с партийным руководством. Я еще когда служил, и будучи пропагандистом, всегда у меня была тесная связь с секретарем партийной организации, профсоюзами, с руководством. И всегда говорил: «Ребята, а давайте-ка вы там, вот теория, задают вопросы, у вас климат соответствующий в коллективе, давайте как-нибудь находить консенсус. В то время, правда, этого слова еще не было. Ну, находить общие точки зрения, и в конце концов воплощать в жизнь. То, к чему вели нас наши теоретики. Другое дело, что я столкнулся с фактом, когда нам говорили там о фундаменте. Роберта Уэльса, Симона, Фурье называли основоположниками научного коммунизма, на фундаменте чем стоит этот самый советский коммунизм. Когда я начал искать эти самые первоисточники, я их почему то не нашел нигде в библиотеках. Тоже проследил, это в чем дело? Я хочу изучить фундамент, на чем мы стоим. А фундамента этого нигде нет. Сейчас, по-моему, попроще. Сейчас даже вроде как есть. А тогда было сложно найти эти основные постулаты, на чем стоит научный коммунизм и социализм. Ну, вот. Что еще надо сказать?

Интервьюер: Скажите, а Вы с кем-нибудь согласовывали тексты своих выступлений?

Косоков Вильям Алексеевич: Нет, не согласовывал. Я согласовывал тексты своих выступлений на партийных собраниях. Когда нас спросили там, особенно когда присутствовал там Федирко и прочие там, всегда было на отчетно-выборных собраниях. Я давал тезисы, а мне обычно «ой-ой-ой не надо». Почему не надо? Ну, тех выражений, которые я хотел сказать. Я соглашался, ну, ладно, не надо. Я таких резких выражений говорить не буду, но суть дела я скажу. В особенности, когда это касалось розыска анонимов и так далее. Которые в анонимках писали действительно то, что происходило на самом деле. Я говорил так: «Ребята, мы зачем анонима то ищем? Чтобы исправить эти недос-

татки, которые он пишет. Или чтоб просто поймать его и наказать, чтоб не писал?» Разные вещи, разные поступки. И Федирко сидел и слушал это в президиуме. А меня...

Интервьюер: *А в обществе «Знание» Вы не согласовывали?*

Косоков Вильям Алексеевич: Как, что?

Интервьюер: *А в обществе «Знание» Вы не согласовывали?*

Косоков Вильям Алексеевич: В обществе «Знание» с кем я буду там согласовывать? У меня была тема, я эту тему развивал, в зависимости от того... Скажем, у меня не была тема экономическая там, была больше теоретическая. Но я всегда подходил к политической экономике к этой самой «С+V+M», к прибавочной стоимости и как эта стоимость делится. Она уже тогда начинала делиться весьма своеобразно. Когда у нас партийные работники, активисты, не бросали парт билеты, а приходили и говорили: «Знаете, мы...», активисты говорили, повторяю. Кладут партийные билеты на стол и говорят: «Мы что-то не понимаем, видимо, политику», это уже в перестроечное время. Просто мы не достойны, наверное, и не выбрасывают билеты, сами вроде бы. Вот три партийные организации, при мне, я уже служил тогда в комитете. Я говорю: «Я-то здесь при чем? У вас есть Партком, и так далее. У вас есть, с ними и разбирайтесь». Они «Да нет у них там», ко мне обращались, как.. я еще за это немного получал в тык, потому что занимаюсь не своим делом. А я говорю: «Как это не своим?». У нас такое дело, все, что мы тут делаем, больше вреда принесет, чем любой шпион. Когда у людей вера кончается, в справедливость того, что они делают. Ну, вот таким образом. То есть, это была моя деятельность, обычно связанная с практическим применением этой теории на практике.

Интервьюер: *Скажите, а как Вы обеспечивали научность и качество ваших лекций, выступлений?*

Косоков Вильям Алексеевич: Что? Что? Что обеспечил?

Интервьюер: *Научность и качество ваших выступлений в обществе «Знание»...*

Косоков Вильям Алексеевич: Научное качество?

Интервьюер: *Научность и качество...*

Вильям Алексеевич: Ну, как, ммм, сам я ничего не придумывал. Но вот я просто готовился, знал, о чем говорю. Эти беседы всегда были интересны, как я понимаю и для слушателей. У меня не было так, чтобы не ходили на мои занятия. Кхе-кхе. Я знал предмет, о чем я говорю.

Интервьюер: *А как часто Вы читали свои лекции?*

Косоков Вильям Алексеевич: Ну, если, конечно, лекции, то, как минимум, одну или две в месяц.

Интервьюер: *А скажите, какая обычно была численность людей, которым Вы читали свои лекции?*

Косоков Вильям Алексеевич: На лекциях? Ну, это скажем человек 100, наверное, 50 так. Но это я читал на предприятиях, это я не говорю про партийную учебу, а на предприятиях. Там меня приглашали, значит, ремзавод, порт, собирали своих людей, ну их там не считал. Но зал обычно был полон. Тема то всегда такая лекция идеологические диверсии. Я их всегда связывал с работой с разведывательной службой. С методом, плюс ко всему практика моя работа на иностранных кораблях, я много приводил примеров. То есть, лекции были, по моим понятиям, интересно было.

Интервьюер: *А как Вы определяли, что аудитории нравятся Ваши лекции?*

Косоков Вильям Алексеевич: Ну, определял по количеству присутствующих. Никто никуда не уходил, даже больше во время моей лекции обычно даже приходили люди. И, как правило, всегда не хватало времени, потому что отводили времени сколько-то. Время кончается, мне показывает, кто там, организатор, что время уже вроде того. Я ну ладно.

Я сопровождал, особенно когда читал лекции о политической бдительности, о разведках, у меня было много фотографий, иллюстрирующих эту работу. Как там шпионов ловят и так далее. Я раздавал фотографии их смотреть, пока смотрели фотографии, снова начинали задавать вопросы. И проблема всегда была, что я, время больше уходило на лекции, чем отводилось.

Интервьюер: *Скажите, а вот как обычно с Вашим участием организовывались лекции?*

Косоков Вильям Алексеевич: Как? Я их не организовывал, там говорили и мне сообщали, что так и так, вот мы запланировали вашу лекцию, на такой-то период, в такое-то время там, ну, и говорили время, сколько примерно должна быть. Все это организовывалось. Не я их организовывал.

Интервьюер: *Скажите, где и кому Вы читали лекции, кому Вам больше всего нравилось читать лекции?*

Косоков Вильям Алексеевич: В рабочих коллективах.

Интервьюер: *А почему?*

Косоков Вильям Алексеевич: Потому что там, более или менее, всегда задавали вопросы конкретные. В особенности вот, ну, вот когда читал лекцию об идеологических диверсиях и прочее, начинали задаваться вопросы, я потом говорил с этим руководителем, скажем, когда наши туристы стали через границу ездить. Они приехали и говорят: «Товарищи, вот мы ездили за границей, вот сегодня проезжаем через перекресток, там ремонт дороги какой-то идет, то есть, обрешная дорога. Проехали, а на завтра смотрим – все уже сделано, то есть, никакой остановки, ничего не было. Все хорошо поставлено. И смотрели, как у нас, как перекроют дорогу, так ладно, если через месяц закончат». Ну и

так далее. Поэтому после этого я всем говорю: «Товарищи, к нашим хозяйственникам, вот, пожалуйста. Ничего не надо. Вот вы сделали, вы делайте хотя бы так же, как они. Лучше, если лучше сделаете. Товарищ Ленин говорил в свое время, когда создавали концессии: «Учитесь, вот вам, все сделано, учитесь!» Делайте как они, ничего придумывать не надо, делайте! Нет, не делали. Вот тогда даже Ленина уже довели, он тогда: «Значит, мы нация дураков и не на что путное не способны». Ленин говорит. Потому что с нашего народа тоже надо спрашивать да спрашивать, чтоб он хорошо работал. Это я работаю так и говорил тогда. Собрались, говорю, 5 человек один столб поставить, полдня собираетесь, обсуждаете как, полдня значит ставите этот столб. Потом ладно, если еще поставите этот столб. Хотя вся работа должна заключаться в чаше, ну и так далее. Работаю то я тоже не щадил, когда говорил им, что значит надо делать, работать так, как Стаханов работал. А они мне говорят, что чтобы как Стаханов работал, надо чтоб это обеспечивали, тоже верно. Чтоб обеспечить, чтоб все это было. Это же не идеологические, прочие работники, поэтому должен быть, в этом и смысл всего производственного процесса, а не организовывать. Все подготавливать, другие делают и пашут, чтоб все это шло. Вы помните фильм был, «Премия» у нас назывался, там Брионов еще играл. Ну, вы может быть, его и не смотрели. Там тоже ситуация такая, что планировали рабочим, чтобы так сказать потушить энтузиазм, дали премию, он говорит: «Не надо нам премию, вы нас обеспечите работой, мы тогда заработаем. От премии это у нас подачка, дали нам». Вот фильм был в советское время, уже начали ставить такие фильмы, которые критиковали нашу существующую систему.

Интервьюер: *А скажите, Вы проходили аттестацию лекторских кадров или сами участвовали в аттестации других лекторов?*

Косоков Вильям Алексеевич: Ну, в аттестации лекторов я не участвовал, я участвовал в аттестации, когда проходили, как это называлось, профпригодность или что-то такое. Но это уже вот... Ни как лекторов, а как уже вот когда в службе безопасности я работал.

Интервьюер: *Скажите, а кроме лекций, Вы как-то в каких-то в других форумах участвовали в обществе «Знание»?*

Косоков Вильям Алексеевич: Ну, когда проводились семинары какие-то как обычно. Обменивался опытом, меня приглашали опытом обмениваться: «как тебе удастся держать, скажем, аудиторию»

Интервьюер: *А как проходили эти семинары, расскажите?*

Косоков Вильям Алексеевич: Ну, как обычный семинар, выступает лектор, как надо говорит, потом обмениваются опытом, как надо. Ну, в основном, в конечном счете, это сводилось к тому, что лектор должен знать хорошо предмет, о котором он говорит. И по возможности с привязкой к существующему положению. Не просто так прописные истины говорить, а желательно это подтверждать примером из жизни.

Интервьюер: Скажите, а Вы участвовали в рецензировании чужих лекций?

Косоков Вильям Алексеевич: Чужих лекций?

Интервьюер: Да.

Косоков Вильям Алексеевич: Нет, не участвовал, если не считать, когда создавали политическую бдительность, был такой, ну, образец вроде, да. Некоторые лекторы, включая нашего начальника, они вот эту самую, которая болванка, вот они ее зачитают, и... Ну, во-первых, там одно и то же, я брал его за основу, за основу, а в основном все читал сам. Потому что болванку эту читали и говорили все, а надо было все-таки как-то это разнообразить, чтобы было интересно.

Интервьюер: Скажите, а вот участие в деятельности общества «Знание», Вы получали там оплату своего труда?

Косоков Вильям Алексеевич: Практически нет. Потому что у нас иногда, эээ, иногда было у нас, когда я работал в комиссии, это было введено в обязанности нам. Участвовать и читать эти лекции. Нам не рекомендовали, хотя всегда предлагали брать. Нам не рекомендовали читать за деньги.

Интервьюер: На работе не рекомендовали, КГБ?

Косоков Вильям Алексеевич: Да, да, на работе. Ну, послушайте, в то время у нас же знаете, что комитет госбезопасности был самый некорумпированной организацией. Хотя, мог и тогда бы быть ею, как сейчас. Ну, поэтому все вот эти доплаты со стороны, какие-то другие поправки, мы старались ими не пользоваться.

Интервьюер: А на Ваш взгляд, как сложились отношения между обществом «Знание» и КПСС?

Косоков Вильям Алексеевич: Ну, по-моему, нормально. Другое время, когда вот последнее время уже, вот сейчас еще это общество «Знание», выступает как мы работали. Последнее время, когда уже перестройка шла, когда уже все было ясно уже, что и как. Лектор, который обычно долдонит: «Приходите к нам», говорит штампами. Так ему там задают вопрос: «Какое у нас первое государство? Мы где живем?» – работяги с мест встают. «Ну, как, вообще в народном государстве мы живем». В каком народном? Когда уже вся эта народность разъелась в то время под орех. Ну, это обычно были такие лектора, какие на этом зарабатывали. Вот они шпарили эту самую ради заработка, по 10 раз выступали, значит, с одним и тем же.

Интервьюер: С Вашей точки зрения КПСС как-то контролировал общество «Знание»?

Косоков Вильям Алексеевич: Конечно! Конечно.

Интервьюер: А как это происходило?

Косоков Вильям Алексеевич: Ну, меня, у нас контролировалось, у нас было прямо в этом, когда служил, в своих отчетах, там была прямо графа «сколько прочитано лекций». Вот считай отмечали, что лекции входили в нашу, оценку твоей деятельности.

***Интервьюер:** Деятельности профессиональной или*

Косоков Вильям Алексеевич: Нет, не профессиональная, в общем, как ты работаешь с активом, с народом. Не только шпионов ищешь, так скажем, там, где конспиративная часть работает, а где вот такая общественная работа с народом. Никакой там конспирации быть не должно. Наоборот.

***Интервьюер:** А в обществе «Знание» Вы как отчитывались за свои лекторские работы?*

Косоков Вильям Алексеевич: Перед кем?

***Интервьюер:** В обществе «Знание» Вы как отчитывались?*

Косоков Вильям Алексеевич: Никак не отчитывался. Они там сами учитывали все это, и потом выдавали соответствующие грамоты за хорошую работу. Они у меня и сейчас где-то, по-моему.

***Интервьюер:** Вы что-то заполняли о прочитанных лекциях?*

Косоков Вильям Алексеевич: Путевки? Что-то, по-моему, когда я приходил, что-то мне давали. Ну, вот чтобы специально путевки такого не было.

***Интервьюер:** Вы продолжаете работу в обществе «Знание»?*

Косоков Вильям Алексеевич: В данный момент? Ну, в обществе «Знание» я не знаю, я даже не знаю, есть оно или нет сейчас, но работу с людьми, в том числе, и когда проходят выборные компаний, я, конечно, продолжаю. В плане доказывания преимущества социалистической системы против воровской системы нынешней.

***Интервьюер:** Скажите, а когда Вы в последний раз читали лекцию по, так скажем, линии общества «Знание»?*

Косоков Вильям Алексеевич: Ой, давно. По линии общества «Знание» я читал, да, пожалуй, со всех этих, когда мы написали заявление и о приостановлении членства в партии, и так далее. Я официально вот от этого общества «Знание», так сказать, ну не от Знание, а от выступлений. Я вот сейчас, где выступаю, я и сейчас выступаю, ну, это получается, вроде как неофициально.

***Интервьюер:** Понятно. А скажите, на Ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении научных, популярных знаний в советское время?*

Косоков Вильям Алексеевич: Я думаю, что нормально, хорошее, там, где они проходили не формально. Это хорошее дело, конечно.

Интервьюер: Спасибо Вам за Ваше мнение, спасибо, что дали интервью!

Косогов Вильям Алексеевич: Рады стараться, Ваше благородие! Служу Советскому Союзу!

Интервьюер: Хорошо! Всего доброго!

Косогов Вильям Алексеевич: Так можете в своем интервью и записать, служу Советскому Союзу!

Интервьюер: Хорошо, ладно!

Косогов Вильям Алексеевич: Всего доброго!

Стенограмма сверена с аудиозаписью 07.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Москвичом Юрием Николаевичем,
лектором общества «Знание» с 1971 года, членом Координационного
совета Красноярской региональной организации Общероссийской
общественно-государственной просветительской организации
«РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
Моя запись 7.wav (2:08:05)

Дата и время проведения интервью: 05.02.2019 г., 12:05-14:32 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Москвич Юрий Николаевич

Стенографирование аудиозаписи: Шумилин Роман Александрович

Интервьюер: Здравствуйте, Юрий Николаевич!

Москвич Юрий Николаевич: Здравствуйте.

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Юрий Николаевич, вот, прежде чем мы перейдём к обществу «Знание», вот, хотелось бы узнать о Вас лично. Вот, расскажите, а, где, когда Вы родились, кто Ваши родители? Расскажите о своей семье.

Москвич Юрий Николаевич: Угу. Ну, ко мне можно отнести давнюю русскую поговорку – «Там, где родился, там и пригодился». Потому что я родился на северо-востоке Красноярского края, в Канском районе, село Георгиевка. А мой отец – выходец из Дзержинского района, а моя мама – выходка... ну или как – выходец из деревни Ивановка, которая расположена в трёх километрах от села Георгиевки. Вот. У нас семья, имела... ну, по тем понятиям – это была нормальная семья, сейчас такую семью называют многодетной. Нас было четверо братьев. А... мы все закончили Георгиевскую среднюю школу. И, так получилось, что мы все пошли вслед за духом времени, мы все – не живём в сёлах. Вот.

Мой старший брат был речником, заслуженным речником, получил звание заслуженного речника, и жил в Подтёсово, капитаном разных судов, толкачей, ну, и так далее. Судно-толкач – это баржи, которые толкает.

А второй брат, Владимир, заслуженный... фельдшер, наверное, или врач – он работал многие годы в скорой помощи села Подтёсово. И получил звание заслуженного... работника медицины. К сожалению, они сейчас уже не живут.

А мой младший брат... Он прошёл большую школу жизни, много лет работал... в геофизических институтах. А... недавно ушёл он на пенсию. И получил звание заслуженного геолога... России.

Я, наверное, был одним из первых выпускников Красноя... Георгиевской средней школы №34, который поступил в университет... И учился в Красноярском филиале Новосибирского государственного университета. А... фактически, четыре... более чем четыре с половиной года. Но в последние три-четыре месяца, а... Красноярский филиал Новосибирского университета был переименован в Красноярский государственный университет. А... И поэтому запись в моём дипломе, что поступил в КфНГУ, и закончил Красноярский государственный университет. Ну, одна из особенностей моего диплома является то, что он имеет порядковый номер №1. Вот такого, начавшего, 1969 года, свой исторический путь Красноярский государственный университет, который позже стал частью, э... Сибирского федерального университета.

Интервьюер: Уточните, пожалуйста, дату Вашего рождения.

Москвич Юрий Николаевич: Я родился 31 июля 1946 года. Понятно, что я, э... принадлежу к поколению, невероятно интересному. Очень много интересных людей из этого поколения вышло. Я специально этими вещами интересовался. Это поколение поствоенных детей.

Наши отцы вернулись... с фронта. А... где-то в июне... 45 года. А... пробыли... ну, кто-то остался, а мой отец приехал в отпуск, пробыл там, и уехал снова служить в армию. Он офицер, вот, старший лейтенант, э... И он, э... Служил в железнодорожных войсках. И был, э... полтора года, на работе в Польше. На станции Катовице, был заместителем военного коменданта станции Катовице. Поэтому, я родился, и... Первый месяц, скажем... был на попечении моей мамы и моей бабушки, а отец вернулся позже.

Интервьюер: Вы уже наговорили о своём образовании, всё-таки давайте уточним. Расскажите о Вашем образовании, где вы учились? (пауза) Уточняющий, так сказать, вопрос.

Москвич Юрий Николаевич: А... Ну, поскольку мой отец был... , советским служащим, по той терминологии, тех лет. И, достаточно образованным, по тем временам, человеком. А... Он закончил Рыбинскую сельскохозяйственную школу, в 29 году. А... Но это техникум. То, мы, конечно, наша семья отличалась от многих семей, а... людей, работавших в колхозе, потом в совхозе. Он работал в МТС, занимал довольно важную, так сказать позицию. Он работал в других местах. Но, важно то, что у нас были книги. Книжная этажерка. Ещё, у нас было принято читать газеты. У нас принято было читать, э... журналы. И, мне очень повезло, а... поскольку моё, э... так сказать, детство, я получил очень хорошее... опережающее, может быть, образование. Научился читать до школы.

Даже ставился вопрос о том, чтобы меня на один класс повысить, но мать и отец, после долгих совещаний, видимо, приняли правильное решение. Они сказали: пусть он растёт со своими сверстниками.

А вот... а... Второе, что мне повезло, это то, что... было принято... интересное решение, и районный центр, э... Ка... Канского района э... был переве-

дён в Георгиевку, был построен там большой клуб, большая библиотека. Я, с детских лет имел возможность посещать большую библиотеку.

С большим количеством... Ну, это было... Это было потрясающе. Нет, и не удивительно, то, что все... я, и все мои братья... получили образование, и... стремились, ну, как бы, путём образования, стать э... успешными людьми. Но не в селе, и это одна из проблем, про которую, например, часто у меня спрашивали после школы – почему я, так скажем, уехал из села, почему это... Ну, с моей точки зрения – ответ очень простой. Я могу такой вот образ сказать... Когда я родился, примерно... по тем данным, которые у меня есть, а... чуть более 70% населения края жило в селе.

Край был сельский. Затем, после войны, наступил... наступил э... очень большой этап индустриализации. И, когда я пос... заканчивал университет, э... Вернее, не так. Когда я поступил в университет, то уже чуть больше, э... половины населения... жило в городах.

А сейчас, Красноярский край является одним из самых урбанизированных. По одним данным – где-то 21%, э... населения живёт, э... в селе. По другим данным... может быть, э... на один, на два процента больше или меньше. Но, на самом-то деле, мы – один из самых урбанизированных, э... краёв, э... России. И вот это, ощущение, что... в селе уже много работающих рук. И, что... не надо быть, там, трактористом, механизатором, а я... закончил на... одновременно со школой, средней, школу механизации. И у меня был диплом, э... тракториста... комбайнёра широкого профиля.

Ну, только пять человек из двух классов, э... моего выпуска, а... Остались работать про... какими-то профессиональными людьми, э... в сёлах. Все остальные уехали в города. Это было вообще тенденция, и... Это был такой большой импульс – учиться хорошо. И э... Ну, скажем, поступать туда, куда не легко.

Интервьюер: А в КГУ Вы какую специальность получили? На кого учились?

Москвич Юрий Николаевич: А... Ну, это было самое популярное направление, в те годы. Это направление называлось физико-математическое. И, после окончания университета, я 22 года проработал физиком, а... в Институте физики Сибирского отделения Академии Наук. И... э... Прошёл путь от стажёра-исследователя, с минимальной зарплатой, до... ведущего научного сотрудника... в последний год.

Интервьюер: Вот, кстати, давайте перейдём к Вашей работе. Вы начало своей трудовой карьеры уже рассказали. А что было после?

Москвич Юрий Николаевич: А после было то, что должно было произойти. По разным причинам, все восьмидесятые годы я работал долговременно, или кратковременно... за границей в ГДР, в Польше и в различных университетах. И, естественно, я хорошо понимал... как идёт процесс развития мира, как меняются научные... а... институты. Естественно, я об этом рассказывал... в университете. И, когда... э... в 89 году, две тысячи... Ой, тысяча девятьсот

девятью де... 1989 году, поздно, в конце декабря, я приехал из Польши, из очередной поездки. То... меня пригласили... зайти на собрание общее Института физики. Вот. Я пришёл, а... там было необычное очень явление, а... Общее собрание сотрудников Института физики решало вопрос – кого оно может рекомендовать на тот или иной уровень... а... кандидатов в депутаты города, а... края, э... России.

Ну, и... Было много представителей, э... тогда начинающих демократических организаций, выступали. Ну, и... я сидел в конце, и... внимательно всё это слушал. И, когда... ну, как бы, выступления закончились, э... один из зала... поднялся, и сказал, что вот, Юрий Николаевич недавно приехал... вот, только что приехал из Польши, может быть, он имеет свой взгляд – что происходит, как происходит. И я очень коротко выступил. И сказал то, что я до... должен был сказать, что да – у нас есть серьёзное отставание. И что во власть должны придти новые люди, а... имеющие программу действий. Ну и, самое главное, э... тот курс модернизации э... страны, России в виде э... СССР, должен быть продолжен.

И началось голосование. Я, на первых голосованиях в городской... э... так сказать, в районный Совет, городской Совет, и краевой, практически... не получил несколько мест, я уже собрался уходить, а... И, вдруг, началось голосование... за выдвижение кандидатов ... в депутаты, народные депутаты РСФСР. А я там получил, такое ощущение, что более 82... 80 %. Ну вот, отсюда начался... мой новый этап.

Во-первых, это голосовали мои друзья. Мои коллеги. Э... Я, по-видимому, отражал какое-то общее настроение, тогда существовавшее в этом коллективе. Вот. Понятно, что... Тогда главной мыслью... многих людей в университете – это было оказание максимальной поддержки... институтам, научным институтам. 89 год был непростой, потому что в 85 году, а... вновь избранный Первый а... секретарь... или генеральный секретарь? Горбачёв заявил о... научно-техническом...рывке. И, естественно, рывок предполагает, э... резкое увеличение финансирования.

Ну и, после долгих размышлений, я дал согласие, на следующий день. При этом,... наверное, думая не так, как думают сейчас современные политики.

Я думал о том, что, возможно... удастся помочь... какие-то программы принять... поддержки научно-технического направления. А... повысить, э... конкурентоспособность наших... научных институтов. И, самое главное... привлечь э... в Академию Наук современное оборудование.

Потому что мы начали уже тогда реально отставать. Э... у нас были хорошие, наверное, люди. Хорошо подготовленные. Были хорошие кристаллы. Материалы. Но, во многих вещах э... вещах не хватало современного оборудования. И, поэтому, мне пришлось ездить, там, в университет Лейпцига, в университет Йены – ГДР работает на этих приборах. Вот. Ну и так далее, и так далее. И это началась, вот это, как бы, новый путь. Э... он привёл к тому, что я... Неожиданно для себя, и для многих, почти неизвестный никому... затворник Академгородка, вдруг выиграл, во втором туре выборов.

Ну, так сказать... 12 человек было. Значит, я преодолел конкуренцию 11 других людей. Стал депутатом. А... Естественно, я вошёл сразу же в комитет по науке и народному образованию. Вот. Э... И, стремился выполнить эту, как бы, задачу. Помогал и Институту физики, и Институту химии, и Политехническому университету в решении некоторых вопросов. Ну, а потом ситуация, э... Как бы, резко изменилась, и... э... 22 августа 91 года я вдруг получил... Мне вдруг позвонили, и сказали – согласен ли я стать э... депута... представителем Президента в Красноярском крае.

Я попросил дать мне один час. И, один час я долго размышлял, советовался с женой, там, с какими-то другими друзьями... Попытался понять – что будет. Ну, анализ показал, что будет всё не очень хорошо. Что на... начался обычный политический хаос. И, в этой ситуации, речь шла не о... Не столько о тех деньгах, которые можно было привлечь... Понятно, что... маловероятно, что они будут... а... у правительства. Э... главная задача состояла в том, чтобы минимизировать... риски, которые возникли, это...

То есть, помогать уже не только университету, но и краю, и так далее. Я стал представителем Президента, пробыл я там 7 лет, это один... всего вроде бы два человека в России прошли такой длинный путь, представители Президента. Это мой коллега Камчатов в Москве, и я, в Красноярском крае. Ну, а после этого я, э... получил приглашение войти в правительство, коалиционное... Па... о котором мало сейчас говорят, там, мне кажется, что оно заслуживает очень... большого внимания, потому что это было первое в истории э... современной России коалиционное правительство, составленное из демократов, из э... консерваторов, из коммунистов и либералов.

Это правительство... одержало... начало работать в 98 году. А, вот. И... оно, фактически, спасло страну от хаоса, который надвигался, вследствие болезни Ельцина, в то время. Вот... Сейчас, я забыл кто, фамилию эту... известного...

Интервьюер: Примаков?

Москвич Юрий Николаевич: Примаков, да. Он ввёл совершенно другие, э... методы управления. Они были направлены на э... на, кхм... развитие страны. И для того, чтобы развитие страны, э... шло более-менее упорядоченно, он... убедил Ельцина... и создал министерство... региональной политики. И я туда был приглашён. Я стал заместителем... министра региональной политики и отвечал... за... э... ну, как бы, научное обеспечение, политическое обеспечение. И, самая главная цель, моя и моих, как бы, сотрудников, состояла в том, чтобы определиться с точками роста экономического развития... э... в России. У Примакова были очень интересные планы. Они частично базировались на прежнем опыте Госплана. Они, частично... э... ориентировались на... создание э... ну, как бы своих, оригинальных областей экономики. И нужно было определить – какие регионы наиболее готовы для этого. Какие, э... где размещать ресурсы, и... Я думаю, это было очень интересная и плодотворная работа, и я не жалею, я очень рад, что это прошло. А... но... в конце концов, политически... игра была... Примаковым проиграна. Он был... в 99 году, в мае, бук-

важно... за несколько дней до... подписания, вот, указа, который готовили, о... создании мер...

О создании вот этих точек роста, э... Уволен, и было распущено министерство, а... ну, главную роль в этом сыграли, это... региональные лидеры, которым... не очень хотелось иметь дело с таким упрямым человеком, как Примаковым, который с ними разговаривал э... очень точно и ясно. Но у них были свои планы. И они опасались, что, усилившись... э... вот эта линия, министерства региональной политики, э... Кого-то усилит. Кого-то сделает, э... слабее. А кого-то заставит работать.

Да, после этого... я... работал в некоторое время... вот, в Москве, в разных... местах. Ну, и затем, э... расформировалось новое правительство, которое возглавил... Путин. Стало ясно, что наступает новая... эпоха. Да и, у меня уже возраст был, предпенсионный. Или совсем пенсионный. И, по разным другим соображениям, семейным, я... вынужден был вернуться... в Красноярск. Ну, и, э... вот, с тех пор я... в Красноярске. Меня пригласили работать – или помочь педуниверситету. Я прекрасно понимал, что новый этап модернизации... который до сих пор задерживается...

Без усиления и без развития образования, тем более, школьного, невозможен. Ну и, я туда ушёл. Мне там было интересно. Всё, что я мог – я, э... это сделал.

Ну вот, это такой мой вот, политический...

Интервьюер: Скажите, Вы были членом КПСС?

Москвич Юрий Николаевич: Нет.

Интервьюер: А по...

Москвич Юрий Николаевич: По двум причинам. Первая причина... Она состояла в том... (пауза) Что я принадлежал к группе людей без связей. Ну, у нас не было, кому... нас... кого... Кому нам помогать (смеется) и единственное, на... на что я мог рассчитывать, в карьере – это на свой собственный труд.

И, вот эта линия, привела к тому, что... я, в течение долгого времени, занимался сложными такими вещами... Радиоспектроскопией, э... Так называемые – «подвальные работы». Потому что там наш спектрометр стоял в подвале, четыре с половиной метра... толщина стен. Защита... от помех. И я очень много работал. И, в этом смысле, я... должен был выбирать между карьерой научной... ну, и, как бы... общественной деятельностью.

Понятно, что некоторые люди, в это же время, принимали решения, становились членами партии. И таких людей я знаю, но они уже прошли какой-то период, э... завоевания... авторитета. И им нужно было двигаться дальше, зав. лаборатории, и так далее. Ну, а мне была задача – стать настоящим учёным. Это нужно работать, работать и работать.

И, в этом смысле, общественная деятельность... Ну, как-то было... для меня... ну, вторична. Я полагал, что есть другие люди, которые этим занимаются, и они должны их привести к успеху. Были ли какие-то отрицательные...

эмоции, связанные с тем или иным... неточным действием? Ну, конечно, как и у всех.

Но, с другой стороны, э... я глубоко... в это... скажем... не вникал. А... поскольку у меня была отдушина... Начиная работать в семидесятых, я сразу там... в 71 году, в 72, а... в Институте физики, а... меня пригласили работать в общество «Знание».

И это меня очень устраивало. Во-первых, потому, что... в Институте физики, работа была... там, с приборами, с материалами, ну, и так далее. И, конечно, мне не хватало работы, встреч с людьми.

А здесь я получил возможность, э... так сказать, по... отлаженной схеме, бывать на заводах, бывать на предприятиях, бывать в школах, бывать в районах, а... встречаться с людьми, слышать их вопросы. И... ну, как бы... чувствовать, что то, что... я рассказал, может быть, э... имело большой отклик. Это первое.

Второе – это, как бы, так сказать, компенсировало мою... как бы, может... общественную активность. Поскольку у меня был вот такой вот... пласт. И, второе, э... работа в обществе «Знание», э... сейчас это может... не так, э... может прозвучать, но... в те времена, она была... престижной. Не всех приглашали. Потому что, люди, которые вели, э... общество «Знание», они очень внимательно, э... следили за репутацией и за качеством лекций. Ну и, по разным причинам... ну, как-то вот, была некая молва, что я это умею делать. Это м... это льстило.

Третье, э... мы тогда не работали в университетах. Сейчас очень многие, э... научные работники работают в вузах, и они, как бы, реализуют вот эту вот функцию, в этой форме. Но, у меня этого не было, поэтому... это было тоже интересно.

И, четвёртое, немаловажное – там достаточно хорошо платили. Если, скажем... зарплата моя... стажёра была 100 рублей в месяц. А... после каждой лекции, я получал... ну, в начале, не будучи кандидатом наук, я не знаю... пять рублей. Но это тоже хорошие деньги. А когда я стал кандидатом, то, естественно, мне повысили, там, 120, 140, 150 рублей зарплата. А я получал десять рублей за лекцию. Это были хорошие... деньги. И, как бы, общественное признание, а... И... вот такой, материальный, как бы, вот, эффект, у меня... Ну, он приводил... к положительным вещам. Ну, и, ещё одна, очень важная вещь, которая, сейчас очень важно, чтобы звучала. Я повторяю – не всех приглашали.

И не все имели, э... положительные отзывы... на... лекции. Когда вы приезжаете на завод, в обеденный перерыв, вам дают 20-30 минут, и вы должны что-то так сказать, что люди там... стали... стали бы задавать вопросы, хлопали, или там, как-то вот, положительно... Это не простая задача. Это фактически... реальная практическая школа, э... ораторского искусства, но... с очень высокой степенью связи с людьми. И темы можно было выбирать хорошие. И, э... другие вещи. И я выбрал, то, что я... к чему я был готов. Я читал очень много научно-популярной литературы, читал много... так сказать, прогнозов развития. Это научно-технический прогресс. И тогда это было очень модно. И вообще, мы выросли... наше поколение выросло, э... в советской, как бы, док-

трине, что интеллигенция – как часть, э... населения, она должна служить народу.

И, э... главная задача интеллигенции – помочь населению страны жить богато, но путём... обновления, э... модернизации экономики, модернизации отношений, и так далее.

И я выбирал такие темы, там, из разных видов развития экономики, э... разных видов, э... того или иного прогресса. И, мне казалось, что это имело отклик, и я где-то, к 85 году, к 1985 году, с моей точки зрения, стал одним из... вот таких, серьёзных лекторов общества «Знание», который занимался, вот, популяризацией... этой идеи. Поэтому я очень хорошо воспринял идею Горбачёва о, вот, очередной, усиленной, а... доктрине, э... научно-технической модернизации, к которой он пришёл, и он поставил. Я ездил, а... на... совещания в общество «Знание»... в Дубне, два дня выступали очень известные академики, и так далее. И у всех царил вот такой... внутренний настрой, что наконец-то нас начинают слышать, говорили какие-то проблемы. Они сводились к трём вещам – что нужно помогать науке, ну – эта линия остаётся и до сих пор. Второе – нужно проводить аудит проектов, научно-технических, и сводить их, всё больше и больше, к тем проектам, которые, в своё время, позволили стране сделать оружие атомное, ракеты, э... радиотехнику, и так далее. Электростанции, и так далее. И, третье, это что... нужно слушать людей науки, и помочь людям науки участвовать в принятии важных решений.

Э... С моей точки зрения, эти разговоры – в более ослабленной форме, и до сих пор идут. Но... для меня поездка в Дубну была, вот, признанием, ну, того, что я достиг. А... И потом, через какое-то количество лет, я получил, э... диплом... Ну, золотую медаль общества «Знание». За вклад. Ну, то есть, это мне нравилось, что были какие-то запросы на меня. И... я, с большим... ну скажем, может быть... с интересом, или... с большой охотой рассказывал об этом, потому что это было не случайно.

И, э... то, что заметная часть интеллигенции, которая поверила, или верила в это, ту линию, что мы – часть народа, и мы должны помочь народу в стране развиваться, и так далее. Которую я впитал, как крестьянский мальчишка, и сделал карьеру, в этом пространстве. Но, с моей точки зрения, э... очень сильно влияло на... большую, разнообразную деятельность общества «Знание». Понятно, что сейчас новые времена, ну, видимо, нужны другие темы, нужны другие подходы, но с моей точки зрения, и эта тема осталась... важной. Выступая в прошлом году на краевом совещании нового варианта общества «Знание», государственно-общественного, я впервые сказал очень важную вещь, что есть... что люди из общества «Знание», там, российского, девятнадцатого... в начале двадцатого века, советского – после 47 года – они, хотим мы, не хотим, они всегда работали... по качественному улучшению населения. Они, э... закрывали какие-то проблемы...

Дефицитов, можно даже сказать, невежества, гигиены, образования, научной школы, как говорится, прогресса. Сейчас это... какие-то другие, там, право, может быть – экономика, может – финансы. Но я сказал, что есть одна проблема, которая, вот, сохранилась. Она является ключевой. Для меня. Она за-

ключается в том, что... поставленная новая задача, особенно... широко произнесённая после последнего указа Президента, 7 мая прошлого года, э... развитие, ну, как бы... инновационной экономики, но в виде экономики цифровой, а... выявило два дефицита в нашем обществе. У нас нет, э..., до сих пор, невероятного... престижа учёных. Он упал.

Такого не было в мои годы. И второе, у нас нет престижа, человека, предпринимателя, инновационного предпринимателя, который помогает учёному претворять какие-то изобретения, открытия... новые Знание в новые продукты и... которые приведут к новой добавленной стоимости. Я об этом сказал Толоконскому, на встрече общества «Знание», руководства общества «Знание», в краевой администрации. Сказал, что эта тема принципиально значима. Он, ну, положительно отнёсся к этому. А мне кажется, эта линия должна продолжаться, но бу... должна продолжаться новыми, видимо, словами, новой риторикой. Новыми людьми. Но она очень значима. Мы очень упали в... положительном отношении к учёным.

А... рейтинг Академии Наук тоже упал. Мы упали в рейтинге положительного отношения к тем людям, которые довольно сложные новые идеи научные пытаются претворить в невероятно новые, но необходимые для экономики, э... изделия. Вот. И... с моей точки зрения, вот эта линия, которую я вёл – ну, она, как бы, и остаётся.

Я не хочу говорить о ти... У меня нет, видимо, нет информации о каких-то других направлениях – медицина, которая в то время была. Какие-то... э... разъяснительные... материалы, политического свойства, которые тоже общество делало, общество «Знание» выступало. Я говорил о том, что может дать наука, и хорошего, и не очень хорошего. И, как это сделать... более... успешно, и как это всё сделать. Может, поэтому, и такой вот... Такая встреча была... слушателей и меня. А... потому что тогда очень многие люди верили, и они э... ну, скажем так... никак не ошибались, э... потому что... тот успех, который тогда люди, в семидесятых, в восьмидесятых годах, э... видели – ну, это всё-таки было достигнуто э... в том числе, и в результате научно-технического прогресса, который тогда поддерживался... и правительством, и, поддерживался разными... организациями, и так далее. На это место пришла другая... идея, что, вот... правильная... правильно построенная экономика – она всё сделает. Но ничего не получилось, и не могло получиться, потому что, если посмотреть, там... число, там... 25-35 ведущих стран мира – они успешны, в том числе, и благодаря очень сильному вкладу... научно-технического прогресса, который у них реализуется... реализовался и реализуется. И сейчас мы, вот, пытаемся... ну, даже не догнать, а... где-то даже и перегнать, в каких-то вещах, выделив в определённую часть цифровой экономики. Но, с моей точки зрения, без живой связи людей науки и людей, без, ну скажем, поддержки, э... общество «Знание», даже, преобразовано... Имидж вряд ли появится.

Это... это очень тяжёлая, и очень, э... пассионарная работа. И там должны встречаться пассионарии, ну, как бы, разных типов. И пассионарии-организаторы, которые видят, что... что это надо. И пассионарии-лектора, э... которые, э... ко-

торые, мнэ... хотят... Ну, как бы вот... быть частью вот этого вот процесса. И... И, э... пассионарии-зрители, которые интересуются – а когда это?

Ну, например, вопросы, которые мне задавали, они, до сих пор... Вот. Почему мы сжигаем, так сказать, попутный газ?

Почему его наука не решила? Вот. Почему, например, мы используем, а... так много угля, который имеет много всяких присадок, там, в том числе, радиоактивных. Почему бы не переходить на газ? И такое ощущение, что это как сейчас говорится, да? Вот. А... Почему, скажем, у нас до сих пор не научились делать хорошие... Наука хороша, а вот... Спутники летают – а машины легковые хорошие не делают.

Это очень интересные... это очень интересный дискурс, и мне кажется, что, без обновлённого дискурса, без... ну, так называемого, мнэ... коллективного размышления, коллективного, может быть, сотворчества, а... нам трудно ожидать, что мы успешно сделаем. Доверить это всё какой-то группе... чиновников... это, видимо, неверно, потому что... На что я положительно... относился... в те времена, к обществу «Знание». Это очень профессиональные люди, которые в районных, городских и краевых организациях. Они были чиновники. И... в сов... в постсоветское время их труд в обществе «Знание» был признан как работа государственных органов. (пауза) Но они были другие. Это не обычные чиновники. Выбирали людей, которые могли говорить с людьми. Которые изучали интересы. Большинство из них были учителями, закончившие..., например, э... пединститут, или, э... проработавшие с детьми, э... в школах, или там, в вузах. И они рассматривали аудитории, так, как рассматривает нормальный педагог, э... в организации... учебного процесса. И, всегда было приятно с ними разговаривать. Это встреча разных групп пассионариев, вместе.

Но, увлечённых в совместной работе. Э... понятно, что они там... раздавали разные... книги, там... к дням юбилея, или прочее. Но, это всё идёт от культуры школы, с моей точки зрения. От культуры работы политической, с рядом людей. Заметная часть, сегодня, чиновников – забыли, что такое политическая работа... с людьми. И они рассматривают себя узкопрофессионально, надеясь, вот, на то, что они примут правильное решение, и все будут довольны.

Но это не так. Они забывают очень важный элемент – без общения человек не выстраивает своё понимание, что сделано правильно и неправильно. Второе. Они не понимают очень важную вещь – особенно меня поражало, и поражает это сейчас, в разговоре с красноярскими чиновниками – они не понимают главной, э... Главная проблема, с которой столкнулись все страны мира, и мы, в том числе – они не понимают, что любой успех, триумф научно-технического прогресса, и тотальной экономики, каких-то политических партий, который приводит, э... к тому, что какие-то потребности разрешаются – он порождает новые потребности.

И триумф нового... а... новой потребности – он сразу возникает. Не важно, что сделала советская власть правильно. Но мы хотим другого. И поколения, которые хотели другого, встали. Они сделали то, что они сделали. Можно к ним по-разному относиться. А... сейчас – новое поколение. Снова протеста.

При этом, если снова посмотреть правде в глаза, очень многие вещи, э... они получили. Она не убывает. Но это могут видеть только люди, которые непосредственно участвуют в диалоге с людьми. Но в живом диалоге. Не с помощью, вот... Интернета, и так далее. Хотя это возможно, какая-то часть информации. Нужно видеть глаза, нужно слушать вопросы. И нужно видеть... вот то, что называется общим пониманием. И чувствовать, какие потребности уже, как бы, разрешены, а какие – новые. Я, например, э... в начале восьмидесятых годов, с удив... к удивлению, своему, а... стал замечать, что на встречах, э... ну, воспринимают мои интересные, так сказать... доклады, о том или ином... витке научно-технических... изобретений, и применений их в практике, э... ну, достаточно интересно, ну, прочее. Но на первое место вдруг вышли... А когда у нас будут хорошие машины?

Почему у нас того нет? Почему у нас, там, на... 100 километров – 10 литров, а в других странах...

Ну, я объяснял, что с... это связано с конкуренцией, там. А... арабский э... бойкот, помните, продажи нефти, он заставил многие... автомобильные предприятия, а... посадить большое количество учёных, чтобы... у... улучшить, улучшить... э... моторы.

Ну и, за пять лет это было сделано. И они слушали меня, кивали, благодарили за это. Они понимали это. Но они не понимали – почему у нас этого не делается.

Вот эта вот... зак... разрешение потребности, кот... которая стремительно начинает поддерживать новую потребность...

И, которая приводит к тому, что люди забывают то положительное, что сделано было до них – это одна из ключевых проблем... диалога.

И, я не уверен, что узконаправленные действия партии, и узко-экономически направленные действия адми... ну, тех или иных администраций, систем управления, а... в состоянии это сделать. Необходимо очень большое количество, э... людей, которые, э... не связаны с этим. И, которые... э... создают новые впечатления. Находясь в других странах... я пытался понять... как работает общество «Знание» в Германии, как работает, там, в Японии, как в Канаде, как в Америке. Но я с удивлением узнавал, что у них невероятно, э... эффективна система связи в этой области.

И очень много литературы. И научно-фантастической. И научно-популярной. И, э... ну, вот такие встречи, и люди, которые это делают – получают хорошие деньги, снимают, там, фильмы, и так далее. И мы это сейчас получаем. А почему у нас это произошло? Это вопрос. Я не готов дать ответ на... Я могу видеть только то, что увидел.

Интервьюер: *Уточняющий вопрос. Скажите, как проходило ваше вступление в общество «Знание»?*

Москвич Юрий Николаевич: Да очень просто. (пауза) Я думаю, оно происходило по той схеме, которая была... отлажена. А... были районные... отделения общества «Знание». Они, э... занимались организаторской работой. Им нужно было обеспечить чтение каких-то лекций, в тех или иных предпри-

ятнях. И при этом, эти предприятия, эти фирмы... Не фирмы, это предприятия, школы, учебные заведения, эти организации должны были... а... в основном, платить. Были и, так сказать, это, шефские, бесплатные. Но, тем не менее, а... а... одну из четырёх лекций каждый лектор читал бесплатно. Такая форма. (Пауза)

И поэтому, эти люди, организаторы – постоянно искали, опрашивались – а кто хорошо говорит? А кто пользуется авторитетом? Ну, так получилось, что... после... университета, после службы в армии – я целый год прошёл обычным солдатом... дослужился до сержанта. А это тоже школа жизни. Это же заставляло говорить по-другому, не академическим языком. Ну и, наверное, кто-то порекомендовал. Подходит председатель этого... мне говорит: Юра, ну вот, нужно... Ты получишь то-то, вот это... Ну, попробуй. Ну, попробовал.

Интервьюер: И получилось?

Москвич Юрий Николаевич: И потом стали больше приглашать. Ну, а потом, я вошёл во вкус. Как моё психологическое комфортное состояние, и плюс, денежное...

А... у меня, практически... многодетная семья и... я мог рассчитывать только на себя, и я был одним из организаторов первых строй... стройотрядов в университете, в Красноярском. Ездил два лета, работой зарабатывал... Ну, то есть, я принадлежал к группе, которых... в Институте физики было довольно много – селф... мейд мен, да? Люди, которые делали себя. Ну, может, как и сейчас, за тем, что я... был более начитан...

Широко. Более... может быть... интереснее говорил. Имел множе... склонность искать вот эти какие-то особе... особые, обращать, вещи, выбирать темы.

Ну, вот так и получилось, карьера. То есть, это – одна, один из путей. Ну, вообще-то... становления человека, в то время.

Интервьюер: Скажите, на какие темы Вы читали лекции в обществе «Знание»?

Москвич Юрий Николаевич: Темы касались только... как наука и... и её открытия, изобретения... И новые вещи могут... приносить добро. Но иногда и зло.

Экологическое загрязнение. Тогда они впервые были. Вот. И как можно менять экологическую ситуацию с помощью внедрения новых типов технологий, и... Атомная бомба – это зло, а атомная электростанция – добро. Я издал первый, видимо... в Красноярске первую книгу, в обществе «Знание». Первая... она довольно интересно писалась, сложно, трудно – но, всё-таки написал. А... эта книга... о перспективах различных видах экономики – водородной экономики, атомной, термоядерной. А... газовой. Э... связанной с добычей нефти. Угольной. То есть, ну... Эта книга была напи... Она где-то у меня даже сохранилась, в одном экземпляре. Она... она была написана, по-моему, как помощь для лекторов других.

Но там были, вот... в конце, как бы... таблица или перечень вопросов: вот это приводит к таким-то положительным аспектам, а вот это вот вызывает... много вопросов, и, как она, эта... этот вид экономики относится к другой экономике. Ну, часть из этого подтвердилась. Часть ещё до сих пор не решено. Нет пока термояда. Нет ещё... э... так называемой, водородной, э... энергетики. Когда воду расщепляют, и так далее... Вот. Но, за... Другие вещи... они, конечно... мнэ... произошли. Я достаточно критично относился к этому плану развитию на западе Красноярского края, там, десяти электростанций на дешёвом угле. Я сказал, что тут будет большой центр загрязнения. И меня поддерживали, и... я думаю, не только я выступал... Из десяти построили всего одну.

Я так сказать, был, э... против варварских спусков... ну, леса по рекам. Ну, понятно, да? Я один из первых стал говорить о... о другой технологии хоронения атом... ядерных отходов. Э... в 90 году, э... я, Астафьев, я и Солнцев, создали первую в Рос... в СССР экологическую организацию, э... «За выживание».

Идея этой организации заключалась не в том, чтобы такое, агрессивное наступление, а, на... все виды деятельности. А... исходила из научного подхода, что даже, если мы примем решение, то ликвидация, там... энергетики на угле потребует, там, 30-40 лет. Но надо же помогать человеку. И надо поддерживать государством – через налоги, через другое, создание каких-то маленьких, дешёвых... приборов. Например, очистки воды. Или там, воздуха. Или, так сказать, обои новых типов. И вот, мы, а... собрались, потом пригласили Ваганова, он тоже был одним из соучредителей. И какое-то время это работало – ну, до того момента, когда я стал представителем Президента.

Что я сделал как представитель Президента в Красноярском крае? Поскольку я был, ну... я не скрываю это, а... обладателем довольно заметного количества положительных... а... качеств этого... вот этого вида деятельности, то я, в отличие от других регионов, сделал всё, чтобы Красноярская организация, пусть даже и преобразованная, в 92 году – она сохранила помещение. И она сохраняла помещения до тех пор, пока я не уехал в Москву. То есть, они пользовались этим.

Я помог им... им связаться с руководством общества «Знание»... а... с фондами, э... например, наиболее интересными фондами гражданского общества, э... ФРГ, которые специально, э... занимались просветительством – ну, для того, чтобы снять какие-то там проблемы, в том числе экологические, политические, и развивающиеся в ...

Они вступили в контакт с фондом, а... вот... ФРГ. Потом каким-то другим фондом. И они достаточно, а... достаточно много лет успешно работали на этих грантах, э... Ну, развив особый вид, э... гражданского общества, который раньше не существовал. Это третье поколение. Работа со стариками. Потом, сейчас это выродилось в университет третьего поколения.

Вот. А... Ну, естест... и... Да, я вернулся... из... Москвы. Я там четыре с небольшим года был. То... я, по-прежнему стал продолжать оказывать поддержку в тех или иных идеологических... Или там, а... аналитических и рекомендательных функциях, э... с тем, чтобы общественная организация... адаптировалась к новым условиям. Ну, вот так.

Интервьюер: Скажите, как Вы определяли темы своих лекций в обществе «Знание»?

Москвич Юрий Николаевич: Ну, тремя способами. Поскольку я был большим книголюбом, научно-популярных журналов – «Химия и жизнь», «Наука и техника», а... «Энергетика и жизнь», и что-то прочее – я выбирал ключевые темы, которые развивали те или иные группы журналистов. Они были актуализированы.

Второе. Я всегда, э... беседовал с руководителем этой организации, спрашивал – а что идёт? Вот вы меня приглашаете в то или иное предприятие – скажите, какие темы у них наиболее... Есть ли заказ от них? Тогда они звонили туда, и спрашивали – а есть ли какие-то пожелания, те или иные? Если были пожелания, то они помогали мне развить моё видение, и прочее – я садился, читал, писал какие-то тексты, компоновал на какой-то очень маленький листочек. Это второй тип рекомендаций. И, в этом смысле, организаторская роль руководства, вот этих, э... низовых организаций общества «Знание», ну... районные там... предприятия, и так далее – ну, может быть, это связано и с центральным, краевым. Ну, с моей точки зрения... был очень полезен. И... этот вид деятельности нужно очень внимательно изучить. А что они рекомендовали, и как?

И, третий тип, который очень важен был для того, чтобы определить, э... получил ли я... правильный результат, лекций и так далее. Я беседовал с теми людьми, которые присутствовали на лекции, которые оставались, которые подходили. Которые говорили мне, что это... Если попал в какой-то нерв, интерес, то люди подходили и говорили – да, всё интересно, вы не учли вот это, меня вот это волнует.

И, естественно, это приводило к тому, что я менял – либо саму тему, либо какой-то оттенок этого. То есть, я старался... ну, скажем... не поучать, и не... ну, скажем, проводить лекцию как пономарь – да, вот, в каком-то виде. Я пытался организовать то, что сейчас называется, э... интерактивным общением. Ну, тогда это по-другому называлось.

Ну, есть и... внутреннее состояние – четвёртый путь. Я рассказывал, там, своим коллегам, инженерам, и так далее, мы беседовали. Ну, кто-то меня хвалил, кто-то говорил, что: «Ты что это, с ума сошёл? Надо что-то делать!»

Поэтому, у меня был, так называемый, бегущий план, э... выступлений. И бегущий, э... план тем. Они никогда не... э... ну, скажем... не становились жёлтыми от времени.

Интервьюер: Скажите, Вы с кем-нибудь согласовывали темы и тексты выступлений своих лекций?

Москвич Юрий Николаевич: Это согласование было невидимым. Оно было, непременно, а... И все прекрасно это знали, что, если вы приехали по заказу профсоюзной организации, например, алюминиевого завода, а... в обеденный перерыв, и встречаетесь с очень яркими, большими, красивыми мужчинами, которые, так сказать, литейщики. Вот. И вы – вы смогли им рассказать за

20-30 минут что-то интересное, и там аплодисменты какие-то, улыбки, и прочее. То этот... рядом стоял человек, который организовывал лекцию. Вы знаете, об этом же спрашивали. И, если получалось – то ставили плюс. И меня следующий приглашает. Была обратная связь.

И я... Я, может быть, преувеличиваю. Может быть, были лекторы «Знание», ну, формально отчитывающие, там, задания – по-видимому, были какие-то задания. Мнэ... Другого типа. Я знаю, что были там, очень много лекций, рассказывающих о технологиях со... поддержания здоровья. Там тоже люди, как бы... Делали опросы.

Экологические темы, которые воз... всё больше и больше возникали. И потом, интересно, особенность заключается в том, почему в Красноярском крае они, ну, наиболее так естественно воспринимали. Ну, во-первых, потому что здесь, э... население очень критично относится к любым действиям властей. Всегда.

И второе. Недаром, Астафьев, был одним из... Ну, вторым писателем вообще, в СССР, который поднял экологические темы в книге «Царь-рыба». Я с ним беседовал, спрашивал. Он говорил, это гений. То есть, вот, была какая-то атмосфера, как бы, актуальности тех или иных тем, связанных... Пробовал ли я какие-то политические вещи? Да, иногда пробовал, но я не уходил, э... в то пространство, которое называется международные лекции.

Сообщения – вот так они думают, так мы думаем, так говорят. Для меня принципиальным было... важен вопрос – а сможем ли мы, в нашей стране, имея такое хорошее образование, хорошее, подготовленное к учёбе – достичь хороших результатов в обновлении экономики? Понимаете? В восьмидесятых годах это стало актуальная тема, потому что во многих местах уже появился... ощущение, что ничего не меняется. Или ... психологически не меняется. Возникли новые потребности. Ну... Но вот анализ качества выступлений – всегда был.

Я всегда... ну, даже, с некоторым... с некоторой опаской ждал звонка телефонного, или товарища... Есть приглашение, и так далее. Я, естественно, задавал вопрос – а вы уверены, что они хотят именно эту лекцию? А вы уверены, что они хотят именно меня? Ну, иногда мне говорили – да, так сказать, именно ваше имя. Это какое-то имя стало звучать. Ну, среди организаторов этих лекций. Это уже потом, среди избирателей.

Интервьюер: Скажите, как часто Вы читали лекции в обществе «Знание»?

Москвич Юрий Николаевич: Ну, я... Не исключаю, что в год – не менее 10-15 раз. То есть, были годы, когда всего несколько. Но... были годы, когда гораздо больше. Вот. Ну... Одна, э... или две лекции в нед... э... в месяц потом стали нормой.

Интервьюер: Где и кому читали Вы свои лекции? Кому Вам больше всего нравилось читать?

Москвич Юрий Николаевич: А, мне все нравились. Я исходил из очень важного принципа – я рассматривал эту деятельность, как, э... деятельность, развивающую мои личные качества.

Умение слушать. Умение понимать людей. А... умение поражать, привлекать чем-то. И я боялся однотипных аудиторий.

И... э... для меня очень интересно было выступление с так называемыми продвинутыми группами, да. То есть, очень образованными. Конечно, там нужно было больше готовиться, к какому-нибудь институту. Вот, отраслевых их было много. Или каких-то... Понятно, что я должен был найти какой-то материал, который может быть, им был неизвестен. Или подход, который... казался. И они часто вступали в дискуссии. Поэтому я ценил и эти аудитории, потому что они, э... Ну, как бы... Улучшали будущее. Э...

Я часто выступал, э... среди рабочей аудитории. От сантехников до литейщиков, до радиотехников. Радио... специалистов. А... там особая была, а... атмосфера. Там, в городе Ачинске, э... там... тогда он очень бурно развивался, там много вопросов было. И они э... кичились своим каким-то особым даром – «срезать» лектора. Вот есть такое понятие – «срезать» лектора, да? Шукшин его ввел. Вот.

Я это знал, это... И был готов. То есть, когда они пытались какими-то вопросами меня срезать, я срезал их ответами. У них... на их... уже эти... Но они были очень важны для меня. А... были очень, ну так, скажем, э... интересные лекции там... Старше... Со студентами, или, там... со школьниками. Вот. Там приглашали. А... Но они, не за... Как правило, не задавали вопросов, но они хотели бы узнать про что-то... И меня всё время удивлял вопрос – почему они не задают вопросов? Ну, это, наверное, была школьная система. Но, когда они задавали вопросы, то я очень радовался.

Интервьюер: Скажите, какая была обычная численность слушателей в группе, которым Вы читали лекцию?

Москвич Юрий Николаевич: От десяти... до 25-30 человек. Аудитории около 100 человек были очень редкими. Но были.

Интервьюер: Расскажите, как обычно организовывались лекции с Вашим участием.

Москвич Юрий Николаевич: Я – элемент этой системы. Я повторяю, что к нам... а... системными менеджерами, как сейчас принято говорить, ранее – системными орговиками – это были руководители профсоюзов тех или иных предприятий и организаций. Это были руководители низовых организаций общества «Знание».

Это были руководители районного... или скажем, общества «Знание». На них лежала вся, как бы вот, методологическая, и вся, так называемая, организационная деятельность. Я к ним относился с большим... уважением и с пониманием, потому что, ну, они делали то, что мне... наверное, трудно было сделать. И по времени, и по... может быть, способностям. Договориться, решить все вопросы. В том числе, финансирования. В том числе, а... объявления и с... ну, как

бы, привлечение людей на это. Мнэ... вот. Иногда я, э... с ними беседовал, ну и, как бы, высказывал какие-то свои соображения, что сейчас вот такая тема, может быть – такой нюанс. Но, как они это учитывали – это... зависело от их способностей, и, э... А в Красноярском научном центре, э... заметную роль, в качестве, вот, проведения этой работы, играла... Пескарёва Людмила, а... Михайловна. Она бывш... она закончила педуниверситет, работала в школе. Но она была очень... хорошим организатором... Хорошим наставником, и хорошим... э-м... как сейчас модно говорить, э... искателем новых тем.

Интервьюер: *Вы проходили аттестацию лекторских кадров или, может быть, сами участвовали в аттестации?*

Москвич Юрий Николаевич: Нет, я... я рассматривал всю свою деятельность, может быть, потому что, э... я получил какие-то... очень положительные... мнения с... постепенного, и потом, как бы, считалось, что... мне это не надо. Повышать там, риторическое мастерство... ну, не имело, потому что я выступал... начиная с университета, достаточно хорошо. Вот.

А, содержательно – я был человек, э... не политизированный, и э... как это сейчас многие делают – я рассматривал, что нужно го... готовить, э... общее мнение для того, чтобы развивать это мнение. Ну... это... люди третьего, третьего... третьей группы, которые...э... судя по... иностранным книгам, мна... Есть первая группа – это люди критического мышления, они критикуют всё и вся. Но ничего не предлагают.

А... вторая группа людей, э... это группа интересов. Им всё равно, будет пользоваться или нет – а... но им нужно чего-то строить, что-то делать. Они строят самую лучшую атомную электростанцию, самую большую, и непонятно – взорвётся она, не взорвётся. Это не их дело. Или самую большую ГЭС, или там... переброска рек... сибирских. Это, так называемые, люди инженерного мышления, которые всю свою профессиональную деятельность определяют – можно, можете это сделать? – Конечно, можно. Дайте денег, дайте время, мы сделаем.

А вот люди третьего, как бы, сказать, уровня. Это люди, которые умеют говорить, как с первой группой людей, которая очень критично воспринимает, но таких людей называют люди гуманитарного мышления. Они про себя думают – а нужно ли это сделать? А какие последствия? Здесь есть и какие-то иррациональные тревоги, и так далее. И второй группы – а что вы волнуетесь? Дайте деньги, дайте время, и мы всё это сделаем. Но при этом не анализируется. И в России... В СССР, в последнее время, э... существования СССР такая группа совершила очень много неточных действий. Ну, построили самую большую в мире Саяно-Шушенскую ГЭС. Хотя был проект из трёх ГЭС. Ну, постепенно, как бы, набирали. Тот же объём выделяемой электроэнергии, но меньше вероятность кризиса. Кризис наступил – авария случилась. Люди, которые строили очень большие атомные электростанции, не уделяя времени подготовке персонала.

Это вот... знаменитый Чернобыль. А... люди, которые пытались понять, а как... пытались решить проблемы Средней Азии переброской сибирских... Не анализовавшие последствия. Ну вот, я, как сейчас... понимаю, прочитав все,

вот эти вот книги, которые на Западе очень популярны, что... Общество без людей третьего... как бы... уровня, э... Общество будет либо идти вслед за одним... слоем да?

Либо за другим. И там, и там – возможны ошибки. А нужен человек диалога. Человек должен быть. Не надо обманывать никого... тем, что... именно вот этот разовьёт... Вот, я помню одну историю, когда я рассказывал о развитии энергетики, один человек мне сказал такую... Ну, какой-то рабочий. Он сказал – вот, вы рассказываете, ну, вы-то уже знаете, что ветряные электростанции, э... все могут решить. Поставим – и всё. Я говорю: ну конечно, да, но... я внимательно всё изучил. У ветряных электростанций есть одна проблема. А, вот... Человечески значимая. Они, вращая лопасти, создают инфразвуки. 30 Герц. Я говорю: вы бывали на концертах джазовой... рок-музыки? Вот там эти барабаны, это создают 30 Герц. Вы долго там могли находиться? И поэтому ветро... все ветряные электростанции убрали как можно дальше от человеческих населённых пунктов.

И я ему сказал: давайте посмотрим. Вот метод. Вот такие плюсы. А вот такие минусы. Поэтому, любая человеческая деятельность обязательно приводит к каким-то трудностям. Поэтому давайте выбирать. Минимизация. Да, вот, ГЭС, например. Всё нормально, всё прочее. Экологически, как бы, чисто. Но зато – поля, так сказать... Ну, понятно, да?

Поэтому нужно определить высоту, наиболее разумную, чтобы меньше было. Ну и, так далее. Ну... какие-то дальние цели можно ставить, а вот ближе-то нет.

Интервьюер: Скажите, кроме лекций, в каких-то иных формах работы общества «Знание» Вы участвовали?

Москвич Юрий Николаевич: Ну, только как в конференциях, подводящих итоги, чисто формально. В других я не... Ну и, конференции, которые меня посылали. Вот как... Куда-то. Ну, например, 85 год, я рассказал – это невероятно мощно организованная как... обществом «Знание» конференция и... о научно-техническом а... О программе научно-технического развития СССР, которую... с которой выступил Горбачёв. Там очень много любопытного и интересного. Там впервые были поставлены вопросы, и... организации Академии Наук, и организации отбора людей, модернизации университетов. Ну... и модернизации, э... ну, как бы... финансирования промышленных предприятий-гигантов. Я получил потрясающее впечатление. И, когда я рассказал об этом, а... я получил сразу несколько приглашений, потому что хотели об этом послушать. Но вы видите – к этому нужно быть готовым. Чтобы услышать то, что потом можно рассказать. Рядом со мной был человек, из Красноярска – он сидел, вот, рядом. Он всё эти слушал. Когда он... я пришёл к нему в институт... э... и читал об этом лекции... Как лекции... вот. Он подошёл ко мне, после, и сказал: «Юра, как ты... Я же с тобой сидел. У меня такое ощущение, что там говорили не так». Но я потом ему напомнил, и он говорит: «Да. Но я этого не слышал».

Чем больше... аудитория развита, тем больше разных вопросов. Тем больше разных дискуссий. Тем больше острых... и может, приятных и неприятных моментов, после этой лекции... Тем более... развивается у человека, лектора общества «Знание», а... готовность слышать других.

Известных учёных, писателей. Услышать других, э... ну скажем, э... людей политики – чего они хотят и как они хотят. Понять, там, сильные и слабые стороны. И это очень серьёзно. Я помню, когда мы обсуждали с Астафьевым, Солнцевым и с Вагановым, вот, будущее, мнэ... общественной организации «За выживание», то удивительным образом... очень быстро договорились, что эта организация должна помогать людям преодолевать... ну, как бы вот, экологические проблемы, с помощью малых приборов и ма... доступных каких-то вещей. Что ос... основополагающие решения – они, в той или иной степени – политические. И нужно готовить – политиков и общество, и... Но... мы не в состоянии отвечать, за то что они, там, появились – не появились. Мы понимаем.

Интервьюер: *Вы входили в руководящие и контрольные органы общества «Знание»?*

Москвич Юрий Николаевич: Ну, это уже после 92 года.

Интервьюер: *Скажите, как, на Ваш взгляд, развивались отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Москвич Юрий Николаевич: Не могу сказать. Я поскольку не был в членах, э... КПСС. Во-вторых, я не получал задания, от партийных организаций. Я думаю, что... те люди, с которыми я работал, организаторы... они согласовывали... Или, как бы так сказать, вырабатывали совместный план. Ну, мне кажется, главный подход был в вере. Нужна очень большая, особая группа людей, которая помогает власти – ну, в широком смысле – адекватно встречать какие-то проблемы будущего. И решать проблемы настоящего.

Я, э... может быть, а... могу предположить, что были какие-то глупости и неточности, но я их не встречал. Потому что мне нравился... сама основная идея – мы страна, нуждающаяся в модернизации. Нужно чтобы как можно больше опытных, знающих людей работало и объясняло это. Получало, как бы, информацию, и докладывало.

И вот, мне кажется, что возрождение общества «Знание», в другой форме, государственно-общественной – это попытка растерявшегося... политического и управленческого номенклатурного класса – других людей, которые не работают с людьми, или не умеют работать с людьми, или считают, что это не нужно – каким-то образом решить. Каким-то образом подряжать других людей...

И создать, потому что в обществе «Знание», если так посмотреть, вправду – да, там бы... работали бывшие учителя, бывшие чиновники, и так далее. Но они обладали определёнными, позитивными для этого вида деятельности, качествами.

Интервьюер: На Ваш взгляд – как складывались отношения между обществом «Знание» и другими просветительскими организациями в Красноярском крае с...

Москвич Юрий Николаевич: Какими организациями?

Интервьюер: Другими просветительскими организациями.

(Длинная пауза)

Москвич Юрий Николаевич: По моим наблюдениям... Сугубо просветительских организаций, э... в СССР было не так уж много. По самой структуре создания общества «Знание» - оно было ведущим. А... просветительские организации... художников, писателей... художников, писателей, а... тех или иных профессиональных групп, э... наверняка существовали, но их... пространство деятельности было весьма, весьма ограниченным. И касалось только, ну... себе подобным. Общество «Знание» фактически монополизировало... Или не монополизировало, а создало привлекательную систему для представителей других общественных организаций, для работы вну... внутри себя. Поэтому, в красноярской общественной организации «Знание», были врачи, были художники, были писатели, были очень многие, потому что... у них была... ну, такая же, как и у меня, а... позитивная сторона, связанная с тем, что – во-первых, за это платят. Другие не платили. Или меньше платили.

А... во-вторых, не надо... париться... и тратить массу времени на организацию. И, третье – они попадали в специально отобранную, э... адресную группу, которых, ну, наверное, они были более или менее... приветливо встречаемы.

Я не у... не увидел в Красноярске какого-то большого, а... конкурентного... пространства, для... вот... общества «Знание». И вообще, вот, Вы употребили слово «просветительская». И... с моей точки зрения, это ключевое слово. Если взять общество, ну, как бы – художников, музыкантов писателей, и так далее – это группы интересов. Профессиональных. И... у них были другие цели, и другие задачи. И, просветительство – это было... вторично. Понятно, что просветительские рассматривались, а... школы, университеты... сама Академия Наук. Но... Это был такой, узкий объём. А вот, направленная деятельность, и э... С очень разнообразной аудиторией. Мне кажется, э... объективно было за обществом «Знание».

А, фактически, э... сейчас, э... после уже какого-то количества времени, просвещением занимаются многие. Просвещение стало бизнесом. Ну, бизнес – это, так сказать... гуру, там, бизнес, э... семинары, и так далее. Какие-то... эзотерические лекции. Какие-то псевдонаучные. А... и в этом смысле, а... м... Просветительство, скажем, прежней формы, которое с... сделает человека, скажем, более культурным, более развитым. Знакомит... человека, э... с объективными, так сказать, э... тенденциями и с объективными фактами. Сейчас, э... которое было, э... общество «Знание» - его совсем нет. Может быть, там... сложностями тех или иных групп участников – но всё равно, это как линия была. Это была ключевая линия, которая была заложена, э... после, э... 18 года. Э... она опиралась на философию, очень гуманистическую, Карла Маркса. А, что...

для человека нужно создать всё, чтобы он стал... он полностью себя реализовал. И... один из успехов советского проекта – это как раз состоит в том, что да, такой человек был создан. И он, несмотря на то, что прошло почти 30 лет постсоветской эпохи, он во многих чертах остался. И тоска поэтому создалась. И по технологиям. И... раздражение другими... ну, скажем, более циничными и более, мна... ну, скажем, не просветительским видом деятельности – вызывает большое раздражение. Даже есть некая тоска по поводу этого. Но... с моей точки зрения, всё это возродить можно, уже... используя, а... не новые технологии – это естественно. Это, как бы, в обществе «Знание», современное, э... именно на это делает упор. Вот. А... На использование, там, пиар-технологии, и... э... использует технологии, э... работы с теми группами, которые привыкли работать с Интернетом, с другими вещами. Я думаю, что это особая задача, э... нужна... нужна полная, э... полноценная группа, которая возникнет после политического решения, что этот проект необходим. Вот. И что обще... в обществе имеется очень... а... чёткое и ясное, а... пространство невежества – финансового, там, экономического. А... может быть, э... кхм, научного. Может быть, там... просветительского, а... И общество... в целом, согласится с этим. Согласятся партии. Согласятся, а... большие группы людей. И будет создана такая, э... мощная... организация, которая... На новой основе создать не менее привлекательную организационную структуру, состоящую из профессионалов. То есть, профессионально знающих людей. Человек мало изменился за эти годы. За прошедшие. За прошедшие 30 лет. Человек нуждается, а... в хорошем контакте селектора. Человек... жаждет от него получить что-то полезное, для себя. Человек крайне заинтересован, чтобы вести диалог. А... и получать какие-то... какую-то пользу, от этого. Наслаждение получать, эстетическое, информационное. Ну, при этом... с моей точки зрения, а... гораздо больше, чем раньше, а... возникла проблема доверия. Все ли люди, которые ходили на лекции общества «Знание», в те годы – ну, например, там, семьдесят... или, допустим, 72 года. А... но это очень большой период жизни, да? Доверяли лекторам? Конечно, нет. Так человек устроен, что он... доверяет и проверяет. Но многие люди проходили проверку.

И существовала система отбора этих людей. И, э... система, ну, как бы, отведения, людей, просто говорящих... говорящих голов. Никому говорящие головы не нужны. Нужно сейчас создавать такую систему. И как это будут создавать? Смогут ли это создавать чиновники, нового типа? Потерявшие, или считающие, что для их успешной работы не нужны, а... постоянные человеческие контакты? Конечно, нет. Они не создадут. Должны быть пассионарии. Должны быть особые люди, обладающие какими-то возможностями. Не исключено, что они могут появиться, как ни странно... после 24 года. Потому что, вот те задачи, которые поставлены – пусть даже не полностью будут вы... выполнены. Это: повышение качества школьного образования и повышение научной эффективности, да? Кхм, если сейчас идёт потрясающая реорганизация коллективов научных, и там потрясающие... Ставка делана... сделана на молодых людей, там 75 % в лабораториях должны быть молодыми людьми. И, заметная часть может наверняка... этому... способствовать. Но это – совсем другая вещь.

Поэтому, изучение опыта других стран, которые просветительскую деятельность не убрали – а наоборот, усилили, э... разными методами. Э... я даже думаю, что какая-то книга должна бы... появиться. «Просветительство нового времени», да? Вот... Кхе-кхе. А... где излагается все, вот, как бы, этапы нашего, э... общества «Знание», а... других стран. И... проводится анализ – какие... а... пробные... или, так сказать, имеющие простра... площадки диалога, встреч... Оправдали себя какие, не оправдали. А... Мне кажется, это... злободневная тема. Особенно после объявления вот этого проекта – Четвёртая промышленная революция. Которая предсказывает, что ближайшие, э... ну, может быть, 20-25 лет, социальные последствия проходящей новой технологической и инженерии... промышленной революции, приведут к таким социальным изменениям. К таким... масштабам социальных изменений, которые не были в предыдущих – первой, второй и третьей промышленных революциях. Даже пусть эти люди, в азарте, как бы, первооткрывателей, преувеличивают. Даже если... какая-то часть из их прогнозов а... подтвердится, там, замены большого количества а... рабочих мест роботами. Да... замены интеллектуальными системами, и так далее. Э-м... всё равно, изменения будут большие. И, с моей точки зрения, а... нужно входить, э... в те силы, которые противостоят, вот этому, ну, как бы, э... периоду нового хаоса, социального.

Интервьюер: *На Ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространения научных знаний в советское время? И какие, не знаю, механизмы, может быть, основы могут быть применены в деятельности нынешнего общества «Знание»?*

Москвич Юрий Николаевич: Ну, в советское время общество «Знание», созданное в 47 году, не случайно было. А... потому что... хм, взрыв двух атомных бомб... в Японии, Хиросима и Нагасаки, поставил страну перед невероятным вызовом – созданием, в течение короткого времени нового научного класса, который э... старается выполнить главные задачи по развитию общества. Новые виды, э... бомб, ракеты, самолёты. А... радио... технологии, а... и так далее. Э-м... решение, э... Политбюро ЦК, Политбюро ВКП(б), в сорок... в конце пятьдесят... 45 года, которое приняло эти... очень жёсткие решения – увеличения, там, заработной платы. А... людям науки, студентам, ав... стипендиям. Там целый... большой комплекс мер был предпринят. А... и, как бы, заключительный этап – нужно было... создавать просветительские... а... м... технологии, для работы, э... в крестьянской, ещё тогда, э... крестьянской стране. И особенно среди, э... так называемых, а... полукрестьян, полурабочих, которые бросили село, приехали в города. Это был... была совершенно адекватная, правильная форма неформального образования.

И она базировалась на... том, что сам лектор, выступал как образец, э... владения этой информацией. И, как человек верующий. То есть, распространял веру в то, что это будущее наступит. Подтвердилась ли она? Ну, конечно, подтвердилась. Бомбы создали, ракеты создали. Страна сохранилась. А... э... развитие научных разных областей реализовалось в новых видах промышленно-

сти. Другое дело, что, а... новое поколение, э... руководства страны, не поняло, что происходит в мире.

Я помню конец семидесятых годов, один слушатель у меня спросил: «Юрий Николаевич, скажите – что-то, вот, я в газете «Правда» читал, какое-то странное общество потребления появилось?» Ну, это был как раз конец семидесятых. Я сказал: «Ну, это... связано с тем, что основное количество, эм... промышленных предприятий, э... за рубежом, переходят на... автоматизированное производство». Ну, понятно, да?

«А высвобождающие люди идут в торговлю, в бизнес, в здравоохранение. Мнэ... В образование, и так далее». Тогда он у меня спросил: «А когда это наступит?» Я ему говорю: «Ну, лет через 10-15, это наступит. Надо к этому готовиться».

Он говорит: «А что нужно делать?» Я говорю: «Ну, нужно продолжать... повышать производительность труда на предприятиях и заработанные деньги пускать на образование, здравоохранение, на культуру и так далее». Он говорит: «Хорошо было бы». И это был, ну, как бы, диалог, это был разговор. Но... к восьмидесятым годам... заметная часть промышленности не получила этого развития. И, если постиндустриальное общество, где половина работающих – работает не в индустриальном секторе, а работает в секторе услуг, да – торговли, образования, науки и культуре. В здравоохранении. Появи... впервые появилось в Америке, в 79 году. Но, все восьмидесятые годы... мы продолжали развивать прежний тип индустриализации, вот... А общество изменилось. Появились новые потребности. Ну, вот эти люди, нового... новых потребностей и вышли в конце восьмидесятых на улицы.

Они потребовали изменений. Были ли они готовы к этим изменениям? Мне кажется, нет. Потому что, я многих людей... со многими людьми разговаривал, я... в... на съезде, мнэ... Народных депутатов РСФСР, входил в число 14 % депутатов – ну, от науки, и так далее, которые не были... коммунистами. Ну, кто сделал все преобразования... успешные, не успешные? А... в 91-92 году? Ну, не мы же сделали. Нас всего 14 % было. А сделали те, кто из карьерных соображений, из каких-то других, э... выстраивал свою линию... в области идеологической... как бы, связанной с коммунистами. Но их... это уже не интересовало. Они хотели... того, чего хотели. Меня больше всего поразила Москва, когда я стал депутатом. А... Вы помните, был... референдум по сохранению Союза?

И, когда я узнал, как депутат, что, половина жителей Москвы, а... проголосовала за то, чтобы не было единой страны... Половина. Я стал спрашивать всех, московских депутатов. Они говорят: «Так, а что удивительного?» Они уже, так сказать, жили в другом мире. Получила ли Москва то, чего она хотела? Ну, отчасти, да. Получили ли Вы? Нет, конечно.

Интервьюер: А, скажите, вот вопрос...

Москвич Юрий Николаевич: А какие формы можно взять? Формы... создания... корпораций. Общество «Знание», где все на месте. Опытные орговики-менеджеры, умеющие работать с людьми и снимающие проблемы. Опыт-

ные, э... вершители идеологии. Или идеологических моментов. А чем должно заниматься в Красноярском крае? Какие у нас проблемы больше всего? Вот, на встрече, эм... недавней, а... с заместителем председателя правительства Красноярского края, Подкорытовым, когда он у меня спросил – а что Вы будете делать?

И я говорю: я хочу Вам дать совет: Вы вообще не об этом думаете. Есть указ Президента – Вам поручили. И Вы должны сказать: Уважаемые коллеги, мы непременно это сделаем, это государственное решение. И, давайте, мы обсуждать, в какие сроки, при каких ресурсах, мы это можем сделать. И, второе. Я говорю: мы можем начать с Вами обсуждать те темы, конкретные темы новой просветительской деятельности в крае, которая поможет достичь каких-то правильных, положительных результатов. Где пробелы? Я говорю: Вы были директором, э... главврачом в какой-то клинике, да? Или больнице. У Вас было две общественные организации. Есть такие. Не общественные они, а другие. Ну, они там зарабатывали деньги, и так далее. Но они же Вам нужны были? Потому что вы хотели поднять уровень, ну, готовности людей правильно питаться, правильно вести образ жизни. Помочь врачам, ну, не работать над этим.

Он говорит: да, это так. А есть ли другие темы? Это Вы должны поставить. Это же начальство – Наблюдательный совет. Это... корпорация же наблюдательный совет имеет. Туда входят чиновники, которые понимают это, представители губернатора, который скажет: нам на эти годы нужно то-то, то-то, то-то.

Представители науки. Представители образования. Представители каких-то общественных организаций. И, Наблюдательный совет – если ему дать такие возможности – он сможет... выработать такой пласт... деятельности, и план тем. А затем, и найти таких людей, и установить с ними взаимодействие, начиная от контроля до поддержки. До продвижения.

Интервьюер: *На Ваш взгляд, почему в конце восьмидесятых годов общество «Знание» снизило масштабы своей просветительской деятельности?*

Москвич Юрий Николаевич: Ну, возникла большая зона недоверия.

Интервьюер: *С чем оно связано?*

Москвич Юрий Николаевич: Ну, с тем, что возникли... что люди, которые реагировали на ту или иную деятельность, э... властей, общества «Знание», имели другие..., у них появились другие потребности. Прежние потребности были удовлетворены прежними эпохами.

И они требовали, не говорить им много ложного. А скажите, какие новые потребности возникли? Ну, это... учёные – довольно большой, широкий диапазон. Я не готов, как бы, ответственно заявлять. Но несколько могу назвать. А... потребность, э... наверное, в поездках за границу. Которая имела. Ну, а тогда реально было... Второе. А... потребность, а... к самостоятельным действиям. В виде той или иной, как бы, там... деятельности. Появились тогда законы первые о... как их, частные предприятия, как это...

Интервьюер: Кооперативы?

Москвич Юрий Николаевич: Кооперативы. Потребность, там, в жилье. Почему столько лет... Недаром же Горбачёв, один из лозунгов – сказал, что к 2000 году, каждый гражданин СССР получит квартиру.

Ну... тогда, гражданин, живущий в Красноярске, имел всего 12 квадратных метров. Сейчас – 24 квадратных метра. Новые потребности. На это мало кто обращает внимание. Реально, политики зачем нужны? Для того, чтобы, находясь в гуще людей, улавливать, интуитивно понимать вот эти новые возникающие потребности. И говорить: Да! Со всеми согласен. Вы знаете, у меня есть план, как их решить.

Интервьюер: Вы продолжаете работать в обществе «Знание»?

Москвич Юрий Николаевич: Да, я член Наблюдательного совета, который был создан... Толоконским [прим.— Толоконский В.А., губернатор Красноярского края в 2014–2017 гг.]. Я там выступал. Но я... моя линия прежняя – в нашей стране, по разным причинам, нужно сделать всё, чтобы имидж учёного был такой же высокий, как в конце восьмидесятых годов.

Интервьюер: Спасибо Вам за эту беседу.

Москвич Юрий Николаевич: Всё?

Интервьюер: Да.

(После отключения записи Москвич Ю.Н. попросил рассказать о результатах исследования. Исследователь (интервьюер) отметил, что, по историческим источникам, прослеживаются два концептуальных этапа в развитии общества «Знание»: до и после 1954 года. Первый период характеризуется тем, что Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (так называлось в этот период общество «Знание») демонстрировало большую самостоятельность, в то время, как во второй период усиливается руководящая роль КПСС. И это, в том числе, проявилось в отборе кадров в обществе «Знание»: снижались квалификационные требования к лекторам. После чего, Ю.Н. Москвич попросил включить запись, чтобы высказаться под запись об этой ситуации.)

Москвич Юрий Николаевич: Очень хорошо, что Вы её обозначили. С моей точки зрения, это связано с изменением принципа руководства партии. До... 54-56 года, в партии, в руководство партии, в основном шли, так называемые, а... явно продемонстрировавшие... или демонстрирующие успех, а... люди политические. Там не было... диктата, так называемых, узких специалистов.

Все лидеры, до этого времени, после смерти Сталина, и до 56 года, когда это всё оформилось, а дальше всё это было. И, в шестьдесят, там, первом году,

Хрущёв привёл страну к... двум типам, э... партийных организаций – городских и сельских. Кто сел на посты, там, первого секретаря, там, второго, третьего, и так далее? Было принято решение – пришла пора, хватит нам политиков. То есть, тех людей, которые по каким-то своим, э... дискуссиям, соображениям принимает очень правильное... для того времени были очень правильные решения – потому что выиграла войну.

Начали, там, изменять экономику, и так далее – решения. И они были и соучастниками нахождения этого решения, и контролёрами и, э... людьми, которые отвечали за развитие – значит, они искали ресурсы, и так далее. А вот приход Хрущёва к власти, э... привёл к невероятно сложной проблеме, которая и сейчас существует. То есть истоки сегодняшних проблем власти лежат тогда. Стали рекомендовать на политические должности узких специалистов: агрономов, строителей, которые по уровню образования, по спектру дисциплин образовательных не проходили так называемой социализации, как людей политически значимые. И эти люди, оказавшись в другом окружении, где нет политиков, там, где все узкие специалисты, которые знают, как построить, там, сантехнику, как построить, там, совхоз, как там, преобразовать колхоз, или как там..., так скажем, влиять на развитие города, они не умели работать, в большинстве случаев, с людьми. И тогда они стали подбирать под своё управление людей, которые с их точки зрения, имели этот опыт.

Поэтому, я бы хотел Ваше внимание обратить на очень важный момент. Любые исторические проблемы с управлением, связаны с изменением системы отбора, качественным.

И Вы посмотрите решения того времени, партийные. И посмотрите – какое количество людей во власти, даже края, а... были, ну, так скажем... опытными политиками. Или от... отбирались как политики. Вот. Их отту... когда они были заменены очень узкими, а... узкими специалистами. Которые... понимали, что... То есть, они понимали разницу между своим местом в том или ином совхозе, в том или ином колхозе. В том или ином, а... предприятии. В том или ином институте. А... власть – это работа с людьми. И, сейчас... вот, указ президента о... о том, чтобы возобновить государственно-общественную организацию «Знание» – это какая-то попытка, каких-то групп людей, которые очень хотят усилить, а... качественную составляющую, а... диверсифицировать её... имеющихся структур власти.

Но эти структуры власти же, просто так, э... не изменятся. Они же будут сражаться. Они же будут выступать против. И это произошло. Произошло расхождение. В начале, в 47 году, люди, управлявшие обществом «Знание», и управлявшие страной, и конкретно, краями областями – это люди были близкого психологического и образовательного типа. Дальше начало происходить... расхождение. И, какой-нибудь, а... бывший агроном, или бывший инженер, который садился в кресло руководителя города, края, или района, вот... он привык отдавать управляющие приказы. И он отдавал приказы и обществу «Знание», и всем остальным. Мне нужен отчёт о партийной идеологической работе – значит, это вы будете. Хотя они не являлись этим. Это очень серьёзный элемент, это малоисследованная область, у нас, в стране.

Но я это хорошо знаю, по разным причинам, поскольку я входил в группу экспертов... ну, и сейчас вхожу, в некоторые федеральные... И там это всё обсуждалось. И я хорошо помню, э... разговоры с моим отцом, который умер в 71 году, вот, и... мы с ним обсуждали, и он очень... ну, как бы, критически воспринимал будущее СССР, э... и говорил мне, что вот эти люди, с его точки зрения, частичные управленцы. Не обладающие иной связью с населением и прочее. Вот. И... они наделают много ошибок. И Вы вот, мне можете сказать, что, в это время, там... или в другое время, эти политики привели к тем или иным репрессиям, тем или иным... Там политическая борьба – это борьба. Она принимает в определённых ситуациях такие формы. Этого могло бы не произойти, но почему-то произошло. Это особенный случай. А потом это всё стихло. Оно исчезло. И, э... я помню себя мальчишкой, когда умер Сталин, я видел... вообще-то, очень много плачущих людей на улицах села. Значит, и сам Сталин, и все эти люди – они были своими. По общению, по кругу. Это не был страх. От страха же всегда можно... Это было что-то другое. А потом появились люди, над которыми стали смеяться.

И в восьмидесятых, конец восьмидесятых годов, наступил, ну, вообще-то говоря... массовый смех. Как сейчас. Сейчас управленцы нашей страны... Никто не сомневается, что они узкие, правильные специалисты. Но они не там поработали, и не то делают, и не то спрашивают у народа. И над ними уже что? В последние годы смеются. Как Вам такой подход?

И Вы никак не можете мне возразить. Вот если бы эти люди определённого качества, отбора, образования, определенных человеческих качеств сохранились, с 47 до 89 года. Тогда Вы бы должны были привлекать другие методы, технологии объяснений.

А я Вам подсказываю, что не исключено, что именно смена подбора этих людей, и необходимость создания каких-то эрзац-политических групп, без права ответственности. Если я советую – значит, я беру на себя ответственность. Но там же появилось большое количество карьеристов, которые советовали... знаете, то, что, хотели. Когда появилось, знаете, в управлении, некое слово, я... так сказать, эм... интернационалист, и верю в то, что это вообще правильно и будет, так сказать, дальше развиваться. Но, название, в Красноярском крае звучало так: Ты хочешь быть умным евреем? Да. А что значит – умный еврей? Который говорил то, что красиво и прочее. И спрашивал. Но умные евреи не отвечали за принятие решений. Эти умные евреи уехали в Израиль и построили другую страну. Но не эти умные евреи. Вам понятна логика?

Мне кажется, вот на этот вот нужно состав посмотреть. Резко изменился состав. Ну, в 61 году вообще катастрофа. Там, город... горкомы, райкомы – всё расформировали, и потом кто выжил? Как, а... мой отец, он был замполитом МТС...

Он, ну, во-первых, образованный, во-вторых, он там, играл в оркестре, в Канском, первом. Ну, он занимался политической работой, и... так далее. Вот... И... э... он... он был из той... той группы людей, которые партия тогда... служила людям... Почему вы не занимаетесь домом? Ну, я служу. Вот. А после этого появились люди, которые уже не служили.

И вот в 61 году произошло качественное изменение. И Вы можете прямо по, э... характеристикам... руководителей края, и, э... райкомов, горкомов именно следить. И по профессиональным качествам этих председателей. Кто-то всплыл, ну, в райкоме. Почему у меня такая история? Ну, я могу прямо сказать, э... Видите, поскольку я не был членом партии. И, второе, я не был вписан вот в такую, как бы, традиционную систему управления, академического института, обладал большей академической свободой. Я, э-м... как они могли мне приказывать? Если бы они мне приказали – я взял бы, да ушёл.

Вот, всё. Они не могли... Тем более, если я поставил на профессию, да? И часть этого приобретённого знания, другого, более широкого знания профессии, могло, как бы, быть интересным для людей. Людьями. Ну, это же... совершенно же... неуправляемая ситуация. А если бы, ну скажем, какие-то люди, из медуниверситета... недаром, председателем, последним председателем общества «Знание» была профессор из медуниверситета.

Потому что там... если ты работаешь с проектом партии, также там списки отмечаешь, там, ну и так далее, да. Ты можешь, там, получить должность, и так далее. У нас-то какие должности? Ну, был я ведущим научным сотрудником. Ну и что?

И вот это изменение кадрового наполнения, а... мировоззренческих...основ. Ну вот, самый простой пример – я могу его назвать, это новый мэр города Красноярска. Да. Вот он управленец? Да, очень технически подготовленный. А у него-то другие задачи!

Это его заместители должны бегать, там, проверять... там-то, или это. Правильно или неправильно дорогу построили, и так далее. А что он это всё делает? Он... он должен служить каким-то примером. Создавать некий ореол будущности города. А где?

Я веду сейчас веду школу... успеха, в лицее №9 у школьников... Ну, там, привожу туда разных людей, и вот, двенадцатого мы идём, э... с экологом. с Сергеем Шахматовым. И они задают вопросы – а я их научил задавать вопросы и так далее. И они думают о будущем города. И один, ко мне старшеклассник подошёл и он говорит: «Юрий Николаевич я посмотрел газеты и прочее, я прочитал статьи. Почему мэр города не говорит о тех проблемах, которые мы здесь обсуждаем, почему он говорит о том, какой длины и высоты должна быть ёлка». Это школьники уже понимают. И Вы, как политик, и как человек, который прошёл через всё это, Вы же всё понимаете? Что рано или поздно это закончится большим смехом?» (Пауза) А как подобрать этих людей, чтобы они были политиками?

Трамп – политик или не политик? Политик. Хотя он предприниматель, но он, так сказать, шоу вёл, и так далее. Он подготовленный политик. Да, необычный. Он может получиться, может не получиться. Но никто же ему не говорит, что половина страны его, да, не любит.

Вы, знаете последние опросы, да? Что за, э... правительство, где люди ему доверяют, там, всего 32 %? Ну, что это за правительство? Сидят все бухгалтера и, как бы, инженеры по направлениям. Да они нужны нам, нужны...но

это уровень заместителей министров. Вы должны нам... рассказать к чему это приведёт.

Я проводил недавно опрос. Я встречаюсь с разными людьми, мне вообще звонят, как бы, ну... вот вчера, из московского сайта, и начинают спрашивать о том, что сейчас идёт большой выброс материала, обращение президента, общественной палаты, по поводу наказаний, там... разных структур за 17 год.

Они меня спрашивают, как я к этому отношусь, ну, я им и говорю – всё, мы дошли до этого, что система управления страной, городом... с моей точки зрения напоминает 61 год. Поставили на управление других, которые умеют делать только то, что умеют. И создали какие-то искусственные гражданские группы, которые, вроде бы определяют как нам дальше жить.

И потом, мэр города, миллионного города, который должен создать веру жителей этого города в будущее, да? Он, что делает? Он ни одного экономического... проекта не поддержал. Он поддерживает как вот... дома покрасить, красивые, там, балконы сделать. Ну, это уровень хорошего дворника. Ну, хорошо, что у нас есть это. Ну, хорошо, что появилось. Я очень рад, в какой-то степени.

Ну, вот, а с чем это связано? Отвечаю Вам просто и ясно как человек, который прошёл эту систему, и видел разных людей. Вот я очень многому научился у людей, у самого Примакова и его людей, которых он там поставил. Очень здравые люди. Говорили они очень... немногословно. И совершенно понятно. И, совершенно настроение после заседания правительства тогда у многих просто менялось. Люди стали бегать. Люди стали суетиться. Люди стали что-то делать. Я там бегал, и всё это... Там, департамент у меня был научный и там сидели, день и ночь готовили какие-то предложения. Ну, он выступал как специалист – во всём он специалист и журналист, и разведчик. Он выступал как... политик..

Вот мне кажется, что-то произошло в смене политического курса и подбора кадров в административных структурах России. Но они наказаны историей. Их выбросили.

И общество «Знание» могло бы сформировать сильных, активных людей, которые бы претендовали на политическую деятельность, только это было невозможно. Значит, занять политическую нишу по разным причинам не получилось, вот... И сейчас тот же весь вопрос. Нужны... Нужно ли, в управлении, там одного края, области – настоящая активная деятельность наша, как общества «Знание». Или нужно просто общество каких-то специалистов – кардиологов, и так далее, которые будут ездить, читать лекции, получать деньги. Получать большое количество, э... похвал, и так далее. Вот сейчас, конкретно. Ну...

Последнее, что я хочу сказать – обратите внимание на решение... 1 февраля. Ну, в русле моих соображений. Может, я не прав. Это Вам нужно судить. Но Вы меня спрашиваете, как я это делаю. Имеется в виду, упреждение точки зрения. Вам, как аналитику... 1 февраля принято решение о том, что администрация, э... Президента выделила очень большие деньги на гранты, на исследования современного общества, политических целей и задач общества. Для историков, для политологов, и так далее. Вы знаете об этом?

Вы посмотрите, РГНФ, или как этот сайт. Очень большие деньги. Мне, моя знакомая, с которой я разговаривал, из Министерства образования, прямо сказала, что сейчас принято решение максимально поддержать гуманитариев в

нашей стране. Для того, чтобы увеличить вот это пространство... исследований, которое приводит к каким-то рекомендациям, с тем, чтобы активно влиять на принимаемые решения. Я улыбнулся и сказал: сантехники, экономисты. Она рассмеялась и сказала: ну вот, с Вами легко разговаривать.

Получится ли это? Я не знаю. Много имитационного. Но то, что произошло, от 54 года до этого – это было... адаптация системы управления к тому виду деятельности, для которого они не отбирались во власть. Предполагалось, что власть должна просто... дороги, там, квас, там. Я не знаю, вовремя там праздник, и так далее. Но оказалось, что это... совершенно не интересует людей. Людей интересует новая потребность.

Раньше жили в скромной квартире. Сейчас потребовалась другая квартира. Раньше за границу не хотелось, сейчас появляется группа людей, которые просто бегут за границу. Раньше, значит, а... кооперативы никого не интересовали – сейчас появились они. Политики – это... всегда бегут вслед за... обновляемыми потребностями.

И вот, общество «Знание», как просветительское общество – кого оно должно просвещать? Если раньше оно просвещало отдельные группы недообразованных, крестьянское население, там..., маргинального, рабочего. То, с моей точки зрения, новая задача – крупнейшая новая задача просветительского общества, в том числе... общества «Знание» – сохранять эту же линию, ну, постольку, в других областях. А главная задача – просвещать управленцев, потому что, с моей точки зрения, вот это решение пятьдесят четвёртого – пятьдесят, там, шестого, шестьдесят первого года, привело к тому, что представители власти, особенно за последние 20-30 лет, резко отстали от у... общего уровня развития – культурного, образовательного, всего населения.

Люди стали во многом и более... адекватные, более склонны критически воспринимать и оценивать информацию, и пользоваться... Вот.

Вы меня спросите: а что заменило общество «Знание» в девяностые годы, ну... в нулевые годы, и сейчас? Я неожиданную вещь хочу Вам сказать, что Россия после 91 года, достаточно быстро создала невероятную разветвлённую систему информального университета. Вся Россия обучается в информальном университете. Вот, например, Вы встретились со мной, поговорили. Я вам сказал, например, 15 тезисов. Из этих 15 тезисов Вам надо шевелить три. Но Вы уже это знаете. Я встретился с Вами, Вы сказали своё отношение, поэтому я спрашиваю, а чего надо? Значит, я уже чувствую: да, я это понимаю. Завтра я встретился с другими. За... завтра посмотрел, там, телевидение, прочитал газету, там. И все мы в информальном обществе.

Поэтому, эволюция российского общества не получилась такой, какой ожидали, там одни страны, другие страны. И мы об этом говорили. Вот. Но... показала свою силу, и поразвитей, потому что она стала общаться со всё более образованными и более практически... наторевшими группами людей. Информальное общество сейчас во многих вещах заменяет просветительские организации. Но, с моей точки зрения роль нового, адекватного просветительского общества... не сходит с повестки дня. Оно должно появиться, и может, не одно. Но оно должно просвещать не только тех, кто рядом, с теми, кто с... сбоку, но и тех, кто выше. И тех, кто... должен измениться, для того, чтобы укрепить власть, и сделать её более направленной. Иначе... смех разрушит эту власть.

Интервьюер: Спасибо, Юрий Николаевич!

Стенограмма сверена с аудиозаписью 09-10.02.2019.
Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Овчинниковым Геннадием Александровичем,
лектором общества «Знание» с 1970-х гг., первым заместителем
председателя правления Красноярской краевой организации
общества «Знание» с середины 1987 года, председателем правления
общества «Знание» РФ с 1992 года, председателем Красноярского
регионального отделения Общероссийской общественно-государственной
просветительской организации «РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
Моя запись 4.wav (46:35)

Дата и время проведения интервью: 06.02.2019 г., 10:00-10:50 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Овчинников Геннадий Александрович

Стенографирование аудиозаписи: Шумилин Роман Александрович

Интервьюер: Здравствуйте, Геннадий Александрович!

Овчинников Геннадий Александрович: Здравствуйте, проходите, садитесь.

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Прежде, чем мы перейдём к обществу «Знание», прошу сначала рассказать немного о себе. Где, и когда Вы родились, кто ваши родители. Расскажите о своей семье.

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, Господи...

Интервьюер: Ну, это очень важно для исторического исследования...

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, родился я в 47 году, 16 июля. Город Вятские Поляны. Ну, а потом... Отец был военным, переехал, по службе, в город Тайшет, там прошли все годы и учёбы. Вот. Там я уже... Оттуда поступал в Красноярский политехнический институт. Закончил его. И после института осел в городе Красноярске. Не, вообще не в Красноярске, а в начале, по распределению, уехал в Железногорск. Там работал в проектно-научно-исследовательском. Вот. Судьба кинула... До повышения я занимался много общественной работой. Вот. И был... ко... Командиром строительных отрядов, э... политехнического института, одним из первых. Ну, а потом... Ну, там, секретарём комитета комсомола проектного института, работал где. Там меня избрали секретарём горкома комсомола. Вторым, потом первым. А после этого – секретарём горкома партии. Третьим секретарём, по идеологии. Ну, а когда партия зашаталась... устои партийные... вот, я быстро свою кандидатуру на выборы здесь краевого общества «Знание». Из двух кандидатур, вот, вышел

на... Тогда была, должность называлась – зам. председателя... да, общества «Знание». В 88 году. В декабре.

Интервьюер: *Расскажите, когда и как Вы узнали о существовании общества «Знание»?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, я узнал об обществе «Знание», работая в проектно институте, потому что я участвовал в лекционной работе, приглашали. Ну, а потом, когда уже был секретарём по идеологии, я... естественно, мне приходилось руководить, направлять структурное подразделение общества «Знание».

Интервьюер: *Скажите, когда, как, и почему Вы вступили в общество «Знание»?*

(Пауза)

Овчинников Геннадий Александрович: Когда я их... Когда и как – это ещё в проектно институте. Мне сложно это... Годы. (Пауза) Так. В семьдесят... В 70 – 74 я пришёл в горком комсомола. Ну вот, где-то ... наверное, в семидесятых, в начале семидесятых, вступил. Вот.

Интервьюер: *Небольшой такой уточняющий вопрос, Вы же говорили, что входили в руководящие и контрольные органы общества «Знание», а с какого года?*

Овчинников Геннадий Александрович: Не в контрольные органы.

Интервьюер: *Только руководящие. С какого года?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну... в 88 году меня избрали.

Интервьюер: *Зам. председателем?*

Овчинников Геннадий Александрович: Зам. председателем, да...

Интервьюер: *Вот, до...*

Овчинников Геннадий Александрович: ...и это для меня была уже штатная работа.

Интервьюер: *Понятно, но до этого Вы, э... входили в качестве просто члена правления?*

Овчинников Геннадий Александрович: Конечно, я просто был членом общества «Знание».

Интервьюер: *Нет, а членом правления краевого были до этого? Когда создали?..*

Овчинников Геннадий Александрович: Нет.

Интервьюер: *То есть, Вас сразу ввели в правление?*

Овчинников Геннадий Александрович: Да...

Интервьюер: *И избрали заместителем председателя?*

Овчинников Геннадий Александрович: Да-да...

Интервьюер: *Расскажите, а почему Вы приняли такое решение, вот... Или как это происходило? Собственно говоря, события, которые привели к тому, что Вы приняли для себя решение, вот, баллотироваться на эту должность? И, собственно говоря, как происходило само избрание?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, почему я принял – потому что были... В это время уже партия разваливалась. Вот. Необходимо было искать работу. И мне... мне краевой комитет партии тогда ещё, как говорится, предложил эту должность, выйти на выборы. Ну, правление-то было большое, около ста человек. Практически, собрание. На... этом собрании меня и... мы повыходили со своим противником. Им был председатель правления Кировской районной организации общества «Знание». Вот, каждый со своей программой. Вот. Тогда уже была борьба в обществе «Знание» между молодыми членами общества «Знание» и ста... ярыми коммунистами, которые... Вот.

Ну, и, когда меня спросили... как в твоей программе, будете вы... какие у вас стратегические задачи? Я говорю, что, мне, как идеологу – я был по партии-то идеологическим работником – мне сложно предсказать, как идеологию перевести на деньги. Это самокупаемость должна быть. Вот. И я на этом потерял голоса молодёжи. За счёт «стародёжи» вырос. Вытянул я, вот.

Откровенно говоря, когда меня избрали, практически первые шаги были направлены на то, как заработать деньги... в организации. Перевод организации на самокупаемость, перевод организации на... рыночные условия, вот эти...

Интервьюер: *Скажите, что понималось под самокупаемостью? Ведь и до этого организация тоже, как бы, жила, собственно говоря, на деньги, которые платили предприятия, слушатели?*

Овчинников Геннадий Александрович: Значит, ну... раньше платили деньги потому что лекционная работа входила в воспитательную работу и соответственно партийные органы хозяйственников заставляли... контролировали, что – есть ли воспитательная работа? И значит, есть ли, в результате лекционная работа. И хозяйственники заключали договора с обществом «Знание». У меня тогда было 60 человек – самое большое количество – штатных работников. Самая крупная организация была в крае. Вот. Ну, и... Дело в том, что в начале девяностых партия – и, соответственно... упраздняется. Вот. Со слезами на глазах. Смотрел, когда подписывал Ельцин указ об упразднении партии. Вот. А мы сидели на партийных площадях. И, соответственно, в одночасье, практически за месяц, организация рухнула. Вот. Негде было работать девчонкам. Вот. Посидели, посидели – начали трудоустраиваться. А мы, само правление, оно сидело не на партийных площадях, а на Мира, 98 – это были муниципальные площади, нас не затронуло это. И вот, в результате, мы остались...

Мы, до этого, занимались, в основном, методическим руководством. Значит направили лектора образовать вот эти самые... городские и районные прав-

ления. Поэтому нам организации перечисляли по 10, примерно, процентов на содержание правления. Вот. А мы, соответственно, эти 10 % от этой суммы посылали в российское общество «Знание» и за счёт этого, потом даже Дом Знаний начали строить. И всё прочее. Вот.

Интервьюер: *То есть возникли достаточно сложные времена?*

Овчинников Геннадий Александрович: Да, и пришлось очень сложно. Аппарат был..., откровенно говоря, бывшие все секретари райкомов, зав. отделами райкомов, которые привыкли, всё-таки, больше руководить, чем... А тут пришлось, так же как и... на уровне районных организаций, заниматься разработкой... лекций. Ой, не лекций – семинаров, по дополнительному различному образованию, продавать эти семинары, как говорится. И за счёт этого, вот, мы пытались выйти на самоокупаемость. Вот. Но кроме этого, мы вовремя сориентировались. Тогда вышел закон, позволяющий обществам «Зна...», общественным организациям создавать свои образовательные учреждения. Вот.

И у нас были детская международная школа, в которой 400 человек обучалось. Вот, значит. И она поддерживала организацию, как... пока мы занимались...

Интервьюер: *Это была Мотовилова?*

Овчинников Геннадий Александрович: А? Мотовилова, да. (Пауза) Любовь.

Интервьюер: *А отчество?*

Овчинников Геннадий Александрович: М... Отчество сейчас не помню. Тогда все...

Неизвестный: Михайловна.

Овчинников Геннадий Александрович: Как? Михайловна?

Неизвестный: Михайловна.

Овчинников Геннадий Александрович: Михайловна, да. Вот.

Интервьюер: *Так, перебил Вас. Ещё какие?*

Овчинников Геннадий Александрович: Восемь... После этого, с... В девяностые, где-то примерно уже... А, это уже советское время началось. Вас советское время не интересует, да?

Интервьюер: *Нас как раз советское время интересует.*

Овчинников Геннадий Александрович: Ой, не советское, в смысле, вы... ве... самоокупаемое... потому...

Интервьюер: Да. До 92 года, вот, меня интересует. Но, если Вы перейдёте эти хронологические рамки – то это нормально. Потому что это поможет, в том числе, понять, как изменилось общество «Знание» – это тоже многое даёт.

Овчинников Геннадий Александрович: Ну вот, в 96 году уже мы создали Красноярский институт непрерывного образования. И, наша питерская организация общества «Знание» создала свой институт.

Ну, а мы договорились, что мы создаём филиалы этого института, на... территориях, вот, как бы. Вы на территории филиала находитесь, до сих пор. Более 20 лет под ним, потому что есть площади, есть преподаватели, есть деньги. Потому что, что заставляло заниматься... не заставляло, а позволяло заниматься организацией нормальной просветительской работы, потому что на просветительской работе деньги не заработаешь.

Интервьюер: Давайте вернёмся, вот, к 92 году, 17 конференция общества «Знание», как раз, когда принималось решение о преобразовании его в общество «Знание» Российской Федерации. Знаете, что бросилось в глаза?

Овчинников Геннадий Александрович: Я не помню – в 92 разве было?

Интервьюер: Ну...

(Пауза, шум, Г.А. Овчинников показывает фотографии красноярских делегаций на съезды общества «Знание»)

Овчинников Геннадий Александрович: У нас съезд общества «Знание»... России. А вот съезд общества «Знание» всесоюзного.

Интервьюер: (Удивляться...) Уже намного меньше, да? Чем... А можно сфотографировать или как-то можно забрать и отсканировать?

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, я не знаю, как... быть может, у вас есть, это... Или, как... Вы хотите перефотографировать?

Интервьюер: Ну, если не готовы мне, там, на время отдать, чтобы я отсканировал, тогда буду фотографировать, когда закончим.

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, я думаю – сейчас я Вас записал..., на карандаш взял, я... потом составим, что Вы у меня возьмёте.

Интервьюер: Ну ладно, хорошо.

Овчинников Геннадий Александрович: Только не эти... там другие вообще фотографии есть, поэтому я Вам дам эти две съездовских.

(Пауза, шум)

Интервьюер: Так вот, вернёмся к этой конференции – и вот, что бросается в глаза: разница между 16 конференцией и 17, да. Потому что на 16 конференции – это достаточно много делегатов...

Овчинников Геннадий Александрович: Конференции или съезды?

Интервьюер: Нет, я про краевую конференцию.

Овчинников Геннадий Александрович: Ой...

Интервьюер: Как раз, когда Вас избрали председателем.

Овчинников Геннадий Александрович: Думаете, я что-то помню?

Интервьюер: Может быть, Вы опишете, как происходила 17 конференция. Потому что на 17 конференции всего несколько десятков делегатов было. Кто эти были люди? Почему они остались такими сподвижниками? Я так понимаю, что большинство то уже на конференцию эту не приехало?

Овчинников Геннадий Александрович: Ей-богу... Нас и так-то было... все меньше и меньше в 88, 89, 90 году. А там уже, как партия развалилась. У нас, откровенно говоря... задача была одна – мы сидели на площадях бывшего горкома партии. Мира, 98... – и надо было, всеми фибрами удерживать эти площади. Иначе, если мы не удержим площади – то нам не выжить. Вот.

И, поэтому мы, откровенно говоря, в начале 90 годов занимались... коммерцией, если так говорить. Чуть ли не... начинали заниматься, это самое, вот... как мини-биржи. У кого сахар, у кого это самое... (смеется) Вот. Но это, примерно до 93, до 94 года. А потом уже... в 94 году у нас... началось самое интересное. Потому что, в 94 году вышло... распоряжение Ельцина. Вот. О поддержке общества «Знание». Вот. Мы, в свою очередь... изучали различный опыт – здесь наша страна перешла к рыночной экономике, это самое, к демократии. Изучали этот опыт. И у нас появилась... в партнёрах Немецкая ассоциация народных университетов. У них был опыт, как Западный Берлин... перевоспитывал Восточный Берлин, (смеется). как раз вот, демократизировал его. Мы, на базе их и на базе своего обучения создали систему гражданского образования населения. Вот. Предложили её в администрацию края...

И вот, в 94 году вышло постановление администрации края, которое позволило нам потихонечку раскручиваться. Потому что, когда есть постановление администрации, мы, вместе с немцами, вышли на программу ТАСИС. Вот. Создание системы гражданского образования в Центральной Сибири. Там, Новосибирск, там Новокузнецк, Барнаул, Абакан, Красноярск. Хорошие деньги были... И начали вот это реализовывать, мы, практически до конца девяностых годов занимались этой программой. Работали по различным направлениям. Команды были у нас, значит, школьные... Команды из школ, примерно до 100 школ охватывали.

В этом гранте занимались демократизацией... демо... демократической... Название я не помню. Ну ладно, по этой программе. Потом второе направление – это местное самоуправление. И третье – НКО, некоммерческие организации. Вот. То есть, мы начали жить с девяностых годов. А с девяностого до девяносто чет... третьего – практически, существовали. Вот, всё направлено было на самом деле...

Интервьюер: На выживание.

Овчинников Геннадий Александрович: На удерживание, удержать площади, по... Вот. Ну, в результате, конечно, уже потом, это уже следующие годы – удержать не удержали. Потому что центр есть центр.

Но это была первая кризисная наша ситуация в начале девяностых годов, когда мы развалились. Вот, потом за счёт гражданского образования создали новый актив, создали и поимели деньги, всё. И... работали.

Потом в двухтысячных годах, мы создали Сибирскую ассоциацию образования взрослых. Уже достаточно интересная была работа. А потом у нас там, где-то в начале двухтысячных годов разорвали с нами арендные отношения, потому, что мы сидели в центре. Это была вторая, будем говорить, кризисная ситуация, когда нас лишили площадей. Грохнулась наша детская международная школа, потому что негде было заниматься. Денег неоткуда было... Но, к этому времени мы уже создали этот самый филиал Санкт-Петербургского института. И мы ушли на его базу. Вот. А то, если бы не было их, наших образовательных учреждений – то мы бы, наверное, бы, не восстановились.

Интервьюер: *А давайте немножко вернёмся в советское время. Скажите, как, на Ваш взгляд, складывались, в 80 – 90-е гг. отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, вот сейчас... когда... новый этап, как бы, в нашем обществе «Знание»... Вышел указ Путина о создании новой организации общества «Знание»... Вот... Там отличие этого и, ну... решения Путина, которое как, в некоторой мере – создать, и всё.

Вот. Там же были созданы условия для работы организации. Вот. То есть, ну – площади давали бесплатно, партийцы.

Вот. Деньги мы зарабатывали сами, но так как были вписаны в воспитательную работу на предприятиях и в учреждениях, поэтому деньги мы получали по договорам.

Кроме этого, в крайком партии была лекторская группа. Пять человек. Вот. И они непосредственно с нами работали. У нас же тоже общество «Знание» делилось, там – экономисты, правовики, международники. Вот. В лекторской группе очень достаточно хорошо работали с лекторским активом. Мы постоянно имели информацию о деятельности краевого комитета партии, крайисполкома. Вот. И потом доносили в своих выступлениях до населения... Населению это было интересно.

Ну и, кроме этого, уже были тогда и закрытые всякие источники. Вот. Которые только партийным органам доверялись, а они нам доводили. Поэтому, лектор выступал с новыми, всегда и интересными... фактами.

Интервьюер: *Скажите, в советское время, участвуя в деятельности общества «Знание» Вы получали оплату за свой лекторский, методический, там, другой труд?*

Овчинников Геннадий Александрович: Конечно.

Интервьюер: *Как это происходило?*

Овчинников Геннадий Александрович: Но... Лекция стоила где-то четыре рубля, что ли. Мы даже как-то встречались с губернатором Хлопониным [прим. – Хлопонин Александр Геннадьевич, губернатор Красноярского края в 2002-2010 гг.], а он говорит: «Я был в стройотрядах, читал лекции, ну вот, за четыре рубля». Ну, где-то в пределах четырёх рублей платили. А, ну, было как ещё. Лектор читал, из четырёх лекций, три – ему, а одна – в фонд общества «Знание». В этом была ещё подпитка общества «Знание».

Интервьюер: *Ясно. И куда вы использовали эти средства Фонда общества «Знание»?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, во-первых, на содержание аппарата. Вот. На методическую работу. Потому что мы много издавали. Но и, потом... Мы же... У нас же был... Большой парк, в советское время. Где-то около шести машин. Автобусы, «Газели». Вот. И мы, особенно в Дни науки: лекторов – на машины, и по краю. Вот. Тоже содержание, этого самого... Ну и, мы отчисляли же, в общество «Знание» России. А оно концентрировало деньги, и... помогали... нашим организациям. Значит, вот, я Вам... дам решение общества «Знание» и крайисполкома о строительстве Дома Знаний в нашем крае. Это 83 год.

Интервьюер: *Это я могу забрать? Или тоже мне надо будет скопировать и вам вернуть?*

Овчинников Геннадий Александрович: Нет, надо вернуть, она у меня единственная. Э, вот. К сожалению, я недавно выступал... в «Комсомольской правде», перед тем, как это здание начали сносить. Вы... Это рядом с советской администрацией, дворцом спорта, планетарием. Вот. Его начали сносить, и ко мне приходила эта... журналистка, мы выступали, и я теперь, газету эту где-то выбросил.

Интервьюер: *Ну вот, кстати, к вопросу о строительстве, да? Почему не успели Дом знаний построить?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, как сказать – не успели? Дело в том, что это опять взаимодействие власти. Если, в одном случае они нам помогали. А здесь, с этим крайисполкомом мы договорились – значит, 70 % платит общество... «Знание», и 30 % платит край. Вот. На эти 70 % здания построили, осталась только отделка, в основном. Вот. И я, когда пришел первым заместителем здание уже перестали строить. В 83 начали строить и за два года подняли стены. А потом заморозили, потому что деньги не выделял крайисполком. Вот это было централизованно всё. Надо попасть в план строительства в крае. И мы никак, сколько ни писали, сколько ни бились, все бесполезно. У меня такая кипа писем была. Вы просто поздно пришли, я недавно... выбросил всё. Потому что уже думал, все уже... Поэтому, когда мы поняли, что здание не будет построено – у нас было определённое планетарное оборудование Цейссовское, немецкое, потом, телескопы – мы всё передали в эту, в международную... не международную... Школу космонавтики. Вот.

Интервьюер: *Это, в каком году было?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, это уж я сейчас даже не помню.

Интервьюер: *Ну, в смысле, до... уже после девяностого? Или до?*

Овчинников Геннадий Александрович: Да я... Думаю, где-то в начале двухтысячных.

Интервьюер: *В начале двухтысячных... То есть, это у вас всё хранилось, да?*

Овчинников Геннадий Александрович: Да, стояло на складе, да... Потом, когда понял... понятно было, что строительство... Потому что столько лет. Ну, практически... Здание начало ветшать, во-первых. Ну, у нас уже нормы стали новые. Там только стены надо было метр делать, а там... (смеется) По тем нормам было такое, такие, поэтому... Вот. К сожалению...

Интервьюер: *Расскажите, с какого года вы начали читать лекции как лектор в обществе «Знание»?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, наверное, в институте я не читал... лекции. Ну, в... если и читал, то на семинарах. Потому что, я, был командир строительных отрядов, приходилось в институте проводить и семинары. А в проектно институте уже меня привлекали к чтению лекций. Вот. А когда уже был...

Интервьюер: *Это какой год? Когда вы начали читать лекции в Проектном институте?*

Овчинников Геннадий Александрович: 70... Так, я закончил в 70 году, значит... до 74 я работал в проектно институте.

Интервьюер: *И именно там Вы вступили в общество «Знание», да?*

Овчинников Геннадий Александрович: Да.

Интервьюер: *Скажите, обычно на какие темы Вы читали лекции в обществе «Знание»?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ой, самые первые лекции я...по... вспоминаю тогда в Китае была Культурная революция (смеется). Эта тема стала одной из первых моих лекций.

Интервьюер: *Скажите, а как Вы определяли темы своих лекций? Как это происходило?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, во-первых... Ну, это не совсем... будет правильно сказать о том, что был как бы запрос на определённые лекции. Душа куда лежала более-менее. Где мне было интересно.

Интервьюер: Скажите, а Вы с кем-либо согласовывали темы своих лекций и тексты выступлений?

Овчинников Геннадий Александрович: Ну... Я, откровенно говоря, был на таком уровне, что мне уже не надо было согласовывать. А вообще-то, конечно, у нас были методические комиссии в обществе «Знание», которые запрашивали текст лекций. Вот, просмотрели, и, как бы..., аттестовали это. У некоторых даже доходило до того, что посещали лектора, и после этого... давали. Но это... нечасто было.

Интервьюер: То есть, это какие-то были выборочные проверки?

Овчинников Геннадий Александрович: Выборочные, да.

Интервьюер: А как оп...

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, где, где...

Интервьюер: А как определялось, кого проверить?

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, если он давно лектор, и какую-то новую лекцию изобрёл... Поэтому его уже не проверяли. А вот как бы, обычно, новых.

Интервьюер: (Пауза) А как Вы считаете, были ли научно-популярные... научные лекции популярными у слушателей? И как это достигалось?

Овчинников Геннадий Александрович: Научные лекции популярными?

Интервьюер: Да. Популярны у читателей, у слушателей, не читателей.

Овчинников Геннадий Александрович: В смысле, востребованными были, да?

Интервьюер: Востребованными, популярными.

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, всё зависит от лектора, конечно. Вот. Потому что, сейчас у меня ребята читают лекции из СФУ, они же с... Приезжают, уже со своими, да... с показом. На... натурально, показывают. Вот, кто-то читает о космосе – значит, он уже чуть ли не с телескопом едет туда. Вот. Один парень, изобретательный, он – как делается изобретение, показывает. То есть вот такого уровня. А когда просто читать...

Ну, я думаю, раньше к... наукой... наше общество «Знание» же и создавалось, как распространитель научных и политических знаний. Вот. Две... две задачи были.

Вот. И всегда общество «Знание» возглавляли кто-то и от науки.

Вот. Ну, наши, как правило, этикие ре... ре... ректоры вуза возглавляли.

Просто сейчас уже новый устав, и поэтому... Президент... президентов нет, значит... сейчас сменили... Как бы, власть пытается работать, или, там, руководство осуществляется через... По уставу, через... Наблюдательный совет.

Но, Наблюдательный совет тоже... Пока не приживается.

Интервьюер: Почему?

Овчинников Геннадий Александрович: Мы думаем, нам... в новых условиях...

Интервьюер: Почему не приживается?

Овчинников Геннадий Александрович: А... вот мне, только что бумага пришла от... От этого самого... от главы... От зам. главы правительства... Ну, это там вот... Они считают, что есть законы, по борьбе с коррупцией. Вот. И, в этих законах, как бы... не приветствуется участие органов власти в... в некоммерческих организациях. Потому что некоммерческие организации могут заниматься коммерцией. Вот. И, поэтому, они как бы тормозят... Хотя мы сейчас стали общественно-государственной... Ну как быть общественно-государственной, без... роли власти в управлении общественной организацией?! Вот, мы сейчас пытаемся это разъяснить. Но, в уставе этого нет. Но это... Сейчас будет готовиться очередной съезд общества «Знание». Три года прошло. Вот. Наверное, на этом съезде надо... и... Да, кстати, я Вас хотел пригласить, сразу. А, у нас с четырнадцатого, в три часа, в этом самом, в Атомном центре. Вы знаете его?

Вот. Будет собрание лекторского актива. Мы будем там обсуждать о взаимодействии с органами власти, о выполнении постановления Путина... Указа Путина о создании новой организации. И я там как раз буду говорить и... и... как мы взаимодействовали с властью, в нач... в советское время, потом – в другие периоды. Поэтому, я думаю, может быть, и... Мы Вас приглашаем. Вот. Ну и, дальше, если будем работать, мы Вас... тогда добавим в члены общества «Знание», выдадим Вам удостоверение...(Смех)

Интервьюер: У меня даже лекция есть, я одну читал, в библиотеке, краевой. Посвящённую новой технологии... Ну, как, она не совсем новая – ещё в тридцатые годы, социальная. О безусловном базовом доходе. Сейчас же, вот, активно, в Германии, в других странах тестируют – вот, в Швейцарии референдум проходил. О том, как лишних людей содержать, и чтобы они были потребителями в обществе, не терялись из него, и так далее.

Овчинников Геннадий Александрович: Понятно.

Интервьюер: Скажите, а как часто Вы читали свои лекции, когда были лектором общества «Знание» в советское время?

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, это не часто. Может, в квартал раз.

Интервьюер: В квартал, да? А потом, когда стали руководителем...

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, я был, как не... Я ж не штатным был лектором... Который там... А здесь я уже так, потому что... Ну, откровенно говоря, раньше было престижно быть лектором, особенно – преподавателем.

давателям, потому что... и... При любой аттестации, значит, да – учитывалось. Вот, и поэтому... Они с... Ну, не с удовольствием, но... Шли, это одна.. один из посылов – чтобы зна... быть в обществе «Знание». Вот. Ну, и... аналогично партийным работникам. То же приходи... Хоть одна-две лекции были, чтобы где-то могли приглашать, выступать, перед населением.

Интервьюер: *Где, и кому Вы обычно читали свои лекции?*

Овчинников Геннадий Александрович: Вот... Ну, я читал в рабочих коллективах. Потому что, э... и... и выступал в проектных организациях, потому что я сам из проектировщиков. Поэтому мне было более-менее зна... Знакома аудитория.

Интервьюер: *Угу. Скажите, а кому Вам нравилось читать свои лекции? С кем вести беседы, и почему?*

Овчинников Геннадий Александрович: Так, как бы я за... Особенно не выделял. Наверное, пенсионерам. (смеется)

Интервьюер: *Пенсионерам? (смеется) Почему?*

Овчинников Геннадий Александрович: А зато они очень, это самое... заинтересованные. Вопросы задают.

Интервьюер: *Скажите, как обычно организовывались лекции с Вашим участием в обществе «Знание» тогда?*

Овчинников Геннадий Александрович: Как организовывались?

Интервьюер: *Да.*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, в то время – просто звонок... Или они в плане за... Потому что мы тематические планы рассылали по организациям. Вот. И... Девчата, которые, вот, в районах были... у нас, допустим, шесть-семь районов или шесть, я не знаю сейчас. Вот. Каждый штатный работник был на районе. Она и встречалась с руководителями, вот, там, с партийными деятелями. Вот. С этими, с тематиками. С тематикой, вот, пожалуйста. Что вы хотите? Эти лекции заказываем, значит. Те так – сколько они стоят? (смеется) Вот.

Интервьюер: *Ясно. Так... Так, ну, мы уже выяснили, что вы сами не проходили аттестацию лекторских кадров, да? А участвовали в аттестации других. Как была организована аттестация лекторских кадров, вот, в последний период жизни общества?..*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, в последней жизни – почти не было.

Интервьюер: *Аттестацию вообще не проходили?*

Овчинников Геннадий Александрович: Да.

Интервьюер: *Ну, может быть, в тот период, когда... Были просто лектором? Есть какие-то воспоминания?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, в основном... Я говорю, посылали человека, который специалист в этой области, на... послушать его лекцию. Вот. А потом, на методических, это самое... лекторской методической комиссии... Вот. Поднимали вопрос, и этот человек докладывал, и своё мнение об этой лекции... Вот, и говорили, что... затверждаем, или нет.

Интервьюер: *А если говорили «не затверждаем», что происходило?*

Овчинников Геннадий Александрович: Да такого что-то не было. Да... Обычно давали там – вот на это обратить внимание, на это обратить внимание... Человек доводил до ума.

Интервьюер: *До вас руководителем... председателем общества «Знание» была Красовская, да? Очень большой период времени. Как раз, я так понимаю, в этот период вы и стали первым заместителем?*

Овчинников Геннадий Александрович: Значит, у нас, надо понять, что председатель – это не освобождённый. Это, как бы, от науки человек. А зам. пред. – это штатный работник. Вот. При ней... Больше работала она со Страшниковым, потому что я... менял его... А с ней мы поработали, мне кажется... года два, наверное, от силы.

Интервьюер: *Скажите, а после неё был Смирнов и Лячин, но они прямо вот... что-то по году всего были председателями?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну...

Интервьюер: *Я так понимаю, Лячина же Вы сменили? На руководстве?*

Овчинников Геннадий Александрович: Я?

Интервьюер: *Да.*

Овчинников Геннадий Александрович: Он был председателем, тоже нештатным был. Я менял Страшникова.

Интервьюер: *Страшникова... Нет, а потом, когда председателем-то Вы стали в 92 году.*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, председателем были, и Смирнов – он ректор был, этого самого, Цветмета. Вот, он выдвинулся при помощи общества «Знание», опять-таки. Мы работали, на этом заработали себе негатива только.

Интервьюер: *Почему?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, нам не надо было лезть в политические вопросы. Вот. А тут пришлось. Он попросил – давайте, ребята. Мы лекторов кинули на весь район... Он в ГосДуму... Ой, не в ГосДуму, тогда

не ГосДума была, а какой же орган тогда был? Верховный Совет, да. И мы буквально, закрыли все рабочие коллективы, везде выступили с методичками – вот, он разрабатывал, эээ... Ну, в общем. А победили, победили... товарища, который, в эту, в нашем испол... законодательном органе имел большой вес. И был, вроде, замом даже председателя законодательного органа.

Интервьюер: *Это кто?*

(Пауза)

Овчинников Геннадий Александрович: Он был от коммунистов. Вот, сейчас я... дело в том, что уже давно прошло... он раньше был этим... возглавлял Техноложку.

Интервьюер: *Севастьянов?*

Овчинников Геннадий Александрович: Севастьянов. И, в результате... Севастьянов – это, я уж подспудно думаю – отвечал за строительство Дома Знаний. (Смех) Ну, это, абсолютные... Так, думки такие. Вот...

Интервьюер: *И что, Смирнов избрался и сразу ушёл?*

Овчинников Геннадий Александрович: Смирнов избрался, и он сразу ушёл туда, работал там, и нами оттуда только руководил – сделайте то, напечатайте то, сделайте третье. Вот такое было руководство. А потом он умер. Вот. Поэтому он недолго правил.

Интервьюер: *А Лячин? Тоже же совсем недолго, да?*

Овчинников Геннадий Александрович: Да, ну, Лячин – он банкир. Вот. Поэтому и его...

Интервьюер: *Сейчас он в актив входит общества «Знание»?*

Овчинников Геннадий Александрович: Нет. Он, как-то, всё-таки, та стезя ему ближе была (смеется).

Интервьюер: *Скажите, на ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в советском обществе? И как оно выполняло свою функцию распространения политических и научных знаний среди советских граждан?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, я думаю, что из всех общественных организаций, это... Мы были, практически, правой рукой партии. Вот, до... Дом Знаний строили... даже это вот, но и я... слышал, от своего преемника...

Его, когда запроектировали, Дом Знаний, запроектировали в Октябрьском районе. Этот самый, наш... Когда секретарь крайкома партии – этот... (пауза) Самый, самый яркий наш крайкома партии был, с... с Норильска. Не Дол... не Долгих, а...

Интервьюер: *Федирко?*

Овчинников Геннадий Александрович: Ште... Стефанов, Павлович... Да, Федирко. И, когда Федирко узнал, что нас туда посадили... «Переделать! Перепроектировать! И посадить рядом с крайкомом партии!» А у меня был даже проект старый, вот, в Октябрьском районе. И посадили рядышком с крайкомом партии. Может быть, поэтому и загнулись, что Дом крайкома партии перестали строить, и нас перестали строить. (смеется) Вот.

Во-первых, общество «Знание» было многочисленной организацией, до десятка тысяч доходило, лекторов. Вот. И... В какой-то мере, считалось, что быть членом общества «Знание» престижно. Ну, общество было полезным, потому что, мы даже... после уже советского... времени, ездили, помню... в этот, в Мотыгино читали лекции. А ведь личное общение не заменишь. Потому что одно дело – услышать информацию где-то чего-то между строк. А тут приехали лекторы, рассказали. Народ нам говорил, что мы «Луч света в тёмном царстве». Приехали. Рассказали. (смеется) А в Мотыгино – там даже ещё и телевидения и радио не было. Телевидения, мне кажется.

***Интервьюер:** Ну, ясно. Скажите, а вот что бы вы из опыта советского бы перенесли в сегодняшний день или там, власти посоветовали... использовать в нынешней ситуации?*

Овчинников Геннадий Александрович: Об этом мы будем как-то говорить четырнадцатого числа. А если совет, на самом деле... Вот... Мы... Вот, в частности, меня, когда я был секретарём, да? Ой, не секретарём, а руководителем. Был тогда идеологический отдел крайкома партии. Меня тогда просто приглашали, как чуть ли ни как работника этого отдела. Но зато они обсуждали все вопросы, и я знал, на... куда направлять усилия организации. Я знал большие места. То есть, нам сейчас не хва... Это от партии не хватает... Ой. Ну, от партии современной власти не хватает информации. Вот. И не хватает... Партнёрства такого вот. Потому что, на самом деле, когда назвали, сейчас вот, Путин сказал – «общественно-государственная». Закона нет. А что такое общественно-государственная организация? Или государственно-общественная? Потому что, вот, если, мы будем об этом говорить, это статья 51, вроде, об общественных объединениях. Там написано, что впрямь, да, пока не разработано, как – органы власти решают сами по себе.

Кто как решает. Вот. Вот. Потому что вот, ДОСААФ стал общественно-государственной организацией, и государство оставило им материальную базу, всё-всё-всё прочее. Расчётные счета. У нас же, положили так, что всю материальную базу всю забрали в пользу государства. Вот был профилакторий, в Сочи. Лекторы отдыхали.

Почему мы и говорим, что Наблюдательный совет должен быть таким, чтобы с помощью представителя от власти, можно было бы выстраивать стратегию общества «Знание», получать помощь государства. Потому что, мы сейчас с Вами... Вот, нам хочется, вот... Как мы, вот... План делали. Вот, неплохо бы иметь школу лекторского искусства. А власти это не надо, нам денег под это не дают. Вот. Зато, у нас, допустим, сейчас, мы пробилась, мы с немцами начинали народные университеты пожилых людей. Вот. А вот эта сейчас полоса для

власти стала нужна. И у нас ещё в прошлом году было в 30 территориях, а теперь во всех территориях, в 70 территориях созданы филиалы Народного университета пожилых людей, где мы там всем заправляем. То есть, надо сочетать цели и задачи, которые стоят перед властью и перед обществом «Знание». Они могли бы деньги давать, а мы на них работать могли бы, но мы не знаем, как, что их волнует.

Интервьюер: Ясно. Кстати, о народных университетах. Чем отличаются народные университеты тогда, в советское время от сегодняшних? Или как там организовывалась работа в советское время? В народных университетах?

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, дело в том, что в советское время было... Народные университеты достаточно широкого профиля. Вот. Значит, там и университеты культуры, и университет там такой... А сейчас работают только народные университеты пожилых людей. Вот. Больше народных университетов в других областях не развиваются.

Интервьюер: С чем это связано, на Ваш взгляд?

Овчинников Геннадий Александрович: Ну, опять-таки, наверное, в том же... в той же заинтересованности власти, и финансирования.

Потому что вот мы, допустим, занимаемся народными университетами – социалка выделяет нам субсидии. Деньги есть – мы лекторам платим, и всё, они работают. До 200 ле... лекторов, по-моему. Бухгалтерия сидит, голову не поднимает. Надо за месяц всех обсчитать, сосчитать, отправить деньги всем.

Интервьюер: Ясно. Спасибо Вам за информацию.

Стенограмма сверена с аудиозаписью 10.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Лукиной Антонидой Константиновной,
лектором общества «Знание» с 1970-х гг., членом Общероссийской общественно-государственной просветительской организации «РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписей:

phone_20190206-161242_2127450.amr (03:36)

phone_20190206-161657_2127450.amr (29:02)

Дата и время проведения интервью: 06.02.2019 г., 16:12-16:45 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Лукина Антонида Константиновна

Стенографирование аудиозаписи: Кравченко Светлана Евгеньевна

Интервьюер: Здравствуйте, Антонида Константиновна!

Лукина Антонида Константиновна: Здравствуйте, ну я вас слушаю.

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Прежде чем мы перейдем к обществу «Знание», прошу рассказать немного о себе: Где и когда вы родились? Кто ваши родители? Расскажите о своей семье.

Лукина Антонида Константиновна: Ну, я в 1950 году родилась в Сухобузимском районе. Родители у меня не отличались высоким образованием, то есть рабочие. (пауза) Ну всё, пожалуй, что ещё могу рассказать.

Интервьюер: Дату рождения уточните.

Лукина Антонида Константиновна: 4.05.1950, если вам точно надо.

Интервьюер: Расскажите, какое у вас образование и где вы учились?

Лукина Антонида Константиновна: Ну закончила школу, а потом Сибирский .. Красноярский государственный университет по специальности физик.

Интервьюер: А научную степень, звание получили...

Лукина Антонида Константиновна: Научную степень я получала как кандидат философских наук, в ... тогда это уже называлось институт Молодёжи, по-моему, по проблеме развития социальной активности молодёжи районов нового освоения, то бишь основой был наш Красноярский край, наши ударные стройки.

Интервьюер: Расскажите о вашей работе: где и кем вы работали, где работаете?

Лукина Антонида Константиновна: В те годы, о которых говорите вы, я работала в краевом комитете комсомола и в зональной комсомольской школе,

у нас было такое подразделение. Мы занимались повышением квалификации комсомольских кадров. А сейчас я работаю в Сибирском Федеральном университете зав. кафедрой общей и социальной педагогики.

Интервьюер: Скажите, вы были членом КПСС?

Лукина Антонида Константиновна: Да.

Интервьюер: Когда и почему вы вступили в партию?

Лукина Антонида Константиновна: Ну, это такая длинная история, но я вступила уже на закате, что называется, потому что в 1985, по-моему, что ли году перед концом, перед окончанием существования. Нуу, то есть как это почему, это такой глубокий вопрос, я не хотела бы об этом рассказывать Ну в общем-то по убеждениям, скажем так.

Интервьюер: Соответственно в партии вы перестали быть, когда ее запретили?

Лукина Антонида Константиновна: Ну, ее по сути же не запретили, она же существует, но да.

Интервьюер: Тогда перейдем к обществу «Знание». Когда и как вы узнали о существовании общества «Знание» в советский период?

Лукина Антонида Константиновна: Сложно вспомнить, когда и как я про него узнала, потому что как бы, по-моему, даже когда я училась в университете, нас привлекали к работе общества. Мы там, где-то с какими-то лекциями, я там была с организаторами. Я даже сама организовывала студентов, куда-то там к рабочим мы ходили, какие-то лекции читали о перспективах развития советской науки.

Интервьюер: Вы помните самую процедуру вступления в Общество, как она проходила?

Лукина Антонида Константиновна: Процедуры как таковой я, правда, не помню. Это было настолько естественно, что мы вот какой-то общественно-полезной работой всегда занимались, и это была одна из них.

Интервьюер: Примерной какой это год был?

Лукина Антонида Константиновна: Спросите что-нибудь полегче. Наверное, это было начало семидесятых, потому что в 73 году я университет закончила. Я не знаю, была ли я тогда членом общества знание или нет, но мы вот такой просветительской деятельностью среди населения занимались, а организаторами были они.

Интервьюер: Вы входили в руководящие и контрольные органы общества «Знание»?

Лукина Антонида Константиновна: Да, уже в достаточно зрелом возрасте. Очень долго была молодежная секция или как там она называлась, и я

была руководителем этого молодежного подразделения. В мои обязанности входила координация деятельности по проведению работы среди молодежи.

Интервьюер: *Расскажите подробнее об этой работе, в чем она заключалась?*

Лукина Антонида Константиновна: Ну, как это... С одной стороны, были какие-то всякие обязательные вещи, особенно пока еще существовала партия, которая поддерживала очень сильно общество знание в этом смысле у нас ограничений финансовых почти не было. Это значит пропаганда, как пройдет очередной съезд партии или комсомола, это было очень важно, встречаться в том числе с молодежью и про это рассказывать. С другой стороны, появлялись время от времени какие-то мероприятия, чтобы про науку рассказывать, у меня было увлечение гражданской войной в Испании или поэзией Отечественной войны, то есть не только, что мы занимались такой тупой пропагандой идеей коммунизма, но мы занимались действительно реальной просветительской работой. В том числе, я вспоминаю колонии-поселения, в том числе туда я ездила, среди таких молодых ребят, которые... Они уже не сидели в тюрьме, понимаете, да, расконвоированные. Среди расконвоированных мы работали, что-то там им рассказывали. Потом, когда уже КПСС развалилась, общество знание поддерживать не стало, с деньгами стало значительно хуже, там уже Геннадий Александрович, я имею ввиду, Овчинников героически предпринимал усилия, когда мы выиграли немецкий грант, по тем временам мы были одним из немногих региональных отделений, который сохранили, существовали и тогда много ездили по краю в Мотыгино и Рыбинский район, создавали там университеты образования взрослых, центр гражданского образования. Вот центр гражданского образования, по сути, их точно начал тогда Овчинников и Общество «Знание», и потом у нас это знамя перехватили другие организации.

Интервьюер: *Вот эта работа, о которой вы сейчас рассказываете, насколько она была похожа или вытекала из работы народных университетов в Советский период?*

Лукина Антонида Константиновна: Смотрите, я про работу народных университетов мало что понимаю, но мы, по сути, эти народные университеты, даже когда на немецкие деньги мы их создавали, я помню, что мы пытались создавать такого рода просветительские университеты. Ну, понятно, что они были мало... системными.

Интервьюер: *Малоэффективными, или малосистемными?*

Лукина Антонида Константиновна: Вот знаете... Когда была опять же КПСС и была точная система, то это была система, потому что заключался договор, я помню очень большую работу мы тогда через краевой Дом просвещения проводили, это не общество «Знание», например, с Зеленогорском, где была разработана целая программа на год, где точно был определен контингент обучаемых, за которых отвечали тамошние хозяйственники и организаторы. Мы туда приезжали, помню, ездили с Гореликом, ныне покойным, у нас была

четкая программа, мы знали, что всегда будет народ, для которого мы читаем, и народ действительно был. Это был разгар перестройки, когда мы обсуждали и когда был этот...12 этаж, вот эти все острополитические передачи, и мы тогда продолжали это обсуждение вживую. Я не думаю, что это было не эффективно, потому что людям надо было выговориться и понять, что происходит.

Например, вот сейчас эти Народные университеты третьего возраста, которые, по сути, тоже общество «Знание» начало поддерживать. Тогда они организовали программу обучения взрослых на немецкие деньги, в районе Сибири было много таких действий, конференции проходили и так далее. Сложности стали с тем, что... например, что сейчас пожилые люди хорошо ходят в тот университет, потому что надо чем-то себя занимать и люди себя занимают. А значит молодежь, взрослое население, понятно, что их собрать трудно, потому что...

Вот кстати успешный был опыт, когда мы работали со школами среди родителей, потому, что они, грубо говоря, поданные школы, и школа могла обеспечить их явку и присутствие.

Мы проводили работу, связанную с профилактированием отклоняющего поведения у детей и так далее. Вся беда сейчас в том, что отсутствуют механизмы информирования людей и сбора людей. Потому что с одной стороны у тех, кто чем-то интересуется, всегда под рукой интернет, Алиса и так далее. И недостающую информацию всегда можно где-то получить, в отличие от того, что было 20 лет назад. Сейчас уже, слава Богу, интернетом владеют все, даже люди преклонного возраста. С другой стороны, обсудить где-то с кем-то, возможностей сейчас гораздо меньше. Хорошо телефон есть, можно по телефону обсуждать. Тогда была организационная структура, которая, очень грубо сейчас скажу, помогала в сборе аудитории. Потребность у людей большая, но лень тоже большая и задача как оторвать человека от дивана и привезти на какое-то совместное действие, это у нас, к сожалению, не в традиции и этого сейчас нет.

Интервьюер: А как эту проблему решало тогда общество «Знание»?

Лукина Антонида Константиновна: Очень просто, мы заключали договор, например, скорее всего в качестве договаривающихся с той стороны выступало либо тамошнее местное общество «Знание», я вспоминаю маленькие городочки и у меня была четкая программа, я выступаю в тихий час перед воспитателями детсада, в обеденный перерыв иду в магазин, вечером иду в общежитие студентов. Вот эту работу, кто ее конкретно организовывал, я сказать не могу. Я туда приезжала, у меня в день было организовано 4-5 лекций, 4-5 встреч с разными людьми. Всё было расписано. Тогда обществом «Знание» руководили райкомы партии, очевидно, там сидел человек, который этим занимался и организовывал эти встречи.

Интервьюер: Скажите, а как вы определяли темы своих выступлений?

Лукина Антонида Константиновна: Смотрите, ну тут, грубо говоря, твой собственный интерес, прежде всего. Я бы не сказала, что было очень мно-

го обязательности. Иногда идет кампания гражданское образование, не то, чтобы кампания, ну был вот у нас этот проект гражданское образование, если оно тебе интересно, приходи, вперед и с песнями, делай что хочешь, не интересно — ты свободен. Заключаем договор с управлением образования по работе с родителями условно говоря да, была мне тогда интересна профилактика наркомании, вот я эти лекции брала. Я предлагала школы, которым это было интересно, предлагала себя, я туда приходила и работала с населением. Тут в основном то, что тебе интересно. Обязательности под расстрелом — такого не было. Со мной по крайней мере.

Интервьюер: *Вы с кем-либо согласовывали темы своих лекций, тексты выступлений?*

Лукина Антонида Константиновна: Тексты выступлений, как правило нет. А темы, конечно, прежде чем ехать ты даешь список тем, а они говорят: детский сад хочет про то, а молодежь в общежитии какого-нибудь техникума хочет вот это. Ты даешь им список тем, а они из него выбирают то, что им нужно.

Интервьюер: *Скажите, а как обеспечивались научность и качество?*

Лукина Антонида Константиновна: В большей степени все шло на взаимном доверии. У нас как раз наш общественный совет в обществе Знание, который у нас был, где мы стратегические какие-то вещи обсуждали, как-то между собой договаривались, что правильно, что неправильно. Ну а потом качественно стаж у лекторов был достаточно высок, в основном это люди, обладающие ученой степенью, такого, чтобы общество что-то сильно контролировало — такого не было. Я говорю, все эти наши, мы не так чтобы часто собирались, 2-3 раза в год, мы просто обсуждали то, что сейчас актуально и как мы будем работать над этим с народом. Какие-то новые проблемы появляются, какие-то новые аудитории.

Интервьюер: *На ваш взгляд, как обеспечивалась ситуация, когда научные лекции должны были быть популярными?*

Лукина Антонида Константиновна: Во-первых, тогда, в те времена, была масса научно-популярной литературы, которая была востребована. Вспоминаю журнал Квант, который читали и дети, и взрослые, журнал Знание Сила, Наука и Жизнь, они шли в подписки народ их выписывал. В этом смысле народ такие вещи читал и ученые были... я не знаю, как они были заинтересованы, потому что в обществе никогда много не платили, сразу скажу, но видимо это как-то стимулировалось, какая-то ответственность была у ученых за то, чтобы народ не был темным. Вот такой темноты, как сейчас, тогда такого в советское время точно не было, чтобы верили во всяких чертей, гадалок. И в школе это видимо было лучше построено, и когда мы были школьниками, к нам приходили люди что-то рассказывали, мы были гораздо более просвещенными чем нынешняя молодежь, которая иногда такую чушь несет, что даже страшно.

Интервьюер: *Уточняющий вопрос. Скажите, как часто вы читали свои лекции?*

Лукина Антонида Константиновна: Знаете, вот такого чтобы был какой-то график такого не было и нормы никакой не было сколько мы должны прочесть. Я не могу вам, правда, это сказать. Когда, например, заключили договор со школами, я не помню, с кем у нас был договор: то ли с районом, то ли с городом. Тогда в течение 2 месяцев у меня было штук 8 лекций, а бывало и такое, что за полгода о тебе никто не вспомнит, так что это зависело от ситуации.

Интервьюер: *Где и кому вы читали свои лекции? Кому вам больше всего нравилось читать лекции? Почему?*

Лукина Антонида Константиновна: Я до сих пор помню и часто привожу пример, когда мне было... не скажу, что нравилось, но это было собственное потрясение, когда я читала молодым ребятам, которые сидели вот в этой как это называлось Харюзовка или какое-то село в Нижнеингашском районе. Потому что это было как раз во время перестройки, ребята, которые и воли не видели по сути и куда им выходить они не знали. Сначала прошла лекция, а потом у нас был достаточно душевный разговор, где уже они задавали совершенно прямые и открытые вопросы, как им жить дальше, ну а я в силу какого-то жизненного опыта пыталась им на эти вопросы ответить. Дело не в том, что мы только какие-то лекции читали, очень часто как раз главным становилось то, что ты в лекции какую-то информацию выдал, а потом у людей появлялись какие-то вопросы. Сейчас вспоминаю, как анекдот, когда в Тасеево детям в детском доме рассказывала про Гражданскую войну в Испании, а потом какой-то мальчик встает и говорит: «А вы там сами были да?». Вот тогда мне показалось, что лекция удалась, раз ребенку показалось, что я там сама могла быть. Были приятные минуты, когда ты точно понимал, что этим людям нужен. Не всегда, конечно, но такое было.

Интервьюер: *Какая обычно была численность людей в группах, в которых вы читали лекции?*

Лукина Антонида Константиновна: Обычно человек 20 в среднем. Бывало больше аудитории, бывали меньше. Бывало и человек 10, тогда уже просто душевную беседу ведешь, тогда твои лекционные заготовки побоку, что называется, там другой нужен жанр.

Интервьюер: *Как обычно организовывались ваши лекции? Вы проявляли инициативу, вам звонили, как это происходило?*

Лукина Антонида Константиновна: Ну смотрите, работа шла какая, в разных ситуациях все было очень по-разному. Общество получает какой-то заказ или заключает договор с каким-то подразделением, и ты понимаешь, что ты в этом участвуешь. Потом говорят, что лекция в 154, 190 и еще какой-то школах. Я говорю, давайте людям мой телефон, пускай они сами со мной созваниваются, потому что через посредников всегда тяжелее работать. Поскольку есть основная работа и сочетать основную работу с чтением лекций понятно, что тут.

Поэтому мне уже потом собственно конкретные потребители звонили и говорили хотим вас послушать тогда-то и тогда-то, мы договаривались сами. А если ты выезжаешь куда-то в территорию, например, то там тебя встречают, какую-то гостиницу возмещают дают тебе бумажку где написано куда и когда ты идешь. Это разное. Прежде чем поехать, понятно, что опять с тобой согласовывают, но это уже в Обществе специально обученный человек. Сейчас всё сильно сдулось, а если до 92 года говорить, то там был штаб-аппарат, который этим занимался, где люди звонили и говорили, что где, когда чего и как.

Интервьюер: *В советское время вы проходили аттестацию лекторских кадров или сами участвовали в аттестации других лекторов?*

Лукина Антонида Константиновна: Формально этого не было, поэтому я не могу этого сказать, чтобы какая-то была формальная аттестация лекторских кадров. Не помню этого.

Интервьюер: *Кроме лекций бесед, в каких еще формах работы общества «Знание» вы участвовали?*

Лукина Антонида Константиновна: У нас проходили научно-практические конференции по разным темам, мы собирали, проводили и так далее. Мы готовили и выпускали какие-то там издания, методические рекомендации и книжки. Мы проводили специальное обучение лекторов, тех, которые потом могли бы работать на местах, например, когда создавали Народные университеты в территориях, то мы приглашали сюда потенциальных лекторов и проводили среди них семинары. Это основные виды работы. Кроме лекционных, которые мы вели, была организаторская работа, когда мы договаривались с какими-то потенциальным партнерами, собирались, планировали и так далее.

Интервьюер: *В обществе «Знание», где вы вели разноплановую достаточно работу, ваш труд как-то оплачивался?*

Лукина Антонида Константиновна: Лекции оплачивались как-то, все остальное было практически безвозмездно.

Сколько стоило, убей Бог, не помню. Знаю, что немного, потому что помню как-то приехала с какой-то лекции, что-то стою в очереди, ребятишки впереди покупают сникерс в те же как раз девяностые, я чувствую, что моей оплаты за лекцию не хватит, даже чтобы сникерс купить. Думаю, вот черт, полдня потеряла, за что. Помню это чувство, помню инфляцию, и расценки были установлены еще полгода назад, а за это время деньги обесценились в 10 раз.

Интервьюер: *Как, на ваш взгляд, складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Лукина Антонида Константиновна: Я внутри этого дела не присутствовала, я могу говорить только по ощущениям, КПСС руководило, финансировало, содержало и тогда Общество Знание было на Мира, где Бирюсинка сейчас, не помню адрес, они занимали порядка 4 или 5 кабинетов, у них там были свои аудитории и там было штатных сотрудников человек 10 и все это содер-

жалось за счет КПСС. То есть КПСС в этом смысле о пропаганде своих идей среди народа заботилась.

Интервьюер: *Как, на ваш взгляд, складывались отношения общества «Знание» с другими просветительскими организациями?*

Лукина Антонида Константиновна: А какие были ещё просветительские организации? Были университеты марксизма-ленинизма, которые тоже финансировало и содержало КПСС, они дружили, что называется. А больше других просветительских организаций я не знаю, правда, может вы мне скажите какие, я вам скажу.

Интервьюер: *Просто были разные союзы художников, писателей...*

Лукина Антонида Константиновна: Я их не рассматриваю как просветительские, они были профессиональные. Отношения были самые тесные, их привлекали активно, встречи с писателями были любимым развлечением, правда кто был организатором: общество или союз, я не знаю, если честно, когда в школе училась к нам регулярно раз-два в году какие-нибудь писатели приходили с поэтами, стихи читали, это было принято и распространено. Так что они дружили.

Интервьюер: *На ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении научных и политических знаний среди советских граждан? Почему вы так думаете, и что из этого опыта было бы неплохо применить в нынешнем времени?*

Лукина Антонида Константиновна: Про роль судить трудно, потому что тем, кто там работал, казалось, что мы что-то делали, суенулись. Но если всерьез посмотреть, то если своей работой мы хотя бы 5 % населения охватывали, то это хорошо. Говорить, что чего-то большую роль играли, было бы нельзя. Потому что процент охвата был не очень большой. Тем не менее, это было, и у людей была возможность, знаете, когда были замечательные лекторы, их было не очень много политики, даже на лекторов по политическим, международным, по внутренним проблемам народ ломился, залы были человек по 100, по 200, потребность в живом слове была очень высока. Сейчас дремучесть нашего народа, как победить лень народа. Я сейчас больше работаю с образованием, и я вижу страшную педагогическую некомпетентность молодых родителей, это полная катастрофа, им нужна помощь только они не могут ее вербализовать, а когда они за этой помощью прибегают, оказывается уже слишком поздно. Вторая штука, что с пожилыми людьми делают. Ведь если посмотреть за рубежом разные формы работы повышения... Для людей это форма свободного общения, свободного времяпрепровождения развития каких-то своих талантов. Смотрите, смогли же мы как-то обучить все старшее поколение, кто хотел, работе на компьютере, мои подружки, которым по 70, спокойно сидят в интернете, в одноклассниках, дружат, находят для себя в это смысле... им это хорошо и удобно. Поэтому мне кажется, что вопрос только в том... мне как раз Геннадий Александрович звонил, что сейчас принято решение о возрождении

этого общества «Знание» на высшем уровне. Но, например, на уровне нашего края так и не могут понять, какое ведомство будет курировать. Потому что понятно, что как общественная организация без государственной поддержки вряд ли сможет это общество существовать, потому что многие механизмы разрушены и никогда у нас чисто общественных организаций не было все общественно-государственные, которые действует, если они не оппозиционные. Может государство хочет, чтобы среди народа как-то росла образованность, потому что недообразованности очень много и проблема проявляется, потому что иногда телевизор смотришь и за голову хватаешься...

Интервьюер: Спасибо! До свидания!

Лукина Антонида Константиновна: До свидания!

Стенограмма сверена с аудиозаписью 10.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Замышляевым Владимиром Ивановичем,
лектором общества «Знание» с 1971 года, членом Правления
и президиума Правления Красноярской краевой организации
общества «Знание» в 1972-1977 гг., членом Общероссийской
общественно-государственной просветительской организации
«РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
Моя запись 6.wav (1:06:31)

Дата и время проведения интервью: 07.02.2019 г., 16:05-17:15 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Замышляев Владимир Иванович

Стенографирование аудиозаписи: Шумилин Роман Александрович

Интервьюер: *Здравствуйте, Владимир Иванович!*

Замышляев Владимир Иванович: Здравствуйте.

Интервьюер: *(произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)*

Замышляев Владимир Иванович: Все просветительские организации, так или иначе, или напрямую, или опосредованно, были связаны с политикой самого государства. То есть, государство осуществляло очень целенаправленную политику, связанную с воспитанием населения. С воспитанием подрастающих поколений. И, с преемственностью. То есть, с закладыванием исторических традиций передачи знаний. От одного поколения к другому поколению. Вот.

Поэтому, вот это общество «Знание» – это одна из составляющих в общей системе просветительской деятельности государства. Я считаю, что заслуга советского государства, заключается, в том числе, не только, когда мы говорим, там, – индустриализация, коллективизация, культурная революция. Есть такие понятия, Вы знаете, в истории. Но, вместе с тем, и, величайшая, я считаю, заслуга, а... советского периода, в том, что государство было озабочено широким просветительством среди населения. Среди широких масс, как тогда говорили, среди трудящихся – это всё советские выражения понять. Там, среди рабочих и крестьян, там интеллигенция, и так далее, и так далее. То есть, сама система просветительства была одной из государственных программ. Вот это чрезвычайно важно. Это... это не какие-то любительские занятия. Вот.

Это система. Это система просвещения. Если мы вспомним саму историю зарождения Советской власти, э, то, что возникало, и как... как называлось, допустим – вот Наркомпрос, да?

Интервьюер: Узу.

Замышляев Владимир Иванович: Смотрите, как, название какое. Народный комиссариат про-све-ще-ни-я. Да. Или Политпрос – политическое просвеще-ни-е.

То есть вот это понятие про-све-ще-ни-е, про-све-ти-тель-ство – оно было составляющей общей, так скажем, идеологии, Советского государства. И сама идеология, та, она исходила, прежде всего, из посылки формирования личности.

Формирования личности, формирования человека. Э... было в тридцатые годы даже такое понятие как «ускомчел» – усовершенствованный коммунистический человек. Можно улыбаться, вспоминая эти термины, а, вместе с тем – это какая-то глубокая здесь мысль присутствует. Что значит – усовершенствованный человек? Коммунистический, не коммунистический. Усовершенствованный – значит, просвещённый.

Если вспоминать историю вообще развития человечества, как оно начинало, как оно двигалось, ну... как приходила наука. А как формировалась система образования, ведь это же всё постепенно. Это всё – этапы развития, человечества, как такового. То есть, опять через просвещение. Через образование. Через науку. И, э, я думаю, что Советская власть, тут как раз понимала важность просвещения ещё в том смысле, что она не просто там просвещала, учила, там, каким-то начальным знаниям. Она пыталась саму науку, само научное знание продвигать в низовые человеческие организации. Науку. А, поэтому, в системе общества «Знание», в системе общества «Знание» всегда, в первую очередь, присутствовали, находились работали учё-ны-е. Учёные. Начиная с... тех, кто, на первых, в первые же годы возглавлял, как Николай Иванович Вавилов – это академик. Это всё выдающиеся учёные. Значит, выдающие... выдающиеся учёные взяли на себя миссию. Миссию продвижения, а не просто знания обыденного, так как бы. А научного знания. То есть, продвижение – системы научного знания. Научного знания – значит, устройства, там, Вселенной. Устройства мира. Устройства общества и государства. И так далее, и так далее, и так далее. Потом, ещё здесь очень важен такой момент, который связан с тем, что после, э... Октябрьской революции, э... церковь была отделена от государства. Следовательно, а, вместо религиозного сознания, стало внедряться... в буквальном смысле – везде и всюду, на всех уровнях, светское сознание. Не богословское, не религиозное – а именно светское. Потому что, до 17 года, мы с Вами знаем, что была система религиозного образования, религиозного. И были там духовные семинарии. Ну, вот, это, и потом и даже академии, и так далее. То есть, вот это вот разделение, разъедине... религиозного мировоззрения, религиозного сознания, отделение его от системы светского знания. То есть – уже научного познания. Вот это вот противопоставление, э, секулярности, и, значит, и сакральности. Сакральность – это святость. А секулярность – это, собственно, гражданские знания. Вот, отделение секулярности от сакральности – это очень серьёзный сам по себе шаг в развитии общества. И не только в нашей стране, но и во всём мире, собственно это произошло. И до сих пор, до сих пор происхо-

дит, хотя, всё ещё мы знаем, остались страны, где религиозное сознание прева-лирует над светским – если, допустим, обратиться к арабским странам. Там по за... закону шариата живут. Не по гражданскому кодексу, а по закону шариата. То есть мы ещё видим эти остаточные явления. А, поэтому Советская власть изначально, изначально она взяла курс на атеистическое, нерелигиозное обра-зование и просвещение. И, можно рассматривать это как некую трагедию, как некую такую драму общественную. Она действительно была, и была и как дра-ма, и для кого-то, и как трагедия. Но факт тот, что вот это вот гражданское про-светительство, вообще просвещение, и научное просвещение, прежде всего, оно обеспечивало индустриализацию. Это ж как можно развивать такую колоссаль-ную промышленность, а, которая возникла без научного знания? А наука дви-жет же прогрессом техническим. И этот технический прогресс – он не только в головах учёных, он потом переключается на конкретные технологии про-мышленного производства. А в этих конкретных технологиях присутствуют люди. Которые должны понимать, как им работать на тех или иных машинах, на станках, и так далее, и так далее. То есть, это опять же знания. Надо знать – что и как, как... Если мы не будем знать, как устроена машина, она не поедет. Поэтому, вот, начиная с самого высокого уровня, академического научного знания, до самых низов, где обычные... Обычные – ну, это такое тривиальное понятие. Все люди необычные. Ну... иногда можно пользоваться таким поня-тием, чтобы обозначать разницу. Так вот, эти обычные, так называемые, про-стые люди – они же всё больше и больше приобретали знания, чтобы овладе-вать техническим прогрессом. Чтобы двигать как раз, промышленное произ-водство. Но, усложнение самих специальностей, технических – следовательно, усложнение Знание об этом. И, соответственно, подготовка людей. Подготовка людей. Там, ремесленное училище – раз, потом техникум – два, потом высшее учебное заведение – три. А потом уже, вот – научная степень, да. Кандидаты, доктора наук и так далее. Это всё движение, это общественное движение, и движение самого знания. Вот. Восхождение самого знания на высокие уровни. Вот. С... с примитивных, с примитивных каких-то знаний. Или как вот мы, как философы, говорим – обыденное сознание. Обыденное – это вот, на уровне обыденной жизни. А чтобы жизнь понимать – надо обладать не только обыден-ным, но и научным сознанием. Поэтому вот, наука – это, собственно и обеспе-чивается, не только сама по себе, но в том числе и, э... вот этими вот низовыми звеньями существования человека. Человек, на каждом своём рабочем месте, так или иначе, накапливает знания. Ну и, потом, следующая задача – это дух коллективизма. Дух коллективизма, потому что люди коллективно, всё вместе, могут эффективно работать только тогда, когда они верят все вместе во что-то. Вот, сейчас... не сейчас, а в последнее время, там, развернулась новая дискус-сия – а существует ли в современном мире мифология. Ну, то есть, как-то, по традиции, считается, что мифология – это то время, когда... до нашей эры ещё. Да, античность. Античная история, античная мифология. А, мол, вот – наступи-ли новые времена, и мифология исчезла. Да нет, ничего подобного. Вот, мифо-логия существует параллельно... параллельно с современным научным знани-ем. А мифологичность – это, собственно, сознание самих людей. Ну, любой,

даже, любой, даже... научно не образованный человек – он, так или иначе, верит в какие-то мифы. Ну, возьмите, допустим, наши северные народности, э... Сибири и Красноярского края. Они до сих пор верят, а... в свои мифы. Они не являются, допустим, уже... даже христианами не являются. Не являются те... тем более, атеистами, но, допустим, верят в шаманизм, да? Вот. И, в настоящее время уже нет запрета на шаманизм. Пожалуйста – кто верит в шама... шаманизм – свои шаманские, вот... Мы знаем – эвенки, там, тунгусы, и прочее, прочее. То есть, вот это вот, вот это всё – движение. Советская власть была заинтересована в том, чтобы вот эти вот остаточные-религиозные явления уходили из жизни людей. А, чтобы люди всё в большем и в большем количестве, и в большей степени овладевали научным знанием. Вот с этой с целью-то и было создано общество «Знание». То есть, вот, как в девятнадцатом столетии, так называемые «народники» шли в народ, чтобы народ просвещать. Так и, собственно, в двадцатом веке, Советская власть, вот – организовала вот это общество «Знание», чтобы идти в народ.

Идти в народ, и нести, нести вот это, уже, современное, по тем временам – да и нынче, наверное – научное знание. Сила, сила – это огромная сила. Потому что вот, в эту просветительскую деятельность вовлекалось огромное количество, а, научно образованных людей. Э, которые ездили в самые, как говорится, глубинки, во все районы, во все уголки. Вплоть до, там, до какого-то сельского клуба – приезжал лектор, читал, значит, э... лекцию на... там, на ту или иную тему. Даже вот, обратите внимание – даже хотя и так, в юмористическом плане, но вот, вот этот фильм – «Новогодняя ночь», да? Там Филлипов, актёр выходит читать лекцию «Есть ли жизнь на Марсе?», да? (смеется) Нет ли жизни на Марсе. Это, это подано с юмором, но, на самом деле – это уловлена тенденция. Это тенденция – а есть ли жизнь на Марсе? А будут ли там яблони цвести? И так далее, и так далее. И людей это интересует. Людей интересует звёздное небо. Звёздное небо над головой. Как говорил немецкий философ Иммануил Кант – есть два чуда на свете, которые он признавал. «Первое чудо – это звёздное небо над головой. А второе чудо – это нравственный закон во мне». Вот два чуда, отмеченные выдающимся философом Кантом. Звёздное небо. Звёздное небо интересует всех. Звёздное небо интересует влюблённых людей. Там, «с неба звёздочку достану, и на память подарю» влюблённый поёт, да? То есть все – там, и Ломоносов, выдающийся учёный, говорил: «Открылась, э, бездна, звёзд полна. Звездам числа нет, бездне – дна». Вот это, вот это всё – движение. Это всё движение человеческой мысли. И общество «Знание» как раз было призвано к тому, чтобы вот эти вот, казалось бы, самые такие, глубокие знания – на первый взгляд, ненужные обычному человеку. Нет. Они нужны. Они нужны, потому что они просвещают людей. Раз людей просвещают, значит, людей объединяют. Люди начинают думать в одном направлении, очень целеустремлённо, рационально. Надо построить вот это, надо построить это. Чтобы построить это – надо знать вот это, вот это, вот... вот это. Вот. Я думаю, что, не без участия этого просветительства, наша страна первой вышла в космос. Потому что просветительство заразило наших людей именно интересом к космосу. То есть космическое пространство – овладевать космическим про-

странством – гениальная идея Циолковского, вот, выдающегося нашего учёного. И, поэтому м... весь мир был поражён – а как это так получилось, что у нас Советский Союз, советская страна – первой запустила сначала космический спутник связи, а потом и человека в космос. Это всё было связано с развитием науки и образования и просветительства. Вот, уже, вернёмся даже, к настоящему времени. Фактически, сейчас некоторые страны, э... пересматривают свою систему образования, и... наверное – в упрёк нам – обращаются снова к той системе образования, которая была в Советском Союзе. Потому что, когда, вот, был запущен первый, э, спутник, а потом – человек, в Соединённых Штатах Америки, первое, что они сделали – это пересмотрели систему образования, своего, американского. И они поняли, что они отстают в системе образования, по сравнению с Советским союзом. И внесли значительные коррективы, ну, в свою систему образования. Я думаю, что общество «Знание» тоже повлияло. Повлияло, вот, на общее это... научное знание, на желание людей много знать. Проникать везде и всюду, проникать во Вселенную. Овладеть Землёй. Что Земля, на самом деле, не на китах стоит, вот, а... (смеется) на чём-то, на чём-то другом. И так далее, вот. Поэтому, я думаю, что вот этот замысел – сам замысел советской страны, по созданию такой организации – он был оправдан. Он был оправдан. Это не случайность. Это не прихоть. Это была необходимость. Это была железная необходимость. «Железная» может быть, слово не очень удачное, но то, что необходимость, как реальность – безусловно. Надо иметь в виду, что, всё-таки, э, Россия до 17 года, была, м... малообразованной страной. А с малообразованным народом, опять, если возвращаться к вопросу о развитии промышленности – невозможно было. Надо было, надо было, вооружать знанием. Надо было просвещать. Вдохновлять, даже. Даже вдохновлять. Ну, к примеру, овладеть, там, новой техникой – и всё, и всё, там любовь – посмотрите-ка, одно время, в тридцатые годы, и вот сейчас, недавно, опять фильм «Чкалов» показывали, по... на одном из каналов центрального телевидения. Ну, какая тяга была, какая тяга была в небо. В небо. Всем хотелось в небо. Лётчики. Элита. Элита. Советская армия. Элита. Вот, лётчики, потом – моряки. Моряки. Понимаете?

Вот. Это, это же всё с... были звёзды, в отличие от нынешних шоу-звёзд. Это были реальные люди. Реальные люди. Были реальные подвиги, э, которые они совершали. И их вот эта у... необычайная устремлённость. Устремлённость в небо. В дали, в высоту. Устремлённость к новым знаниям. И так далее, и так далее. И соревновательность, которая возникала здесь, вот, на, на этом уровне. На уровне всё новых и новых знаний. Ведь, если посмотреть на школы советского времени, и на институты, и на техникумы – там постоянно была вот эта соревновательность в знаниях.

Конкурсы, прежде всего, были связаны со знанием. Насколько ты знаешь – не, не просто, как сейчас – угадай-ка. Там, предлагают тебе три варианта, вот, из трёх вариантов – угадай, какой? Нет, раньше была другая система. На основе знания, ты должен определить – что перед тобой. Какой тебе нужно дать ответ. То есть, в голове было такое, комплексное, универсальное знание.

И, вот это универсальное знание помогало найти ответ. А не просто угадай. Как в современном ЕГЭ, там, и так далее. Вот, я думаю, что, если говорить о роли в обществе «Знание», то оно сыграло колоссальную роль. Сыграло колоссальную роль именно в просветительстве. И в просветительстве не в каком-то пустяковом, обыденном. А именно в научном просветительстве. В научном... научно-передовое знание сразу двигалось, э, в массу трудящихся. Как оно, в советское время говорили – трудящихся.

Интервьюер: *Владимир Иванович, скажите, когда и как Вы узнали о существовании общества «Знание»?*

Замышляев Владимир Иванович: Ну, о существовании общества «Знание» я... узнал, конечно, раньше, ещё учась... в Ленинграде, в институте. Я закончил Ленинградский государственный институт культуры имени Крупской – так назывался. Вот. А непосредственно, с самим обществом «Знание», как с организацией, я... познакомился и столкнулся, м... уже приехав в Красноярск. И стал конкретно работать... все эх... в краевом управлении культуры, там разные должности занимал, и... когда я стал начальником отдела культурно-просветительной работы краевого управления культуры...

Интервьюер: *Это в каком году было?*

Замышляев Владимир Иванович: На... Это, значит, было, сейчас скажу... В тысяча, кхм, девятьсот шестьдесят пятом приехал... в 1971 году.

В 1971 году меня уже непосредственно привлекли к деятельности краевой организации общества «Знание». Я уже входил в состав правления, вот, меня избрали в состав правления. Значит, вот, и с той самой поры, собственно, я до сих пор... До сих пор состою в этом обществе. Хотя, вот, у него был перерыв. Как и во многих других организациях. Я состою в этой организации, и, на протяжении своей жизни, по в... критике читаю лекции.

Читаю лекции... сейчас я уже как преподаватель университета читаю лекции. А в те времена, я... просто как просветитель. Просветитель, и выступал, в разных местах, там, в клубах, в домах культуры, в библиотеках. Ну, в основном, моя... моя профессия связана с культурой. И, поэтому основная тематика моих выступлений была именно культурно-просветительная.

Интервьюер: *Скажите, а до вступления в общество «Знание», у Вас уже был опыт чтения лекций?*

Замышляев Владимир Иванович: Ну, пожалуй, пожалуй – нет, пожалуй, нет, конечно, хотя сама моя деятельность тоже носила характер просветительства. Я начинал в Красноярске свою деятельность как директор Красноярского краевого дома народного творчества. А народное творчество – это тоже форма просветительства. Это поддержка людей, которые занимаются народным творчеством. Это и объяснения им, что такое народное творчество, и как его нужно развивать. Это тоже, кстати, заслуга Советской власти огромная – поднять пласты народного творчества до государственного уровня. Ведь, опять же, до 17 года, в царской России вообще никто не занимался народным творчеством.

Это считалось там – крестьяне пляшут и поют, ну и пусть они пе... пляшут на, на... в своих деревнях, и так далее. А в советское время, это опять стало государственным делом.

Вот, это опять просветительство. Поддержка народного духа, народного творчества, народной традиционной культуры, и так далее. Поэтому... А потом уже, когда стал членом общества «Знание», и это, в правление даже вошёл – конечно, я уже как лектор общества «Знание» выступал.

Интервьюер: Скажите – вот ещё раз вернёмся к этой теме, – а на какие темы Вы читали лекции, в обществе «Знание»?

Замышляев Владимир Иванович: Я читал темы на, значит... На темы истории культуры. История культуры Красноярского края. История народного творчества. А потом, всё больше и больше, значит, я потом уже стал, кхм, читать, вот, допустим, как... В настоящее время, я, допустим, читаю лекции по современным международным отношениям. Э... Я читаю лекции, связанные с моей специальностью, которую я ввёл в университете. Это Public Relations – или связи с общественностью. Попросту – пиар.

Вот. И на, на эту тему. И с... по краеведению, допустим – история Красноярского края...

Интервьюер: Угу. Это в советское время тоже?

Замышляев Владимир Иванович: Да, в советское время, я читал, по истории Красноярского края, и по истории культуры, э, Красноярского края. Э, вот. И... связан я также с литературой.

В настоящее время, я являюсь председателем... Красноярского регионального отделения Союза писателей России.

Вот, мы здесь сейчас собираемся, в Доме искусств.

Вот. Сейчас вот это я уже вз... в связи с этим, я иногда выступаю с темами о состоянии нашей красноярской литературы, о истории книгоиздательского дела. Я был директором красноярского книжного издательства, пять лет, в советское время.

Выпускал книги, в том числе и по линии общества «Знание». Тогда...

Интервьюер: Вот кстати, какие были взаимоотношения общества «Знание» с организациями, в которых Вы работали?

Замышляев Владимир Иванович: Ну, ну тогда... А от... отношение были самые добрые. Вы знаете – отношения действительно были такие, товарищеские.

Очень добрые, товарищеские отношения. Мы там, все друг с другом как-то хорошо общались, вот. Вот, был такой Пётр Николаевич Мешалкин...

Очень крупный историк. Э, вот. Э, мы с ним... Василий Васильевич Гришаев – тоже известный у нас, в Красноярске, историк. Ну, вот и Рогачёв, и... и многие, многие другие, с которыми мы просто общаемся, как друзья. Что мы все друг друга давным-давно знаем, поддерживаем друг друга, занимаемся

именно общей просветительской деятельностью. Вот, в рамках общества «Знание». Поэтому здесь ещё такая товарищеская солидарность присутствует.

Интервьюер: Скажите, а как Вы определяли темы своих лекций?

Замышляев Владимир Иванович: Что?

Интервьюер: Как Вы определяли темы своих лекций в обществе «Знание»?

Замышляев Владимир Иванович: Тематика лекций связана, прежде всего, с профессиональной деятельностью. Вот то, что человек ведёт в этой жизни – то он хорошо знает.

А, раз хорошо знает – может хорошо и рассказать. Об этом. Поэтому, это обязательно, вот, уровень профессионализма и профессии, определяет, собственно, твою лекторскую деятельность. Вот. К тебе относятся именно как к профессионалу, как к специалисту.

Тот, кто специалист в области физики – он и читает лекции по... по фи... направлению – физика, химия, там, математика, и так далее, и так далее. А я – человек, непосредственно был связан с культурно-просветительской работой. Как говорится – тут мне сам бог велел...

Заниматься просветительством. Вот. Поэтому, вот, это профессия – профессия определяет тематику твоей лекторской деятельности. Я в... каком же теперь уже году-то... Я... стал победителем конку... Ну, это Вам, Вас сейчас уже не интересует, это новый период, Вы пишете о советском периоде.

Я стал лауреатом... Всероссийского конкурса на звание «Лучший лектор». Вот. Это уже в наше время. Но звание есть – а работы такой уже нет. Как... как в те времена.

Интервьюер: Скажите, а в советское время Вы с кем-либо согласовывали темы своих лекций или тексты выступлений?

Замышляев Владимир Иванович: Нет. Особо каких-то согласований не было. Просто была, опять же, тяга к Знанием. Тяга к знаниям. И на тот период, вот, на том уровне знаний, которые здесь возникали и присутствовали – они, они проводились до любой аудитории. Ни учебной, ни студенческой – а до самой обыкновенной человеческой аудитории. Вот. Чтобы какой-то такой особый контроль, что, допустим, там меня никто не рецензировал. А, это было на доверии.

Допустим, я, я заявляю тему своего выступления. В обществе «Знание» эту тему принимают, дают, допустим, мне путёвку-направление. Я, там, еду и читаю, я читаю лекцию.

Или иду в городе Красноярске в какую-то организацию – в любую. В бытовую, там, заводскую – какую, какую угодно. В общежитие, где проживают рабочие. Всё абсолютно. Уж вот, когда сейчас сегодня пишут – там какой-то идеологический, вот, контроль... Он, естественно, был, этого и не может не быть. В любом государстве. Не... никогда не надо верить в то враньё, что нет идеологии. Идеология во все времена была. И она, она обязана быть. Если су-

ществует государство – должна быть идеология. Вот, когда государства исчезнут – тогда, может быть, исчезнет идеология. Появится что-то другое. А идеология всегда была. Но, дело в том, что вся идеология советского времени – она совпадала мировоззренчески, э... с тем, что у нас было в головах, на то время. Как мы были воспитаны. Как мы были подготовлены. Мы же заканчивали советские школы. Потом, советские вузы. Поэтому, в мировоззренческом плане, мы не противостояли друг другу. Государство и я – мы были в общей обойме.

Я, допустим, разделял убеждения, что мы строим такое вот, передовое социалистическое, коммунистическое общество, и так далее, и так далее. Ведь, по сути, вот, великие и гениальные идеи – они никогда из мира людей не исчезают. Они могут трансформироваться, на время какое-то отодвигаться. Вот, допустим, ну – вечная идея – идея социальной справедливости. Её никто никогда не уберёт. Она была, она остаётся. Разделение среди людей, там, на бедных и богатых, и так далее, и так далее. Справедливо, не справедливо распределяются националь... национальные богатства. Это же идея социальной справедливости. Это вечная идея. И люди всё время движутся вот в этом направлении. Как так обустроить жизнь, чтобы наиболее правильно социально распределять блага?

Э... Поэтому коммунизм-то преследовал именно вот эту идею. Идею наибольшей социальной справедливости. Как можно было с этим не соглашаться? Формы могут быть, формы разные. Может быть, не совсем удачно, ну, советское общество прошло свой путь. Но вот Китай, допустим. Он же не отказывается от этих идей.

А сейчас выходит на самые передовые позиции. В мире. Уже теснит Соединённые Штаты Америки. Вот. Э, своими успехами. Они не... Но они не отвергают эту идею.

Эти, значит... Социализм с китайским лицом. Да. А вот, основа-то всё та же – социальная справедливость.

Э, труд... платить по труду. Платить... не воровать. Э, э. Не обманывать. Это всё веч... вечные идеи. Формы меняются, а вот эта человеческая суть – жить... А у русских это особенно: жить не по з... не столько по закону, сколько по правде.

Это вообще особая ментальность русского народа жить по правде. Закон – законом, а правда-то говорит о другом. Понимаете, как? Вот, поэтому, вот, я думаю, что у нас совпадало, вот, наши... Наши настроения и наши эмоции, и если мы какой-то праздник проводили, то это – это всё было очень искренне. Это было весело. Это было с песнями. Там, с плясками. И так далее, и так далее. Это всё было жизнерадостно.

Интервьюер: Ну, в этой связи тогда возникает вопрос, скажите, на Ваш взгляд, как складывались отношения у общества «Знание» с КПСС?

Замышляев Владимир Иванович: Об... Отношения общества «Знание» с КПСС были непосредственные. Член общества «Знание» – не обязательно член партии. Совсем не обязательно. Такого посыла, такого требования и вообще не существовало. Но, я повторяю, что эта социальная солидарность индивида, лектора, так скажем, с теми колоссальными задачами, которые решает го-

сударство – эта солидарность была. И, поэтому, здесь возникали такие взаимные – взаимные обязательства. Ну, и взаимные требования. И требования сводились только к одному – а вы... читать лекции на очень высоком уровне.

На высоком научном просветительском уровне. Вот здесь задача общая. Общественное – не обязательно партийное.

Интервьюер: Скажите как раз, а как эта задача достигалась? Как обеспечивалась научность и качество выступлений лектора?

Замышляев Владимир Иванович: Ну, научность, как Вы понимаете, связана, прежде всего, с уровнем подготовки самого лектора. Естественно, всякий лектор имел образование, высшее. Как правило. Как правило. Потому что лектор с каким-то средним, специальным – не... не выходил на открытые аудитории. Ну, в открытую аудиторию выходит человек с высоким уровнем образования. Поэтому – это первый посыл – быть высокообразованным человеком. Второй посыл – ну, помимо своего профессионального Знание, надо расширять горизонт этих знаний. Интересоваться развитием науки в целом. Допустим, вот, я – гуманитарий, но меня интересуют естественнонаучные какие-то концепции. Вот, допустим – как устроена Вселенная? Вроде, я, как гуманитарий, и, и... вроде мне это не надо. А, вместе с тем, я не могу не интересоваться. Потому что я – просветитель, и человек с высшим образованием. Поэтому меня интересуют и научно-технические Знание, научно-технический прогресс. Что и как развивается. Поэтому, качество – качество любой лекции – это... уровень твоей подготовки. Уровень твоей профессиональной подготовки. И кругозор.

Кругозор. Твоё мировоззрение. Как ты мыслишь – от ларька до нашей... бакалеи, как пел Высоцкий? Или, всё-таки (смеется) гораздо шире?

Интервьюер: Ну, а в обществе «Знание», как вот... собственно говоря, эти принципы-то реализовывались? Через какие механизмы? Как происходил отбор, там, я не знаю, оценка?

Замышляев Владимир Иванович: Ну, во-первых, надо сказать, что само общество «Знание» - оно ведь имело ещё и систему... проведения всяких научных конференций. Семинаров, там, круглых столов. И вообще, каких-то вот таких взаимных обсуждений. Даже... даже сами заседания, допустим, президиума или правления общества «Знание» - по сути, это всегда... некая... некая мини-конференция. Потому что всегда обсуждается знание. Как знание пропагандируется, как знание преподносится. Какой уровень, какое качество, и так далее, и так далее. Это сама уже... сама по себе форма – если когда люди разговаривают между собой, друг с другом – то это уже уровень Знание. И, когда собираются профессионалы, люди своего круга...

То они уже друг друга в этом плане поддерживают и корректируют. Э, поэтому – качество, опять повторяю – это уровень твоего образования. Это широта твоего мировоззрения. Это незашоренность на какие-то узкие такие знания. Знание нужно всегда расширять, и делать их общеуниверсальными.

Интервьюер: Скажите, как в обществе «Знание» проходила аттестация лекторских кадров? Вы проходили такую аттестацию или сами участвовали в ней?

Замышляев Владимир Иванович: Ну, какой-то такой особой аттестации я, вроде как бы и не помню. Вот, как-то не помню, чтобы какая-то была специальная аттестация. А, больше было на доверии. Больше, на... было на доверии и на знании – кто перед тобой. Кто перед тобой.

Интервьюер: Вы часто выступали рецензентом, э... других лекций, других лекторов?

Замышляев Владимир Иванович: Да нет, я бы... я бы не сказал. Я бы не сказал, я никаких особых рецензий на лекции не писал, но иногда моё мнение спрашивали. Допустим – а как Вы, Владимир Иванович, считаете, вот...

И тогда я высказываю своё мнение. По тому или иному лектору. Если, особенно я его, там, слушал, слышал.

То есть всегда происходит профессиональный обмен мнениями. И на доверии – откуда этот человек, кто он – кандидат наук, там, доктор наук, ну... вот это очень важный такой момент был.

Интервьюер: Скажите, а как часто Вы читали свои лекции в обществе «Знание»?

Замышляев Владимир Иванович: Да я бы не сказал, что часто. Такой обязанности не было, но, по крайней мере, вот, в советское время – каждый месяц обязательно где-то ты выступаешь. Вот. Где-то каждый месяц. Вот. А такой обязаловки-то не существовало.

Тем более, это делалось всё по запросам населения. Низовые же организации. Не только головная, краевая организация – в каждом районе было отделение общества «Знание». И они – они оформляли заявки, э, присылали сюда, в головную организацию. Тогда головная организация обращалась к конкретным лекторам – давай-ка, дорогой, вот, съезди в Козульку, да? Вот. Там интересуются – как устроена Вселенная. Вот, поэтому это очень такая была простая, но надёжная, эффективная с... система связи.

Вот, Советская власть ведь чем была, отличается, э... системой, э... централизма. Вот, сверху донизу по вертикали. И вот эта вот вертикаль и в обществе «Знание» тоже существовала. Вот есть, допустим, всероссийская организация, а есть там, региональная, краевая. Есть низовые, там, районные. И вот эта вот вертикаль связи – она всегда существовала. Вот, и поэтому, могли затребовать лектора и из Москвы, и там, из Ленинграда, и откуда хочешь. Могли затребовать. По заявкам. По заявкам. Но мог приехать и прекрасно выступить, и работать.

Интервьюер: Вот лично Вы, где и кому Вы читали свои лекции? Кому Вам больше всего нравилось их читать?

Замышляев Владимир Иванович: Ну, я, конечно, во... во многих рай... Я как-то не фиксировал, конкретно, дату, там, время. Но, то, что я во многих, во

многих районах Красноярского края, э... И ездил выступал. И, как говорится, от Шушенского до Норильска.

Вот. Мне край очень хорошо известен. Хорошо знаком. Особенно, перед работниками культуры – я сам профессиональный работник культуры, перед работниками культуры я выступал во многих районах края. На семинарах, вот.

Работников культуры. На... здесь... на... ну, вот, есть институт, повышения квалификации, э, в Красноярске, институт повышения квалификации работников культуры. Я там тоже выступал.

Вот, выступал, там, в учебных заведениях – допустим, Минусинское культпросветучилище, вот, и так далее. Поэтому, собственно, мно... много приходилось выступать.

Интервьюер: *Скажите, Вы достаточно много выступали, в различных формах участвовали в работе общества «Знание», а за свой труд Вы получали... материальное вознаграждение?*

Замышляев Владимир Иванович: Значит, э, была система оплаты лекций. Если мне выписывали путёвку, в головной организации общества «Знание», я поехал в какой-то, значит, район. Это, я получал, э... соответствующий, по тем временам, гонорар за чтение лекции. И поездка оплачивалась – так называемые командировочные. Вот, всё оплачивалось. Допустим, вот, писатели – я, вот, сегодня в... в роли, в роли, э, писательской организации, как руководитель. Сейчас, к сожалению, этого нет. А вот, в те времена – писатель мог оформить путёвку в обществе «Знание» и поехать в район рассказывать о литературе, о своём творчестве, знакомить с произведениями литературы новыми, и так далее. То есть, это была, в общем не... не очень уж, скажем так, высокооплачиваемая работа, но то, что она вознаграждалась – это правда. Это правда. Лекции были платные. Лекции были платные.

Интервьюер: *Скажите, а что произошло с обществом «Знание» в конце восьмидесятых – начале девяностых годов?*

Замышляев Владимир Иванович: Я думаю, что вот этот сам перестроенный процесс, м... который начался в девяностые... в восемьдесят... девяностые годы, он, собственно, стал разрушать всю советскую систему. Разрушать всю советскую систему, в том числе и систему просветительства. А, когда... началась, э... ошеломляющая, так скажем, критика, э... всего советского периода, всей советской жизни – что всё было плохо в те времена. Вот. Что не нужны никому уже эти лекторы. Которые раньше читали лекции. И что сейчас, э... достаточно современных средств массовой информации, которые дают людям разнообразную информацию. Я считаю – это заблуждение. Это, считаю, заблуждение. Вот, хотя кажется, что люди, там, все смотрят телевидение, хм-кхм, пользуются интернетом, хм-кхм, вроде как никому не надо – все всё знают. Это полнейшее заблуждение.

Полнейшее заблуждение, об этом ещё античные философы знали. То, что человек знает на поверхности – это незнание. Вот, это кажимость, что он знает. А лектор – он всегда любую тему раскрывает глубоко. Пользуясь научными

обоснованиями и опытом своей жизни. И опытом жизни других людей, примеров, и так далее. А вот это вот поверхностное мелькание информации... Сегодня говорят – переизбыток информации. Да, переизбыток. А какой информации-то? Очень пустой... необязательной. Вот, все там сами себе сообщают, так называемые СМС-ки бросают друг другу, и так далее. Между прочим, э... так называемое эпистолярное наследство... сегодня это нет такого – когда люди друг другу писали письма.

Вот. Ну... я, я, не... не отношусь к числу таких людей, которые всё осуждают. Абсолютно нет. Я как раз даже из числа тех, кто поддерживает всё новое, что возникает. Интернет – замечательная... система связи, великолепная сегодня. Вон, телефон - взял, позвонил, да... нажал кнопочки, открыл, нашёл. Но, а... ав... и при... и при всём-то том убеждаемся, что... вроде человек знает – и, в то же время, он ничего не знает. У него нет глубоких знаний. От... о любом предмете. Всё это очень поверхностно – поэтому, это кажимость, кажимость знания. Это подмена. Это подмена знания. Вот это... вот этими вот поверхностными мельканиями всяких лайков, как сегодня говорят там. И прочее, и прочее. Вот, очень много спекулятивной информации. Ложной информации. Вот. Это сегодня – система, по сути, информационной войны. И вот, советский период, такой, к сожалению, вот, закончился трагически... Да это всё вместе трагически закончилось, ведь не случайно Путин назвал это катастрофой. Распад Советского Союза – это катастрофа мирового масштаба. На самом деле, тут настолько... крепко мир был завязан, на Советский Союз – и вдруг вот эта скрепляющая – она выпала. Развалилась. И мир стал, естественно, шататься, и шатается до сих пор. Вот. Поэтому... Если бы – если бы своевременно, своевременно – в том числе, просветительство, вносило бы какие-то коррективы в систему своего Знание, говорило бы людям правду, что вот это – получилось, вот это – не получилось. И вот с этим надо подождать, и так далее, и так далее. Наверное, бы, несколько по-иному люди относились. А так, когда вот эту всю чернуху – иначе её нельзя назвать, бросили на головы людей – и люди заколебались. Ну, как это так? Мы до сих пор верили, что мы строим коммунизм – а оказывается, это сплошной обман.

Интервьюер: А общество «Знание» в таком... вброде участвовало?

Замышляев Владимир Иванович: Ну, я думаю, что тоже, тоже. Ведь появились какие-то и лекторы, э, которые, по сути, изменили сами себе, и начали тоже участвовать в этой общей чернухе. И рассказывать, что всё это обман. Понимаете, ведь вот – что с людьми происходит? Э... историческое, если говорить, вот, Вы, как историк, э... Или готовитесь стать историком... э, значит, что такое – история? История – это... вал... девятый вал событий. Девятый вал событий. И, в этом девятом вале событий, участвует огромное количество людей. И миллионы людей. И, по сути, уже миллиарды... людей земного шара. Осознают они или не осознают, что они находятся в историческом времени. Потому что, обычный человек – он не думает, что он исторически живёт. Живёт обычно, день прошёл – и слава богу. Вот. А поэтому... Все люди, когда речь начинается идти о каких-то событиях, о их интерпретации – вот тут появляются разные

точки зрения. И происходит столкновение этих точек зрения. И возникает даже борьба, и она, борьба – жестокая. На том, что люди не сходятся в оценке какого-то события. Ну, смотрите, вот, допустим, Пётр I, да. Великий русский царь, император. Сделал много, много, много чего для России. Но, помимо того, что он много-много сделал – он же много погубил людей. Значит, как к Петру I относиться? Только хвалить? Да нет. Только ругать? Тоже, вроде, нет. Вот так же, так же, как сегодня со Сталиным – никак не могут справиться с этой личностью. А надо смотреть объективно, исходя из чего... Сталин делал то-то, то-то, то-то. Исходя из чего? Исходя из определённых обстоятельств. И эти обстоятельства надо знать. На каком периоде что возникло, почему именно так вот сделали. Не оправдывать. Не оправдывать. Оправдывать никого нельзя. В истории. Объяснить надо. Объяснить надо, с единственной целью – чтобы в людях было поменьше агрессивности. Поменьше агрессии. Поменьше ненависти друг к другу. А побольше как раз желания понимать друг друга. Почему это происходило. Или почему ты... Ведь и сегодня же многое происходит, о чём, чего люди понять не могут. В нём люди не могут – почему это происходит? Понимаете? И вот, поэтому, допустим, там... Россия ввела свои войска в Сирию... С одной стороны – понятно, да, попросили помочь, ввели... А ведь неизвестно чем это ещё закончится. Ещё неизвестно.

И как люди потом будут интерпретировать вот это вот решение российского нынешнего правительства, о вводе войск в Сирию. Это неоднозначное.

Вот, в чём вопрос. Понимать, понимать саму историю – почему в ней работают такие механизмы. Почему не идеально всё происходит. Люди-то всё время мечтают об идеальном.

Вот. А не получается. Значит, как говорится в... э... Мы предполагаем, а бог располагает. Известная поговорка. Да?

Не всё так происходит, как нам бы хотелось в истории. Даже если вот лично каждый к сам себе обратись – как ты себе представлял, допустим, будущее тогда, когда ты был молодым – и что с тобой случилось, когда ты стал старым.

А когда это не совпадает – это далеко не всё совпадает.

Поэтому бывает раскаяние. Вот. И, может быть, даже какие-то обиды. И, в том числе, на самого себя, что не всё сумел сделать. Так, как хотелось бы. Поэтому, я призываю к одному-единственному: к пониманию.

Интервьюер: *Спасибо.*

Замышляев Владимир Иванович: К пониманию.

Интервьюер: *Несколько личных вопросов, потому что это очень важно тоже для исследований. Расскажите немного о себе – где и когда Вы родились, кто Ваши родители.*

Замышляев Владимир Иванович: Родился я... 31 июля 1938 года в городе Петрозаводске. Это республика Карелия, как она сейчас называется. Тогда – Карело-Финская Автономная Республика. Вот, для меня это зна... тоже в какой-то степени, загадка. Почему? Потому что все мои, как говорится, предки –

они из Сусанинского района Костромской области. А как мои родители оказались в Петрозаводске? Я там родился. Значит, они с Сусанинского района Костромской области уехали в Петрозаводск. Вот когда говорят, что было крепостное право, ну, крестьяне не могли никуда уехать – а куда уехали мои родители, они же крестьяне? И весь род крестьянский.

Потому что там строился, осваивался, м... Петрозаводский деревообрабатывающий комбинат. И была, и, как я понимаю, вот, сейчас вот говорят об индустриализации. Логика же очень простая. Новые предприятия, новые заводы, фабрики, и так далее. А где взять работающих? А Россия была, в основном, крестьянская страна. Естественно, вербовка людей на эти предприятия из крестьян. У нас ведь, до... в стране, вообще, до 60-70 года, преобладающая численность населения была сельская. Только после 60 годов начинается, вот, перевал.

В сторону людей, рождённых в городе. Поэтому, вот родился – родился там. А начинается... Сначала финская война, а потом – Великая Отечественная война. Массовая, э, как говорится, эвакуация, детей, семей. Особенно, вот, детей. Отец ушёл на фронт. Мать вынуждена была эвакуироваться. Вот, во время эвакуации, умерла моя сестрёнка, которая была год... на год старше меня. Потому что при таких вот массовых эвакуациях возникают всякие эпидемии. Особенно среди детей. И вот, результат такой эпидемии – она... она умерла. И я с мамой приехал к своим предкам в Сусанинский район, э, Костромской области. Детство моё прошло в местах Ивана Сусанина.

Вот, там, где Иван Сусанин погиб, поляков увёл в леса, в болота. Вот. Потом я закончил Сусанинскую среднюю школу, потом служил в армии. В армии служил, город Луга. Ленинградская область, и... «Есть на свете город Луга, Петербургского округа, хуже бы не было сего, городишки на примете, если бы не было на свете, Новоржева моего». Это стихи Пушкина. Александр Сергеевич Пушкин через Лугу проезжал в Михайловское. И вот, находясь там, в этом, в этой воинской части Луга, м... У нас, э, были экскурсии в Ленинград. Вот, там, на электричке, из города Луги, мы ездили в Ленинград на... на экскурсии солдаты, в вы... в выходные дни. Ну, естественно, когда я попал в этот город, который меня ошеломил. Вот. Что же, я деревенский парнишка. Сусанинский район. И вдруг – город-громада, с такими памятниками. Вот. Короче говоря, я... У меня возникло желание – надо мне поступить, наверное, в Ленинград. Вот.

И вот, в Ленинграде я поступил в Ленинградский государственный институт культуры имени Крупской. Я решил выбрать для себя специальность – библиография. Я библиограф высшей квалификации, по диплому. Почему я выбрал это?

Потому что меня интересовали книги, вот, с детства. Вот, книги меня интересовали с детства. И, когда я почитал, и там увидел, значит, программу подготовки. Там история книги, там история книгоиздания – в общем, всё-всё-всё, что связано с книгами. С писателями, с литературой, и так далее, и так далее. Меня это заинтересовало, я поступил. И закончил, значит...

Ну, во время... обучения был студентом... студенческого строительного отряда. Ездил в Казахстан, на целину. Мы там строили, значит, э... загоны для овец. Там же, в Казахстане, овец-то пасут круглый год, в степи. Ну, а вот, в особенно сильные морозы – там их загоняют вот в эти огромные вот в эти отары, которые мы строили. Э... значит, вот. Поэтому, это тоже интересная страница. Я считаю – не зря я поехал в этот... на эту целину, в Казахстан, побывал там, и всё прочее.

Потом, значит, у меня произошёл совершенно неожиданный поворот, для, ну, моей жизни. Э... когда я приехал в Красноярск, я пошёл на беседу к начальнику краевого управления культуры. Удивительно умная, прекрасная женщина, Мария Андреевна Сидорова, была тогда начальником. Она побеседовала со мной полчаса и говорит: «Владимир Иванович, я назначаю Вас директором краевого дома народного творчества».

Для меня это было совершенно ошеломительно. Никаким народным творчеством я не занимался. И у меня и специальность совершенно другая. По... по диплому. Но, дело в том, что я проявил себя как творческий человек. Вот.

Ну, я уже немножко публиковался. Уже стихи писал и публиковал. Вот, и когда в армии служил, там. И, в институте, значит, меня уже всё, посчитали, у нас... свой поэт есть, в институте. Вот, потом я начал писать сценарии... не сценарии, а тексты к... к видеофильмам. Вот. То есть, вот это вот... Обо мне пошёл слух, что вот есть вот такой... (смеется) студент. Творческий, интересный. И, Мария Андреевна, видимо, поверила в какие-то мои творческие зары... за... зачатки. И, в общем, назначила. Ну, я согласился. Я рискнул, я согласился. Я не, не с... не жалею.

Я считаю – это большая удача в моей судьбе, что я стал руководить этой организацией. Вот.

Народное творчество, потом... моя душа-то крестьянская. Вот. Глубинная. И, когда я со всем этим столкнулся, оказывается, это очень, собственно... моим настроениям-то соответствует. Всё равно. Ну, вот. Крестьянская жизнь, крестьянские песни, обряды, и прочее, и прочее. Это всё как бы, душевное, духовное, здесь совпало. Поэтому я не раскаивался, а начал работать.

И работал я успешно. Это не хвалясь, потому что через три года краевой дом народного творчества получил диплом – «Лучший дом народного творчества РСФСР». Через три года. Моей работы.

Вот, с этого потом всё пошло. Меня начали потом продвигать, э, по должностям всё выше, выше. Советская система-то какая? Номенклатура. На одной должности себя хорошо показал – давай, тебя двигать надо дальше.

Ну вот, всё. После этого начальником отдела культурно-просветительной работы, уже самого краевого управления культуры. Я уже стал управлять вообще всей системой культурно-просветительской работы, как начальник отдела. Вот. Вот, в общем, здесь и пошло, пошло, пошло. И так вот...

И... потом, значит, я... м... работал ещё заведующим культурно-массовым отделом краевого совета профсоюзов. Это ещё более крупный отдел,

в сравнении с краевым управлением культуры. Вот. Оттуда меня вдруг забрали в крайком партии.

Вызвали, и говорят, как, такая поговорка была – «Есть мнение». «Есть мнение, вот, вас забрать в аппарат крайкома партии». Я говорю: «Что вы мне предлагаете?» - «Мы вот сейчас создаём отдел культуры крайкома КПСС» На самом деле, вот это – 1975 год.

До этого отдела культуры в крайкоме партии не было вообще.

И я обрадовался, уже чисто профессионально обрадовался – «А! Отдел культуры! В крайкоме партии! Так это же моя душа. Так это же можно помогать-помогать-помогать учреждениям культуры, которые... я уже систему эту культуры уже всю знаю. Знаю, в чём она нуждается». А так как КПСС – руководящая и направляющая, то её надо всемерно использовать. (смеется)

Как руководящую и направляющую. Вот, для развития культуры. И, собственно, я вот, попал в аппарат. Я работал инструктором отдела культуры. И...н... начался, вот, разворот. Вот, всё то, что сейчас в Красноярске есть – крупные объекты культуры, они все тогда начались. Вот. И наш отдел культуры очень сильно влиял. Гуськов Борис Васильевич возглавлял этот отдел. Потом меня судьба так повернула, что мне дали ответственное поручение. И, значит, э, направили – «Давай-ка, там вот, очень плохо обстоят дела, с книжным издательством. И мы тебя... Ты пишущий человек, ты сам уже там литератор, ты любишь писателей. А давай-ка мы тебя назначим директором Красноярского книжного издательства». Там действительно был затяжной конфликт. Директор много-много лет болел, у него там инсульт был, и так далее, и так далее. Там конфликт между писателями и издателями возник. Они говорят: «Вот тебе партийное поручение – пойти туда и ликвидировать все противоречия. Наладить и организовать работу». Удалось. Удалось, наладил. Получил переходящее Красное Знамя Госкомиздата РСФСР за работу. Три с половиной миллиона книг ежегодно выпускали.

Потом меня после этой успешной работы в издательстве – именно по квоте... По квоте Госкомиздата РСФСР меня... Мне рекомендуют... Дают такое право – поступить в Академию общественных наук. Ещё открывается новый горизонт – Академия. Наука. Вот. И я говорю: «Хорошо». И я сдаю вступительный экзамен – экзамены были вступительные. Вот. И я поступаю. И я выбираю кафедру философии. Вот. Желающих на кафедру философии было не так много. Когда со мной там беседовали, говорят: «Владимир Иванович, а что ты так... Мы некоторых уговариваем на кафедру философии – а ты сам, добровольно идёшь?» Я говорю: «Я исхожу из очень простого понятия. Если я получу философскую подготовку – всё остальное мне уже не страшно».

Вот так я проучился в очной аспирантуре, в Москве, три года, защитился на кандидата философских наук. Вот. И, приехал в Красноярск – опять новое назначение.

Я стал заведующим кафедрой философии в Красноярском государственном институте искусств, который тоже открывался с моим участием, когда я в крайкоме работал.

То есть у меня всё связано, всё-всё связано, такой вот... Ну вот, а потом, значит, я поработал заведующим, значит, кафедрой философии – мне опять предложили в крайкоме партии: «А мы тебе предлагаем стать заведующим отделом культуры крайкома партии». Это ещё выше. Вот. Я был инструктором, поработал в других местах, закончил Академию – говорят: «Давай! Это ты для чего учился-то? Давай, вот, возглавляй отдел культуры». Ну что, я и отдел культуры возглавил. Вот, понимаете? И так, в общем, дело дошло до того, что в 91 году... В 91 году... меня избирают (вздых) секретарём крайкома партии по идеологии. Но наступают очень сложные времена. Очень сложные. Страна начинает бурлить. Вот. Много чего в ней начинает происходить. Появляются даже новые партии, наряду с КПСС. Отменяют шестую статью в Конституции о руководящей роли КПСС. В общем, всё-всё начинает кувыркаться. А потом, в августе 91 года – переворот. И мы все лишаемся работы. Хорошо, что нас не посадили.

Вот. (смеется) Не арестовали. Не посадили. Значит, вот, я ли... я, как и все другие, лишаясь работы. И меня подхватывает завод-втуз. Завод-втуз, э, Институт космической техники, как он вскоре стал называться. Институт космической техники, вот, на правом берегу – знаете, да, наверное? Вот. Всё, ректор меня тащит, сразу: «Давай, давай, Владимир Иванович, к нам, давай!» Я уже с ними начал сотрудничать, уже там, в научных конференциях участвовал. И так далее. И меня уже знали. «Давай к нам». Вот, я к ним и... Значит, э... новая работа. Говорят: «Давай, организуй гуманитарный факультет». Начало для организации гуманитарного факультета там уже сделано было, до этого, за полтора года. Но 91 год всё опрокинул. И все гуманитарные дисциплины прежние полетели. Все. И кафедры. То есть надо было организовывать, уже в новых условиях, гуманитарный факультет. И я его создал. С 91 по 2003 – был деканом гуманитарного факультета. Открыл кафедры. Открыл специальность. Открыл диссертационный совет по философским наукам. Я был учёным секретарём девять лет подряд.

И уч... И каде... И, кстати, диссертационный совет по философии у нас открыли только потому, что у нас был гуманитарный факультет. На тот период в Красноярске нигде не было, ни в каких других вузах – не было диссертационного совета по философии. Не было. Классический наш Красноярский университет удивился: «Да как вам так, вы – технический университет, и открыли диссертационный совет по философии?» Мы говорим: «Ребята, надо уметь». Надо уметь. У... нам удалось. Мы пробили это в Москве, там тоже сомневались – а может ли вообще технический университет организовать и вести такой совет по философии. Ну, говорят: «Сможем! Всё сможем!» Набрали состав. К сожалению, к сожалению, судьба... на... нашего диссертационного совета, м... закончилась тем, что, когда создали Сибирский федеральный университет, то там, по статусу, должен быть диссертационный совет по философии. По статусу. И начали решать: «А, двух советов в Красноярске быть не может, по философии. Будет один». И приняли решение. Наш совет закрыли – там открыли. И вот, сейчас там существует совет по философии, в федеральном университете, а у нас – нет. Хотя некоторые наши... философы там состоят. Уже в том учёном

совете. Я там... И там не только по философии, там же за... возник ещё диссертационный совет по культурологии. Я там уже выступал оппонентом, на защитах.

Вот, в этом я специалист, по культурологии. Вот. Поэтому, вся моя деятельность – с... связана... Поэтому, вот я в настоящее время... Потом, я в 2003 году, я уже... по возрасту... и понял, что я уже всё сделал, немножко устал. Думаю, я с админстр... с административными обязанностями развяжусь – и буду свободным профессором. Вот, чем я и в настоящее время и пребываю. Свободный профессором. Университета, который тоже уже имеет другое название. Потому что соединился с технологическим университетом. Вот, два университета, теперь он у нас так называется – Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика Михаила Фёдоровича Решетнёва. Я профессор этого университета. Заслуженный работник культуры. Почётный работник высшего профессионального образования. Лауреат всероссийского конкурса на лучшую научную книгу. Лауреат всероссийского конкурса общества «Знание». Лауреат губернаторской премии. Лауреат премии главы города Красноярска, и прочее, и прочее, и прочее. (смеется) Так что вот.

Интервьюер: Спасибо.

Замышляев Владимир Иванович: Такая вот судьба.

Стенограмма сверена с аудиозаписью 10.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Ляшенко Юрием Алексеевичем,
лектором общества «Знание» с 1973 года, членом Общероссийской
общественно-государственной просветительской организации
«РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
Моя запись 7.wav (31:16)

Дата и время проведения интервью: 09.02.2019 г., 11:45-12:18 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Ляшенко Юрий Алексеевич

Стенографирование аудиозаписи: Шумилин Роман Александрович

Интервьюер: *Здравствуйте, Юрий Алексеевич!*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Здравствуйте.

Интервьюер: *(произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)*

Ляшенко Юрий Алексеевич: А у кого Вы уже брали интервью?

Интервьюер: У Лукиной Антонида Константиновны, э... Замышляева, Куимова, ... Овчинникова, Севастьянова... Андрияшева...

Ляшенко Юрий Алексеевич: Андрияшев – живет. А где живет, в Красноярске?

Интервьюер: *Нет, сейчас уехал на юг края. Живет в основном под Минусинском.*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Андрияшев и Андреев – это лекторы лекторской группы крайкома, сидели в одном кабинете. Были и другие лекторы, но я взаимодействовал с этими. Они потом мне разрешили в их присутствии читать Красный атлас и телетайпы, которые приходили только в крайком.

В Красном атласе была сборка, выжимки из иностранной прессы.

Голубой атлас – его выписывали все общества «Знание». Ну, это такая книжечка. Вот такая, примерно. Страниц на 60-70. Ну, там ТАССовский... ТАССовские выпуски были. Вот. Ну, они тоже для служебного пользования. То есть они исключительно в Общество приходили. Вот, скажем, семь районов у нас. Вот, они приходили в краевое общество, и в каждый район, в районное отделение. И мы, лекторы, имели право их... брать и читать. То есть, там вы... ну, куски из интервью, из пресс-конференций, из публикаций. По раз... разделы были... по странам, по проблемам отдельным.

Красный атлас – он считался, ну, ещё более, скажем так... высокого такого, и... жёсткого качества. То есть там тоже публикации. Ну, а телетайп – это

текущие... некоторые такие события, да. Вот, так что... Вот, я с тех пор, знаком с этими людьми.

Интервьюер: *Понятно.*

Ляшенко Юрий Алексеевич: А если, вообще говорить о системе отбора, как... как в те времена попадали туда...

Интервьюер: *А давайте, вот по... порядку.*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Давайте, всё, хорошо, да.

Интервьюер: *Чтобы мне было потом легче анализировать...*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Давайте, хорошо, пойдём по Вашей схеме.

Интервьюер: *Так, прежде чем мы перейдём к обществу «Знание», вот, необходимо немного рассказать о себе. Где и когда Вы родились, кто Ваши родители. Расскажите о своей семье.*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Угу. Ну, родился я в Красноярском крае. В Нижнеангарском районе. Э... Второй класс когда закончил... семья переехала в Красноярск, так что... среднюю школу заканчивал здесь, пединститут заканчивал здесь. Истфак в 75 году. Отец – рабочий, мама – служащая. Ну, вот такая семья.

Интервьюер: *Подскажите дату рождения.*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Э... Август 54 года.

Интервьюер: *А дата?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: 30 августа.

Интервьюер: *А расскажите о своём образовании, где Вы учились?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Заканчивал среднюю школу №62, на станции Енисей. И, с 71 по 75 – истфак... истфил, он тогда назывался, историко-филологический факультет. Госпедуниверси... института, в то время.

Интервьюер: *Так. Расскажите о Вашей работе. Где и кем Вы работали или работаете?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Значит, после завершения об... обу... обучения я работал... неполный год в Политехническом институте. Потом был призван в ряды Советской армии. Поскольку, как и, Вы знаете, не было у нас военной кафедры. Отслужил на острове Сахалин. Год, в соответствии с тогдашними нормативами. По возвращении – перешёл на работу в Технологический университет, ну и, собственно, работаю там... по сей день. Ну, теперь уже в объединённом.

Интервьюер: *А скажите, Вы были членом КПСС?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Да.

Интервьюер: *А, когда и почему Вы вступили в партию?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: В партию я вступил... в 1982 году. Э... ну, вступил, искренне полагая, что, будучи активным... тогда ещё молодым человеком, комсомольцем и так далее, и так далее – хотел способствовать, действительно укреплению социализма. Хотя, конечно, как историк по образованию, понимал, что... конечная цель... достаточно далека, но реальные проблемы были, их надо было... Им надо было стараться способствовать... их решению. Поэтому... Желание вступить в партию было совершенно нормальным и искренним.

Ну и, ко... и конечно, надо – что уж тут, греха таить – работая на кафедре научного коммунизма, и собираясь, так сказать, продвигаться и по этой части... Ну, было понятно, что в те времена не быть членом КПСС означало, что это... крест на профессии поставить.

Интервьюер: *Скажите, когда прекратилось Ваше членство в КПСС?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, в тот момент, когда оно и прекратилось. То есть, я билета не выбрасывал, демонстраций никаких не устраивал. Билет лежит дома.

Интервьюер: *А... в дальнейшем, как бы... В какие-то другие коммунистические организации не вступали?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Нет. С этого момента я посчитал, что я должен быть вне партии.

Тогда перейдём к обществу «Знание». Расскажите, когда и как Вы узнали о существовании общества «Знание»?

Ляшенко Юрий Алексеевич: Узнал достаточно рано. Как ни странно, ещё обучаясь в школе. Знаю, кто-нибудь Вам об этом уже говорил, в других интервью, но, поскольку я увлекался... ну, скажем так – общественно-политическими вопросами, буквально с детства. Вот. Могу сказать, что я газеты начал читать под воздействием деда, там, чуть ли не со второго класса. Он читал – и я рядом с ним читал. Может быть, не очень там понимая, но, детским умом, многое запоминая, и так далее, и так далее. Вот. Но когда я учился уже в Красноярске, то я узнал – увлекаясь, в том числе, международной проблематикой – я узнал, что в клубе медпрепаратов, там, на станции Енисей – проходят лектории... краевого общества «Знание». Нам сообщили в школу...

Интервьюер: *Это когда было?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, это, наверное, шестьдесят шестой – шестьдесят седьмой. И... я начал эти лектории посещать. И на меня тогда неизгладимое впечатление произвёл лектор Исаев. Забыл, честно говоря, имя – Евгений, по-моему. Ну, забыл имя-отчество теперь уже. Э, действительно очень популярный в то время... лектор. Уже очень... возрастной мужчина. И... я подошёл... подошёл к нему, спросил, вот – что это за организация. Он мне подка-

зал. То есть я теоретически знал, что есть такое, но, поскольку был школьником, то, естественно, в то время ни о чём не помышлял. А вот когда поступил в институт – то, можно сказать, Исаев ещё продолжал свою деятельность. Потом у него, там, была личностная какая-то проблема. Бурные годы, так сказать. Он отошёл от этой деятельности. Но... лекции он читал поразительно, по тем временам. Учитывая, что это был старший, условно говоря – 67 год, например, да.

Интервьюер: *А на какие темы он читал лекции?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Он, в основном, читал темы... международной проблематики. То есть, вот в этом ключе он, в основном работал. Ну и, там, другие люди старшего поколения были. Но он выделялся, конечно, среди них.

Вот, а когда я... поступил на истфак, то... можно сказать – опять повезло. Появился человек, я не по... не знаю его... Сикерин. При Вас его уже не было, да?

Интервьюер: *Неа.*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Он работал на кафедре научного коммунизма. Он не красноярец, он сюда переехал из Иркутска, по-моему. Мы потом с ним долго контактировали. И он тоже вот, увлекался, вот этой международной проблематикой. Стал, довольно быстро, активным... членом... краевой организации. И он создал Школу молодого лектора. Она была вообще-то общеинститутская, ну, понятно...

Интервьюер: *Это уже какой год, уточните?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, это когда я учился. Наверное, 72. Второй курс, наверное, это был. Вот, и он создал Школу молодого лектора, и, собственно, был единственным там... наставником, который, вот, нам преподавал первые азы... этого вида деятельности, да. Ну, а параллельно, уже, примерно, с 73 года... Нас было немного – нас было человек пять, наверное. И, кстати, из этих пятерых четверо – ну, долгое время... за... занимались... впоследствии, лекторской работой. И он нас рекомендовал, просто. Потому что, как бы, нёс за нас какую-то ответственность. То есть, он, рассказал о нас, что, вот, есть ребята, которым, по его мнению, можно уже что-то доверять в плане лекторской деятельности. И, нас, стали сначала через районные общества «Знание»...

Ну, кстати, там типы проверок были, своеобразные, когда на... Тогда, раз в месяц собиралось... собирался лекторский актив.

Интервьюер: *И где собирался?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: А... в Доме политпроса, и... в зале самого общества «Знание», оно тогда было на Проспекте Мира. Как раз напротив главного корпуса... пединститута. И у них был свой зал. Они вместе с красноярским издательством были...

Там, на разных этажах. Зал был общий, поэтому у них был свой зал, вот там, и... тогда очень часто встречались. И такой, своеобразной проверкой было,

когда... ну... дали несколько тем, которые мы подготовили, и выступили на этих расширенных активах, потому что краевые семинары собирались, городские семинары, и... Ну, собирались десятки, иногда и больше сотни людей. Вот, обкатку мы там прошли, после чего нас стали в коллективы, так сказать, запускать.

Интервьюер: *Ясно. Вот, расскажите, а как это происходило? То есть, вот, собрался лекторский актив – я так, понимаю, города? Или края?*
Ляшенко Юрий Алексеевич: Э... мог района, мог города, мог края.

Интервьюер: *Ну, вот Вы когда лекцию подготовили. Это что было?*
Ляшенко Юрий Алексеевич: Это был краевой семинар. Краевой.

Интервьюер: *Перед краевым семинаром, да?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: И обязательно – так, забегаю вперёд, скажу, что обязательно краевые семинары проходили после каждого, а... общероссийского... форума, а они проходили два раза в год. Дважды в год, человека по четыре, по пять, от каждого региона – мы ездили на... общероссийские семинары общества «Знание».

И там, значит, специалисты из Москвы. Представители науки, партийных, там, советских органов. Вот, они выступали, и, мы после этого возвращались, и, как бы, докладывали – что мы там услышали, какие тенденции. И люди уже после этого ехали в свои районы, вооружё... Громко сказано. Громко говоря, вооружённые некими знаниями из центра.

Интервьюер: *Ну вот, давайте вернёмся вот к этому Вашему, так сказать, первому испытанию. Вот, Вы выступили, что... как это происходило? Может быть, вопросы задавали?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, как. Очень, конечно, волновался – студент выступает перед... в общем-то уже известными людьми, многие узнаваемы были. Но, учитывая, что, всё-таки, я был с истфака, а... большая часть лекторов – это... они же общественники. То есть... я потом то стал разбираться, что большинство из них – они профессиональными то навыками не обладают, поэтому...

Я-то в краевую пошёл, давай копать там, вот, я помню – по Африке готовил. В свете Африка – там, пятьдесят государств. Это надо было дать какое-то... значит, представление, да? Вот, поэтому естественно, что – это потом многие говорили, что для них много открытий там было, всё-таки они, в основном ведь пользовались открытыми источниками – газеты тогдашние, ну... и так далее. Поэтому как... как мне говорили, что выступ... Ну и, старшие товарищи, которые да, кураторы, скажем так – они тоже оценили, что всё достойно было.

Интервьюер: *Вам какие-то вопросы задавали, потом какое-то обсуждение было?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: То... Вопросы задавали из зала, а обсуждение потом было уже в узком кругу. Большую часть, в том числе и лекторов крайкома... Ну, это уже не на широкой публике.

Так что.... мы вот, стали выпускниками этой... По-моему, Сикерин потом ещё пару выпусков сделал, но... Так вот получилось, что вот мы, из первого состава – мы этим сильно увлеклись. А другие – так, спорадически появлялись, но... надолго не задерживались.

Интервьюер: *Понятно. А... вспомните, когда и как Вы вступили в общество «Знание»?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: А вступил вот, после окончания... вот этой школы молодого лектора. То есть, с его стороны, видимо, было официальное представление, что мы выпускники. Это же было зафиксировано там, в институте. И, на этом основании, нам выдали членские книжечки.

Интервьюер: *Ну, то есть, я не знаю, это было какое-то собрание, на которое вы пришли...*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, честно...

Интервьюер: *Или вы просто заполнили анкеты...*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну да, просто заполнили анкеты, и нас прикрепили к районному обществу, потому что мы всё-таки в центральном районе были. То есть, вот, первая ступень – это районное общество. А в краевом, ну, как бы де... имели в виду, что, вот, есть... такие лекторы.

Интервьюер: *А скажите, Вы входили в руководящие или контрольные органы общества «Знание»? Когда-либо?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Я был членом совета по... международным делам.

Интервьюер: *Секции, да? Совет...*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Да...

Интервьюер: *Секция или совет?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Э, секция, видимо.

Интервьюер: *Угу. То есть занимались Вы методической работой?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Да.

Интервьюер: *А... Так, это мы с Вами выяснили. Скажите, на какие темы Вы читали лекции в обществе «Знание»?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну... если говорить в общем, то о международном положении, во всех его аспектах. Отдельно – проблемы Дальнего Востока, Ближнего Востока... Европа, советско-американские отношения. Ну,

то есть, фактически, э, всё, что так или иначе крутилось вокруг международных отношений и внешней политики Советского Союза.

Интервьюер: Скажите, а как Вы определяли темы своих лекций?

Ляшенко Юрий Алексеевич: А по... актуальности, такой, внешней. Что, как говорится, болело больше всего в этот момент.

Интервьюер: А скажите, Вы с кем-нибудь согласовывали темы своих лекций? И... сами тексты выступлений?

Ляшенко Юрий Алексеевич: Вот, скажу честно. В то время, конечно, практиковалось, и даже требовалось написание текста. Но я Вам скажу честно. Тексты написал только вот, когда делал доклад по Африке.

Я очень не люблю писать. Потому что информация устаревает настолько быстро – каждый день. И каждый день переписывать, и... И, тем более, никогда не читал по текстам. Поэтому, текст не был нужен. И как-то мне везло, то есть, с меня так его и не требовали.

Интервьюер: Ясно. А как тогда готовились к лекциям?

Ляшенко Юрий Алексеевич: О, ну это, без всякого преувеличения – каждодневная просто работа. Я и сейчас её продолжаю. То есть это такой режим выработался. Что каждый день – круг источников. Он меняется, естественно.

Я тогда уже завёл свою громадную тетрадь, такую, толстую, где выписки делал из этих атласов... других материалов, которые у меня стали появляться, со временем, помимо атласов. То есть, делал выписки, карточки. То есть, тексты я не писал, но у меня всегда были карточки, на которые иногда надо было цитату... Леонида Ильича, там, что-нибудь, там, ещё что-нибудь. Поэтому, карточки, у меня, конечно, были. Чтобы не...

Интервьюер: Это цитатник?

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну да. Ну, вот такие, небольшие, которые в карман помещались, скажем так.

Интервьюер: А скажите, как обеспечивалась Вами научность и качество выступлений?

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, отталкивался от источников. То есть отсебятину-то, трудно было... допускать, особенно в те времена. Поэтому всегда был готов сослаться на источник.

Интервьюер: Скажите, на Ваш взгляд, научные лекции... ну, в вашем случае, по международной деятельности, да? Были популярны у слушателей?

Ляшенко Юрий Алексеевич: Чрезвычайно. Просто, видимо, даже самые они были популярные, потому что, в то время... как бы так, шли сплошные полосы – противостояние, потом разрядка, потом опять охлаждение. И пропаган-

да работала таким образом, что у людей создавалось впечатление, что весь мир ходуном. А мы – в эпицентре всего.

Поэтому, и сами люди были информированы. Поэтому я, иногда удивлялся, когда в каком-нибудь отдалённом местечке края вдруг какая-нибудь древняя старушка... Лекция заканчивается, пожалуйста вопросы – она там: «Как там Мао Цзедун?» Хоть стой, хоть падай.

(Смех)

Божий одуванчик, значит, она... интересовалась. Что там с китайцами?

Интервьюер: *А скажите, как часто Вы читали свои лекции?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, Вы знаете, я этому делу очень много внимания, и когда стал востребован, постепенно, то я старался, ну, всё свободное время, которое у меня было, от основной работы... этому... посвящать. Так что... Иногда бывало, что я в год прочитывал... Я, я вёл учёт, в то время. В той же толстой тетради. Так вот, бывали года, когда я в год прочитывал... Ну так, от 100 до 120 лекций. В год. Иногда по несколько лекций в день. То есть, реж... это позволяло.

Вот, если, скажем, если несколько... день свободный, например, преподавательской деятельности, да, и если там, несколько коллективов... выстраивается по времени, особенно когда машина появилась, то я мог... Да и тогда транспорт ходил хорошо, город был пустой, то есть, я и на автобусе мог... три-четыре коллектива посетить.

Ну а, когда выезжали в край – тогда, естественно, там так планировалась работа, чтобы каждый день по четыре минимум лекции читать.

Интервьюер: *А вот, выезжали в край – как это организовывалось?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Как организовывалась, когда... выезды. Ну, это уже была забота краевой организации, и соответствующей районной. То есть, э, существовали лектории... о которых районные знали. По разным направлениям, в том числе – и международные лектории. Я позже начал на другие темы, как обществовед читать. Но, пока мы говорим об этой. То есть... Были лектории, и не только лектории. То есть, сами районы, когда... Ну, они у себя мониторили...И, когда они видели, что, вот... по такой-то проблематике давно не было – значит, согласовывали это... с краем. Край обзванивал нас, и, кто был свободен, в тот или иной период... назначались, всё... И дальше – командировка. То есть, шли в общество, получали командировочное удостоверение, соответствующие средства. И отправлялись, под опеку уже местных организаторов.

Интервьюер: *Ясно. А скажите, где и кому Вы обычно читали свои лекции? Кому Вам больше всего нравилось читать лекции?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Вы знаете, я бы так не стал выделять. (пауза) В какую аудиторию пошлют, в той и читал. Ну, наверное... наверное... интересней читать... в тех аудиториях, где более высок общий уровень образо-

вания. Наверное... лучше... и, точнее говоря, интереснее было читать у взрослых, чем даже у старшеклассников. Даже тогдашних. А уж...

Интервьюер: Почему?

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, всё-таки... люди постарше элементарно и знаниями обладали, и желание было слушать, а... школьники – они ведь разные, да?

Тем более, что... чего уж там греха таить, когда в районы приезжали, там их собирали – иногда с пятого класса по десятый, вместе, да. Ага, вот. Человек приехал из края – ну, всех их садят, значит. Представляете диапазон? Пятиклассник сидит, которому вообще ещё... (смеется) ему побегать бы, попрыгать, а ему... дядька приходит, и что-то там рассказывает. И рядом десятиклассники сидят, да, то есть... Общая атмосфера, да, там, дисциплина. Угу.

Интервьюер: А расскажите, как обычно организовывались лекции с Вашим участием?

(Пауза)

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, я не очень понимаю – а как? А моё-то какое участие? Я приезжаю, организаторы знают, что я приехал, меня... мне дают график. И обговариваем – к сколько быть готовым, где заберут...

Интервьюер: Нет, допустим, вот, начиная с планирования, да? То есть, к Вам кто-то выходил и говорил, что вот, есть такой план, там. А... лекции, условно говоря...

Ляшенко Юрий Алексеевич: А, так это... Этим занимаются районные, общества. Если говорить, как, о городе – то, вот, поскольку я стал читать лекции по всем районам, то они просто звонили, и подавали заявки. То есть тогда практика была такая, что у каждого предприятия, через партийную организацию, да? У них, видимо, была своя установка, что надо, по... определённым темам...

Там, в месяц или в квартал – прочитывать какие-то лекции. То есть была система отработана, в этом смысле. И, следовательно, они забивали свои планы, соотносили их с обществом «Знание». А общество «Знание» районное, искало исполнителей. То есть, обзванивали нас – и узнавали. Вот, заявка поступает – они звонят: «Можешь?» - «Не могу». Они другому звонят: «Можешь?» - «Могу». Поехали. Иногда, если поступала – потом это стало довольно часто, в моём случае, когда хотели имена... и ме... и меня послушать – значит, они-то уже готовы были компромисс искать. То есть если я в этот день не могу – спрашивали: «Когда Вы можете?»

И опять-таки через общество. Или, напрямую выходил на организатора предприятия, телефон мне давали. Либо мне они звонили. И мы договаривались – в какой для меня и для них удобный... момент мы можем провести нашу встречу. То есть это была хорошо работающая, гибкая система.

Интервьюер: *Уточняющий вопрос: Вы всё время говорите про районные общества «Знание». А Вы состояли в каком-то первичном отделении общества «Знание»?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, Вы знаете, наверное, нет. Такая форма, по-моему, была, но для меня это уже... не те... Ну, это не мои рамки уже были, да.

Так уж скажем, да. Ну, что мне состоять в институтской, где я работал, тем более, технический вуз, у нас там, собственно и не было... У нас, у нас там потом я сам уже вёл Школу молодого лектора, но она была скорее... для информирования. По общежитиям по своим ходил, там... То есть там я ни одного не помню, кто бы вырос в лектора. То есть заинтересованные люди были, да, но они всё-таки, как технари изначально, они... дальше не у... не выходили.

Интервьюер: *Вот, расскажите тогда, как Вы организовали, как эта школа под Вашим руководством работала.*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, там тоже, там ведь комсомол существовал, поэтому... это всё делалось официально, через комитет комсомола.

То есть, информировались, м... комитеты комсомола факультетские. И они уже там, по группам, и... те, кто были заинтересованы. Да, ну, у нас, помню, в нашем институте, была женщина-организатор, то есть, она не... на... на неё это замыкалось. Она там какой-то учёт вела, потому что тоже была ст... Какая-то ответственность на ней. Вот. То есть всё это вот так вот выглядело, примерно.

Интервьюер: *Вы проходили аттестацию лекторских кадров, или сами участвовали в аттестации других лекторов?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: По-моему, иногда – да. Вот, то, что касается аттестации меня, то... не помню. То есть, тут уже, знаете, по-моему, всё держалось на том, какие отзывы, как востребован человек. Там, вот эти вот, и... регулярные прослушивания... На отчётах... по семинарам, на которые мы ездили. По-моему, вот это... этим всё и ограничивалось.

А, иногда, вот было – но это когда уже ро... там, российское общество организовывало, да, когда надо было, видимо... форму соблюсти. И, по-моему, там они, с... как-то это всё оформляли, что вот, переаттестация проведена, вот так.

Там, скорее, интересовало, на мой взгляд, количественные показатели – сколько. Есть динамика какая-то, да, там, вот. По-разному. По отраслям. Но я эту кухню не знаю, честно говоря.

Интервьюер: *Ясно. Но Вы вот там, э... в конце, так скажем, в последние годы советского общества «Знание», в нем была градация лекторов на... первичного, районного и краевого звена.*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Да.

Интервьюер: *Вот Вы были лектором какого звена?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Краевого звена.

Интервьюер: Краевого.

Ляшенко Юрий Алексеевич: Да.

Интервьюер: *Так. Ну, кроме лекций, и ведения Школы молодого лектора, в каких-то иных формах работы общества «Знание» Вы принимали участие?*

(Пауза)

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, я был членом совета, да? То есть, вот, заседания, составление планов.

Формирование, там, может быть, вот этих бригад, выездных по районам. Кустовые они тогда назывались Южные, восточные, западные, северные районы края.

Интервьюер: *То есть вели методическую работу?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Да.

Интервьюер: *Вы продолжаете работу в обществе «Знание»?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Да, насколько это теперь возможно.

Интервьюер: *А, ясно, так... Пропустили ещё несколько вопросов... Скажите, Вы уплачивали членские взносы в обществе «Знание», и оплачивался ли Ваш труд в обществе «Знание»?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Конечно, он оплачивался. Если я правильно помню, э... Это же... Организация на самоокупаемости, да?

Поэтому... м... Сколько-то лекций... По-моему, одна из пяти, шла в фонд общества «Знание». Четыре, следовательно, лектору.

Э... И как, что там ещё?

Интервьюер: *Ну, в смысле, про оплату.*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Да, конечно. И были шефские, да. Время от времени объявлялось, что, вот – здесь просят шефскую лекцию. Такое тоже было.

Интервьюер: *А, скажите, на Ваш взгляд, как складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Хм, ну, по-моему – самым тесным образом связаны они были. Поэтому я и говорю, что... лекторская группа – она курировала напрямую.

Интервьюер: *Крайкома?*

Ляшенко Юрий Алексеевич: То есть... Крайкома, да. Крайкома, конечно. Городские, районные организации, ни... никакого отношения не имели.

Вот, конкретно лекторская группа, где были вот... эти товарищи, они... Они, естественно...

Интервьюер: Андрияшев и Андреев, да?

Ляшенко Юрий Алексеевич: Да, и... Да, вот, в основном, они. Потому что остальные немножко другой проблематикой там занимались, их тоже было человек пять. Вот. И... Они, например, обязательно ездили с нами, вот, на эти семинары, российские.

Их, вероятно, вызывали и по своей линии. Но... в нашу группу – вот, они тоже обязательно входили.

И, знаете, общероссийские семинары, обычно... Либо оба ездили, либо кто-то один из них. И, конечно, участвовали потом в кустовых, вот этих поездках.

Так что, связь была непосредственная. Ну, я Вам, в самом начале говорил, что, как говорится, информацией делились... с определённого момента.

Интервьюер: Скажите, а взаимоотношения общества «Знание» с какими-то другими общественными организациями в сфере просветительства, как складывались? В советское время?

Ляшенко Юрий Алексеевич: Я, наверное, здесь не очень...

Интервьюер: Не знаете, да?

Ляшенко Юрий Алексеевич: Да. Наверное, это свя... Ну, как, если учесть, что, практически большинство, э... лекторов были университетскими, институтскими преподавателями в подавляющем большинстве. То есть вот через людей, это да, такая связь была .. естественно.

Интервьюер: Ну, и последний вопрос. На Ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в советское время в распространении знаний политических и научных среди советских граждан? Почему Вы так думаете?

Ляшенко Юрий Алексеевич: На мой взгляд, величайшую. И большая, и большая беда в том, что эта деятельность сегодня практически разрушена. Вот.

Это моё глубокое убеждение, я практически всегда об этом говорю, когда мы собираемся. Как... не только я – это все прекрасно видят, особенно те, кто работает, продолжает работать, вот, с населением. То есть, при всём... обилии информации... причем такой, Вы сами понимаете противоречивой и взаимоисключающей, очень часто. А... слова специалиста... они многое значат. Даже если с ним, в конце концов, в чём-то слушатели и расходятся, но, элементарно... внести ясность. Вот, какую-то, да? В процессы. Это может, с моей точки зрения, только действительно хорошо подготовленный, профессиональный человек.

Интервьюер: Ну, и ещё один тогда вопрос. Скажите, а на Ваш взгляд, почему эта система развалилась?

(Пауза)

Ляшенко Юрий Алексеевич: Ну, она, на мой взгляд, развалилась потому, что развалилась сама страна, и вся система развалилась. Потому что система всё-таки держалась на установке, что каждое предприятие должно этим заниматься, со своей стороны. А, поскольку изменились формы собственности, и так далее, и так далее, да?

То, некоторые – ну, владельцы, например, да? Условно говоря. Они просто посчитали, что это им не надо, что это – лишние какие-то там деньги. Ну, всё, вся жизнь изменилась. И подходы к этому изменились. Одно из объяснений таким может быть.

Интервьюер: *Спасибо Вам за то, что Вы уделите мне время.*

Ляшенко Юрий Алексеевич: Буду рад, если чем-то помог.

Стенограмма сверена с аудиозаписью 10.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Островской Валентиной Ивановной,
лектором общества «Знание» в 1970 – 1980-е гг.**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
phone_20190210-100546__79835065899.amr (22:32)

Дата и время проведения интервью: 10.02.2019 г., 10:05-10:30 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Островская Валентина Ивановна

Стенографирование аудиозаписи: Шумилин Роман Александрович

Интервьюер: Валентина Ивановна, здравствуйте.

Островская Валентина Ивановна: Здравствуйте.

Интервьюер: Значит, сначала должен сообщить Вам общую информацию (*произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя*).

Островская Валентина Ивановна: Ну... Давайте.

Интервьюер: Прежде чем мы перейдем, вот, к обществу «Знание» - просьба рассказать немного о себе. Первый вопрос: где и когда Вы родились, кто Ваши родители? Расскажите о Вашей семье.

Островская Валентина Ивановна: Ну, я родилась в 1944 году, в деревне Владимировка, Боготольский район Красноярского края. Родители мои, э... Отец – железнодорожник, работал на железной дороге. А мать – в сельском хозяйстве работала, телятницей.

Интервьюер: Уточните дату рождения.

Островская Валентина Ивановна: 29 февраля 1944 года.

Интервьюер: Спасибо. Расскажите, какое у Вас образование, где Вы учились?

Островская Валентина Ивановна: Так, образование у меня... высшее. Значит, я, закончила техникум монтажный. А... в 1971 году. А в восемьдесят... в восьмидесятом... Государственный университет, в 82. Наш, политехнический.

Интервьюер: Техникум монтажный – это в Красноярске, да?

Островская Валентина Ивановна: Да, да-да.

Интервьюер: Ага. А в политехническом институте – тоже Красноярск, да?

Островская Валентина Ивановна: В политехническом инсти... э, нет, я тогда Красноярский Государственный Университет я закончила в 82 году.

Интервьюер: *Это по какой специальности?*

Островская Валентина Ивановна: Нет, это не 82, это 85.

Интервьюер: *Э... по какой?..*

Островская Валентина Ивановна: Планирование промышленности.

Интервьюер: *Расскажите о Вашей работе. Где и кем вы работали, и... или продолжаете работать?*

Островская Валентина Ивановна: Ой, это очень долго будет, если я буду говорить где... я работала. Начинала работать, да, я очень рано начала работать, в школе ещё. Тогда ввели одиннадцатилетку, и мы пошли на производство, с девятого по одиннадцатый класс, я получила специальность электросварщика. Потом работала электросварщиком, на ПВРЗ, потом, после, э... окончания техникума, э, я работала в «Северо-Восток Электромонтаж». В научно-исследовательском институте по внедрению новых способов сварки.

Потому уехала на север, там работала, э... на общественных, всяких, работах. Председателем поселкового совета была.

Интервьюер: *Это где?*

Островская Валентина Ивановна: А когда вернулись... Это, на севере ... Колыма, э... посёлок Уптара, около Магадана.

Интервьюер: *Это какие годы?*

Островская Валентина Ивановна: Это 82–92.

Интервьюер: *Так, а потом?*

Островская Валентина Ивановна: А потом, когда сюда вернулись, уже это перестройка, э... и я вот, ушла в партийную работу.

Интервьюер: *А... в какую партийную работу?*

Островская Валентина Ивановна: Ну, была... секретарём партийной организации районной, была членом бюро крайкома... Нет, не крайкома, а райкома. А потом у... избрали меня председателем...

Ну вот, как очень... Сейчас пенсионерка, сижу дома.

Интервьюер: *Так и по партии... КПРФ, вы имеете в виду?*

Островская Валентина Ивановна: Да-да-да. Да-да-да.

Интервьюер: *Скажите, Вы были членом КПСС?*

Островская Валентина Ивановна: Конечно. Конечно, с 1967 года.

Интервьюер: *А почему Вы вступили в партию?*

Островская Валентина Ивановна: Почему в партию вступила? Хотела быть в передовых рядах строителей коммунизма – так я написала, в... (смеется)

Интервьюер: Ну, ясно. А Ваше членство в партии было прекращено? Когда и почему?

Островская Валентина Ивановна: Ну, прекращено – после, когда запретили её.

Интервьюер: И Вы сразу, восстановились там, вступили в...

Островская Валентина Ивановна: А восстановилась – сразу, как разрешили КПРФ

Интервьюер: Спасибо, что рассказали о себе. Предлагаю перейти к обществу «Знание». И первый вопрос: скажите, когда и как Вы узнали о существовании общества «Знание»?

Островская Валентина Ивановна: Ну, первый опыт, наверное..., я даже и не хочу сказать, что это со школы. У нас был наш преподаватель, которого к нам закрепили, закрепили за нами. Так как мы учащиеся были. И он нас, э... иногда водил, вот, на эти лекции. Тогда было очень модно...

Общество «Знание» приходило, приезжали лектора с города. Там они нам что-то, интересные вещи рассказывали. Ну и, мы, вот, их посещали. Просто для интереса. Это как бы первое такое знакомство было.

А потом, когда я поработала, я пошла работать, э... м... на ра... на производство, а училась заочно. Сначала я поступила в политехнический институт, который потом бросила, когда родила. Ну, а потом, после этого, поступила в техникум.

И вот, когда я училась, э... и работала на производстве, и... училась в институте. И однажды, когда я пришла, там было написано, что, вот, общество «Знание» проводит, э... там, лекцию, о... каких-то там новых технологиях в производстве. И была задета... задета сварка.

Мне стало интересно, и я, вот, пошла, и её послушала. Надавала там вопросов много. Интересовалась, какое будущее сварки, как, там вот он нам много интересного рассказывал. Ну и, он нас так, записал, и говорит: «Если вы не против, то мы, э... с вами будем сотрудничать, и... я вам какие-то поручения буду давать». Ну, как бы, связь, какую-то наладили мы связь, вот, с рабочими с завода. И вот, обществом «Знание».

Ну и, когда они там, проводили, у нас же, это... курировалось и контролировалось на уровне партийной организации, и комсомольской организации. Мы и собрания иногда проводили, приглашали с общества «Знание». Ну и, как бы... я вот, организовывала эти встречи, приглашала... там, какие-то объявления писала. Ну, тут, отвечала вот, за это.

Ну... как бы, я сама лектором, конечно, не была, потому что для этого Знание. Но иногда посещала эти лекции. Нас, э, приглашали на всякие там... эти собрания, там, как они назывались.

Ну, это... Нас там что-то обучали, тоже что-то говорили. В общем, вот такая была связь. Ну, раньше же как это было очень... распространено. Лозунг какой у нас был? «Знание – сила».

И... это... значит... рабочие с интересом слушали. То есть, эта связь тогда была... в то время связь была очень активная. Положительная. То есть, были очень интересные лекции.

Но... мы участвовали как – я, допустим, иногда давали мне какие-то такие... мелкие, уже готовые, можно сказать, лекции. Вот тогда, война во Вьетнаме была, я там в ОГПТУ, к этим... ФЗУ-шникам, как мы их звали. Ну, вот что-то, что-то мы с ними там... я там, пыталась им рассказать. Ну, вместе с лектором, помогала ему, как бы, в этом.

Ну, то есть, вот так... такие были у нас... Ну, а пот... И... он, главное – мне это запомнилось, они всегда нам говорили, что... вы участвуете, но участие в распространении вот этих знаний – не является только что вот, лекцию надо прочитать. Вот, вы будете работать, когда...И вы обязательно, если вы будете что-то преподавать, или где-то там обучать – вы обязательно в свой план включайте развитие технологии, развитие науки и техники, применение вот этих ваших знаний, в практике.

И я, потом, когда обучала, э... сварщиков, вот, когда я работала, э... в «Северо-Восток Электромонтаже»... Это там, научно-исследовательский институт, как раз по внедрению, э... вот, сварки – аргонной сварки, сварки цветных металлов. И я обучала, ездила по краю и обучала, а, э... сварщиков. Да, ну, монтажников, можно сказать.

Тогда как раз переходили на новые технологии – раньше были соединения, вот эти вот, алюминиевых шин, болтами скреплялись. А потом стали переходить на сварку.

И я вот, это преподавала, рассказывала, и вот, обязательно, у меня, в моей программе, в моём плане, было вот – на...учные разработки, там, какие-то внедрения, э...

Что ожидается в будущем. Ну вот, я это вот, рассказывала, как бы... я вспомнила, что нам говорили, об этом, и я это всегда... И люди эти, рабочие, с удовольствием слушали.

Я включала фантазию – я же фан... любила, люблю фантазировать. Вот, я говорила, что и... про космос. Я говорю – и в космосе будет когда-то сварка применяться. И под водой уже тогда начинались. Что сейчас разрабатываются уже.

То есть вот, как бы, вот... Какие-то знания, полученные, я уже применяла в жизни.

Интервьюер: *Понятно. Вы помните, как вступали в общество «Знание»? Как это происходило?*

Островская Валентина Ивановна: Вот, знаешь, вот... мы... Вот, чтобы вот, вступать вот как-то – я не помню чтобы заявление писала, и, может быть, я писала, потому что значок у меня был, какой-то.

Там выдавали вот эти... Раньше же... вот это вот путаю, и этот... внедрение, как это, рационализаторы были тогда. Что тоже распространено.

Я и в этом рационализаторском обществе состояла. Но рационализаторы – я знаю, что мы там что-то писали, книжечки нам выдавали.

А вот здесь вот, я не помню – писала я или нет, вот, заявление. Вот, я, как-то бы принимала вот, какое-то участие... А вот что... А вот значок, я знаю, что какой-то там был. Было написано там... ещё: «Знание».

Или даже... Ну, ну вот, не могу утверждать, чтобы я... Ну, приглашали часто меня вот на эти, на всякие... симпозиумы, там, съезды. Ну, там где... Там, новые лекции, там мы задавали вопросы, предлагали... А, мы собирали ещё... Я, вот, ходила, допустим, по цехам, и собирала, а... предложения – вот, что бы хотели наши люди послушать.

Э... м... э... то есть, мы и они, там... Какие вопросы, интересные, чтобы они задавали, вот. Когда... когда готовилась какая-то лекция – ну, я знала, что, допустим, через месяц у нас, вот, будет такая... Я тоже, там, мы с комсомольцами собирались, и, это самое... Я, как бы, готовилась, что, вот, давайте вот этот, вот, вопрос задавайте, активно работайте, не слушайте только, задавайте вопросы.

Ну, как сказать... А, когда вступала в партию – мне сказали: «Какая твоя общественная нагрузка?» Вот, я долго думаю: «Господи, какая же там у меня? Что писать?» Я говорю: «Вот, я в обществе «Знание» участвую». И под... Видишь, даже там я подчеркнула, что это... У меня это посчитала, что у меня это такая общественная нагрузка.

Интервьюер: Скажите, а у Вас на производстве работала первичная организация общества «Знание»? В чём заключалась вообще работа, когда?

Островская Валентина Ивановна: Слушай, я вот... Вот про это я не знаю. Вот, может быть, вот это вот, я и участвовала, вот в этой вот, первичной ра... э... первичке.

Потому что я знаю, что мы, что-то мы собирались, там нас собирал, этот, главный технолог...

Он у ко... И наверное, он и был председателем, вот этого вот... Потому что, я, вот, уже сейчас не вспомню. Но то, что мы собирались, и он нам тоже что-то там рассказывал... И... ну, вот, сказать точно... ну, наверное, была, раньше же везде были. У нас большой завод, у нас завод там... такой, революц... революционных начал, у нас очень много было выступлений, лекций.

Ре... ре... мы ремонтные мастерские, которые в 905 году... участвовали в революции. И у нас много вот... Лекций было по этому поводу.

Ну... мы на партийных собраниях... я думаю... Я... не могу этого, вот, точно сказать.

Интервьюер: Расскажите, как Вы готовились к своим выступлениям?

Островская Валентина Ивановна: Ну, я высу... Я говорю, что я вот... капитально вот так, чтобы мне дали какую-то тему, и я бы её сама разработала. Для этого же нужны какие-то знания, готовиться. Я вот, индивидуально, что ли. Вот, я помню, только что, я... выступала... в ГПТУ один раз. Но приходил туда лектор... и... под какую-то тему был. А я готовила... вопросы, они задавали вопросы по... войне во Вьетнаме. В то время, как раз, э... это... была война.

И... я вот, ходила в библиотеку...Брала материалы... Там, даже ходила в... помню, в военкомат.

Потому что, чтобы мне данные какие-то взять, что... э... участвуют там наши. Ну, мне там ничего не дали, конечно.

Ну, ничего не сказали. (смеется) Ну вот, я вот так пыталась, значит, какие-то там материалы... У старших, кто в армии был, я их вот так вот, спрашивала.

А больше, чтобы я, вот, самостоятельно, там... Ну, я говорю, только что вот, когда я уже... работала. И вот, в процессе работы, я... Как бы, использовала, вот эти материалы, о... научных там, достижениях, смотрела, научных разработках.

О внедрении, когда внедряют всё. Ну, журналы – раньше же много было журналов. Раньше возьми «Науку и технику» и там всё... возмёшь. Или «Аргументы и факты». Вот, у нас были журналы... которые для нас доступные. «Наука и техника», «Аргументы и факты». Тебе по любому вопросу там, можешь... Можешь даже туда написать, и тебе прид... пришлют ответ, который тебе надо.

Интервьюер: *Понятно. Скажите тогда... скажите, как обычно организовывались лекции – у Вас, там, ну, допустим, на заводе?*

Островская Валентина Ивановна: Лекции?

Интервьюер: *Угу.*

Островская Валентина Ивановна: Ну... обыкновенно... Звонили там, связывались, э, допустим... Ну, по-видимому, это кто-то у нас был ответственный, наверное... первичная была. Потому что, приглашали, знаю, что у нас тут... к технологу у нас приглашали, технолог, кстати, по сварке был.

Он там приглашал, нас, секретарей комсомольских организаций, там кто... в этот, ну, давал задания, что вот... поговорите с вашим этим... коллективом. У нас клуб «Корволитник» даже был, наш...

Большой. И мы его использовали. И, вот, в этом клубе, а... значит, проводили вот эти вот большие встречи. А иногда и в цехах, прямо у нас, во время... обеденного перерыва. Приходили такие... минут 20, допустим, кто-то, по каким-то таким, насущным вопросам, вот, которые жизненные.

Они приходили, и во время перерывов, э... какие-то нам, э, рассказывали, люди собирались, и слушали.

Интервьюер: *А вот, вы лекции слушали, а обедать вы... обедали вы когда?*

Островская Валентина Ивановна: Ну, как это, обедали... Быстренько кто по... пообедаем, да и... Это у нас часто, мы и концерты устраивали.

И всё. Кто поел раньше, кто поел позже. Поэтому там у нас, э... обед, допустим... э... с 12 – поедят до полпервого, а с полпервого, это, допустим, там, лекция до часу. Они же небольшие такие...

Интервьюер: Угу.

Островская Валентина Ивановна: Были.

Интервьюер: Ясно. Ну, скажите, лекции пользовались популярностью среди рабочих?

Островская Валентина Ивановна: Да, да. Вот, что интересно было – я даже всегда... мы как-то, тоже заразговаривали, по этому поводу. Ну, о том, как учили, вот... э... ну, мы сравнивали, что теперь по телевидению идёт и всё, что... Я думаю, что интересно, что людям это нравилось.

Интервьюер: Скажите, как, на Ваш взгляд, складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?

Островская Валентина Ивановна: Я... не могу, Андрей, тебе сказать, что прямо как-то я знаю, как они складывались. Но так, как это мне кажется, что курировалось даже КПСС, и были нормальные отношения.

Потому что это, как бы... И на собраниях, на партийных – отчитывались там... Как проходит. Это же всё входило в идеологическую работу. Поэтому это, как бы, раздел был по идеологии. И они были заинтересованы.

Интервьюер: Скажите, а Ваш труд в обществе «Знание», там... вот... подготовки, там, вот, или маленькие лекции читали – как-то оплачивался?

Островская Валентина Ивановна: Нет. Нет.

Интервьюер: Нет. Вы на...

Островская Валентина Ивановна: Мне лично нет, хотя... Я по... по организации, ну, я очень много тогда работала. Потому что была секретарём комсомольской организации, потом, вот, в партию, когда... вступала. Ну, я это делала, как бы, с настроением, с удовольствием. Считала, что это – моё партийное поручение.

Интервьюер: Вы продолжаете работу в обществе «Знание» сейчас?

Островская Валентина Ивановна: Сейчас нет. Я даже и связь потеряла, и... как бы, и не знаю...

Интервьюер: А когда Вы перестали являться членом общества «Знание»?

Островская Валентина Ивановна: Ну вот, наверное, вот... Как э... по... после девяностых годов, вот как при... э... ехали, и мы, в принципе... И они как-то себя не подавали... не выходили на нас. Даже на партийные организации. Я бы сказала, что общество «Знание» не выходило.

Интервьюер: Это ещё раз, давайте уточним, какие годы? Конец восьмидесятых, или де... начало...

Островская Валентина Ивановна: Нет, девяно... девяностые, вот по.. 92, ну 93, 94, вот, вот эти годы. Ну вот, я вернулась, когда, с этого... Кстати, вот, когда я была... э... вот, на севере, там ещё мы связь держали, с обществом «Знание».

У нас были они сильные, тоже приезжали, в клуб или лекции проводили. Или на семинары нас приглашали. И я тогда отвечала за... культуру. Было та... была такая организация – КСК, она называлась. Кортъ... культурно-спортивный комплекс.

И, я вот, ездила в Магадан, там, в этот, приглашала их на лекции. Там была у нас связь. А вот потом, после девяностых, вот как сюда приехали мы, в 92 год. Вот после этого я... даже и ничего о них не знаю.

Интервьюер: *Ясно. А скажите, на Ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении политических и научных знаний среди советских граждан? Почему Вы так думаете?*

Островская Валентина Ивановна: Ну, я бы сказала, ну, как, одним словом – что это большую роль играли, как бы, как это сказать. Потому что, действительно, э... Допустим люди, вот простые, рабочие – я, я сказала, что они там, пользовались... читали где-то, ходили в библиотеки, или ещё что-то. А вот эти небольшие такие лекции – их... А... не только они слушали, но они заинтересованы... заинтересовывали. И они потом дальше находили материалы про то, что их заинтересовало. И, как бы, своё самообразование повышали.

Как бы, они способствовали, вот именно, самообразованию. Потому что, услышишь это там новое – а этот материал уже хочется найти и прочитать более подробно.

Интервьюер: *Понятно. Спасибо Вам большое, Валентина Ивановна. За всё.*

Островская Валентина Ивановна: Так, когда гонорар будет? (Смех)

Интервьюер: *Я уже выключаю запись, а то сейчас...*

Островская Валентина Ивановна: Ну, сотри, сотри мои последние слова. (Смеется) Ну, давай. Мои шутки до добра не доводят никогда. (смеется) Я вот такая.

Стенограмма сверена с аудиозаписью 11.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Сафоновой Надеждой Игнатьевной,
лектором общества «Знание» в 1960 – 1980-е гг.**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
phone_20190210-134801__79048959707.amr (27:04)

Дата и время проведения интервью: 10.02.2019 г., 13:45-14:05 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Сафонова Надежда Игнатьевна

Стенографирование аудиозаписи: Шумилин Роман Александрович

Интервьюер: *Здравствуйте, Надежда Игнатьевна!*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Здравствуйте, Андрей!

Интервьюер: *(произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Хорошо.

Интервьюер: *Сначала прошу рассказать о себе. Где и когда Вы родились, кто Ваши родители? Расскажите о своей семье.*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Ну вот, Андрей, ну вот, Вы такой вопрос мне задаёте, как будто совсем меня не знаете.

Я родилась в 1937 году, 22... 28 января, э, в городе Уяре Красноярского края. И в этом же году, в сентябре месяце, родителей моих арестовали. И они были репрессированы, а потом реабилитированы. Маму... отца расстреляли, маме дали 10 лет.

Вот, и поэтому, я воспитывалась... в роддомах, потом в детском доме, в Семёновском. И... кхе, в семье директора школы, жила немножко. В интернате, в Уяре, закончила 10 классов. Вот. И потом пошла работать в детский дом старшей пионерской вожатой, в Семёновский детский дом. Вот.

А оттуда уже, в тысяча девятьсот пятьдесят... м... девятом году, я поступила в Красноярский педагогический, э... институт. Закончила в 64. Вот. Да... работала в комсомоле, как Вам это уже известно, ну, вот, заведующей школьным отделом Октябрьского, потом городского комитета комсомола. Потом уехала в аспирантуру Академии педагогических наук, где и защитила диссертацию, на тему «Социальный опыт подростка».

Интервьюер: *А затем Ваш трудовой путь как продолжался?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: А потом я работала в КГУ, после защиты, в Красноярском Государственном Университете, эм-нэ... 13 лет, после чего, перешла в... Красноярский, в свой родной, э, педагогический институт, на кафедру педагогики. Вот. Заведовала тогда Мария Ивановна Шилова. Работала у Марии Ивановны Шиловой. И оттуда я, вот, ушла, потом, на... вот тогда, на постоянной, там, основе, мы работали у г... В городском совете. Была избрана.

По, уже...м... это... списку «Женщины родного Красноярья». Депутатом городского совета.

Интервьюер: *Сейчас на пенсии, да?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: А ну, сейчас уже, да. Да, да. (смеется)

Интервьюер: *А скажите, когда и почему Вы вступили в КПСС?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: В КПСС я вступила... по убеждениям. По... я была, в отличие от многих людей, которые сегодня... говорят, что и в пионерах они не были, и в комсомоле не были. Я была и в пионерской организации, и в комсомольской, была председателем совета дружины. И секретарём комсомольской организации школы №1 города Уяра, и заместителем секретаря комитета комс... комсомола педагогического института. Тогда он так назывался. То есть я, очень активно участвовала в общественной работе. И мой путь, собственно говоря, эм... вёл к тому, чтобы и дальше быть в... в организации, которая бы мне позволяла развивать, э свои, э, общественные по... способности, активность, участие в построении коммунистического общества. Я в это верила, и вера эта у меня, она есть. Вот, потому я и вступила в Коммунистическую партию. Партийный билет не бросала, он при мне всегда, и я сейчас являюсь членом Коммунистической партии Советского Союза.

Интервьюер: *Спасибо, что рассказали о себе. Теперь предлагаю перейти к обществу «Знание». И первый вопрос: расскажите, когда и как Вы узнали о существовании общества «Знание»?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: А, общество «Знание» вообще-то существовало в том здании, где был городской комитет комсомола. Это на Проспекте Мира, 106. И там мы... мо... общество это было, «Знание». И, поэтому, мы, как работники городского... горкома комсомола, мы участвовали, э... в той работе, э... и... по просьбе, э... ви... этих лидеров – я уже не помню, кто возглавлял, безусловно, это общество «Знание». Вот, если бы напомнил мне кто-то, я бы, наверное, вспомнила. Ну, одним словом, конечно, м... ба... и... е... наш, как бы, участок нашей деятельности, э, лидеров комсомола города – конечно это была учащаяся молодёжь. Это были школы, техникумы. Это были педагогические и другие вузы. Встречи со студентами, со школьниками. И... не... вот это... было, ну, как бы, частью нашей деятельности. Вот так бы я сказала.

Интервьюер: *Скажите, а Вы помните, когда, как и почему Вы вступили в общество «Знание»?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: А вот этого я, конечно, не помню. Я думаю, что это свершилось, когда я пришла работать на, в... городской комитет комсомола, и, нашим, моим шефом, была, м... не... партии, Валентина Гавриловна Бойкова. Она тогда была кандидатом уже, э, социологических... философских наук, прошу прощения, потом стала доктором социологических наук. И, поэтому... вот... конечно... вот это особенно, я помню этот период, и участие, когда мы стали устанавливать, м... э... в 67 году, пост №1...

Вот, посвящённый пятидесятилетию Октябрьской революции. И, конечно, я всё время выступала в школах, в техникумах, в воинских частях.

Это был момент... моего, более такого... что ли, активного... пропагандистской, моей активной пропагандистской деятельности.

Интервьюер: *Ну, вот ещё один уточняющий вопрос: скажите, обычно на какие темы Вы читали лекции в обществе «Знание»?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Ну вот, во-первых, конечно, э, вели... речь шла о... патриотическом, э, нравственном, э, политическом воспитании. О единстве, вот, нравственного, политического, духовного, патриотического воспитания молодёжи. О формах, о средствах, о методах работы с молодёжью. Э, вот, которые нужно было использовать в этой работе. И, конечно, по... по истории нашей, э... формировании, развитии истории нашей страны. Великая Отечественная война. Вот эти вопросы и... Конечно... ну, были озвучены, я очень часто с этими вопросами выступала, в школах, в институте. Вот, и, эти проблемы, угу.

Интервьюер: *Скажите, а как Вы определяли темы своих лекций?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Ну, определяла, конечно, из необходимости. Э, вот, я понимала... какая, у... мной была выработана вот эта вся общая система поста №1, э, Устав, там, и... Всё, что там надо было, э, делать, и всё... вся практическая деятельность. Потом появились, вот, ещё у нас, дзержинцы,

Потом, у... работала, очень такая... активная была форма подготовки кадров наших, комсомольского актива. Она называлась «Неунывайка». Исходя уже из того, что было необходимо... для того, чтобы деятельность эта улу... улучшалась, и была бы целенаправлена на формирование молодого человека – вот, и формировали свои темы выступлений. Это, безусловно...

И, поскольку, я педагог, все мои темы, конечно, были воспитательного, нравственного, морально-нравственного, духовного воспитания.

Потом я очень любила театр, много занималась, э... с актёрами ТЮЗа, у меня были там, вот, когда открылся в 64 году ТЮЗ, мы очень много времени проводили там, мы уже выпускниками были, и много времени там проводили. Вот, и, с... э... Попов там у нас был, Гинтас, с, э... жена, забыла фамилию. Вот, такие режиссёры, очень имеющие такое... м... я бы сказала... большой вес имеющие, вообще в театральной деятельности Советского Союза.

Вот, мы там были, вот, Малеванная, это, тоже уже известная, потом, Хрулёва, потом, э... другие пришли. Так что, вот, ещё была такая у меня тема – театр.

Мы открывали даже для студентов, эм... этот, факультатив. Я была деканом, деканом общественного факультета, кстати сказать, деканом общественного факультета, в... в Красноярском Государственном Университете.

И там, вот, «Театр и дети», вели актёры и ТЮЗа, и драматического театра. Вот, помним – Малеванная у нас участвовала. Потом вела Хрулёва, а вот, Анна Прибавочная была, актёры выступали, Дьяконов, и Жуковский ещё, успевал тогда, ещё был. То есть, была вот такая вообще деятельность, просветительская, духовно-театральная. Я бы так сказала.

Интервьюер: Скажите, а что это за общественный факультет КГУ?

Сафонова Надежда Игнатьевна: А, ну, такие факультеты открывались, на, во многих... уни... этих, университетах, и он тогда... институты, в основном, все были. Вот, в институтах факультет общественных профессий – вот, готовили лекторов, кстати, потом мы готовили ребят, э, факультет, как бы... м... да, тоже отделения были – общественники, дружинники, общественники спортивной деятельности, всё которые овладевали, и потом при дворах работали. Помните, там был «Кожаный мяч», там, это шайба – «Золотая шайба», открывали. Во... во дворах же были открыты, во всех почти дворах были открыты комнаты, по месту жительства. Это как... вот, сегодня называют, двор... эти, дома пионеров, по... дополнительное образование. А тогда, в... в ко... в каждом, эм... что ли, квартале, там, или в округе, э, вот, поблизости открывалась комната, э, она по месту жительства, где велись различные, различные кружки. Технического творчества, моделирования, там, фотографирования. И с... и даже тогда, единицы, конечно, были – робототехники, и, вот, ребята, э... тогда весь... вечерами бежали в эти... эх. А наши студенты иногда там выступали. И... где чаще, где меньше, инструкторами. И руководителями, этих кружков. Всё это было бесплатно.

Интервьюер: Угу. Ну, вернёмся к...

Сафонова Надежда Игнатьевна: Вот, дети-то были заняты, вот. Никто не вешался. Конечно, случаи, единичные были. Но, очень много, и вот эти факультеты общественных профессий – они давали вот такую возможность. Во всём просматривалась, э... Связь с поколениями. И обо всём об этом думали. И, меньше всего, как сегодня говорят – вот, все это иди... идеологизированный, идеологизированный. А цель-то была одна – чтобы воспитать человека, настоящего человека, такого, с моральными установками, э... любящего страну. И умеющего что-то делать. И вовлекать их в такие кружки, которые бы давали ему возможность быть занятым. И уже всякие там... наркотики там, ещё там что-то. А тогда не было ни компьютеров, ничего. Это было очень важно. Очень важно. Это как раз был опыт передачи от старшего поколения, э, к... эм... младшему поколению социально-нравственного опыта. Это же передавался опыт жизни, опыт отношений... людей друг с другом. Вот.

Интервьюер: Надежда Игнатьевна, а давайте, вернёмся к обществу «Знание». Скажите... И к Вашей лекторской деятельности. А... скажите, Вы с кем-то согласовывали темы своих выступлений?

Сафонова Надежда Игнатьевна: Не, я не, я не... Это, ну, были же, тогда же, ну, как это, Вы, и Вы это, наверное, застали. Были же различные отчёты. Скажем, меня, как декана, на партбюро, там, ещё там где-то.

Но, чтобы, вот, хы... мне что-то там – нет, это вы не делайте – это всё зависело, я так хочу сказать, от... подготовки этих людей. От желания работать. От страсти. Э... вот, э, вот, руководителей. Как и любых деканов. От выдумки, ну и конечно, от креативности. Да... ну и, безусловно, конечно, от многознания, или есть эти знания. Или я что-то пополняю себя, или я ничего не имею за

душой. Вот, вот от этого всего зависело. Ну, я бы не сказала, что это была цензура. А... потому, что было какое-то общее это понимание, всего этого. Что это надо делать, для того, чтобы ребёнок был занят. Или там, студент.

Вот, все эти – картошка там, выезды, всё это, студенческие отряды. Ну, что это? Это же прекрасно.

Интервьюер: *Скажите, а как обеспечилась... научность и качество Ваших выступлений в обществе «Знание»?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Ну, я не знаю, критериев, каких-то общих не было, но были опросы. Я, например, у меня... Я не знаю, наверное, недавно я выкинула. Я недавно нашла опрос студентов по своим лекциям. Сама задавала вопросы, чтобы они были интимные, э, там никто не подписывал. Всё, что они думают о моих лекциях. Вот, значит, такие опросы были. Наверно, прохо... такие опросы и проводились со студентами, и в школах. Не в... тогда начинали эти уже, коммунарские всякие, э... сборы были, когда уже открыто могли говорить, старшеклассники, в че... чу... в педагогический совет входили старшеклассники, вот, я это время у... уже зас... ещё застала. Вот. Поэтому, вот такие вот... А бо... больше что? Вот так, во... опрашивали, узнавали. Ну а, умный-то преподаватель-то сам всегда хочет совершенствоваться.

Интервьюер: *На Ваш взгляд, вот, лекции общества «Знание» были популярными у слушателей?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Конечно. Конечно. И лектора были популярные. Были популярные, у некоторых полно сидело людей, у кого-то минимум был. Конечно. Так же, как сегодня, скажем – на одних актёров народ валит, например, вот. И так же в шве... и в институтах, э, собственно говоря – студенты знают, и оценивают преподавателя. Передаётся это от одного курса другому курсу. Поэтому тут что, конечно, это было.

Интервьюер: *Скажите, как часто Вы читали свои лекции в обществе «Знание»?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Ну, это по мере необходимости. Я вот, не могу уже вот так вот, что-то вот сказать, что вот это... Звонили, говорили: «Надежда Игнатьевна, Вы можете сегодня, вот, там... в технологическом?» Я спрашивала, что там... э... А так, чтобы вот, я... Какой-то обязательности, такой – я не помню сейчас этого просто. Вот.

Я не могу это сейчас уже вспомнить. Уже сильно далеко время ворошило. (смеется) Уже сколько это прошло? Хэ... больше... полвека. Так что...

Интервьюер: *Скажите, кому Вы читали свои лекции? Кому... кому Вам больше всего нравилось читать лекции?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Ну, мне, конечно, больше всего нравилось встречи с учителями, безусловно, конечно. Потому что, у меня Знание и тут были. И, конечно, учителя, э... преподаватели, э, там, техникумов, э, вот, что су... Ну, когда-то, когда уже там уже стала деканом, мы встречались и с

преподавателями, по каким-то, ну, там, вопросам. Э, больше политическим, конечно. А так-то безусловно, конечно, мой контингент – учителя.

Интервьюер: Угу. А какая была обычно численность, э, группы людей, которым Вы читали?

Сафонова Надежда Игнатьевна: Ну, по-разному. Иногда целый зал, вот, «Неунывайка» - так вообще, целый зал «Гренады». Э, вот, сидит целый зал «Гренады». Или, вот, когда... тимуровское движение, вот такое было. Я вообще форму там носила, старшего... старшей вожатой. Это музыкальная комедия, зал весь встал. И вся в этой форме. Всё, стою, значит. (смеется) Перед этим, и... рассказываю о формах, э, о привлечении, как всё это делалось, начиная с... законов, там, ну, и так далее. По-разному, конечно, бывало. А бывало, ну, и, в группе только. А потом, когда вот, коммунарское движение – это вообще был круг. Когда лицо в лицо, глаза в глаза.

Вот, со...садились, и... начинала... начиналась. Но тут, больше, конечно, о совести, о долге.

<исключен диалог о том, как долго еще будет идти интервью>

Интервьюер: Вопрос: Вы проходили аттестацию лекторских кадров?

Сафонова Надежда Игнатьевна: Нет-нет-нет.

Интервьюер: А сами участвовали в аттестации других лекторов?

Сафонова Надежда Игнатьевна: Нет. Нет. Я, я не помню этого. Может, и был какой-то случай, но я не помню. Как декан, конечно, я, э... факультета общественных профессий, я, конечно. Аттестация, это, обычная была. Конечно, мы выдавали, какие-то удостоверения, там были у нас. Так, ещё? Угу.

Интервьюер: Кроме, кроме лекций в обществе «Знание», Вы в каких-то иных формах работы в обществе участвовали?

Сафонова Надежда Игнатьевна: Ну, я не знаю, какие ещё формы, в обществе, не знаю. Наверное, семинары какие-то были.

Я не, я не, я не помню. Вот, чтобы не лгать – я не помню. Наверное, какие-то были семинары. Наверное, нас, как ру... руководителей, собирали, нацеливали на какие-то опред... в какой-то момент, когда проходили съезды партии. Наверное, проходили, вот такие...

Эти, семинары уже самого общества, с нами.

Интервьюер: Скажите, за Вашу работу, в обществе «Знание», Вы получали какое-то вознаграждение?

Сафонова Надежда Игнатьевна: Ну, я пом... было, да, у меня была где-то грамота, вот... За это. Грамота у меня была, да. За это дело.

Интервьюер: *Ну, и тогда последний вопрос... и предпоследний вопрос. Скажите, на Ваш взгляд, как складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Я думаю, что они были, э, это, взаимозависимыми. Я считаю, что это всё очень... это... Ну, конечно, КПСС руководила. Это вне всякого сомнения. Безусловно. Конечно. Ну, и опять же, всё зависело ещё от руководителя. Наверное, где-то, в архивах, это, есть, э... кто был, и количество. Я вот, знаю, что, эм, это, Бибикова, под пионерской организацией, она, и в архивах, я вот, целыми, приходила, и, там, целыми этими, страницами просто брала материал в архивах.

Сафонова Надежда Игнатьевна: Ты в архивах-то работаешь ведь?

Интервьюер: *Конечно, да.*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Ну вот. Вот, я думаю, что, в архивах это, это всё и есть. И там, конечно, и количество...

Интервьюер: *Какую роль играло общество «Знание» в распространении научных и политических знаний среди советских граждан.*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Ну, ну, имело, я не скажу, что огромную роль. Но оно и, конечно, играло определённую роль. Э, в... информации чело... населения. И, конечно, в информировании. Не, в... знаниях, потому что одно дело – медики говорят, другое, значит – учителя. Там, инженеры, там, высш... высшая партийная школа. Это же всё пропагандисты. И, м... конечно, направленность, а... она была очень разнообразная. Самая разнообразная, лекторская. И, вот эта группа, вот, ме... те... международники, помню, были такие лектора. У которых, в то... и разбирали, и приглашали лекторов. Вот. И, поэтому, я думаю, что в распространении знаний общества – оно и называлось так, и оно и имело большое значение. Более того, там, э, и как бы, выявлялись, и определённые лидеры. Какие-то качества, у лидеров, которые фиксировались, э, руководителями, наверное. Для того, чтобы дальше их продвигать. И... вот такая, наверное, задача. Может быть, она специально и не ставилась, но это ещё ясно.

Что, не только, вот, читали, но ещё и видели, этот уровень. Продвижение, но вот, как, как, как строить потенциал.

Интервьюер: *Последний вопрос. Вы продолжаете сейчас работу в обществе «Знание»?*

Сафонова Надежда Игнатьевна: Я не продолжаю работу сейчас в этом обществе, потому что, у... у меня уже, я так скажу, физических сил на это нет. А тогда вот, были, сейчас, комсомольские вот эти, собирались мы, ко... Я выступала в музее, в краеведческом. Столетие, вот, комсомола.

Я выступала, э, в Доме офицеров, э... там. Но это, ну, как бы... знаменательные даты. Но я очень много пишу, вот.

Мои статьи даже в «Литературной газете», о Макаренко. У нас, эм, ассоциация же, макаренковская существует. Она на базе, э... этого... м... этого, как его... Господи... школы, э, при... детской колонии, Канской. Возглавляет её Бибикова, а я там, научный, как бы, руководитель. Там... э... входит профессор, возглавляет он в университете, ВСУ, кафедру уголовного права.

И у нас там, конечно, определённый пласт деятельности. Вот, всё, что связано, с Антоном Семёновичем Макаренко. Внедрение этого опыта, в прошлом году, мы вообще провели, собрали, э... от Калининграда и до Сахалина, воспитателей, директоров школ при детских колониях. Из МВД. И, это... Ну, работали мы два дня. У нас было семь секций. И, конечно, мы пахали. В том числе, у меня был главный доклад, э, о Макаренко. Я выступала в пединституте, в зале в этом. В главном. Вот, так что...

Интервьюер: А когда и почему Вы перестали быть членом общества «Знание»?

Сафонова Надежда Игнатьевна: А они все, по-моему... Это же прекратилось, наверное, после 91 года. Всё же распалось.

И, потом, я вдруг, как-то прочитала, что, э, Швецова, э, Швецовой поручили... (смеется) Это где-то уже... Она умерла в 12, где-то, в 2010, я, по-моему, про это прочитала, что ей поручили, как бы, возобновить эту деятельность.

Интервьюер: Понял. Спасибо, Надежда Игнатьевна.

Сафонова Надежда Игнатьевна: А, ну, всего доброго, Андрей.

Интервьюер: До свидания.

Стенограмма сверена с аудиозаписью 11.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Гладчуком Валерием Яковлевичем,
лектором общества «Знание» в 1963 – 1982-е гг.**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
phone_20190211-091158__79632676639.amr (40:52)

Дата и время проведения интервью: 11.02.2019 г., 09:11-10:05 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Гладчук Валерий Яковлевич

Стенографирование аудиозаписи: Шумилин Роман Александрович

Интервьюер: Здравствуйте, Валерий Яковлевич!

Гладчук Валерий Яковлевич: Андрей, здравствуй!

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Гладчук Валерий Яковлевич: Угу.

Интервьюер: А, ну, прежде чем перейти к обществу «Знание», нужна общая информация о Вас. Поэтому, первый вопрос: скажите, когда Вы родились? Расскажите о Ваших родителях, о Вашей семье.

Гладчук Валерий Яковлевич: Я родился 18 ноября 1941 года.

Отец у меня – военный, погуб в 44 году в Румынии. Он был авиатехник. Вот. Обучался в Ачинском АВАТУ, и 25 октября 41 года, весь ихний курс был направлен под Москву. Вот. Но погуб он в Румынии.

Мать моя – она начинала работать, э, секретарём сельсовета, а потом была председателем сельсовета. Вот. Так что, таким образом. Но я с матерью не жил с 12 лет. С 12 лет я не жил, она работала в спецорганах, ну, так называемый, СМЕРШ. Ее забрали в 43 году, потому что много было дезертиров из Малоивановского сельского совета. Знаменитая семья Лопатиных. Там все четыре брата, и их старшие сыновья дезертировали под Тюмень. Были только они арестованы в 56 году, в Бирилюсском районе, на границе с Томской областью. Вот, после этого она в 50 году вернулась, где-то в первых числах мая месяца. Затем проработала в колхозе, заведующая детского сада. А... где-то в октябре... декабре была взята работать в Райзо – Ачинский районный земельный отдел. Поработала там, в Райзо. Затем, когда Райзо были расформированы, работала в Райплане. И кончила работу бухгалтером Ачинского райисполкома в 78 году. Но она из жизни ушла у меня в 2005 году, 11 ноября.

Интервьюер: А родились Вы в каком году, какой местности?

Гладчук Валерий Яковлевич: 18 ноября 41 года.

Интервьюер: А где?

Гладчук Валерий Яковлевич: В Ачинском районе, деревня Малая Ивановка.

Интервьюер: *Расскажите о своём образовании. Где Вы учились, и на кого?*

Гладчук Валерий Яковлевич: Ну, я начал учиться в начальной Преображенской школе – деревня Преображенка, где я жил до 12 лет. Четыре класса кончил.

Затем, когда я переехал жить к матери, бабушка уже уехала к младшему брату, э... сыну, вернее. А мы с матерью стали жить с пятьдесят второго года, с июня месяца. И я учился в десятой... школе города Ачинска. Это была базовая школа Ачинского пединститута. В Ачинске был пединститут, который готовил учителей начальных классов. Она была семилетка, эта школа, десятая. Э, значит, кончил я, после этого перешёл в Ачинскую первую школу имени... Пушкина, на Льва Толстого, 15. В Ачинске кончил ... десять классов, в 58 году. Поступил в сельхозинститут, Красноярский. В августе, пятьдесят, э, восьмого года. И кончил его 30 марта 63 года. Ну, а потом уже пошла трудовая деятельность.

Интервьюер: *Вот, расскажите о своей работе. Где и кем Вы работали?*

Гладчук Валерий Яковлевич: Уууу! Это долго говорить. Я начал работать агрономом центрального отделения совхоза Солонцы с 23 апреля, по 19 декабря, 63 года.

С 19 декабря 63 года, по март 66 года, был управляющий центрального отделения совхоза Солонцы.

Затем, с марта 66 года, по, э, июнь 67 года – старшим, э... агрономом всего совхоза Солонцы.

А с 20 июня 1966... 67, извиняюсь, года – главный агроном Красноярского тепличного комбината, деревня Шумково, это посёлок Берёзовка, на правом берегу... Но это был уже Емельяновский... ещё, ещё район, тогда. Работал там до 20 августа 72 года.

20 августа был переведён главным агрономом ОПХ – опытно-показательного хозяйства Солонцы. Где проработал до... 8 сентября семьдесят... пятого года.

С 9 сентября 75 года, по 3 января 80 года – директор Красноярского тепличного совхоза, в Шумково.

С 3 января 80 года – по... 20 мая 82 года – директор треста «Овощепром» Красноярского края. А затем – первый заместитель начальника плодоовощхоза, когда был расформировано Министерство плодоовощного хозяйства Российской Федерации, РСФСР, вернее.

С декабря семьдесят шестого года по 10 мая, значит, 88 года – начальник производственного объединения «Красноярск плодоовощхоз». Куда входили совхозы, базы плодоовощного хранения и торговая торговля, 64 магазина города Красноярска.

«Горплодоовощторг» был основными поставщиками продукции, включая и импортную продукцию, для всех служб, которые были в крае. Это были ОР-Сы, УРСы, воинские части, и так далее. Всё снабжение шло через «Красноярск плодоовощхоз» плодоовощной продукции, включая консервы.

Ну, а потом, я скажу тебе, с какого – с 7 мая 88 года я был избран директором совхоза Солонцы. Проработал там до 14... мая 92 года. Затем, перешёл..., снова вернулся – Сергиенко меня попросил, Валерий Иванович, – в государственное кооперативное объединение «Плодоовощпром». Я проработал там до апреля 94 года. Потом мы его ликвидировали.

И я ушёл вице-президентом в «Красноярск агропромтехника». И проработал до... марта девяносто... Сейчас скажу, какого года – 92 года... нет, вернее – до марта 90 года.

А с марта 90 года был помощник депутата Заксобрания Беляева Василия Петровича. По третье января 92 года. Затем ушёл на пенсию, а 20 апреля был избран председателем Красноярского союза садоводов, в должности которого нахожусь до сих пор.

Интервьюер: А 20 апреля, какого года?

Гладчук Валерий Яковлевич: 92 года.

Интервьюер: А скажите, когда и почему Вы вступили в КПСС?

Гладчук Валерий Яковлевич: В КПСС я вступил как добросовестный комсомолец. Тогда мне было 29 лет. В январе 70 года, я был членом КПСС. Я был главный агроном совхоза «Красноярский тепличный комбинат», вот, по рекомендации директора совхоза, Виктора Яковлевича Эльцеля и зам. директора по хозяйству Ковалёнка, э, Тимофея Владимировича. Вот. А с 64 года, по 70, по 69 год, я был членом Емельяновского бюро райкома комсомола Емельяновского района. С 64 по 70 год.

Вот, в это же время, в это же время, это в шестьдесят, э... пятом году... 66, вер... да, в 65, я был ещё управляющим, но уже был член общества «Знание» Емельяновского района. Мы назывались... так сказать, пропагандисты... передового опыта производственного... У нас было производственное направление. Мы первые в... в крае в ней ввели у себя в отделении, использование для скармливания коровам подготовленной, дражированной, и так далее. Такие компоненты из грубых кормов, как солома. Её, значит, мы дробили, запаривали. И у нас был самый высокий надой по... по... Емельяновскому району. Вот, особенно в зимнее время. Мы где-то доили до... до 11 литров на фуражную корову. И занимали одно из первых мест, на протяжении где-то двух с половиной лет. У нас приезжали... много других хозяйств, изучали этот опыт, потому что тогда была бескормица, кормов было мало – я имею в виду сено. Ну, силос у нас был тогда, хватало. А вот сена не хватало. А грубые корма коровам необходимы, какосновной корм, где клетчатка, и т.д., и т.п. Вот, таким вот образом.

Но, и, у меня была в обществе «Знание» тема одна – «Выращивание овощных культур в открытом грунте», когда я ещё работал в Солонцах. А, когда я уже переехал в Тепличный – и в защищённом грунте. Так что, и не только были, издавались... мы читали, лекции на занятиях, специально проводили эти курсы переподготовки бригадиров-овощеводов всех 16 овощемолочных совхозов Красноярского края, включая Хакасскую автономную область – у нас там было четыре совхоза – Означенский, «Знамя Коммунизма», Ташебинский и

Усть-Абаканский. Усть-Абаканского потом сделали ещё... Построили тепличный комбинат, уже когда был директором совхо... э, треста. Э, в посёлке Зелёный, это между Абаканом и Черногорском. Вот, таким вот образом.

Интервьюер: *Ну, несколько уточняющих вопросов. Скажите, когда и как Вы узнали о существовании общества «Знание»?*

Гладчук Валерий Яковлевич: Как – когда? Во-первых, я был, когда в институте учился, я первый... У нас был шестой выпуск агрономов, с начала создания нашего Красноярского сельхозинститута, и я был членом научно-технического, э, общества студентов Красноярского, а, а. сельскохозяйственного института. И я защищал первый диплом. Это был шестой выпуск. Первый диплом. Не государственный экзамен, а диплом. Был защищён 25 марта 63 года. Это «Влияние микроэлементов на повышение урожайности огурцов и качество огурцов в открытом грунте Песчанского отделения совхоза Солонцы». Я там специализированную практику проходил два года: 61 и 62 год. А в 63 году, 25 марта, защитил диплом. И, кстати говоря, мои, э, мои, значит... Из дипломной работы мои материалы издавались в Восточносибирском отделении Академии сельскохозяйственных наук РСФСР. Вместе с моим, э... моим руководителем. Николаем Семёновичем Симаковым, у нас там было две статьи, больших. Вот так вот. Что тебе могу ещё сказать?

В 55 году я был участником второго слёта юннатов СССР в Москве, на ВДН... ВСХВ, и по... и получил золотую медаль, первую. Золотую медаль ВСХВ, мне был четырнадцатый год.

Интервьюер: *Скажите, а когда и как Вы вступали в общество «Знание», помните?*

Гладчук Валерий Яковлевич: Ну, как тебе сказать, в обществе «Знание»... У нас же общество «Знание» же было краевое, было по районам. У нас возглавлял общество «Знание»... секретарь по идеологии Хабанов Леонид Андреевич в Емельяновском районе. Вот, и... м... у нас... Ну, я хочу тебе сказать, мы же по направлению были. У нас были и из школ... из... из школы, Солонцовской, средняя школа, у нас была, Дерзунов был, Альберт Михайлович, директор школы. Он возглавлял педагогическое направление – то есть, воспитание детей и так далее, спорт, и шахматы, и вот это всё, всё через общество «Знание» шло. Учили тогда, кружки были созданы. И он возглавлял.

А я занимался, ещё раз говорю, конкретно – выращивание овощей, потому что я же готовился, агроном, учёный-агроном, овощевод и поэтому – моя задача была – обучать. Были, проводились курсы, это в феврале месяце. Каждый год, да, февраль-март месяц – курсы, по... для... э, бригадиров овощеводческих, э, значит, бригад. Вот, 16 овощемолочных совхозов, которые были специализированы, где-то в шестьдесят... с 59 года, специализация проходила, в крае. И, специально, занимался этим вопросом. Ну и, кроме того, ещё, общество «Знание», э, политзанятия, э, с комсомольцами. Тоже через общество «Знание» шло. Хотя, там уже, чисто было, ну, так сказать, направление одно – марксизм-ленинизм, и его, так сказать, э... пропаганда деятельности среди молодёжи.

Интервьюер: Ясно. Ну вот, давайте вернёмся к Вашей теме. Скажите, как Вы определяли темы лекций, которые читали?

Гладчук Валерий Яковлевич: А это была программа. В обществе «Знание» были программы разработаны. И, согласно этой программе, мы готовили лекции, писали конспекты. И, на основании этих конспектов, проводили занятия.

Занятия проводили по овощеводству. То есть, с бригадами. Эм... для курсов, которые проходили при сельхозинституте. Потом была создана, эта, школа переподготовки. Возглавляла её Ващенко Варвара, э, Никитична. Герой соцтруда. Проектным институтом был создан в институте такой отдел – переподготовка и повышение квалификации АПК – агропромышленного комплекса. Вот, и ку...там занимались а... си... у себя, и в совхозе Солонцы, и в совхозе – Красноярском тепличном комбинате. Проводили занятия обязательно со всеми тепличницами, парниководами. В основном, тепличницами и парниководами. Парниководы – это которые выращивали рассады и всё остальное в парниках. И тепличницами. В открытом грунте... Занятия мы... бывали у нас, парниководы были, но занятия у нас не проводились с работниками открытого грунта, дабы их было очень мало – в основном ведь, в открытом грунте были... Бригады, помощник бригады, ну, механизаторы. А основная рабочая сила в открытом грунте были – шефы. У городских предприятий, организаций, которые, решением крайкома, к... крайкома, крайисполкома были закреплены за соответствующими хозяйствами овощного направления. У нас же, Емельяновский район был большой, вместе с Берёзовским. И у нас были совхозы, которые входили и вот в это овощеводческое направление – Есаульский, Берёзовский, Зыковский, Красноярский тепличный, на правом берегу – четыре. И на левом берегу – Солонцы и Емельяновский совхоз. Но... в начале, в начале, где-то, шестидесятые, шестьдесят, до шестьдесят, где-то, э... Сейчас скажу тебе. До шесть... До семьдесят, вернее, четвёртого года – ещё занимались овощами, немного, по направлениям – Частоостровский совхоз, э, значит, Устюжский совхоз. Вот. Эти совхозы занимались, ещё, дополнительно. А потом, когда уже закончилась полностью специализация – они стали молочно-картофельное направление. А... вот эти совхозы, которые я сейчас говорил, ранее – они так и остались овощемолочным направлением. А тепличный – чисто овощеводческим стал, с 1973 года.

Интервьюер: Ну, а расскажите, как организовывались? То есть, вот, со всех совхозов куда-то свозили, а...

Гладчук Валерий Яковлевич: Да, со всех совхозов привозили бригады, э, и тех, кто готовились до брига... бригады, совхозы определяли. Ну, собирались где-то на курсы порядка 30-32 человек.

И лекции были по всем направлениям. Мы читали лекции не только по... э, выращиванию рассады. И выращиванию овощей в закрытом грунте. Но и, лекции по выращиванию овощей в открытом грунте.

Кроме того, основных культур, которые у нас были в крае, там – капуста, морковь, свёкла. Ну и ряд зеленных, небольшой набор зеленных – но ещё...

занимаемся пропагандой новых овощных культур – кабачки, патиссоны, петрушка, пастернак. И так далее, и так далее. В общем, я тебе хочу сказать так – в тысяча девятьсот семьдесят э, в третьем, в четвёртом... семьдесят третьего года... Даже нет, семь... семидесятого года, у нас было введено, в крае, кроме основных культур, ещё 20 культур, которые были, включая даже старинную культуру, которая была основой овощной продукцией – это репа. Её же не... не выращивали, а мы потом стали выращивать репу и всё остальное.

Интервьюер: И всё это благодаря обществу «Знание»?

Гладчук Валерий Яковлевич: Всё это... Да, пропаганде. Нет, не только обществу «Знание», это... как специалисты, мы начали внедрять для прода... для реализации населению. Тут общество «Знание»... постольку-поскольку, что надо знать специфику выращивания этих культур. И довести, как получить устойчивый урожай, не только, э, в валовом сборе, но и качественный чтобы был урожай. Вот. Особое внимание, начали заниматься где-то, э, с... с се... с шестьдесят... Сейчас тебе скажу. С 68 года.

Кроме того, что выращивать овощи, для свежего употребления, и для хранения – мы начали заниматься ещё и вопросом хранения свежей капусты. До марта... до мая месяца. То есть, до получения урожая капусты свежей, из Средней Азии – Узбекистана, Таджики... Туркменистана, когда нам, тогда, в мае уже завозили свежую раннюю капусту. Вот. А до этого мы, э, были сво... создана восьмая база, это на Богдана Хмельницкого, на правом берегу. Вот, сначала были траншеи, где она потом уже хранились. С вентиляцией, с активной. И мы хранили в Красноярской, где-то порядка семи... семи тысяч тонн свежей капусты.

Это тоже одно из направлений, потому что, ну, одно дело квашеная капуста, а другое – круглый год свежая капуста. Ну, много было вопросов ещё. Вот, я вчера тут, пользуясь тем, что стал пересматривать какие-то старые газеты, э... тут наткнулся на проректора мединститута Гливенко Веру Филипповну. Она была доктор медицинских наук, и её направление было лечение щитовидной железы. Это, так сказать, базедова болезнь.

Вот, и она внедрила... Вы вот, сейчас вот, лук покупаете в магазине – в пучочках, очищенный, без всякого безо всего. А мы его выращивали, продавали вместе с головкой. Выборка пера была. То есть лук выборков продавали вместе с головкой. Выборка пера была. То есть, лук выборков, от... до трёх сантиметров в диаметре – его высаживали в теплице массовым способом, сплошным. Затем, через 2-3 недели его вырывали, и, вместе вот с этими, с ко... э... вместе с луковицей, с чешуёй, со всем – торговали. Но никто, же не знал, что этот лук обрабатывался трижды калий йодистым.

И вот, когда человек чистит этот лук – там же мы и плачем иной раз, и слёзы бывают. Так вот, это была, можно сказать, ингаляция. Э... значит, ионы йода попадали в организм. И, надо сказать, что... болезнь щитовидной железы, особенно в городе Красноярске, из-за нехватки йода в енисейской воде, вот это, значительно снизилась. Но это заслуга была Веры Филипповны Гливенко, про-

ректора медицинского института. Вот. Так что, есть что... И, а мы всё это делали в тепличном комбинате.

Мы выращивали, это порядка, э... тысячи тонн зелёного лука, с ноября по май... по апрель месяц. А с апреля уже начинали выращивать, выгонять лук-батун, и так далее, и так далее.

Интервьюер: *Вот, скажите, а как Вы пропагандировали эти результаты?*

Гладчук Валерий Яковлевич: А очень просто. В магазины. Сдавали в магазины...

Вот, и когда мы, специально, это достать, и сказать в Красноярском радио. Были специальные, значит, темы, программы пропаганды.

Причём, не только пропаганды, как вырастить, как что. А ещё привлекались и шеф-повара, в крупнейших таких ресторанах, как «Аэропорт» – ресторан был в аэропорту, в Красноярске – «Енисей» и «Арктика» на правом берегу, «Такмак». А «Енисей» был, вот здесь, сейчас, рядом с театром Пушкина – здание, которое передали именно театру Пушкина. Это был ресторан «Енисей». И вот, и мне приходилось, вместе с поварами, значит, это всё показывать, не только по радио, но и по телевидению.

И готовили, например, вот, с тыквы. У нас был такой, знаменитый повар – Андрей Васильевич Иванов, с ресторана «Аэрофлота». Он готовил из тыквы порядка 20 видов, значит, э... пищевых продуктов. Блюда из тыквы. Вот. Из репы, и так далее, и так далее.

А как пропагандировали кабачки. Сначала был такой Алексей Семёнович Кулешов, председатель Красноярского горсовета. Так вот, мы вырастили кабачки – а куда девать, и как девать? И было принято решение горисполкома – в первую очередь кабачками торговать возле тех заводов, где много приехало на работу с западной стороны, с европейской территории. Это завод Медпрепаратов, завод «Красмаш», «Сибсталь», и так далее, и так далее. Там очень много было привлечено – химкомбинат «Енисей». Очень много было специалистов с запада. И вот, мы, потихоньку-потихоньку внедряли.

Первый год, я помню, в шестьдесят девятом году или в шестьдесят восьмом году. Мы продали за год... за осенний период девятнадцать тонн кабачков. А затем завели эту реализацию в городе Красноярске до 140 тонн. А потом стали – в Абакане, в Ачинске, Шарыпово, Канске, Лесосибирске, который как раз, сформировался. Тоже внедрять, и, уже в наших пригородных совхозах, было специальное особое внимание уделяли зеленым культурам. Они и быстрорастущие, и содержащие очень много полезных микроэлементов, и других элементов, кислот аминных, и так далее. И всё это было, реализовывалось через магазин.

И не только это, это и газеты – «Красноярский рабочий», э... «Красноярский комсомолец». И ещё кто-то, какие-то районные газеты. Там тоже были заметки о новых культурах и блюдах из них, и так далее, и так далее. Вся пропаганда была, широкая. Но в этом был заинтересован крайисполком и крайком партии.

У нас был такой знаменитый секретарь крайкома партии – Александр Акимович Кокарев. Вот, 12 марта этого года будет 27 лет, как он ушёл из жизни. Так что... пропаганда была всесторонняя, и, причём... были особые требования к общепиту. Чтобы все овощные культуры в общепите пропагандировались, новые блюда, новые культуры. И на это обращалось особое внимание. Вот так вот.

Интервьюер: *А скажите, как часто Вы сами читали лекции?*

Гладчук Валерий Яковлевич: Ну, ну... лекции. Я вот даже тебе не скажу – как часто. Ну, вот, когда курсы идут – они идут где-то 25-28 дней идут. Так вот, считайте – каждый год, где-то лекций 12 мне приходилось читать. Кроме того, кроме того, э, у нас же были ещё и студенты на сельхозработах, в том числе и с техникумов, и из училищ, и институтов. Ну, когда они приезжали, особенно абитуриенты к нам приезжали на сельхозработы мы им рассказывали про овощи. Ну, рассказывали им самое главное – как убирать овощи, чтобы они долго хранились. То есть – правила обрезки, правила, э, уборки. И так далее, и так далее.

Но ведь мы же тогда всё это работали бесплатно. От общества «Знание» мы никогда никаких денег не получали. Это была наша обязанность как специалистов-агрономов. Вот.

Что сказать о зоотехниках – то я не могу сказать. Ну, у нас тоже были, вот, у нас – Пашков, э, Владимир Георгиевич был, главный зоотехник, замечательный. Васса Петровна Тихонова, зоотехник, тоже, селекционер. Но они занятия проводили в животноводческом кругу.

Когда был управляющим отделения... А мы, кстати говоря, переходили на хозрасчёт, когда только начало это внедряться в... в РСФСР. И мы проводили ежемесячно, в животноводстве... начиная с октября и кончая до выхода на... на... пастбища, до м... до конца мая месяца – то они ежемесячно подводили итоги экономического развития. Вот, кто, сами животноводы, плотники, доярки – определялись, а почему больше затрат, где что сократить, где что увеличить. И так далее, и так далее. И эти были экономические курсы были. Но на экономических курсах сначала мы проходили переподготовку – вот, управляющий отделением, в школе АПК, проходили подготовку. Ну, это я где-то в 64 году.

Внедряли ещё, э... какой-то... коллективный подряд. Была такая форма организации. То есть, э... пэ... эти механизаторы, э, выращивали одну какую-то культуру – будь то картофель, там, или кукуруза, и так далее. И занимались этим. И для этого проходили с... с... совещание по передовым технологиям, ВСХВ – на выставке сельскохозяйственной. Ежегодно, где-то, март, апрель... март месяц – были занятия, и там мы тоже принимали участие, но там мы слушали лекции учёных Тимирязевской академии, других институтов, и передовых хозяйств. Которые занимались производством овощей и картофеля. Но у меня была узкая специализация: овощи и картошка.

Интервьюер: *А, э... Валерий Яковлевич, а что, Вам за лекции вообще никогда не платили?*

Гладчук Валерий Яковлевич: Нет. Нет. Это была наша обязанность. Никто ничего не платил. Может быть, по другим направлениям было, но у нас – не было. Мы работали, как говорится, в порядке общественной нагрузки.

Интервьюер: *Ясно. Валерий Яковлевич, скажите, а как, на Ваш взгляд, складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Гладчук Валерий Яковлевич: Нормальные были отношения. Самые нормальные отношения. КПСС, э, была заинтересована в том, чтобы, как бы, знания, технологические знания, профильные, доходили до каждого, кто конкретно занимался в той или иной отрасли. Вот, и, это позволяло, и получать высокий урожай, и получать качественную продукцию, при реализации. Реализация определялась качеством сдаваемой продукции, чтобы меньше было нестандартной продукции. Вот, и... а когда был более стандартный продукт – она и лучше и реализовывалась, в свежем виде, и лучше хранилась, э, где закладывалась, и хранилась для последующей реализации.

Много технологических приёмов было ещё у нас изучено и внедрено. Вот, мы из Омска привезли активную вентиляцию, хранение овощных культур не в таре, а навалом. Были реконструированы эти базы хранения. Первую базу мы где-то строили в Дороховском совхозе у Владимира Ивановича Колоти. Я сейчас скажу – я в феврале 80 года проводил у них баланс, был. В марте месяце отправил директора и главного прораба в совхоз, те... Омский тепличный комбинат. Где была, э, внедрена активная вентиляция. Они переделали свои хранилища по картофелю. И, надо сказать, когда я проводил балансовую вторую, в июле месяце 80 года, то 70% картофеля в совхозе Дороховский на семена сгнил. И пришлось закупать 500 тонн у населения. Но мы уж, к сентябрю сумели переделать, э, д... два склада, на тысячу тонн, и 500 тонн каждое. И, на следующий год уже, совхоз при хранении картофеля на посадку смог, смог не только обеспечить посадку внутри совхоза, 400 гектар картофеля, совхоз Дороховский, из Назаровского района, но и реализовать ещё, крупную фракцию, порядка 100 тонн, вот где, здесь, в весеннее время, для отправки в сторону Игарки и Дудинки. Это Игарский был док, ЛДК №1. И, в Дудинку, в морской порт. Для... этих, работников морского, речного флота. И для лесников, который был крупнейший лесоперерабатывающий комбинат, в Игарке.

А до этого закупали восемь... 900 тонн. Вот это... А потом это уже пошло во всех, во все хозяйствах. И, не только хозяйствах, но и в Горплодоовощторге переделали все базы. Во-первых, специализация баз была. Вот. И лук хранился на пятой базе. Капуста – на восьмой базе, для длительного хранения. И на четвёртой, правда, базе. Но пришлось склад, который был, сделанный, большой, на 4 тысячи тонн – сейчас его уже там нет на этом месте, там стоит автозаправка «Техас», вот – и пришлось его переделать. Почему? Потому что хранение – 4 тысячи тонн в одном... Закладка – это ещё ничего, это осень, где-то, сентябрь, первая декада октября месяца. А реализация-то шла в марте. А склад общий, 4 тысячи тонн, никаких перегородок, ничего. А потом пришлось всё это переделывать. Вообще, это была большая работа, здесь большую по-

мощь оказал, э... Красноярский горком КПСС, Капелька Владимир Прохорович. Ну и, этот, Лобачёв Евгений Семёнович.

Мы переделали все, все хранения на активную вентиляцию. Во-первых, увеличилась, э... объём хранения – было 30-32 %, вот, и повысилось качество сохранности продукции, то есть, отходы сократились где-то раза в два с половиной. При, вот, активном вентилировании. Но это пришлось много потрудиться.

Интервьюер: *Так вот, скажите, как Вы достигали таких результатов. А как быстро эти знания распространялись через общество «Знание»?*

Гладчук Валерий Яковлевич: Ну, как – быстро? Ведь проводились занятия со всеми, э, бригадами. Ежегодно было повышение квалификации. Это была норма для всех. Оно быстро и внедрялось.

Вот, я говорю, я стал директором треста, взял директора совхоза Дороховский – они сделали склад. А потом я всех директоров, главных агрономов, главных инженеров, главных прорабов всех совхозов привёз в Дороховский совхоз, и два дня провели с ними занятия – и всё. И уже на следующий год у нас, кроме хранения в Дороховском, во всех совхозах были переделаны хранилища под активную вентиляцию. А потом уже в Горпо... Горплодоовощторге всех директоров баз привозил в Дороховский совхоз. И у... и, руководство Валентин был, этот, наш Витольд Яковлевич, первый се... заместитель председателя горсовета, который курировал торговлю и хранение, закладку, и всё прочее. Их свозил, показал. Но тогда были у нас не только, э, директора баз плодоовощторга, но и руководители УРСов, у которых были хранилища для хранения. И они своих уже ОРСов, руководителей, где были базы хранения, от лесников особенно. Тюкавкин, Василий Иванович... Василий Андреевич, был. У него же было где-то порядка 40 ОРСов. Самый крупный был УРС – управление рабочего снабжения. Вот, и они стали внедрять везде, э, это, вот этот... технология активного вентилирования.

Но пришлось долго искать самый главный вентилятор. А это были шахтные вентиляторы, 16, 18 номер, которые давали большой объём, эм, подачи воздуха в минуту, и так далее, и так далее. И там очень интересная технология была.

Интервьюер: *Валерий Яковлевич, Вы ранее сказали, что Вы закончили заниматься в обществе «Знание» где-то в 82 году, да? Это точно?*

Гладчук Валерий Яковлевич: Да.

Интервьюер: *А, с чем это было связано?*

Гладчук Валерий Яковлевич: Это... Ну, это, я ушёл, да. Я уже... Когда начал директором плодоовощхоза – всё. Я лекции-то, читал, но не от общества «Знание». Мы свои проводили курсы. Занятия, обязательно было, причём они показательные были – вот, дражирование семян в тепличном комбинате, когда я там директором, и всё это ре... реализовали, и... и всем показывали. Все стали заниматься, э, дражированием семян, э, чтобы повысить, э, всхожесть семян. Чтобы увеличить, э, значит, э... ну, качество всходов, и так далее, и так далее.

Интервьюер: А почему Вы эти лекции читали уже не через общество «Знание», а сами, через систему повышения квалификации кадров?

Гладчук Валерий Яковлевич: Потому что я начальник плодоовощхоза был, а мне, зачем было общество «Знание»? Оно там не нужно было. Вот.

И тогда и общество «Знание» начало несколько уходить. Оно стало уходить на естественные науки. На общие, так сказать, социальные проблемы и т.д., и т.п.

А уже когда прошла специализация производства – а зачем через общество «Знание»? У нас были соответствующие структуры управления, и были обязательные занятия. И, тем более, ещё второй момент был – агропромышленный высший совет квалификация в агропромышленном комплексе, было поставлено на твёрдую основу. И раз в пять лет директора, у... совхозов, председатели колхозов, проходили переподготовку. Это была нормативная база уже. Общество «Знание» уже пошло на другие, так сказать, направления.

Интервьюер: Ну, понял Вас, спасибо.

Гладчук Валерий Яковлевич: Наша специализация – она же позволила нам и решать эти вопросы.

Интервьюер: Понятно.

Гладчук Валерий Яковлевич: Пожалуйста, Андрей.

Стенограмма сверена с аудиозаписью 13.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Дроздовым Николаем Ивановичем,
лектором общества «Знание» с 1975 года, президентом Красноярской
краевой организации общества «Знание» РФ с 1999 по 2015 годы, членом
Общероссийской общественно-государственной просветительской органи-
зации «РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
Моя запись 8.wav (48:33)

Дата и время проведения интервью: 13.02.2019 г., 13:25-14:40 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Дроздов Николай Иванович

Стенографирование аудиозаписи: Шумилин Роман Александрович

*Интервьюер: Так, запись включена. Значит, прежде я должен вам со-
общить информацию о самом исследовании. (произносится информация об
исследовании и этические обязательства исследователя)*

Дроздов Николай Иванович: Только советские годы получается?

Интервьюер: Советские, да. А.. прежде чем придем к обществу «Зна-
ние», значит, хотелось, чтобы вы рассказали немного о себе. Расскажите
где и когда вы родились, кто Ваши родители? Расскажите о вашей семье.

Дроздов Николай Иванович: Это можно было в справке взять, ну...

Родился я 21 августа 1947 года на хуторе Черниговская Кабардино-
Балкарской АССР Прохладненского района. Там же закончил в городе Про-
хладном среднюю школу.

Вот занимался спортом, стал мастером спорта в 17. Даже 17 лет не было,
и переехал, позвали меня в Сибирь. С Северного Кавказа, ну север, это север
уже одно слово говорит и на север в Сибирь в город Ангарск спортклуб «Ер-
мак». Вот я там тренировался. И там же пошел учиться.

В университет не поступил, поступал в университет Иркутский на фа-
культет журналистики. Не прошел по конкурсу. И нужно было тогда, было
принято, чтобы был рабочий стаж. Рабочего стажа, понятно, не было. Я забыл
сказать, что я мастер спорта по велосипедному спорту, меня бы тогда взяли вне
конкурса. Вот и... я пошёл учиться в профтехучилище, профтехучилище в Ан-
гарске, закончил его, работал на заводе, был прикреплен к спортклубу «Ермак»
в Ангарске, таким образом.

Э... после этого я поступил в техникум физкультуры в Иркутске, хотел
стать тренером, но после техникума физкультуры поступил в Иркутский госу-
дарственный университет на исторический факультет. Закончил. Начал зани-
маться наукой, закончил, и был направлен в Красноярский краеведческий музей
работать, и одновременно в педагогический институт на исторический факуль-
тет преподавать археологию и этнографию, и историю Сибири.

Таким образом, я в 1973 году состоялся истинным красноярцем. До которого времени проживаю и сейчас.

Затем была аспирантура в Сибирском отделении академии наук в институте фило... истории, филологии и философии Сибирского отделения в Новосибирске, вот... защита диссертации. А затем была защита докторской диссертации там же, в том же совете.

Вот, но... в Красноярске было два общества, которые были, ну, мне интересны. Общество по сохранению памятников, тогда ВООПИК, так называемый, и общество «Знание». Общество «Знание» эти в одной степени сохранение, как мы сейчас говорим, культурно-исторического наследия. Меня интересовала как историка, как гражданина Красноярского края. Потому что в Красноярском крае комсомольские стройки в то время были, КАТЭК, Богучанская ГЭС, в Норильске строился комбинат, в Хакасии вагоностроительный завод и так далее, потому что Хакасия была частью Красноярского края, это Минусинская перчаточная фабрика и прочее. Так вот, сохранение культурного наследия, то есть археологических памятников, там было много курганов, необходимо было их исследование, сохранение и так далее. И, конечно, одновременно популяризация этих э... объектов. Или вообще далёкого прошлого Красноярского края.

Я пришёл в общество «Знание» через, потому что ячейка была в педагогическом университете. Тогда все вузы, которые были в Красноярске, имели свои отделения. Было городско... краевое, городское и отделение по районам, районное отделение и центральный район, был район цент... отделение Центрального района, в который входил педагогический тогда институт. Э, вот. Э... были руководители, в том числе в пед. университете, обычно это кто-то из партийного бюро э... руководил. И был ещё университет марксизма-ленинизма, то есть они как бы вместе сочетали общество «Знание» и этот университет. Я помню, руководил Валерий Пинаев, вот, в Крас... в пед. университете. И, соответственно, я написал заявление, и меня приняли в это общество.

Интервьюер: *Это какой год был?*

Дроздов Николай Иванович: Это был 75-й год.

Интервьюер: *А... скажите а...*

Дроздов Николай Иванович: А краевым обществом командовала, я не знаю, вы у неё брали интервью, Валентина Павловна Красовская, профессор. Вот.

Интервьюер: *Да, да. Скажите, Вы когда-нибудь входили в руководящие или контрольные органы общества?*

Дроздов Николай Иванович: Нет, я больше практикой занимался. Я тогда не входил. Я уже в постсоветское время с 1999-го года по 2015-й год был президентом этого общества, краевого общества «Знание». Вот. Моя была общественная работа.

Так вот, я уж продолжу, в советское время, значит, у нас создавались целые команды, которые выезжали по районам, городам... э... потому что, ну это уже телевидение, конечно, было широко, но главной задачей было, мы были

своеобразными пропагандистами, раскрыть политику партий, э... рассказать об экономическом благосостоянии советского народа и рассказать, конечно, по истории и международным э... международной политике. Поэтому выезжали.

Нам оплачивали командировочные, нам оплачивали, ну там рубль или сколько-то за лекцию. Я уже сейчас точно не помню, но то, что я в ведомости расписывался, это я точно знаю. Вот.

Последняя моя командировка вот с группой товарищей общества «Знание» и одновременно ВООПИК была в город Канск. Это было в 90... ой, 90... однако в 87-ом году, уже при товарище Горбачеве. Вот, товарище Горбачеве. Вот. Но уже процесс шел к разваливанию Общества.

Вот, и... в руках это общество стало Овчинникова Геннадия Павловича, и... Геннадия Александровича, и... он сумел сохранить его вплоть до настоящего времени. Просто это мужественный человек, на общественных началах все это сделал.

Так вот, главной, я уже говорил, задачей нашей было донести до слушателей. Вот я очень много выступал в электроремонтном паровозном нашем ЭВРЗ. Здесь как-то был интерес к истории прошлого э... Красноярского края, города Красноярский. Выступал много в Хакассии по сохранению культурного наследия, потому что Хакассия была памятником под открытым небом, и её так считали. Меня командировали в Туруханск, я был в Туруханске, по проблемам политической ссылки и проблемам коренных народов – этноса. Потому что был интерес по сохранению коренных народов, их культуры и так далее. Фактически я изучил весь Красноярский край.

Лекторские группы, ну иногда в одиночку, иногда лекторскими группами каким-то праздникам, юбилейным датам готовились различные доклады.

Интервьюер: Тогда несколько уточняющих вопросов...

Дроздов Николай Иванович: Да.

Интервьюер: Скажите, лично Вы на какие темы обычно читали лекции в обществе «Знание»?

Дроздов Николай Иванович: Я читал темы – это «история Красноярского края», «Археология», ну, оно так археология не так понятно было... «Древнейшее прошлое Красноярского края». Вот так назывались лекции.

Интервьюер: Скажите, а как Вы обычно определяли темы своих лекций?

Дроздов Николай Иванович: Ну, мы давали в отделение, а отделение уже давало в краевое общество «Знание». И те уже делали общую структуру каких кто читает какие лекции, и отправляли уже в другие отделения, и те выбирали ту или иную лекцию, и формировали вот эти группы, которые ездили, допустим, в Канск или в Ачинск. Вот, вот такие то лекции и таких то... Ели в это время были... Потому что это в основном были преподаватели вузов вот. Эта структура то строилась общества «Знание» на ученых и плюс Красноярский научный центр, но он потом был организован научный центр, а первоначально это были отдельные ученые очень, ну, известные. Гительзон очень ака-

демик много читал лекций. Исаев вот читал лекции. Ну, Александров вот. Академики, ну, они тогда не академиками, были докторами наук, вот читали достаточно много лекций. Вот.

И поэтому формировалось таким образом – по заявкам. А иногда заявок не было отправляли, ну то есть писали – «Ты, куда хочешь поехать?» – «Ну, вот туда-то» – «С какой лекцией?» – «Вот такой-то». Ну, вот мы формируем группу, поедешь. Звонки были и тогда мы туда уже ехали.

Интервьюер: *Ну, вот, кстати, как часто Вы читали свои лекции?*

Дроздов Николай Иванович: Ну, наверное, в три месяца... в городе это было достаточно часто, может быть в месяц одну – две лекции читал по предприятиям, имеется в виду. Даже на Красмаше читал. Вот. На Комбайновом читал, на ЭВРЗ, уже говорил, читал. Потом э... как же... Шелковый комбинат читал вот лекции. И... швейная фабрика «Заря», по-моему, была у нас, тоже, там вот, читал. Вот. Ну, ээээ, я могу сказать так, что раз, два в месяц это точно, в городе. А, выезд – это где-то в квартал один, два раза выезжал куда-то.

Ну, я в принципе, любил ездить. И меня молодого – давай, давай, давай.

Интервьюер: *Скажите, а кому Вам больше всего нравилось читать лекции, вести беседы и почему?*

Дроздов Николай Иванович: С учащимися, школьникам, в школах молодежи, так скажем.

Мы по школам меньше собирались. В основном в домах культуры, собирались где-то, в отделах райкомах или горкомах партии, в библиотеках, и так далее. Вот, нууу, когда мы были в районах, то в районных и в сельских клубах.

В сельском клубе собиралась фактически вся деревня. И вот, нас два, три лектора, эээ, там мы читали лекции ээээ, ну вопросы были больше ну, о политике. Вот. О решениях партсъездов, пленумов и так далее.

Интервьюер: *В смысле, вопросы, которые Вы читали, или которые Вам задавали?*

Дроздов Николай Иванович: Нет, задавали вопросы мне по истории. Я говорю, большей части, вот, ну мы втроем, допустим, три человека в сельском клубе. Приезжаем, висит большая афиша, там написано читают лекции: преподаватель, там, КГУ, там, по проблемам юридическим, кандидат, или доктор такой-то, но в основном, кандидат такой-то там то-то, допустим, из истории прошлого, далекого прошлого Красноярского края, или преподаватель (я тогда еще кандидатом не был в 70-е годы, в 80-е только стал кандидатом), вот, преподаватель, старший преподаватель Красноярского пединститута.

Вот эта большая афиша, написана от руки на ватмане, бумаге ватмана или на клеенке, с обратной стороны. И все, народ к этому времени, как на праздник приходил туда, в клуб, в сельский клуб. Живое слово. Телевизоры уже были. Ну, во многих деревнях к тому уже времени были. Но я до сих пор понимаю, что им было важно живое слово, живое общение. Это давало людям и интерес,

и в тоже время живое соприкосновение с людьми, которые очень глубоко знают тот или иной материал, и можно им задать вопросы.

Вопросы задавались разные: «А вот тут, до русских, кто жил? Вот, в нашей деревне». Я говорю: «не было вашей деревни, здесь была древняя стоянка. На этом месте была вот, в Агинском», эээ, в Саянском районе, Агинское.

Я им говорю: «Вот тут-то то-то было, вот здесь люди, ээ, поселились, 4000 лет, эээ, вот 4000 лет, неолитическое время, ну, для них неолит это, вот, это же не студенты, я уже проще рассказывал, ново-каменный век, ново-каменный век, когда начали из глины делать горшки. Вот тут находят фрагмент.

Слайды уже появлялись, но не везде были эти установки, чтобы показывать. Поэтому у меня, так сказать, коллекция всегда была с собой. Тёсла, топоры, там, различные я брал из коллекции, из музея. Керамика, там, с орнаментом, вот. Всё это я возил и раскладывал, показывал. Так показывал, во время лекции. Потом подходили люди и смотрели, и был большой интерес. «Ты погляди, топор, то какой, что им можно было срубить что ли» - задавали такой вопрос. Я говорю: «да, конечно, вот так его подтачивали, шлифованный топор». «Ну, надо же, из камня, такую штуку сделать. Это же сложно, это как так, сейчас, современными приборами» и так далее.

То есть вот этот живой контакт, так же и с юристами, многие с проблемами чисто юридическими приходили, пожаловаться на власть, были проблемы и в советское время. Кого-то обижали, кто-то требовал того, чтобы все по закону установить, кого-то судили неправильно и так далее. Поэтому, вопросы были, очень много и таких, бытовых вопросов, которые задавали люди после того, как прочитали им лекции.

Обычно лекции в разных, как сказать, аудиториях. Обычно лекция не больше часа, чтобы аудитория была настроена на восприятие. А когда один человек читал, тогда можно было и побольше. Спрашиваешь: «Вы не устали?», «Нет, не устали». Ну, хорошо, дальше, или кто-то руководит – тогда дальше. Больше такое старшее поколение, оно более усидчивое, молодежь, той надо двигаться и вот такого, комсомольского возраста, что ли.

Я говорю, в КАТЭК мы выезжали. Я помню, мы общество «Знание» выезжали совместно с «Красноярским комсомольцем», Людмила Батынская была редактор. Это уже 80-е годы. «Красноярский комсомолец» шефствовал над КАТЭКом, над строительством КАТЭКа, и поэтому они просили лектора, через общество «Знание». Ну, а так как мы вместе с ней [прим. – с Людмилой Батынской] закончили университет иркутский и приехали сюда – нас была целая команда: журналисты, историки, – то, естественно, мы дружили все вместе и ездили вот на КАТЭК, достаточно часто. Даже формировались, я правда не ездил, ээ, на БАМ, а наши лекторы ездили на БАМ. Когда Всесоюзная организация отправляла целые поезда лекторов, какие-то агитационные, то и включали наших. Вот, так.

Интервьюер: А скажите, а как была построена система обеспечения научности, качества Ваших лекций?

Дроздов Николай Иванович: Ааа, вот я вам скажу, что все лекции надо было написать, первоначально их надо было написать и дать на рецензирование. Вот, по истории, в основном, рецензировал эээ Мешалкин, доцент, кандидат наук. Он был в крайкоме партии, преподаватель он был в технологическом университете, медицинском, в разных университетах по истории партии. И он, конечно, так как он вел ленинскую тематику, был членом крайкома партии. И вот, Петр, отчество, Петр, Господи, надо же, ээээ, уже время летит, Мешалкин был один из таких корифеев, которому трудно было противостоять. Если он был чего-то против или ему какое-то слово в лекции было не так, то всё, приходилось исправлять. То есть, лекции рецензировались. А потом можно было читать.

При чем, для того, чтобы стать лектором общества «Знание» нужно было еще выдержать эээ, выступить публично еще и перед комиссией из лекторов при крайкоме, горкомах партии, которая давала добро: «Да, этот может читать лекции». Поэтому отбор был, ну проверяли эти лекции, правильная ли научность. А с идеологическими лекциями, была несколько иная эээ ситуации. Проверяли правильно ли ты политику партии, правительства преподносишь трудящимся, не говоришь ли ты с «голосами Америки» и так далее. Потому что все слушали «голос Америки», но сразу было сказано «Голос», ВВС и так далее, это было категорически запрещено.

Интервьюер: Скажите, а вот Вы, лично, все свои лекции отдавали на рецензирование?

Дроздов Николай Иванович: Что доводили?

Интервьюер: Вы все свои лекции отдавали на рецензирование?

Дроздов Николай Иванович: Нууу.

Интервьюер: Вы всегда их читали после рецензирования?

Дроздов Николай Иванович: Не все, наверно, первоначально, первоначально, пока я ну, не стал, как бы корифеем, то да, ну у меня было эээ, в моем багаже было 5 лекций, вот я хорошо помню, 5 лекций. Лекции по археологии, по древнейшему прошлому, вот, лекции были связаны с этнографией народов Сибири, вот. Поэтому, вот, такое. Ну, где-то в пределах 5 лекций.

Интервьюер: Скажите, Вы лично проходили аттестацию лекторских кадров в обществе «Знание» или, может быть, участвовали в аттестации других лекторов?

Дроздов Николай Иванович: Нет, я не участвовал в аттестации, а аттестация у нас проходила при крае.. этом, районном этом, комитете партии, ну, в районном обществе «Знание», которое располагалось, где сейчас администрация, напротив технологического университета. Вон там. Вон там проходили мы эту аттестацию. Это было обязательным.

И еще требовали обязательно, чтобы закончить, независимо кандидат ты, доктор наук, вот это университет «Марксизма и ленинизма». Это как бы поощрялось, и была необходимость. Мешалкин меня туда в свое время затащил.

Правда, потом, это уже в конце было ээээ, почему-то мы не сдали экзамены в конце. Вот, я не помню. Что-то или это университет Марксизма-ленинизма прекратил существование, или сказали, чтобы не учились кандидаты, и доктора наук. Вот.

Интервьюер: *Скажите, кроме лекций, Вы как-то еще участвовали в работе общества «Знание»?*

Дроздов Николай Иванович: Ну, участвовал я в обществе «Знание» у себя, в педуниверситете. Вот в этой ячейке общества «Знания» педуниверситета мы собирались, обсуждали какие-то, тематику. Особенно это было к юбилейным датам, праздникам и так далее. Аа, еще в помощь мы давали материалы, в помощь лектору общества «Знание», которые публиковались как материалы, вот, брошюры и так далее. То есть, это была государственная машина, хотя это и было общество, но это была государственная машина, в первую очередь – идеологическая.

Интервьюер: *Один уточняющий вопрос. Скажите, Вы были членом КПСС?*

Дроздов Николай Иванович: Был, я был членом КПСС. Стал, при горбачёвском времени, во время Горбачева. Дело в том, что когда уже стал прослойкой интеллигенции, когда стал преподавателем, кандидатом наук не так то просто было вступить в партию. Я уже не помню соотношении, но, особенно в Центральном районе, где нужно было принять столько-то рабочих, колхозников, машиностроителей и кого угодно, на 5 или сколько там единиц, одного интеллигента. Поэтому, стояла большая очередь. Я, конечно, не старался лезть.

Когда наступило горбачёвское время, эпоха, казалось бы, просто невероятная для творчества под эгидой партии и открылся железный занавес, я в это время попадаю в Соединенные Штаты Америки, в 80-е годы, конец 80-х, попадаю в Америку. У меня там брали интервью, причем, мы вместе с сенатором американским, там была большая конференция, и одновременно брали интервью у него и у меня, так, перекрестно, очень интересная форма была. И у меня спрашивают: Вы коммунист? Я говорю: да, так сказать, коммунист. И сенатор мне заплодировал, что я поддерживаю Горбачева, политику открытости, что я приехал туда и участвую в работе в таком большом ээ, тexasском университете. Поэтому, конечно, состоялась вот эта партийность.

Интервьюер: *Тогда еще один уточняющий вопрос. Скажите, а как, на Ваш взгляд, складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Дроздов Николай Иванович: Нууу, были проблемы, и у меня были проблемы. Кем бы Вы ни были, к какой бы Вы партии не принадлежали, и сейчас, ученые имеют свой взгляд, на те или иные исторические события политические, экономические и так далее. Пожалуйста, ученый имеет право на свое мнение, но эти права идеологией закрывались. И, когда, понятно, что на каждом нашем выступлении сидели товарищи, которые слушали, и если там, что-то из «голоса Америки», ВВС или ты сам говоришь чего-то не так, как рулевая

партия говорит, то, тогда могли быть неприятности. Но, и были такие, когда исключали из члена общества «Знание», были такие эээ, и это гласно могло быть. Я не помню конкретно, но помню, в смысле, кто-то был. Помню какого-то философа или преподавателя научного коммунизма, даже, по-моему, с педуниверситета, который немножко не так излагал политику партии и его попросили...

Интервьюер: *Это были какие годы? 70-е или 80-е?*

Дроздов Николай Иванович: Это были э... начало 80-х, это еще при товарище Брежнев.

Интервьюер: *А затем, в 80-е годы, начало 90-х? Как складывались отношения?*

Дроздов Николай Иванович: Вы знаете, эти годы по-разному, там чехарда, смена руководителей. Я знаю, когда Андропов стал, тогда нам было предложено, даже тем, кто не пропагандистские лекции читал, говорить о становлении порядка, чтобы....

Для нас ведь тоже лекции читали с райкома партии, лекторские группы были и в горкоме партии, вот. Как же его? Он кандидат философских наук, высшая партийная школа была в Новосибирске, и там у нас тоже была региональная партийная школа, а высшая партийная, Становкин, во! Фамилия Становкин, если у вас где-то есть она, эта фамилия. Нет, его нет уже в живых, потому он, он был ээээ секретарем в горкоме партии отвечающий за пропаганду. Вот Становкин читал нам эти лекции, он кандидат философских наук, он высшую партийную школу. Он там защитился, потом он уехал, был зав. кафедрой, когда в высшей партийной школе был Черненко, сын Черненко, вот. От первого брака, он был там, и потом он переформатировал эту школу, как-то она называлась по-другому. Вот, ээ, Иванова Валентина Вам, может, Ивановна, Валентина Александровна, может много рассказать. Она тогда уже с комсомола, по-моему, ушла в горком партии и работала у Становкина, вот.

Ну вот, поэтому, контроль был. Без этого в то время невозможно.

Интервьюер: *Скажите, а как, на Ваш взгляд, строились отношения с общества «Знание» с другими просветительскими организациями?*

Дроздов Николай Иванович: Ну, Вы знаете, я как бы в командовании не был, но я уже сказал, у ВООПИК и общества «Знание» были прекраснейшие отношения. Они приглашали нас. Мы приглашали их, и вместе мы устраивали выезды в районы. Особенно это было, когда Василий Васильевич Гришаев, звездный историк, руководил обществом ВООПИК. И связи были великолепные именно с этой организацией. А уже там другие я просто не могу ответить.

Интервьюер: *Скажите, Вы сейчас продолжаете работу в обществе «Знание»?*

Дроздов Николай Иванович: Продолжаю, продолжаю, но сейчас я вхожу в российскую лекторскую группу. У меня есть такой документ о вхождении

4-х человек: Куимов, я, Москвич и еще кто-то, а, по-моему, Овчинников во все-российскую лекторскую группу общества «Знание».

Но так как современное общество «Знание» – это не то общество «Знание», которое было. Там идеологии больше было, а здесь какой-то политики и организационных структур непонятных, которые все сосредоточены в Москве.

Путин переформатировал это общество «Знание». Он поднял его, создав государственно-общественную организацию, и которую возложил на министерство образования. А министерство образования на ректоров. Но не те, ни другие никто не финансирует, ни каких-то там бумаг, ну, отчетность, конечно, у нас отчетность всегда, впереди планеты всей. И то, что сейчас сделали, нууу, я не знаю,

В крае, допустим, в крае, на мой взгляд, не заинтересованы в таком обществе. Не предоставлено даже в аренду ни помещения, да и никакой помощи не оказывается. Вот у нас завтра в 3 часа, наверное, Вы знаете, да? Будет такая встреча у общества «Знание», где мы резолюцию вот сделали по этому поводу.

Я не знаю, почему власть отказывается от такого, ну, я бы так сказал, подспорья, что ли научного, подспорья, когда ученые читают лекции и когда общаются с людьми. Наверное, считают, что цифровая экономика, цифровизация голов нашего общества, наверное, не требует живого слова лектора.

Интервьюер: Последний вопрос, на Ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении политических и научных знаний среди советских граждан? Почему Вы так думаете?

Дроздов Николай Иванович: Ну, я думаю, что всегда в нашей стране общество «Знание» возглавляли ученые, академики. Начиная с академии наук Советского Союза и академии наук Российской Федерации. Это было уникальным явлением, потому что здесь вот эта грань научности и пропаганды как-то сглаживалась уже в самом руководстве. А дальше это распространялось. Сейчас же чиновники пришли к управлению. Последним был академик Борчук, возглавлявший общество «Знание». Он ушел из жизни, и началось.

Понимаете, наверное, сермяжная истина товарища Сталина была в том, чтобы во главе общества «Знание» посадить ученых. Пропагандой могли заниматься отделы пропаганды в крайкомах, райкомах, и так далее. А общество «Знание» должно было донести знания. Ну, понятно, что оно было, идеологизировано, но знание народу дать было здорово, тогда, после войны, когда ни телевидение, там радио было, но оно не доходило. И живое слово лектора, я говорю это была фантастика. Люди ездили по той же Сибири в холод, стужу, добирались на самолетах, санях и людям рассказывали о проблемах, о жизни, о народах, о древностях и так далее.

Были лекции, которые связаны были о жизни Ленина, так как не все было известно людям из его жизни, научной жизни Ленина. Мы в группе были, сейчас не помню, кто-то эээ с КГУ, с кафедры истории КПСС читал лекцию, о некоторых вопросах из жизни Владимира Ильича Ленина, вот.

Ведь лекторам давали еще пособия, которые были иногда даже закрыты. Закрытые были, им какие-то материалы давали, кто читал на эту тему, помощь

пропагандисту, в помощь лектору, этот блокнот агитатора был и так далее, и откуда можно было материал.

Человек там, доярка какая-то, и так далее, она вырвалась в люди, одела платье, одела что лучше, она пришла в клуб, в который может, ну, 5 лет не заходила. Вот, потому что все время с утра то на ферме, то дома. А тут сказали, ты Нюрка должна прийти в клуб обязательно. Сегодня будет лектор читать такое-то, такое-то. Ну, она приходила нарядная, это уже был какой-то своеобразный праздник. А тут еще лекцию рассказывают, о том то, том то, об истории, а она и не знала, что здесь казаки когда-то срубили избы, здесь вот первое поселение русское было. Она живет в деревне, ну, живет, деревня «Похабовка», ну, «Похабовка». А откуда она эта «Похабовка», почему названа так и так далее, не знает.

Вот для меня обидно, что я как бы представляю свою молодость, представляю, с каким азартом мы приехали, как мы рассказывали. И нас там самогонкой поили, отваривали картошку, сало там, рыбу, смотря куда попадешь. И такой разговор душевный. Председатель колхоза обязательно принимал. Нас на ночлег в какую-то семью определяли, там с семьей были разговоры. То есть, какая-то живая нить существовала между наукой и вот народом через общество «Знание».

К сожалению, сейчас все уперлись в телевизоры, где каждый вечер эти всякие Малаховы белье перемывают, перетрясывают, или еще кто-то.

А в принципе то, единственный канал культура, который, ну, более-менее, что-то людям рассказывает. Ну, есть еще новости какие-то, и так далее. А ведь раньше на московском телевидении были популяризации научного...научного знания.

Интервьюер: Спасибо Николай Иванович!

Стенограмма сверена с аудиозаписью 17.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Малышевской Ксенией Александровной,
лектором общества «Знание» в 1950 – 1980-е гг., председателем первичной
организации общества «Знание» в Красноярском технологическом институте**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписей:

phone_20190213-160855_2213037.amr (02:16)

phone_20190213-161128_2213037.amr (22:44)

Дата и время проведения интервью: 13.02.2019 г., 16:05-16:35 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Малышевская Ксения Александровна

Стенографирование аудиозаписи: Шумилин Роман Александрович

Интервьюер: Здравствуйте, Ксения Александровна!

Малышевская Ксения Александровна: Здравствуйте.

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Прежде чем мы перейдем к обществу «Знание», необходимо ответить на несколько личных вопросов. Расскажите, где и когда Вы родились, кто ваши родители? Расскажите о своей семье.

Малышевская Ксения Александровна: В Красноярске.

Интервьюер: А когда?

Малышевская Ксения Александровна: 15 мая 1931 года.

Интервьюер: Скажите, какое у Вас образование? Где Вы учились?

Малышевская Ксения Александровна: В Красноярске 11 школу закончила.

Интервьюер: А затем?

Малышевская Ксения Александровна: Среднюю школу. Затем уехала в Петербург.

Интервьюер: Это, в каком году было?

Малышевская Ксения Александровна: Это было в 49.

Интервьюер: И где Вы учились? На кого?

Малышевская Ксения Александровна: В технологическом институте имени Ленсовета. На химика технолога.

Интервьюер: А далее? Учились еще где-то?

Малышевская Ксения Александровна: Только защищала диссертации.

Интервьюер: *Вы защищали диссертации на какие темы? В смысле, Вы кандидат, затем доктор химических наук?*

Малышевская Ксения Александровна: Кандидат химических наук, а доктор технических.

Интервьюер: *Расскажите о вашей работе. Где и кем Вы работали?*

Малышевская Ксения Александровна: Я 38 лет работала в технологическом институте. И с 55 года до 92 что ли, не помню. Все должности от ассистента до профессора, заведующего кафедрой, прошла.

Интервьюер: *Скажите, Вы были членом КПСС?*

Малышевская Ксения Александровна: Да.

Интервьюер: *Скажите, когда и почему Вы вступили в партию?*

Малышевская Ксения Александровна: Когда вступила в партию? Уже когда работала в институте, уже когда, как говорится, перешла к руководящей должности, я заведовала кафедрой.

Интервьюер: *Скажите, вступление в партию было связано с тем, что Вы перешли на руководящую должность? Или это какие-то другие мотивы были?*

Малышевская Ксения Александровна: Связь прервалась.

Интервьюер: *Скажите, Вы прекратили деятельность в КПСС когда?*

Малышевская Ксения Александровна: Ушла на пенсию и перестала.

Интервьюер: *Ясно. Спасибо за ответы на личные вопросы. Предлагаю перейти к обществу «Знание». Скажите, когда и как Вы узнали о существовании общества «Знание»?*

Малышевская Ксения Александровна: Не знаю, я только приехала в году в Красноярск, после окончания института технологического. И сразу меня приняли в наш, тогда лесотехнический институт, на должность ассистента на химическую кафедру. Тогда только создавался этот химический факультет, не было химиков. В общем, потребность была большая в химиках. Меня сразу пригласили работать ассистентом. И почти сразу же, как раз была пятилетка химизации и почти сразу же меня направляли, помню, в Калачинск, в Бородино, еще куда-то. Читать лекции о роли химии в народном хозяйстве.

Интервьюер: *Скажите, Вы помните саму процедуру вступления в общество «Знание»?*

Малышевская Ксения Александровна: Не было никаких процедур.

Интервьюер: *Может, заполняли какую-то анкету?*

Малышевская Ксения Александровна: Не помню, никаких не было.

Интервьюер: *Скажите, Вы входили в руководящие или контрольные органы общества «Знания»?*

Малышевская Ксения Александровна: Я руководила, но не с самого начала, попозже уже, руководила обществом «Знание» нашего института.

Интервьюер: А с какого года это было?

Малышевская Ксения Александровна: Ну, не знаю.

Интервьюер: *Не помните, да? Скажите, на ваш взгляд...*

Малышевская Ксения Александровна: Но долго, лет десять

Интервьюер: *А как произошло это? Подбор вашей кандидатуры на эту должность?*

Малышевская Ксения Александровна: Не знаю, как подбор, потому что я сначала читала лекции: «Полимеры в народном хозяйстве», тогда как раз пятилетняя химизация была. Ну и потом, собственно говоря, мне поручили.

Интервьюер: *Скажите, а что входило в ваши обязанности как руководителя институтского общества «Знание»?*

Малышевская Ксения Александровна: Я раз в месяц проводила заседания, у меня на каждом факультете были ответственные, у нас же много, 8 факультетов в институте. На каждом факультете были ответственные, они отчитывались по своей работе.

Интервьюер: *Понятно, спасибо! Еще один уточняющий вопрос. Вы уже об этом начали говорить, но просто уточняю. На какие темы Вы читали лекции в обществе «Знание»?*

Малышевская Ксения Александровна: Во-первых, я читала «Роль полимеров в народном хозяйстве», потому что полимеры это была моя узкая специальность, химия полимеров. Это так сказать, потом вошло в мой лекционный курс, и «Практическое применение», это я читала лекции. Тогда вообще не представляли, что такое, что полиэтиленовые пакеты у нас будут на каждом шагу. Не представляли, что у нас одежда будет из полимеров, не представляли, что у нас везде будут полимеры. Этого не представляли, это моя задача была, это первое. А вторая моя большая работа была – это работа со студентами, в студенческом общежитии. Я там организовала клуб, он у нас назывался «Молодая хозяйка». Это мы студентов девочек приучали к тому, что готовили, например, такие темы были какие пироги, или бутерброды, или сибирское гостеприимство и так далее. И мы накрывали в учебной комнате целый стол, девочки готовили. Приходили перед занятиями, в 3 часа, допустим, все готовили, и потом приглашали все общежитие. На Ленина общежитие у нас, первое общежитие нашего института. То есть это работа со студентами, а то, что с лекциями я вам рассказала.

Интервьюер: Скажите, Вы с кем-то согласовывали содержание своих лекций?

Малышевская Ксения Александровна: Нет, меня никто не проверял никогда. Мне доверяли.

Интервьюер: То есть, допустим, на рецензирование отдавали свои лекции?

Малышевская Ксения Александровна: Нет.

Интервьюер: Скажите, вот Ваши лекции, которые Вы читали по химии, были популярны у слушателей?

Малышевская Ксения Александровна: Ну, я имею в виду, основой был мой лекционный курс о полимерах, я читала в популярном изложении.

Интервьюер: Скажите, как часто Вы читали свои лекции?

Малышевская Ксения Александровна: Хочу сказать, в начале, в 60-х годах, это было чаще, а потом, когда полимеры стали появляться, и заводы наши уже работали, у нас же много было химических заводов, это уже воспринималось, как реальность. И меньше стало лекций на эту тему. Вначале просто пытались объяснить в различных районах, на шахтах, и так далее, объяснить, что такое химия и что такое полимеры.

Интервьюер: Вот, кстати, переходим к вопросу. Где и кому Вы читали свои лекции? Кому Вам больше всего нравилось читать лекции?

Малышевская Ксения Александровна: Не знаю, не могу сказать, кому понравилось. Всякое бывало, потому что я уезжала в районы только по молодости, пока еще молодая была. И там, на предприятиях зал пустой, никого нет. Говорят, подождите, сейчас коров выгонят и придут. Вот так. Или перед спуском в шахту на Бородинском я читала. Не могу сказать, что было одинаково. Было по-разному. А последнее время, когда химия пришла в народное хозяйство, уже лекции на эту тему перестали читать.

Интервьюер: Ну, вот Вы сказали, что по-разному было, скажите, обычно численность людей на этих встречах была какая?

Малышевская Ксения Александровна: Разная была, могло быть и 15 человек, могло быть и 100 человек.

Интервьюер: Скажите, а во время лекций, много задавали вопросов?

Малышевская Ксения Александровна: Задавали, конечно.

Интервьюер: Расскажите, как обычно организовывались лекции с Вашим участием? Как это происходило? Звонили Вам? Кто-то приходил?

Малышевская Ксения Александровна: Я была связана с обществом «Знание». Там была Жанна, отчество уже не помню, уже, наверное, это узнавали?

Интервьюер: Да, да, да.

Малышевская Ксения Александровна: В Центральном райкоме была Жанна, не помню отчество, она занималась организационной вот этой работой. Давала доски, направления, организовывала эти темы. Кроме того, туда же мы сдавали отчеты по институту: сколько было прочитано лекций, за какой год, за какой квартал,

Интервьюер: Скажите, Вы участвовали в аттестации лекторских кадров?

Ксения Александровна: Нет.

Интервьюер: Тоже не участвовали, да?

Малышевская Ксения Александровна: Нет.

Интервьюер: Скажите, кроме лекций, как Вы еще участвовали в работе общества «Знание»?

Малышевская Ксения Александровна: Я Вам объяснила: одно лекции, а второе – пироги со студентами.

Интервьюер: А в каких-нибудь научных конференциях общества «Знание» Вы участвовали?

Малышевская Ксения Александровна: Нет. Я в научных конференциях участвовала в международных, но не в обществе «Знание».

Интервьюер: Скажите, Вы продолжаете работу в обществе «Знание»?

Малышевская Ксения Александровна: Я уже давно на пенсии, 20 лет.

Интервьюер: Скажите, а когда последний раз читали свою лекцию в обществе «Знание»?

Малышевская Ксения Александровна: Я ушла в 90-м году на пенсию, с тех пор ничего больше не читала.

Интервьюер: Скажите, вот несколько таких оценочных вопросов. На Ваш взгляд, как складывались отношения у общества «Знание» с КПСС?

Малышевская Ксения Александровна: Ну, конечно, руководящая роль партии была всегда.

Интервьюер: А в чем она выражалась?

Малышевская Ксения Александровна: Все эти лекции оплачивались и общество «Знание» было при райкоме у нас. Организационная работа была вся оттуда.

Интервьюер: Скажите, а взаимоотношения у Вас, как у руководителя общества «Знание» института и секретаря партии, они как складывались? Может, как-то взаимодействовали?

Малышевская Ксения Александровна: Не знаю, меня, во всяком случае, никто не давил никогда. Просто ко мне относились с уважением и все.

Интервьюер: А Вы отчитывались о своей работе на парткоме института?

Малышевская Ксения Александровна: Бывало.

Интервьюер: Какие-то замечания, может, предложения делали?

Малышевская Ксения Александровна: Нет. Не могу сказать, не помню. Выступала иногда на районных конференциях с докладом о работе. Даже выступала в военкоме, архив, где Вы нашли?

Интервьюер: Архив, который партийный бывший на Робеспьера.

Малышевская Ксения Александровна: Я живу на Робеспьера. На Мира, напротив института находился Центральный райком партии. Вы знаете это или нет?

Интервьюер: Знаю.

Малышевская Ксения Александровна: Знаете, да. Вот там находилась комнатка, в которой было отделение общества «Знание». Это районное. И очень хорошие отношения у меня были с Смирновой Татьяной, как ее звали, уже забыла, в вашем институте сельскохозяйственном. У Вас есть эти данные?

Интервьюер: Нет, вы мне рассказываете откровения.

Малышевская Ксения Александровна: Там прекрасное было общество «Знание», потому что они очень много ездили по районам, по практикам и так далее. Они самая лучшая организация была в сельхозинституте.

Я просто не помню, как ее звали. Она была зав. кафедрой химии, и много лет руководила обществом «Знание». А жила она напротив института в этом доме, Мира, 65.

Интервьюер: Понятно. Скажите, а с какими-то другими общественными организациями Вы просветительской такой деятельностью сотрудничали обществом «Знание» вашего института?

Малышевская Ксения Александровна: Нет.

Интервьюер: И последний вопрос. Скажите, на Ваш взгляд, какую роль играло общество знание в распространении политических и научных знаний советских граждан? Почему Вы так думаете?

Малышевская Ксения Александровна: Я думаю, что большое значение имело.

Интервьюер: Большое значение?

Малышевская Ксения Александровна: Да. Потому что как раз была эта эпоха химизации, чтобы признавали, чтобы уважали это. Ну, я считаю, что большое значение это имело. И я хочу сказать, у меня это сложилось как формирование моих лекторских способностей к преподавательству было связано с тем, что мне пришлось читать на такую публику неподготовленную, и, конечно, это помогло мне.

Интервьюер: Еще один вопрос, который я пропустил. Скажите, участвуя в обществе «Знание», проводя такую большую лекторскую работу в обществе «Знание», Вы получали за это денежное вознаграждение?

Малышевская Ксения Александровна: Я никогда не получала, потому что у меня, как говорится, не было в этом необходимости, а получали, знаете, кто? Общественники, с кафедры общественных наук, они ездили, читали по международному положению и так далее, им платили. А мы никогда не получали.

Интервьюер: Почему?

Малышевская Ксения Александровна: Во-первых, я не читала так много лекций, чтобы этим зарабатывать. А так, многие мои знакомые с нашей кафедры общественных наук, они даже выезжали с лекциями «О международном положении», о состоянии политическом каком-то, текущим вопросам. Они могли за одну поездку там и десять, и пятнадцать лекций, допустим, они, конечно, зарабатывали. А если я ехала, читала одну или две лекции, кто же мне за это заплатит?

Интервьюер: Понял Вас. Ну, собственно говоря, вопросы у меня закончились, может быть, у Вас есть что добавить?

Малышевская Ксения Александровна: Вот обязательно найдите сельхозинститут. Забыла я сейчас имя отчество, Татьяна Смирнова, по-моему, ее фамилия была. Она заведовала кафедрой химии. И она очень много лет работала и очень хорошо. И еще второе, что хочу сказать. Разыщите Жанну, она же была просто секретарем этой районной организацией именно по обществу «Знание». А кроме того, ну, в краевом же много было, там у них особенно секции международных отношений, они очень много этим занимались. У нас была профессиональная, понимаете? Вот так.

Интервьюер: Понятно. Ну, большое Вам спасибо за уделенное время!

Малышевская Ксения Александровна: Пожалуйста!

Интервьюер: Да свидания!

Малышевская Ксения Александровна: У меня теперь времени много.

Интервьюер: Понятно.

Малышевская Ксения Александровна: Всего хорошего!

Стенограмма сверена с аудиозаписью 17.02.2019.

Верно. Исследователь Селезнев А.В.

**Интервью с Вдовиной Зоей Петровной,
учителем, лектором общества «Знание»**

стенографическая расшифровка (транскрипт) аудиозаписи:
phone_20190213-214430_89538548129.amr (20:17)

Дата и время проведения интервью: 13.02.2019 г., 22:00-22:23 ч.

Место проведения интервью: г. Красноярск

Интервьюер: исследователь Селезнев Андрей Валерьевич

Интервьюируемый: Вдовина Зоя Петровна

Стенографирование аудиозаписи: Шумилин Роман Александрович

Интервьюер: Здравствуйте, Зоя Петровна!

Вдовина Зоя Петровна: Здравствуйте.

Интервьюер: (произносится информация об исследовании и этические обязательства исследователя)

Зоя Петровна, прежде чем мы приступим к обществу «Знание», расскажите, пожалуйста, немного о себе. Когда Вы и где родились? Кто Ваши родители? Кто Ваша семья?

Вдовина Зоя Петровна: Я, Зоя Петровна Вдовина. Родилась в 55 году, село Тюхтет, Тюхтетского района, Красноярского края. Мои родители служащие. Отец работал в сфере электрификации, мама – педагог. В настоящее время я вдова, взрослые два сына, которые закончили высшие учебные заведения, работают. Я на заслуженном отдыхе.

Интервьюер: Зоя Петровна, расскажите о Вашем образовании. Где и на кого Вы учились?

Вдовина Зоя Петровна: Вначале я поступала в Московское заведение театральное, затем начала свою учебу в Красноярском педагогическом институте, потом он стал университет. Не закончила, перевелась и окончила Кемеровский филологический университет, кафедра филологии и русский язык.

Интервьюер: Расскажите, где Вы работали, и кем?

Вдовина Зоя Петровна: Сфера деятельности моей была очень обширная. Я начала свою деятельность на телевидении в качестве ассистента режиссера и ведущей. Это единственное телевидение у нас в Красноярске было.

Интервьюер: В каком году это было?

Вдовина Зоя Петровна: Я даже не помню, наверное, 73. Очень так давно было. Кроме этого я работала редактором музыкальных программ, потом были временные подработки. И более 26 лет я отдала себя деятельности педагога в общеобразовательной школе.

Интервьюер: Какие предметы Вы вели?

Вдовина Зоя Петровна: Профиль – русский язык и литературу. Были случаи, что за неимением педагогов приходилось работать, то есть вести уроки истории.

Интервьюер: Скажите, Вы состояли в КПСС?

Вдовина Зоя Петровна: Нет, я в партии не состояла. Я в последнее время вступила в партию «Коммунисты России».

Интервьюер: То есть в советское время в КПСС не состояли?

Вдовина Зоя Петровна: Да, это вот уже во время нашей незаконной РФ, Российской Федерации.

Интервьюер: На этом личные вопросы закончились, переходим к обществу «Знание». И первый вопрос: скажите, когда Вы впервые узнали о существовании общества «Знание»? Как это произошло?

Вдовина Зоя Петровна: Общество «Знание» – это была такая организация, о которой, в общем-то, говорили и по информационному СМИ, это говорилось и на совещаниях педсоветов. То есть это озвучивалось на таком уровне, что, в принципе, у каждого, как говорится, на слуху была эта организация. Тем более, что многие желали быть там, помогать.

Интервьюер: Скажите, Зоя Петровна, а Вы помните момент вступления в общество «Знание»? Там что-то Вам запомнилось, была какая-то процедура или не было?

Вдовина Зоя Петровна: Я не вступала в общество «Знание», но так как к нам на работу приходили представители этой организации, предлагали нам услуги лекции вести, проводить, самим составлять тему, тематику разнообразную. В силу того, что много было вопросов, детдомовские вопросы поднимались, то есть, вопросы, проблемы детдомовских детей, детей трудных семей. Поэтому директор, руководитель, так скажем, школ обязывал многих педагогов, чтобы мы были в семьях, в школе на общих собраниях проводили лекции, выступали иногда на площадках, которые нам назначала сама организация общество «Знание».

Интервьюер: Скажите, на какие обычно темы Вы читали лекции?

Вдовина Зоя Петровна: Ну, темы, конечно, образовательного цикла в основном были, но не называющие, а именно воспитательного плана, плана развития каких-то навыков, способностей ребят. Это так же были темы, связанные с искусством, театральные темы были, то есть с выходом, посещением театра, обсуждение спектаклей, такого плана.

Интервьюер: Скажите, а как Вы готовились к лекциям? Как это происходило обычно?

Вдовина Зоя Петровна: Как это проходило? Если темы были достаточно сложные, нам иногда организация просто предоставляла определенную тематику, а назидательную давала нам. То есть, мы готовились, высматривали, так как я дотошный человек, в любом отношении, поэтому я дополнительно еще работала над данной лекцией, чтобы разобраться, понять, донести. То есть, оказаться, ну, как говорится, максимально быть готовой к тому, о чем я говорила. А те темы, которые давали на наше усмотрение, то есть, давали просто тематику, значит, как мы готовились. Искали материал, была библиотека наша краевая, где можно было ознакомиться с материалом, с практикой ознакомиться. И только после этого готовилась, писала сама лекцию, редактировала. И затем уже выступала.

Интервьюер: Скажите, Зоя Петровна, а Вы свои темы лекций, тексты лекций с кем-либо утверждали?

Вдовина Зоя Петровна: Утверждалось это, конечно, на советах в школе. Утверждалось это на кафедре института, Пединститута. Иногда это были беседы, утверждения руководителями общества «Знание».

Интервьюер: Скажите, я так понимаю, если лекции педагогически направленные, то какая была аудитория, кому Вы читали лекции?

Вдовина Зоя Петровна: Ну, аудитория была, как ни странно, разная. Это были и подростковый возраст, то есть, учащиеся. Это были родители, это были люди, которые однажды побывав на моих лекциях, приходили, независимо какое направление читалось. Значит, люди были и преклонного возраста, то есть, та категория людей, которым та или иная тематика была интересна.

Интервьюер: Скажите, а Вам кому было более интересно читать? Какой аудитории было интересно читать свои лекции?

Вдовина Зоя Петровна: Так как меня всегда интересует внутренний мир человека, и поэтому мне интереснее было работать независимо какая аудитория.

Интервьюер: Скажите, а много ли было людей на Ваших лекциях?

Вдовина Зоя Петровна: На моих лекциях... Первые лекции – это, конечно, там 100-150 человек, когда эти лекции проходили в краевой библиотеке, это даже был полный зал, в принципе. Потому что я выбирала интересную тематику, которая мне по душе была, чтобы мне было интересно работать, и увлечь людей, дать им. Потому что после моих лекций, многие задавали вопросы и сами пытались каким-то образом тоже проникнуться этой тематикой, разобраться.

Интервьюер: А скажите, каких лекций было больше? Публичных в специально отведенных местах, либо в коллективах?

Вдовина Зоя Петровна: У меня были и публичные, и коллективные, и индивидуальные, даже лекции, когда собиралось несколько квартир на площадке, МКД, и там проводились лекции. Просто приглашали меня туда родители.

Интервьюер: *Так, скажите, Вы проходили какую-то аттестацию лекторов или сами участвовали в аттестации других лекторов?*

Вдовина Зоя Петровна: В аттестации других лекторов я принимала участие, меня приглашали. Аттестацию по себе, по-моему, однажды было, сейчас уже не помню, много времени прошло.

Интервьюер: *А как проходила эта аттестация помните?*

Вдовина Зоя Петровна: Ну, по сравнению как сейчас проходит...это были вопросы, это собеседование было. Это были партийные, как их лучше назвать, чиновники или чины, представители общества, партийные работники были.

Интервьюер: *То есть, те, кто прослушали лекцию, потом ее обсуждали?*

Вдовина Зоя Петровна: Нет, они лекцию не прослушивали, просто, как говорится, все это проходило в форме зачета, так скажем, да, беседы на мировоззренческом уровне. Вот. Более широкий, нежели вот узкий, лекционный.

Интервьюер: *Ясно, скажите, а вот Вы достаточно часто читали лекции, кстати, вот, на Ваш взгляд, вернее, вспомните, как часто Вы читали эти лекции?*

Вдовина Зоя Петровна: Лекции...ну, то есть, по программе это нужно было читать 1-2 раза в месяц на аудиторию. Когда уже люди узнавали, о чем лекция, кто читает, были случаи, когда люди в частном порядке обращались, приходилось, то есть, как бы, не отказывать им, в свободное время встречались и беседовали.

Интервьюер: *Скажите, а вот за то, что Вы читали лекции, Вам платили деньги?*

Вдовина Зоя Петровна: Нет, это было на добровольных началах. Тогда не было понятия. Чтобы платить деньги. Может быть, и платили кому-то, не знаю.

Интервьюер: *То есть Вы в обществе «Знание» за чтение лекций оплату не получали?*

Вдовина Зоя Петровна: Нет, я не получала.

Интервьюер: *Спасибо! Скажите, а Вы сейчас продолжаете работать в обществе «Знание»?*

Вдовина Зоя Петровна: Нет.

Интервьюер: *А скажите, когда последний раз Вы читали лекцию по линии общества «Знание»?*

Вдовина Зоя Петровна: Ну... это сейчас... так...это, наверное, уже лет 15-17 прошло. То есть с изменением политической арены у нас в стране, начались другие проблемы, другие отношения, вот.

Интервьюер: *Такой оценочный вопрос, вернее сейчас будет два оценочных вопроса. Первый. Скажите, на Ваш взгляд, как складывались отношения между обществом «Знание» и КПСС?*

Вдовина Зоя Петровна: Я хочу сказать, может я и не права, но мое мнение такого, что, в принципе, КПСС, то есть мы, советские люди, изначально, да, это сейчас мы немножко подпорченные, то есть, живя в Советском Союзе, но не понимаем, что мы в нем существуем. Тогда были взаимоотношения уважительные все, почитание, в принципе, прислушивались люди к мнению уважаемых людей, из той же партии КПСС. И взаимоотношения всегда организации и партии, они выстраивались на доброжелательном таком уровне, понимании и исполнительности.

Интервьюер: *Скажите, а Вы участвовали в деятельности каких-то других просветительских организаций, кроме общества «Знание» в советский период?*

Вдовина Зоя Петровна: Я вообще первым человеком была, где нужна была помощь, поддержка, где нужно было поднимать дух людей, и я всегда была там в первых рядах. Поэтому мне сложно сказать, где я была, где не была, то есть, я везде и сейчас.

Интервьюер: *Хорошо. И последний вопрос. Скажите, на Ваш взгляд, какую роль играло общество «Знание» в распространении политических, научных знаний среди советских граждан?*

Вдовина Зоя Петровна: Играло положительную роль. Во-первых, в нашей установке нравственности, морали, значит, становлении личности, своего собственного «я» были намного выше в то время, нежели сейчас. И поэтому человек не только уважал окружающих, то есть, рядом с собой людей, он понимал, что он живет для общества, во имя общества и имел свою значимость для общества, допустим, нежели сейчас.

Интервьюер: *Собственно говоря, все вопросы у меня закончились, если у Вас есть что-то, какие-то воспоминания, связанные с Вашей деятельностью в обществе «Знание», Вы можете сейчас сказать, это будет очень интересно.*

Вдовина Зоя Петровна: Ну, я хотела бы сказать, что вот сейчас организация общество «Знание» каким-то образом ушла на задний план. То есть, она активно не работает в сфере молодежи, школьного образования. Сейчас у нас дети как бы брошены на произвол судьбы, школа не занимается, потенциал об-

разования у нас очень низкий, об этом говорят открыто все. И общество образования как-то стоит особняком. Оно да, существует само по себе, видимо может какие-то начала, имеет, достаточное довольствие денежное, что активное в жизни общества, особенно для молодежи, подрастающего поколения нет. А хотелось бы, чтобы это было так же, как, ну, лет 15-20 назад, когда она была значима, общество было значимо. Оно востребовано было, нужно было, и люди с радостью шли там в зал, концертный или театральный, везде подмости были, в краевой библиотеке, слушали, что-то брали для себя, вот. А сейчас этого нет.

Интервьюер: Ясно. Большое спасибо Вам за интервью, всего доброго!
Вдовина Зоя Петровна: Пожалуйста! Всего доброго! Удачи Вам!

Интервьюер: До свидания!
Вдовина Зоя Петровна: Всего доброго!

Стенограмма сверена с аудиозаписью 17.02.2019.
Верно. Исследователь Селезнев А.В.

Используемые сокращения и условные обозначения

- ... – ПРОТЯЖНОСТЬ ПОСЛЕДНЕГО ЗВУКА В СЛОВЕ ИЛИ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО ЗВУКА МЕЖДУ СЛОВАМИ
- [прим. –] – примечания (справка) интервьюера
- <.....> – сведения об изъятии текста из стенограммы интервью
- () – информирование об эмоциях или невербальном поведении интервьюируемого

Сведения о составителе и авторе предисловия

Селезнев Андрей Валерьевич родился 19 декабря 1977 года в пос. Новоенисейск города Лесосибирска Красноярского края.

В 1995–2000 годах проходил обучение в Красноярском государственном педагогическом университете по специальности «История» с дополнительной специальностью «Психология», где по итогам обучения получил квалификацию учителя истории и педагога-психолога.

В 2011 году окончил обучение в Сибирском федеральном университете по специальности «Государственное и муниципальное управление». Получил квалификацию менеджера.

В 2014–2018 годах прошел обучение в Красноярском государственном аграрном университете по направлению подготовки 46.06.01 «Исторические науки и археология», где по итогам обучения ему присвоена квалификация «Исследователь. Преподаватель-исследователь».

Работает в ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет» руководителем Центра менеджмента качества и мониторинга.

Контактная информация

Исследователь
СЕЛЕЗНЕВ
Андрей Валерьевич

660049, г. Красноярск,
ул. Сурикова, д. 6, кв. 34.

тел. 8 (391) 202-66-42
8-913-539-85-16

e-mail: seleznev.andrey.val@gmail.com

**СОВЕТСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО. ИНТЕРВЬЮ
С ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ», СОСТОЯВШИМИ
В ОРГАНИЗАЦИИ В 1950–1990-е гг.**

*Материалы к научному исследованию на тему «Красноярская краевая
организация общества «Знание» (1947–1992 гг.): функционирование
и просветительская деятельность»*

Составитель и автор предисловия

Селезнев Андрей Валерьевич

Редактор М.М. Ионина

Электронное издание

Подписано в свет 05.03.2019. Регистрационный номер 165

Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного университета

660017, Красноярск, ул. Ленина, 117

e-mail: rio@kgau.ru